

Остров

Ричард Лаймон

Оглавление

Дневник Руперта Конуэя, жерт-
вы кораблекрушения.

День первый 4

Первый ужин 23

День второй

Таинственное исчезновение 30

* * * 43

Кит обнаруживается	45
Как мы с этим справились	51
Похороны	68
Военный совет	78
День третий	
Что произошло со шлюпкой?	102
Уноси готовенького. Кто на но- венького?	123
* * *	130
У нас созревает план	132
День четвертый	

Отвлекающий маневр	157
Засада	181
Опасность, которой едва удалось избежать	202
Потрепанные ангелы	216
* * *	220
* * *	222
Всякая всячина	235
* * *	240
День пятый	

Военные пляски	245
Приготовления	253
Охота	264
* * *	278
День шестой	
Охота (часть вторая)	281
Охота (часть третья)	302
* * *	315

Рассказ Тельмы	316
Тельма на электрическом стуле	333
День седьмой Собеседница	353
Семейные узы	368
Инквизиция	387
День? – А кто его знает, какой Размышления после возвраще- ния к дневнику	412
* * *	414
Боевой отряд	416
* * *	418

* * * 423

Исчезнувшие 440

Ночное путешествие 456

Затишье перед бурей 471

* * * 482

Последний рубеж 490

... быть может, видеть сны 509

* * * 524

Тяжелое пробуждение 527

* * * 542

Когда тело встретит тело...	544
* * *	567
Размышления	569
Последние слова	572
* * *	575
Продолжение рассказа	
Мои поиски таинственного до- ма	576
* * *	577
* * *	581
* * *	585

Рекогносцировка	590
Игра	601
После игры	619
Птички в клетках	631
Обезьяньи дела	642
Все в сборе	658
Ревнивые суки	675
На пути в логово	693
Не буди лиха	707

* * * 785

Я и близняшки **797**

Огненный шквал **817**

Последний бой Узли **837**

В стране боли **850**

* * * 851

Повелитель острова **863**

* * * 871

Книга посвящается Фрэнсу
Когу, ставшему легендой при
жизни. Когда тебя отливали,

Ког, не выдержала даже
литейная форма.

Дневник Руперта Конуэя,
жертвы кораблекрушения.
День первый

Сегодня взорвалась яхта.

К счастью, все мы высадились на берег, на пикник, так что нас не разнесло на кусочки. Все, за исключением принца Уэзли.

На самом деле Уэзли никакой не принц, а настоящее дерьмо, да простят мне подобное выражение: ведь о мертвых не принято говорить дурно. Но он был такой болячкой в заднице, что я бы вовсе не удивился, если бы узнал, что взрыв произошел по его вине. Такой вполне мог зажечь сигарету в самом неподходящем месте и в самое неудачное время.

Ба-бах!

Теперь он корм для рыб.

Конечно, смерти я ему не желал, но как смешон он был в своей надменности. А ведь взрослый человек—думаю, лет тридцать, не меньше. Так он мне и запомнится: в дурацкой белой яхтсменке, расхаживающий с важным видом по палубе. В зубах мундштук из слоновой кости, из которого торчит в небо сигарета "Мальборо", заслоняя то один, то другой глаз. Ах да, еще эти авиаторские очки и снобистский галстук, похо-

жий на шарф!

Вот каким был принц Уэзли. Но он мертв, так что не буду больше тратить время на описание его выдающихся качеств. Для точности лишь замечу, что его подлинное имя—Уэзли Дункан Бивертон Третий. Он погиб сегодня, первого апреля 1994 года, в день всех дураков. Но, так уж получилось, в этом году на этот день приходится еще и великая страстная пятница. Прекрасное сочетание для ухода из жизни!

Его пережила жена, Тельма, которой бы благодарить небеса за счастливое избавление, а не так сокрушаться от горя.

Детей у них не было, но ведь и женаты они были всего немногим более года.

Думаю, женился он на ней из-за денег.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что прельстила принца не ее внешность, потому что вся привлекательность, выделенная природой роду Тельмы, по-видимому, досталась ее сестре. Сестре этой, Кимберли, примерно двадцать пять, и она просто потрясающая. От одной мысли о том, что я очутился на необитаемом

тропическом острове с такой красоткой, как Кимберли!.. Ух!

Впрочем, вряд ли у меня есть хотя бы малейший шанс. Не говоря уже о том, что я на несколько лет младше и нахожусь здесь на правах гостя ее единокровной сестры, Конни, к тому же Кимберли еще и замужем. Ее муж, Кит, один из тех невозможно красивых, ярких, прямолинейных и способных парней, рядом с которыми обычные ничтожества (вроде меня) выглядят просто мутантами, порождением какой-нибудь тупиковой ветви эволюционного развития. Я бы возненавидел его, да только не к чему придраться, он—само совершенство.

Другой представитель мужского пола в нашей компании—родитель всех троих девчонок, Эндрю (ни в коем случае не Энди) Коллинз. Его первая жена, мать Тельмы и Кимберли, погибла в результате несчастного случая, катаясь на горных лыжах на озере Тахо. Впоследствии он женился на Билли, и они совместно прижили Конни.

Эта небольшая прогулка на яхте на Багамы—подарок дочерей по случаю двадцатой годов-

щины свадьбы Эндрю и Билли. (Уезли побы-
вал в Нассо за неделю до остальных, чтобы
все организовать—разведать обстановку, зака-
зать номера в отеле, зафрахтовать яхту и так
далее.) Эндрю, по-видимому, около пятидесяти
пяти. Бывший морской офицер, богат, посколь-
ку удачно вложил капитал в какой-то прибыль-
ный нефтяной проект, и вполне приличный му-
жик. Вероятно, о лучшем спутнике на необита-
емом острове после кораблекрушения и мечтать
не приходится. Прямой, с живым умом и суро-
вым нравом, он обращается со мной, можно ска-
зать, вполне сносно, хотя, я почти уверен в этом,
подозревает, что я "натягиваю" Конни.

Мать Конни, Билли, всего на несколько лет
старше Тельмы. Другими словами, достаточно
молода, чтобы принять ее за одну из дочерей
Эндрю, а не за его жену. Она намного привле-
кательнее Тельмы, хотя до Кимберли ей далеко-
вато.

Билли и Конни скорее похожи на сестер, чем
на мать и дочь. Обе смуглые, с золотистыми
волосами, подстриженными одинаково коротко,

под мальчишку. Конни повыше ростом, зато ее мать намного пышнее в груди и бедрах, хотя лицо у нее, конечно, выглядит чуть постарше. Впрочем, Билли во многих отношениях гораздо привлекательнее своей дочери.

(В моих же интересах, чтобы никто из них не прочел, что я здесь пишу. Хотя работа над дневником только начата, сюда уже попало такое, от чего у меня могут быть неприятности.)

Мой план, между прочим, заключается в том, чтобы с предельной точностью фиксировать происходящее и таким образом получить материал, который впоследствии можно было бы использовать в качестве основы для книги в жанре "невывмышленных приключений". Затея, разумеется, не выгорит, если помощь придет слишком быстро, поэтому я уповаю на то, что это все же не произойдет, и мы успеем пережить хотя бы несколько более драматичных событий. Если на чистоту, записная книжка отправилась со мной в путешествие по той простой причине, что я собирался набросать несколько коротких рассказов. Зачем? Чтобы выиграть литературный конкурс Белмор-

ского университета. . . Какой самонадеянный оптимист, скажете вы! Может быть, никому из нас не суждено покинуть этот остров, и лучше выбросить из головы глупые мысли о конкурсе. И о некоторых других вещах.

Стоп! Прочь пессимизм.

Если расслабиться, депрессии не миновать.

Так что вернемся к знакомству.

Конни, дочь Билли и Эндрю, моя подружка. Мы оба студенты первого курса Белморского университета. Там и познакомились. Можно сказать, нас свел алфавит: она—Коллинз, а я—Конуэй. В университете просто невозможно не завести знакомство с девушкой, чья фамилия предшествует твоей во всех списках. Слово за слово, и мы начали встречаться. Не успел я опомниться, как она пригласила меня провести весенние каникулы с ее семьей на Багамах.

От подобных предложений не отказываются.

Я, во всяком случае, не смог.

Решено было отложить неизбежное—наш разрыв—на после, до окончания морской прогулки.

А теперь получается, это "после" может никогда и не наступить. Боже правый, неужели судьба связала нас до гробовой доски? Нет, нет, нет! Этому не бывать. Надеюсь, нас скоро спасут. Повторение истории Робинзона Крузо в наши дни немыслимо. Ну, максимум, проторчим здесь несколько дней. А, вероятнее всего, нас подберут еще до сумерек. Если кто-нибудь слышал или видел, как взорвалось наше судно.

А взрыв был потрясающий.

Всякое дерьмо еще долго сыпалось с неба, шумно плюхаясь в воду: куски яхты и, несомненно, Уззли. (Я так надеялся увидеть его летящую ногу или голову, или огромный клубок кишок, но увы. . .) Многие обломки горели в воздухе и ныряли в океан с яростным шипением. К счастью, до берега ничего не долетело.

Несколько мгновений—и от яхты ничего не осталось: лишь куча мусора на поверхности да грязное облачко дыма, относимое ветром прочь.

Сразу после взрыва ни самолета в небе, ни судна на горизонте никто из нас не заметил. А смотрели мы в оба. По крайней мере, некоторые

из нас. Не Тельма, разумеется. Та, обхватив голову руками, громко причитала:

– Нет! Нет! О Боже! Нет! Уэзли! Несчастный Уэзли! Нет! – и тому подобное.

Через несколько секунд она уже была в объятиях сестры. Они стояли, и Кимберли нежно хлопывала сестру по спине, что-то нашептывая. Кимберли еще не успела просохнуть—сразу же после завтрака, который мы устроили на пляже, она пошла немного поплавать и вышла из воды всего за пару минут до взрыва. Прилипшие к голове черные волосы свисали тугим хвостиком на ее затылок, гладкая бронзовая спина поблескивала каплями воды. Белоснежные плавки-бикини немного сдвинулись набок, обнажив большую часть правой ягодицы. И посередине образовалась складка...

Хватит об этом.

Кимберли выглядела чертовски здорово, вот и все! Просто невозможно было пропустить такое зрелище. Но в то же время я поглядывал и в морскую даль. Облачко дыма уплывало все дальше, растворяясь в воздухе. На горизонте виднелись

смутные очертания пары островков, но больше ничего—только небо и вода.

Кимберли отвела сестру в сторону от нашей группы, где они присели на одеяло, расстеленное для пикника.

– Бедняжка, – тихо произнесла Билли, обернувшись в их сторону.

– Здорово придумал этот Уэзли—взорвать нашу яхту.

– Эндрю!

– Испарения в моторном отсеке, – продолжал тот, – идиот знал, что они могут разнести нас к чертям собачьим, и все равно пошел. Моя ошибка. Не следовало оставлять его одного на борту, без присмотра. Мог бы догадаться, что от него беды не оберешься. Мерзавец! Таким тупицам не стоит и жить.

– Эндрю!

– По крайней мере, вместе с посудиною и он взлетел в воздух. Нет худа без добра.

– Хорошо, что твоя дочь не слышит тебя. Она любила его.

– Чего никак не скажешь о нем. Это ясно, как

Божий день. Что ж, скатертью дорожка. Покой твоим ошметкам, Уэзли, — и он смачно сплюнул на песок под ноги.

После этого Эндрю и Кит поплыли на моторке к месту происшествия посмотреть, что можно спасти. Я предложил свою помощь, но от меня отмахнулись, мол, нет надобности. Типичный ответ. Либо считают меня бесполезным ребенком, либо потому, что я не член семьи. А, может, причина совсем иная, о которой я и не догадываюсь. Хотя относятся ко мне в общем довольно неплохо, все же обращаются со мной, как с чужаком. Зачастую просто не берут в расчет. Впрочем, после нескольких дней, проведенных с этой семейкой, я вроде как начинаю к этому привыкать.

Так или иначе, но меня оставили с женщинами, а сами отплыли от берега и начали подбирать буквально все, что еще находилось на плаву.

По одну сторону от меня стояла Конни, по другую—ее мать.

— Они ведь не додумаются привезти сюда Уэзли, правда? — Конни скривила такую же физиономию, как в тот раз, когда мы обсуждали све-

кольную диету.

– Его останки следует захоронить надлежащим образом, – заявила Билли.

– Вероятно, его придется собирать по кусочкам, – вставил я.

– Боже! Лучше пусть оставят эти куски там, где они находятся. Только этого нам не хватало.

– Если мы застрянем здесь надолго, – возразил я, – возможно, у нас появится желание его съесть.

– Руперт! – возмутилась Билли.

– Боже! – воскликнула Конни. – Как ты можешь такое говорить? Это же отвратительно!

– Конечно, будет отвратительно, если сразу не подвялить, – заметил я, – можно получить пищевое отравление.

Слегка улыбаясь, Билли сокрушенно покачала головой.

– Ты ненормальный, – произнесла она. – Только не говори ничего подобного в присутствии Тельмы.

– Ни за что, – заверил я ее. Вильнув бедрами, она игриво толкнула меня плечом.

– Знаю, – промолвила она, – ты хоть и ненормальный, но себе на уме.

– Это как раз обо мне.

– Может, хватит? – не выдержала Конни. Думаю, это относилось к нам обоим, потому что и раньше я замечал, как ее бесило, когда мы с Билли болтали или дурачились. Подумать только, создавалось впечатление, что все в Билли ее раздражало. Может, тут дело в женском соперничестве, и Конни осознает, что ей не под силу тягаться со своей матерью? Я хочу сказать, что Билли намного превосходит ее во всех отношениях: внешностью, умом, чувством юмора, добротой, да стоит ли перечислять все остальное?

Нелегко, должно быть, приходится Конни. Мне следует проявлять больше понимания.

После того как моя подружка так грубо нас одернула, мы стояли и молча наблюдали, как мужчины собирают плавучий скраб.

Прибой нежно ласкал белый песок пляжа. Волн почти не было. Думаю, это из-за рифа. (Сразу после взрыва появилось небольшое волнение, но продолжалось оно совсем недол-

го.) Бледно-голубая вода стала чуть мутноватой. Прежде она была необычайно прозрачной, и, вероятно, вскоре станет такой же. Благодаря легкому теплему бризу жара почти не чувствовалась... И еще были девчонки.

Боже, Боже!

Досадно, что принцу Уэзли пришлось распрощаться с жизнью (я уверен), огорчительно и то, что Тельма принимает это так близко к сердцу, но надо благодарить судьбу за то, что мы очутились в таком удивительном месте.

Пусть ненадолго, но и то хорошо.

Что касается меня, то чем дольше, тем лучше.

Хотя, не совсем так. Но против пары недель я бы не возражал, если, конечно, хватит еды (о питьевой воде беспокоиться нечего—ручей рядом).

Вскоре вернулись Эндрю и Кит с полной лодкой всякой всячины—включая несколько пакетов с едой. Но ни одного кусочка Уэзли. Конни, надо полагать, вздохнула с облегчением.

– Его тело там? – поинтересовался я.

– А где же ему быть, – ответил Кит.

– Мы сделаем еще одну ходку, – сказал Эндрю. – Надо спасти все, что возможно.

– На этот раз и я мог бы составить вам компанию.

– Все в порядке, вождь, – заметил Эндрю. – Кто-то должен остаться на берегу и присмотреть за дамами.

Вождь. Он называет меня так довольно часто. Это у него вроде пунктика. Мне почти девятнадцать, а он называет меня вождем, словно я ребенок.

Что ж, может, это только его причуда.

– Как прикажете, шкипер, – отозвался я.

Он удивленно повел бровью.

Тем временем подошли Тельма и Кимберли. Тельма перестала плакать и выглядела заспанной. Они присоединились к нам, и мы сообща принялись разгружать лодку. Затем Эндрю и Кит завели подвесной мотор и отплыли за новой добычей.

Девчонки принялись разбирать выгруженный товар, а я отошел к месту нашей стоянки за тет-

радкой и ручкой. Они лежали в моем рюкзаке вместе с несколькими книжками в мягком переплете. Решив не доставать их, я просто закинул рюкзак за спину.

– Я скоро вернусь! – выкрикнул я и поспешил прочь, прежде чем кто-либо успел о чем-либо спросить или напроситься в попутчики.

Я пошел вдоль ручья, рассчитывая по его берегу углубиться в джунгли. Перед завтраком, когда мы болтались по пляжу, Кит и Кимберли ходили сюда. По их словам, если зайти достаточно далеко в глубь острова, ручей приведет к прекрасной небольшой лагуне, где даже был водопад.

Мне кажется, что целью их похода было уйти от нас подальше. Наверное, они купались голышом в лагуне и, готов поставив миллион баксов, трахались.

Я бы и сам не прочь посмотреть на эту лагуну и, быть может, даже окунуться—но в данный момент мне больше хотелось просто присесть где-нибудь на ее берегу и сделать записи в своем дневнике.

Когда я вошел в джунгли, они показались мне довольно непролазными и жутковатыми. Кто знает, какие злобные существа могут здесь таиться. Открытый пляж в этом смысле был более безопасным местом, так что я повернул от ручья и пошел по песку в сторону скалистого утеса.

Бухта, в которой мы высадились, по форме напоминает огромную букву О с обрезанной верхушкой: посредине ее в соленые воды стекает ручей, а по вершинам—скалистые выступы. Тот, к которому я направлялся, был выше другого. Оттуда передо мной откроется замечательный вид, и там можно прекрасно уединиться.

Взбираясь вверх, я запыхался, но эти усилия оказались не напрасными. Вершина утеса возвышалась примерно на сорок—пятьдесят футов над водой. Когда я взобрался на нее, то не смог удержаться, чтобы не полюбоваться открывшимся видом: дамы на пляже и мужчины в лодке, вылавливающие из воды всякую ерунду.

Местами вода была настолько прозрачной, что виднелось дно. Хотя в основном она все еще оставалась мутной из-за взрыва. Опасаясь заме-

тить какие-нибудь останки Уэзли, я отвел взгляд.

По другую сторону утеса—такой же пляж и такие же джунгли. Ни причалов, ни домов, ни дорог, ни телефонных столбов, ничего, что указывало бы на обитаемость острова.

Я окинул взглядом горизонт—ни самолетов, ни кораблей.

Переведя взгляд на нашу сторону пляжа, я убедился, что никто не идет в мою сторону, подыскал уютную и защищенную от солнца расщелину в скалах, присел и открыл тетрадь.

Какое замечательное место! Здесь меня никто не мог увидеть. Выступ над головой создавал тень, плюс чудесный бриз, а перед глазами—только кусочек океана и неба.

Настоящее словно перестало существовать.

Кажется, я просидел там час, может, немного дольше. За временем я совсем не следил. Только чуть-чуть занемели ноги. Наверное, пора возвращаться на пляж и посмотреть, что там происходит.

Оставить тетрадь здесь? Спрятать где-нибудь в камнях?

Нет, лучше взять с собой. Если дневник останется тут, а к нам неожиданно придет помощь, могут возникнуть проблемы. Да мало ли что может случиться. Вдруг до него доберутся представители местной фауны—а мне бы очень не хотелось, чтобы бесценные страницы сжевала игуана, или они пошли на благоустройство гнезда какой-нибудь пернатой дичи. Лучше держать его в рюкзаке и повсюду носить за собой, чтобы никто не смог заглянуть в него и прочесть мои записи. Пока что все.

Первый ужин

Это снова я.

Вечереет, а мы все еще здесь. Похоже, эту ночь придется провести на острове.

Почти всю вторую половину дня Эндрю и Кит курсировали между берегом и местом взрыва, спасая уцелевшее имущество. Кит даже нырял на дно. Удалось собрать приличное количество вещей, которые помогут сделать наше пребывание на острове более терпимым: пищу, одежду, кухонную утварь, не говоря уже о нескольких бутылках спиртного, которые чудом пережили взрыв, и свежей рыбе, которой это не удалось. Но среди находок ничего действительно важного—такого как ракетница или передатчик—что можно было бы использовать для подачи сигналов бедствия.

Эндрю, мастер на все руки, почистил рыбу. Отставной военный моряк, он, видимо, еще и опытный турист. Похоже, ничего не может заставить его врасплох. Точно так же, как я никуда не хожу без письменных принадлежностей и чтива, Эндрю вечно носит с собой уйму полезных вещей, включая складной армейский нож с целым набором разных лезвий и других приспособлений

и газовую зажигалку для своей трубки.

Пока Эндрю потрошил дневной улов, остальные рыскали по берегу в поисках топлива для костра. Добра этого здесь в изобилии, и через десять минут мы собрали кучу в шесть футов высотой.

Покончив с кровавыми делами, Эндрю разжег небольшой костер футах в двадцати от собранной нами огромной груды плавника. Поджигал он своей газовой зажигалкой.

Во время одного из погружений Кит поднял со дна сковородку.

Еду готовила Билли. Жира у нас не было, так что она откупорила бутылку и поджарила рыбу в вине. Получилось очень неплохо.

Наше положение напоминает нечто вроде вылазки на природу с ночевкой. Похода, с организацией которого получилась промашка и основная часть снаряжения осталась дома, о чем вспомнили, лишь когда заблудились, да так, что совершенно неясно, в какой стороне находится дом. Это, так сказать, негативные моменты. С другой стороны, это намного лучше любой вылазки,

в которой мне когда-либо довелось участвовать, поскольку в одной компании с такими девчонками я никогда еще не был.

Мой взгляд словно магнитом притягивает к белому купальнику Кимберли. Да и Билли далеко не уродина. Ее черный купальник намного больше, чем у Кимберли, но кажется меньшим, потому что так мало прикрывает. А когда она сидела на корточках у костра и встряхивала сковородку, посмотреть действительно было на что. И сковородка была не единственным, что при этом сотрясалось. Похоже, ей нравится демонстрировать свои прелести. Стараюсь, чтобы Конни не перехватила мои взгляды в сторону своей мамочки.

Я, может быть, поглядывал бы и на нее, да только много ли там увидишь. Весь день она ходит в мешковатой тенниске, накинутой поверх купальника. К тому же, хотя Конни и сложена недурно, по сравнению с матерью она выглядит просто костлявой. И в противоположность своей мамуле, похоже, не имеет ни малейшей склонности к эксгибиционизму.

Что касается Тельмы, то ее можно признать красивой, но красота ее какая-то тяжелая, грубая и не радует глаз. Не хотелось бы ее обижать, потому что она довольно приятная женщина и во многих случаях ее поведение мне даже весьма импонирует. Но за все наше путешествие я ни разу не видел ее в купальнике. На ней всегда огромная соломенная шляпа с широкими полями, просторная блузка, которую Тельма никогда не заправляет, мешковатые шорты, белые носки и кроссовки "рибок".

Пожалуй, не следовало бы писать подобное о женщинах. Если, не дай Бог, кто-нибудь прочтет, хлопот не оберешься. К тому же можно подумать, что я какой-то ограниченный и испорченный недоумок, которого заботит только то, как кто выглядит в бикини.

А это далеко не так.

Дело совсем в другом. Можно спокойно относиться к шикарным полуобнаженным красоткам, если ты смазливый и уверенный в себе парень, переспавший с полусотней подобных. Но мне всего восемнадцать, я маленького роста, худой и

прыщавый. А имя чего стоит—РУПЕРТ! Подумать только! (Меня называли в честь Руперта Брука, поэта. Он был великим поэтом, и его стихи мне очень нравятся, но если моим родителям так хотелось дать мне имя поэта, то почему они не выбрали Роберта Фроста, Карла Сэндберга или Уолта Уитмена?) Руперт! Это ж надо было! Все же думаю, мне грех жаловаться на свою судьбу—по крайней мере, меня не называли Уилфредом, Эзрой или Сильвией.

Впрочем, я и вправду ничтожество с дурацким именем и огромным самомнением. Конни, пожалуй, я нравлюсь—в той мере, в какой она этого хочет—тем, что от меня не исходит никакая угроза, и она полагает, что может меня контролировать. К тому же часто я ее забавляю. Возможно, существуют и другие причины, но эти наиболее очевидны.

Вообще-то я придерживаюсь мнения, что всегда существуют другие причины. О чем бы ни шла речь. Скрытые причины. Иногда они настолько хорошо спрятаны, что никто даже не подозревает об их существовании.

Возможно, был даже какой-то глубокий тайный смысл в том, что я начал встречаться с Конни. Потому что иначе получается, что она просто оказалась единственной из моих сокурсниц, кто проявил ко мне хоть какой-то интерес. А в ней меня определенно привлекла не бросакая внешность или неотразимый шарм ее личности.

Ко всему прочему она такая недотрога.

Я имею в виду, что нисколько не преуспел с ней на романтическом поприще.

Впрочем, то же самое относится и ко всему остальному женскому полу, что могло бы объяснить, почему я с таким интересом поглядываю на таких красоток, как Кимберли и Билли.

Или, возможно, и здесь кроются свои тайные причины.

... Стало уже совсем темно, и я почти не различаю строки. Пожалуй, поставлю на этом точку и пойду к костру, вокруг которого все собрались.

День второй

Таинственное исчезновение

Пропал Кит.

Должно быть, случилось это во время его дежурства.

Вчера вечером, едва я присел вместе с остальными у костра, завязалась дискуссия относительно того, следует ли выставлять на ночь дежурных. Большинство высказывалось против. К чему эта излишняя мера предосторожности, ведь мы считай с самого утра находились на пляже и за все это время не возникло никакой угрозы нашей безопасности? Но тогда Эндрю заявил, что, даже если и нет никакой видимой опасности, все же береженого Бог бережет. К тому же, по его мнению, нам следовало поддерживать огонь.

— Костер должен гореть день и ночь, пока нас не обнаружат, — заметил он, набивая свою трубку. — К тому же, если костер прогорит, придется разводить новый, а это будет гораздо труднее сделать после того, как кончится газ в моей зажигалке. Разумеется, я перестал пользоваться ею для разжигания своей трубки. — С этими словами Эндрю вынул из костра головешку, приложил к трубке и затянулся. Чтобы раздуть пла-

мя, он несколько раз пыхнул. Затем предложил, чтобы мужчины по очереди несли дежурство у костра и подбрасывали в него дрова.

Нас было трое, а до утра, как он подсчитал, оставалось девять часов. Это означало, что каждому из нас придется стоять на посту по три часа. (Наконец-то и я участвую в чем-то наравне со всеми. Огромное спасибо, шкипер.)

Тогда Кимберли спросила, почему женщин не включили в вахтенную службу.

– Неужели мы дисквалифицированы из-за отсутствия яиц? – язвительно поинтересовалась она.

Я засмеялся. Моя реакция понравилась Кимберли и Билли, но, похоже, не встретила одобрения у всех остальных.

Последовала всеобщая дискуссия, впрочем, довольно дружеская, в результате которой приняли решение, что женщины будут дежурить следующей ночью, если к тому времени мы не покинем остров. Это успокоило недовольных.

Первым на дежурство заступал Эндрю. Он должен был разбудить Кита, который отбудет

свои три часа и примерно в четыре утра поднимет меня следить за порядком оставшуюся часть ночи.

Договорившись таким образом, мы улеглись спать. Все, кроме Эндрю, который остался у костра.

Ночь была теплой и тихой. Каждый собрал себе постель из того, что оказалось под рукой: одеял, одежды и всякой всячины, которую свезли на берег при высадке или выловили потом из воды. (Все уже успело просохнуть.)

Мы все расположились недалеко от костра. Супружеские пары стелились вместе. Нас с Конни это, разумеется, не касалось. Мы лишь помогли друг другу оборудовать отдельные спальные места—рядом, но на некотором расстоянии. Меня это вполне устраивало.

Она чмокнула меня на ночь в губы, после чего мы завалились каждый на свою кучу хлама.

Место для своей постели Конни выбрала неспроста.

Постель Билли была всего в десяти футах. Однако, после того как мы легли, я уже не мог

ее видеть—обзор заслоняла Конни.

Оставалась Кимберли, но супруги настояли, чтобы Тельма разделила их ложе. Очень мило с их стороны. Иначе той пришлось бы провести первую ночь своего вдовства в одиночестве.

К сожалению, Кимберли улеглась между сестрой и мужем, что лишило меня всякой возможности понаблюдать за ней.

Потерпев неудачу с обеих сторон, я закрыл глаза и отдал себя во власть воображения.

Следующее, что я помню, кто-то тряс меня за плечо. Я открыл глаза, но увидел перед собой вовсе не Кита. И небо было уже не темным.

Вначале я совсем не узнал человека, сидевшего рядом со мной на корточках. Разумеется, это был Эндрю. Шкипер. Но на нем, кроме защитного цвета шортов, ничего не было, а я никогда не видел его без тенниски, темных очков и бейсболки. Грудь в густой седой шерсти, глаза какие-то блеклые и оголенные, блестящая лысая макушка. Он как-то моментально постарел и уже не выглядел таким крутым.

– Что происходит? – осведомился я.

– Это ты мне скажи. – Но голос его был не сердитый, а, скорее, озабоченный. – Почему ты спишь, а не на посту?

Какое-то время я и сам ничего не мог понять, но затем нашелся:

– Меня никто не разбудил. Это должен был сделать Кит, если не ошибаюсь.

– А он этого не сделал?

– Нет. Хотя должен был. Да, в четыре, когда подошло мое время.

– Таков был план.

– Если меня не разбудили, я не виноват. Ведь будильника у меня нет.

И я сел, чтобы посмотреть, в чем дело. Тельма и Кимберли спали, привалившись друг к другу, но Кита с ними не было.

Я обвел взглядом нашу стоянку, но и там его не увидел.

– А где он? – поинтересовался я.

– Не знаю.

– Дела, – пробормотал я.

– А ты не знаешь?

– Откуда? Я моментально уснул. Вы остались

у костра, а Кит был с Кимберли. Это все, что мне известно.

– Никогда бы не подумал, что Кит мог оставить свой пост, – недоумевал Эндрю.

– А если у него была уважительная причина?

– Например?

– Ну, не знаю, сильное расстройство желудка или еще что.

– Он должен был поднять тебя три часа назад, – возразил Эндрю, сделав ударение на слове "три".

Да, так долго на корточках в джунглях не выдержишь.

– Может, решил дать мне поспать... – Я бросил взгляд в сторону костра. На его месте виднелась лишь груда пепла, который уже и не дымился. Ясно, что за ним давно никто не следил.

Внезапно у меня неприятно засосало под ложечкой.

– В чем дело? – сонно спросила Конни и, зевая, приподнялась на локте. Волосы, почти такие же короткие, как у меня, были всклокочены, а тенниска сползла на плечо. Но это придавало

ей даже некое очарование. Может, оттого, что я впервые видел, как она просыпается поутру.

Эндрю в двух словах рассказал ей о Ките.

– Ты ничего не заметила ночью? – спросил он напоследок.

Зевнув еще раз, Конни покачала головой:

– Уверена, что он сейчас где-то бежит трусцой. Он ведь у нас спортсмен. Наверное, уже на другой стороне острова.

– Может быть, – произнес Эндрю, но было ясно, что у него на этот счет сложилось совсем иное мнение. Я и раньше замечал, что он иногда соглашался с дочерьми и женой даже в тех случаях, когда они явно были не правы. Очевидно, это был его способ поддержания мира в семье.

Так или иначе, но Эндрю, видимо, понял, что от нас ему ничего не добиться.

Тогда он подошел к Билли, склонился над ней и встряхнул ее. Сон у нее, похоже, был очень крепкий, потому что она лишь застонала и перевернулась на другой бок. Спать она легла в одном бикини и ничем не укрывалась. Грудь ее немного сместилась, и обнажилась почти поло-

вина соска. Я стал присматриваться в надежде, что вывалится вся грудь, но обернулся Эндрю, и мне пришлось спешно отвести взгляд. Встревоженный шкипер обратился к моей соседке:

– Милая, подымайся, пожалуйста, и разбуди сестер.

Конни недовольно застонала, но подчинилась. Пока она ковыляла к тому месту, где спали Тельма и Кимберли, я поднялся на ноги и снова посмотрел в сторону Билли. Она уже сидела и терла глаза руками. Но верхнюю часть купальника теперь прикрывал ее локоть.

Поэтому я переключил свое внимание на других.

Конни толкнула Тельму носком и сказала:

– Девчонки, подъем.

Лежавшая на спине Тельма моргнула и нахмурилась.

Кимберли была укрыта до плеч синим одеялом. Это было не то хорошее одеяло, которое мы взяли с собой на берег, чтобы расстелить для пикника. Его забрали себе Эндрю и Билли. У Кимберли было одеяло, которое выудили из

воды: без одного угла, разорванное, в дырках с темными обуглившимися краями, через некоторые из них просвечивало ее тело.

На "девчонки, подъем" никакой реакции не последовало.

Тогда Конни сказала:

– Пропал Кит.

Кимберли отбросила одеяло в сторону и резко села. Нахмутив брови, она поднялась, вода головой из стороны в сторону. В своем белом бикини она выглядела потрясающе. Но вместе с тем и озабоченно.

К ней уже направлялись Эндрю и Билли. (Билли успела поправить купальник, так что ничего из того, что не предполагалось показывать, больше не выглядывало.)

– Па, что происходит? Где Кит?

– Мы не знаем, дорогая. Он должен был разбудить Руперта в четыре, но не сделал этого. Судя по всему, его нет уже довольно долго.

Кимберли неожиданно закричала "Кит!" в сторону джунглей. Не получив ответа, она сложила ладони рупором у рта и рявкнула: "КИТ!"

Тогда все начали выкрикивать его имя.

Мы даже пытались делать это хором. Билли предложила. Она отсчитывала до трех, и мы все вместе кричали "КИТ!".

Потом ждали. Но ответа не последовало.

– Ты не представляешь, куда он мог пойти? – спросил Эндрю у Кимберли.

– Нет. Ты, наверное, шутишь? Никуда он не пошел бы, тем более, когда должен был стоять на посту. Только не Кит. Разве что на пять минут, по нужде. Но чтобы исчезнуть на несколько часов?! Исключено!

Такой расстроенной я ее никогда не видел. Правда, истерики с ней не было. Она даже не плакала, но голос был такой напряженный, а в глазах такой безумный блеск, словно она еле сдерживалась, чтобы не взмолиться о помощи.

– С ним что-то случилось, – бормотала она. – Несчастный случай, или... – Она с ужасом покачала головой. – Надо идти на поиски.

Вероятно, мы начали бы обсуждать различные возможности, но Кимберли не стала дожидаться. Схватив свои туфли, она побежала в сто-

рону джунглей.

– Ким! – крикнул ей вдогонку Эндрю. – Подожди нас.

Не останавливаясь, она обернулась через плечо.

– Стой! – приказал отец.

Она перестала бежать, повернулась к нам лицом и стала пятиться в направлении зарослей.

– Кого-то надо оставить здесь, – предложил я. – Знаете, на тот случай, если Кит объявится. Вдруг он вернется, а здесь никого нет. . .

– Хорошая мысль, – согласился Эндрю. – Небось сам хочешь остаться?

– Нет, но. . .

– Я останусь, – вызвалась Конни.

– Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь одна, – возразил отец.

– Со мной останется Руперт.

– Я хочу помочь в поисках Кита, – заявил я. Шкипер ткнул в меня указательным пальцем.

– Оставайся с ней. – Сунув руку в карман, он извлек зажигалку и швырнул мне. – И разведи огонь, Руп.

– Есть, сэр.

Еще пару минут Эндрю, Билли и Тельма собирали всякую всячину вроде туфель, шляп и очков. Затем поспешили к Кимберли, и вскоре поисковая партия исчезла в джунглях.

Конни и я остались на пляже.

– Он найдется, – произнесла она.

– Надеюсь.

Конни нахмурилась, как делала тогда, когда хотела, чтобы все считали, что она напряженно думает.

– Что, по-твоему, могло с ним случиться?

– Он отошел подавить кишку в джунгли и его сцапали за задницу местные охотники за головами.

– Ха-ха-ха! Очень остроумно. Если ты думаешь, что это смешно, у тебя что-то с головой.

– Может, это не охотники за головами, – уступил я.

– Не мели ерунду.

– Может, укусила змея. Что-то должно было случиться. Возможно, один из этих гигантских пауков, о которых я слышал, – они обитают на

этих островах. У них особый яд, который превращает кровь в кислоту, так что ты весь выгораешь изнутри.

– Ага, как же.

– Правда, правда.

– Чтоб тебя трахнули, – пожелала она мне и, развернувшись, пошла к воде.

– Ты? – переспросил я.

– Помечтай, – бросила она, даже не обернувшись.

”Размечталась”, – подумал я, но вслух ничего не произнес. Я и так уже достаточно сказал. Даже слишком.

Она пошла купаться, а я разжег новый костер на старом пепелище. Когда огонь разгорелся, достал ручку и тетрадь и принялся за работу.

* * *

Поисковая партия все еще не вернулась, а Конни оставила меня одного.

Поплавав немного, она полезла на утес. (Хорошо, что я не спрятал там свой дневник. Иначе

она могла бы найти его и прочитать. Тогда у меня возникли бы крупные неприятности.) Потом она спустилась вниз и искупалась еще раз. После чего улеглась на песке. Меня она полностью игнорирует.

И до этого путешествия наши отношения нельзя было назвать идеальными, но с появлением на сцене ее сестер и матери они стали заметно ухудшаться. Мне кажется, Конни сильно жалеет о том, что пригласила меня сюда.

Что ж.

А я прекрасно провожу время, назло ей.

Впрочем, не все так замечательно. Дурной признак, что возвращение поисковой партии задерживается. Я начинаю опасаться, как бы с Китом не случилось чего-нибудь нехорошего.

Конечно, хочется надеяться, что с ним все в порядке.

Блин! А что, если они не вернутся?

И думать не хочу об этом. Тем более, что это маловероятно.

Пока что все. Мне надо уладить кое-какие личные дела, пока вокруг нет толпы.

Кит обнаруживается

О Боже! Блин горелый!

Поисковая партия до сих пор не вернулась. И неудивительно. Вероятно, они все еще ищут Кита неизвестно где.

А я его уже нашел.

И далеко ходить не надо было. Достаточно было взглянуть вверх.

Вот как это произошло. Поскольку никого поблизости не было, а терпение мое подходило к концу, я решил воспользоваться моментом, уединиться и справить естественную нужду. С собой я прихватил одну из книжек в мягком переплете. Не для чтения, разумеется. Решил вырывать страницы с первой половины, которую уже прочитал. (К тому же и книга была не ахти.)

Итак, я отправился на участок, который для подобных целей использовала наша группа еще со вчерашнего дня, к югу от ручья в джунглях. Совсем рядом, а заросли здесь такие густые, что уже через несколько шагов теряешься из виду.

Почти все уже успели побывать здесь. И именно здесь начали свои поиски Кимберли и другие.

Но они прошли мимо него.

Я не остановился под первым же удобным деревом, но прошел немного вглубь. В конце концов, поисковая группа могла оказаться здесь с минуты на минуту. Отыскав хорошее место, я сделал свое дело. Чтобы облегчить себе задачу, пришлось снять плавки, и теперь надо было вновь их надеть. Проблема, однако, состояла в том, что я не снял при этом кроссовок, и когда, стоя на одной ноге, я пытался просунуть другую в отверстие плавков, каблук зацепился, и я покачнулся. Подпрыгивая на одной ноге, я попробовал высвободить застрявшую ногу, но неожиданно потерял равновесие и ударился плечом о ствол дерева перед собой. Удар развернул меня, и я завалился плашмя на спину.

Вот тогда-то я и обнаружил Кита. Оказывается, я столкнулся с его деревом. Между прочим, это была не пальма. В джунглях полно обычных деревьев, возможно, миллион разных видов. Это выглядело, как нормальное—с толстым стволом, ветвями, начинающимися на высоте примерно десяти футов и самыми обыкновенными листья-

ми. Кит находился чуть выше ближних ветвей. Первое, что бросилось в глаза—нижняя часть обнаженного мужчины, которая болталась прямо над моим лицом.

Поспешно натянув плавки, я выбрался из-под него. Он висел настолько высоко, что лица почти не было видно, и сказать с уверенностью, что это был он, я не мог. Впрочем, сомнений у меня не было. Это был Кит. Шлепанцы свои он потерял. Лишился и плавок. Что на нем еще оставалось, так это яркая зелено-сине-желтая гавайская рубаша, которая трепыхалась на ветру. Слегка покачивался и он сам.

Хотя веревки не было видно, я был абсолютно уверен, что он повешен.

На самоубийство это совершенно не походило.

Значит, удавиться ему помогли.

И я стремглав бросился прочь.

Конни лежала на песке почти у самой воды. Загорала, а, может, дремала.

Я сел за свой дневник, и все еще пишу.

До сих пор дрожат руки, поэтому такие кара-

кули. Оно и понятно, не каждый день сталкиваешься с жертвами убийства. Да и парень он был неплохой—не то что принц Уэзли.

Теперь у нас два мертвых мужа. И две вдовы.

Бедняжка Кимберли. Какой страшный удар для нее.

Можно не признаваться в том, что я нашел тело, но это едва ли что изменит. Понятно, это совсем не то, как если бы Кит заблудился в джунглях, и стоит только набраться терпения, он, в конце концов, обязательно объявится. Единственное, что он теперь может сделать, так это начать разлагаться.

Кроме того, все должны знать, что где-то поблизости бродит убийца. Или убийцы. Злобные дикари? Как знать?

А может, это сделал кто-нибудь из нас. Возможно, но маловероятно. Потому что в нашей компании только Эндрю, пожалуй, настолько силен, чтобы втащить Кита на дерево. Разве что это сделали сообща две женщины. Но для подобного нет никаких мотивов, по крайней мере, я их не вижу.

О, блин. Возвращается поисковая группа. Надо идти.

Как мы с этим справились

Когда они вышли из джунглей, Тельма опиралась на Эндрю и Билли. Она ковыляла между ними, почти не ступая на левую ногу, лодыжка которой была перетянута черным кожаным ремнем.

Кимберли замыкала шествие. Она то и дело оборачивалась и всматривалась в заросли.

Все покрасневшиеся и потные.

Приблизившись, Эндрю покачал головой.

– Безрезультатно? – поинтересовался я.

– Он может быть где угодно. Совсем никаких следов. Насколько я понимаю, и здесь он не показывался?

– Нет, – ответил я и обратился к Тельме:—Что с тобой случилось?

– Я такая неуклюжая, – посетовала та. – Поскользнулась и подвернула ногу.

– Никто от этого не застрахован, – возразила Билли.

– Мы снова отправимся на поиски, – заметил Эндрю. – Надо было доставить сюда Тельму и перекусить.

Они опустили Тельму на тряпки и полотенца,

на которых она провела ночь в обществе Кимберли и Кита.

Кимберли прошла мимо нас, не останавливаясь.

– Хочу немножко охладиться, – на ходу бросила она. Ее перепачканное грязью, облепленное стебельками травы и покрытое царапинами тело лоснилось от пота.

– С ней тоже что-то случилось? – спросил я, когда она отошла на порядочное расстояние.

– Для нее не существовало никаких преград, – заметил Эндрю, и, провожая ее взглядом к воде, добавил, покачивая головой:—Протискивалась в узкие расселины, продиралась через непролазные дебри, взбиралась на крутые утесы. Мы чаще всего просто стояли в стороне и то смертельно устали. Какой характер—едва уговорил вернуться. Киту лучше иметь чертовски убедительное оправдание, когда он появится.

– Этого не случится, – заметил я. Эндрю, Билли и Тельма неожиданно повернулись в мою сторону.

– Не случится чего? – переспросил Эндрю.

– Он не появится. Я его нашел. Несколько минут назад. Его убили. Думаю, повесили.

У Тельмы отвалилась челюсть и она быстро-быстро заморгала глазами.

Билли пробормотала:

– О Боже!

Эндрю плотно сжал губы и покачал головой. Затем громко произнес:

– Проведи меня туда. А вы обе оставайтесь здесь, – приказал он женщинам.

– А как быть с Ким? – поинтересовалась Билли.

Когда я повернул голову в сторону стоявшей в прозрачной голубой воде Кимберли, она подняла руки и нырнула.

– Не стоит говорить ей ничего, пока не будет абсолютной уверенности, – сказал Эндрю. – Боже праведный. Что здесь, черт побери, – заговор с целью превратить всех моих дочерей во вдов?

После этих слов Тельма расплакалась. Кимберли вынырнула и поплыла: спина ее поблескивала на солнце.

– Идем, вождь.

И мы поспешили к Киту. По пути Эндрю спрашивал, как я обнаружил тело и почему уверен, что это Кит. Не упоминая о своем неуклюжем падении, я рассказал ему обо всем остальном. Что касается уверенности, резонно заметил я, то Кит—единственный, кто пропал, и на теле повешенного точно такая же рубашка, как была у него, вот я и решил, что моя догадка не так уж далека от истины.

— Не паясничай. Не тот случай, — сурово произнес Эндрю.

Я извинился.

— Речь идет о муже моей дочери, и он был хорошим и порядочным человеком. Не в пример гребаному засранцу, взлетевшему вчера на воздух.

В зарослях пришлось немного поблуждать, но, в конце концов, я нашел нужное место. Оно, так сказать, было помечено—мятыми страницами из книги. Сделав несколько шагов в сторону, я поднял голову и, увидев Кита, указал на него пальцем.

— Так и есть, это он, — согласился Эндрю.

– Думаю, он забрел сюда во время своего дежурства, – начал я. – Наверное, полагая, что это самое подходящее время для подобного дела, я имею в виду, пока все спят. Да только его здесь уже поджидали.

– Или шли за ним с побережья, – добавил Эндрю и покосился на меня. Темные очки скрывали его глаза, но я знал, какой это был взгляд.

– Если думаете, что это сделал я, вы сошли с ума. Зачем мне убивать его?

– Ты торчишь от Кимберли и поэтому решил убрать со сцены Кита...

– Да вы не в себе!

– Ты не можешь оторвать от нее глаз.

– Чушь! Тем более я не такой дурак, чтобы считать, что она бросится ко мне в объятия, как только Кита не будет рядом. Вы что, держите меня за идиота? Да и как, черт возьми, мне бы удалось втащить так высоко на дерево такого рослого парня, как Кит?

– Это вполне осуществимо, – возразил Эндрю.

– Разве что с помощью лебедки.

– С помощью системы блоков.

– Вы что, видели, как я бегал по пляжу с торчащими из штанов блоками?

– Полегче, вождь. Не лезь в бутылку, я просто высказываю предположения.

– Тогда оставьте меня в покое. Почему я знаю, может, это вы его прикончили? Уверен, вам даже не понадобился бы блок, чтобы втащить его туда.

– А каковы мотивы, Шерлок?

– Это вы мне расскажите.

– Дерьмо собачье! Какой на редкость замечательный был парень. Блин! – Эндрю неожиданно ткнул пальцем в сторону тела. – Влезь и обрежь веревку. Когда Кимберли заметит наше отсутствие, она может заподозрить неладное и прибежать сюда.

– Вы хотите, чтобы туда влез я?..

– Какой ты догадливый, вождь. Ведь мне уже на минуточку шестьдесят лет.

– Шестьдесят?

– А то.

– Во всяком случае, вы в лучшей форме, чем я.

– Знаю, а тебе должно быть стыдно сознаваться в этом. – Выудив из переднего кармана шорт армейский ножик, он бросил его мне.

Я не поймал, пришлось наклониться и подобрать ножик с земли.

– Влезай на дерево и поживее. Если сейчас появится Кимберли и увидит, как он там раскачивается на ветру с болтающимся членом, ее до конца жизни будут преследовать кошмары.

В этом Эндрю был, вероятно, прав.

Плавки у меня без карманов, а рубашки и вовсе не было, так что нож я открывать не стал, а сунул в правый носок. Затем начал взбираться на дерево.

Это совершенно не совпадало с моими представлениями о приятном времяпрепровождении.

С одной стороны, я боялся упасть. С другой, я приближался к покойнику. А опыта в обращении с трупами у меня было ровно столько, сколько и с девчонками. То есть, практически никакого. И меня это вполне устраивало. (Я говорю не о девчонках, а о мертвецах.)

А тут мало того, что мертвый, так еще и по-

что голый. Меньше всего мне хотелось сейчас увидеть мужика без штанов. Особенно спереди, а именно этой частью он был повернут к стволу дерева—и ко мне.

Взбираясь, я старался не глядеть в его сторону. Но очень скоро в поле периферийного зрения попали его босые ноги.

Повернув голову, я увидел, где была привязана веревка, но не поддался соблазну взглянуть вверх и посмотреть, откуда она спускалась. Впрочем, у меня не было никаких сомнений, что она поднималась вверх от его шеи и была перекинута через какую-нибудь ветку и затем опускалась вниз—где-то за его спиной. Несколько раз обмотанная вокруг ветки на небольшом расстоянии от его ног, она была завязана узлом.

Это означало, что, доберись я до той ветки, веревку можно было обрезать, не взбираясь выше. Мысль эта, однако, не показалась мне привлекательной. Ведь для того, чтобы дотянуться до веревки, нужно было пролезть под Китом—а для этого отодвинуть с пути его ноги. Но и это еще не самое худшее. Что произойдет, когда я

обрежу веревку? А то, что он свалится прямо на меня, вот что.

Я хотел находиться в безопасности, когда труп начнет падать. Поэтому вновь повернул лицо к дереву и полез выше.

Несмотря на все мои старания, мне было видно больше, чем хотелось. Просто невозможно не взглянуть хотя бы пару раз, когда что-то подобное висит так близко.

Например, чтобы предотвратить столкновение с ним.

И, разумеется, хотелось бы знать, нет ли на нем чего-нибудь, что может, скажем, прыгнуть на тебя. Я имею в виду что-то вроде змеи или иной твари.

Как бы там ни было, но от одного его вида меня мутило. Как все это мерзко, особенно то, что он без штанов. Но, когда я поднялся повыше и увидел его лицо, мне стало в сотню раз хуже.

Невозможно даже описать, как он выглядел.

— Это точно он? — крикнул снизу Эндрю.

— Думаю, да.

— Думаешь или уверен?

– Он так изуродован. То есть его лицо. Нет, сомнений быть не может.

– Подвешен?

Он хотел сказать "повешен". "Подвешен" подразумевает нечто совсем другое, и это слово скорее относится к общей ситуации. Впрочем, сейчас не до каламбуров.

– Да, – ответил я. – Но у него все волосы и лицо в крови. Похоже, ему сначала раскроили череп, а уж потом вздернули.

– Ладно, обрезай скорее.

– Секундочку.

Я посмотрел на веревку. На вид она была не очень новой и чуть толще обычной бельевой. Удавка была затянута профессионально—я насчитал тринадцать завитков в узле. Они плотно прижимались к правой щеке Кита, и от толстого узла голова его склонилась набок. От верхней части узла веревка поднималась вертикально вверх к ветке, расположенной в нескольких футах над головой. Обогнув ветку, она струной вытягивалась вниз за спиной к той ветке под ногами, к которой она была привязана.

Вероятно, его подтягивали, стоя на этой нижней ветке.

– Чем ты там занимаешься? – нетерпеливо выкрикнул Эндрю. – Обрезай наконец!

Интересно, а нельзя ли его как-нибудь спустить?

Если можно было поднять, почему нельзя опустить?

Потому что, взглянув вниз, я увидел, что свободного конца у веревки не было. Видимо, убийца обрезал лишнее.

Просто обрезать веревку, чтобы он рухнул на землю? Не хотелось бы.

– Руперт, черт побери!

– Он упадет, – крикнул я в ответ.

– Ну и что? Он мертвый и ничего не почувствует.

– Ладно, ладно.

Взобравшись выше, я обхватил ствол левой рукой, приподнял правую ногу и вынул из носка нож. Лезвие открыл зубами. Затем вытянул руку с ножом над макушкой Кита и надавил лезвием на веревку.

Должно быть, нож у Эндрю чертовски острый.

Одно движение—и веревка лопнула.

Кит рухнул вниз.

Получилось хуже, чем я предполагал.

Кит все-таки наткнулся на нижнюю ветку, но она попала ему между ног, и он напоролся на нее промежностью. Да так, что ветка всколыхнулась. На несколько секунд Кит застыл на ней с поникшей головой. В своей пестрой рубаше он напоминал ковбоя, задремавшего в седле. Затем накренился набок и оставшуюся часть пути пролетел вниз головой.

Хрюкнув от неожиданности, Эндрю отскочил в сторону.

Приземлился Кит на затылок, переломившись в поясе. Ноги запрокинулись вперед и колени коснулись земли по обе стороны лица. Какое-то мгновение он смотрел на меня снизу вверх, как мутант, у которого лицо и задница были рядом. Затем завалился набок.

Прислонив лицо к стволу, я какое-то время не мог пересилить охватившую меня дрожь.

Но очень скоро Эндрю начал кричать мне, чтобы я перестал канителить и спускался вниз, прихватив с собой веревку.

Я так и сделал. Чтобы добраться до веревки, пришлось опуститься на ту нижнюю ветку. Развязывать узел не было сил—слишком дрожали руки, поэтому я обрезал веревку ножом и просто позволил ей упасть вниз.

Спустившись на землю, я вернул нож Эндрю. К этому времени он уже успел поднять веревку и смотать ее.

— И что мы с ним будем делать? — поинтересовался я.

— Нельзя, чтобы Кимберли увидела его в таком виде. — Передав мне веревку, он присел над телом и снял с шеи Кита петлю. — Но она все равно захочет на него посмотреть. Тут уж ничего не поделаешь. Пока не увидит его лицо, она ни за что не поверит, что он действительно мертв.

С этими словами он начал тянуть и дергать тело, пока оно не вытянулось на спине.

— Куда подевались его чертовы плавки?

— Должно быть, их прихватил с собой убийца.

– Поищи.

Я прошелся вокруг, но ни плавок Кита, ни его шлепанцев, ни чего-нибудь другого не обнаружил.

– Не хочешь одолжить ему свои? – спросил Эндрю.

– Ни в коем случае. Вы, наверное, пошутили? Только не мои. Если вам так хочется, можете отдать ему ваши.

Лицо его перекосилось в насмешке.

– Тогда мчись в лагерь и принеси большое полотенце... или одеяло.

– Может, присыпать его листьями, или чем-нибудь в этом роде?

– Делай, что тебе говорят.

Я так и поступил, хотя был убежден, что мы совершаем ошибку.

Когда я выбрался из джунглей, меня увидела Кимберли. Видимо, только что выйдя из воды, она шла по пляжу по направлению к Билли и Тельме, но, завидев меня, побежала.

Может, мне следовало убежать от нее. У меня возникла такая мысль, но я просто не смог.

Слишком она красива, чтобы от нее убегать.

– Ты нашел его! – выпалила она. Должно быть, обо всем догадалась по выражению моего лица. – О Боже, где он?

– С ним твой отец. Он не...

– Он мертв, не так ли?

– С твоим отцом все в порядке.

– Кит?

Прежде чем я успел придумать хороший ответ, она обогнула меня и помчалась в направлении джунглей. Должно быть, она видела, откуда я выходил, потому что направилась прямо в то место.

– погоди! – закричал я. – Кимберли, не надо! Пстой же!

Она не остановилась, и поскольку между нами возник уже большой разрыв, пытаться догнать ее было бессмысленно. К тому же, что бы я делал, если бы и догнал? Схватил и удержал?

Эндрю не следовало посылать меня на берег. Лпредупреждал, а он настоял на своем.

Как бы там ни было, но надо было выполнить его поручение. Но теперь можно было не торо-

питься. Медленно подойдя к месту нашей стоянки, я поднял одеяло, ответил на несколько вопросов женщин и повернул назад в джунгли.

Когда я туда попал, Кимберли рыдала в отцовских объятиях.

Эндрю был в одних белых плавках.

Должно быть, он услышал ее приближение и успел позаботиться о том, чтобы Кит выглядел немного приличнее: прикрыл его снизу своими шортами, а на лицо бедняги накинул белый носовой платок.

Пока Эндрю утешал дочь, я подошел к трупу и накрыл его одеялом. Затем просунул под одеяло руку и вытащил шорты и носовой платок. Стоя в сторонке и держа в руках вещи Эндрю, я терпеливо ожидал, пока они закончат.

Похороны

Выплакавшись в объятиях отца, Кимберли настояла на том, чтобы тщательно осмотреть труп Кита. Эндрю попытался было остановить ее, но она, несмотря на уговоры отца, стащила одеяло и присела над телом.

Мрачнее тучи, за все это время Кимберли не проронила ни слова. Приподняв голову мужа и разворачивая ее то в одну, то в другую сторону, она прощупала его череп под волосами. (Думаю, пыталась определить причину смерти.)

Под конец, расстегнув пуговицы, Кимберли попросила нас помочь приподнять тело и стянула с него рубашку, которую тут же накинула поверх купальника. Застегивать на пуговицы, однако, не стала.

Затем мы втроем завернули покойника в одеяло, и Эндрю перевязал его веревкой, чтобы одеяло не раскрылось. В результате получился аккуратный сверток в форме человеческого тела. Он был бы еще более аккуратным, если бы из него не торчали голые ноги.

Перекинув Кита через плечо, Эндрю повел нас к побережью.

В лагере нас ожидали заплаканные Билли, Конни и Тельма. Кимберли тут же попала в кольцо—всхлипывая, они обнимали ее и причитали. Кимберли вела | себя молодцом: была угрюма, но держала себя в руках. Она стояла в нарядной рубашке Кита, с таким мужеством принимая удар судьбы, что я тоже чуть не заплакал.

Затем мы обсуждали, что делать с телом Кита. Не рассчитывая на продолжительное пребывание на острове, мы не хотели хоронить его здесь навечно. Желательно, чтобы тело было где-то неподалеку и его можно было бы легко извлечь.

Окончательное решение было предоставлено Кимберли. Она решила похоронить Кита (точнее говоря, положить на хранение) на скалистом мысу к югу от места нашей стоянки. Место это находилось достаточно близко, чтобы держать его под наблюдением и быстро добраться до него в случае эвакуации с острова. Но и достаточно далеко, чтобы ни у кого не возникло неприятного впечатления, что Кит все еще живет с нами.

Хватит и того, что его будет видно.

Нет, не тело. Оно вне видимости. Но всякий раз, когда я поворачиваю голову в этом направлении, мой взгляд невольно притягивает к себе холм из камней—его надгробие. Не говоря уже о кресте. Кимберли смастерила крест сегодня после обеда из выброшенных на берег веток и установила в изголовье могилы Кита. Сучковатый и перекрученный, крест был таким же белым, как отбеленные временем кости.

Но я, кажется, забегаю вперед.

Вначале было принято решение о том, куда положить Кита. Затем мы все отправились туда под предводительством Эндрю, который нес переброшенное через плечо тело. (Тельма тоже пошла с нами. Ее повреждение оказалось незначительным, и ко времени похорон Кита она была в состоянии передвигаться без посторонней помощи, хотя и прихрамывала.)

После того как Кимберли выбрала место захоронения, Эндрю, Билли и я помогли ей расчистить его.

Тельма стояла в стороне и истерично рыдала. Конни тоже не помогала, но вела себя стран-

но: застыв в оцепенении, она наблюдала за происходящим каким-то отрешенным взглядом, изредка потирая ладонями плечи, словно ей было зябко. Не думаю, чтобы она так уж сокрушалась о смерти Кита. Просто перепугалась до смерти.

Кита опустили в образовавшуюся в камнях ложбинку.

Затем Билли произнесла:

– Кто-то должен что-нибудь сказать.

– Преклоним головы, – промолвил Эндрю.

Мы так и сделали. Тогда он тихим и ровным голосом прочитал "Отче наш". На память, чем я был немало удивлен. Никогда бы не заподозрил в нем религиозного человека.

Пока все стояли, понутив голову, я затянул "Парень по имени Дэнни". Бог знает, что на меня нашло. Я не из тех, кто охотно распекает на людях, хотя у меня довольно приятный тенор. К тому же это было просто глупо. Его даже не звали Дэнни.

Но он мне нравился, и мне было так жаль Кимберли...

Когда я пел "Парень по имени Дэнни", эти

слезы надо было видеть. Плакали все.

Даже Кимберли всплакнула. Я допел песню, и она подошла ко мне с блестящими от слез глазами. Обхватив руками, прижала меня к себе.

Не теряю надежды, что она повторит это когда-нибудь, но при более благоприятных обстоятельствах.

Как бы не так!

Она была слишком взволнована, чтобы понимать, что делает.

Во всяком случае, я не жалею, что на меня нашло и я спел эту песню. Иначе Кимберли никогда бы меня не обняла.

Под конец погребальной церемонии она попросила всех оставить ее одну.

— Я сама со всем справлюсь, — сказала она, и мы покинули ее.

Когда мы отошли на приличное расстояние от того места, где возилась с камнями Кимберли, Эндрю подозвал нас.

— Отныне никто не должен ни на минуту оставаться один, — сказал он. — То, что произошло с Китом, не было несчастным случаем. Это было

убийство.

Тельма пронзительно взвизгнула. Смутившись, она прикрыла рот рукой.

Конни задрожала.

Озабоченно нахмурившись, Билли положила руку ей на плечо.

– Успокойся, дорогая, – произнесла она.

– Мы думаем, это случилось там, в джунглях, где он был найден, – продолжал Эндрю. – Кто-то ударил его по голове и затем повесил. Мы так себе это представляем. – Он посмотрел на меня.

– Вероятно, это сделал один человек, – вставил я. – Я имею в виду то, как подло это было сделано.

– Кто-то достаточно сильный, чтобы так высоко поднять тело Кита на дерево, – добавил Эндрю.

– И что нам теперь делать? – спросила Билли.

– Я пока не могу ответить на этот вопрос. Нужно время, чтобы все хорошенько обдумать. Давайте обсудим это позднее. Пока что, полагаю, нам ничто не угрожает, если мы будем держаться вместе. Не думаю, чтобы убийца рискнул напасть

на кого-либо из нас здесь на пляже среди белого дня.

– А как быть... когда понадобится облегчиться? – поинтересовалась Билли. – Ты хочешь, чтобы мы делали это прямо здесь, на песке?

– Только без меня. Ага? – вступила в разговор Конни.

– Мы что-нибудь придумаем, – промолвил Эндрю. – А до этого можно ходить туда же, куда и раньше. Но только с сопровождением. Будете говорить мне, и я пойду с вами.

– Как мило! – фыркнула Конни.

– Я менял тебе подгузники, крошка. Но не волнуйся, я не буду подсматривать.

– Все равно неприятно, – скривилась Конни. Неожиданно Эндрю потерял терпение.

– И суток не прошло, а жизни двоих твоих сестер исковерканы. Где-то поблизости шатается выродок, который, вероятно, попытается убить еще кого-нибудь из нас при первой же возможности. А ты смеешь еще строить из себя взрослую? Мы понимаем неудобства, которые тебе придется испытать, но...

– Идите вы все к черту! – огрызнулась она, и со слезами на глазах развернулась и побежала к воде.

Тельма, между прочим, уже стояла на коленях и рыдала, закрыв лицо руками. Начало этой сцены совпало с замечанием Эндрю об исковерканных жизнях двух сестер.

Нахмутив брови, Билли неодобрительно покачала головой.

– Это совсем лишнее, разве ты не понимаешь? – И, не дожидаясь ответа, решительно зашагала в сторону Конни.

Таким образом только я остался стоять рядом с Эндрю. Казалось, если бы не его темные очки, он испепелил бы меня взглядом.

– Я же ничего не говорил, – поспешил оправдаться я.

– Не паясничай, – процедил сквозь зубы Эндрю и тоже двинулся прочь.

Покинутый всеми, я прихватил ранец и побрел к своей башне. (Между прочим, нарушая новые правила, запрещающие одиночные хождения. Но никто меня за это не отругал.) Предсто-

яло наверстать большое отставание в дневнике, и поэтому я решил выбрать новое место, откуда был бы виден наш пляж.

Когда я прибыл туда, Кимберли все еще трудилась на другом конце бухты. Она носила камни и бережно укрывала ими своего мужа. Закончив с этим, она принялась за крест. (Внося записи в журнал, я постоянно за ней наблюдаю. Остальные тоже на пляже, но не делают ничего достойного упоминания.)

Теперь Кимберли сидит на пляже. На ней все еще яркая гавайская рубаша Кита. Обхватив подогнутые колени руками, она смотрит в морскую даль. Легкий ветерок треплет ей волосы и слегка отдувает рубашку.

Она такая прекрасная и одинокая.

Как бы мне хотелось придумать что-нибудь, от чего ей стало бы легче!

Сейчас для нас самое главное принять все необходимые меры, чтобы убийца больше ни к кому из нас не добрался.

Военный совет

Поужинали мы рано. Билли снова готовила еду: макароны по-флотски из нескольких вакуумных пакетов, которые Эндрю и Кит выловили вчера в бухте. Еще у нас было несколько банок персиков и хлеб, благодаря целлофановой упаковке не пострадавший при взрыве. Запивали водой из ручья, наливая ее в пластиковые стаканчики из кастрюли.

Насколько мне известно, ни у кого с утра и маковой росинки во рту не было.

Не знаю, как другие, но я зверски проголодался.

Мы сидели на песке вокруг костра, ели, передавали друг другу воду. Почти в полном молчании. Настроение у всех, похоже, было неважным.

После трапезы Билли попросила меня помочь помыть посуду, я согласился. Уже потому, что приятно было оторваться от группы.

"Посуда" представляла собой разнородную смесь: пара металлических кастрюль, поднятых Китом со дна бухты, плюс пластиковые тарелки, чашки, ножи, вилки и ложки, которые мы взяли с собой на берег для пикника.

Не желая загрязнять пляж объедками, мы понесли все это к северному мысу. Песок закончился, и мы пошли по каменистой россыпи, осторожно перешагивая с одного булыжника на другой, пока не добрались почти до того места, которое я облюбовал для работы над дневником. Затем мы зашли за оконечность мыса, самую малость.

Ничего особенного с этой стороны не было. Такая же вода, песок и джунгли.

Присев на камень, Билли опустила ноги в воду. Посуду она мыла, наклоняясь вперед и окуная ее в воду между коленями. Когда я опустился рядом с ней на колени и попытался зачерпнуть в котелок воды, она покачала головой.

— Оставь. Я сама все помою. Просто посиди за компанию.

— Я помогу.

— Не смей. Посуды здесь—пустяк. — С собой Билли принесла тряпку. К тому же, еще когда мы шли по пляжу, она зачерпнула в одну из кастрюль немного песка. И теперь я наблюдал, как драила она нашу кухонную утварь и столовые приборы песком, протирала тряпкой, и, нагнувшись, про-

поласкивала их, погружая в воду.

Не похоже было, чтобы она куда-то торопилась. А уж я-то и подавно.

Мне нравилось быть с Билли. Начнем с того, что на нее просто чертовски приятно смотреть. Такой глубокий разрез и весь на виду. А как колыхались и вздрагивали ее груди, когда она энергично принялась за мытье посуды. Как соблазнительно Билли нагибалась, чтобы прополоскать ее.

Но дело было не только в ее внешности. Она, помимо всего прочего, настоящая леди и всегда очень хорошо ко мне относилась (слишком хорошо, сказала бы Конни). Она со всеми обращается вежливо, у нее развито чувство юмора, она не ханжа (напротив, почти нескромная), не меняет настроения каждые две минуты и, похоже, отличается огромным запасом здравого смысла.

К сожалению, дочь не унаследовала и малой толики ее достоинств. У Конни есть что-то от внешности матери, но от характера—почти ничего.

Как бы там ни было, но приятно было на-

ходить рядом с нею на этом мысу. Я только старался не пялиться на нее все время.

Прополоскав очередную тарелку или ложку, Билли разворачивалась ко мне, вытягивала руку и отдавала посуду мне, а я аккуратно складывал все на высоком булыжнике.

Уже в самом конце, передавая пластиковую вилку, она посмотрела мне в глаза и вымолвила:

– У меня такое ощущение, что это мог быть Уэзли. Слова Билли застали меня врасплох, но я сразу понял, что она имела в виду.

– Мне такое тоже приходило в голову, – согласился я. – И он умышленно подорвал яхту?

– Какое-нибудь устройство замедленного действия, так что у него было в запасе несколько минут, чтобы отплыть на безопасное расстояние.

– Я видел, как нечто подобное выполняли в кино, – добавил я.

– Уверена, что и Уэзли смотрел эти фильмы.

– Думаешь, он на такое способен?

– Никогда не следует недооценивать способности крыс, – заметила она и хлопала ладонью по булыжнику, лежавшему рядом с ней. Я

пересел на него. — Я пока что ничего не говорила Эндрю. И никому другому тоже. Хотелось узнать твое мнение об этом. Хотя бы потому, что ты не член семьи. И ты хороший, разумный парень.

— Что ж, спасибо.

— Взгляни на это, как на хитроумный план, — продолжала она. — Кто предложил отпраздновать юбилей нашей свадьбы с Эндрю этой морской прогулкой? Уэзли. Кто осуществил все приготовления? Он же. Кто приезжал сюда на разведку? Опять он. Кто вчера выбрал этот остров для нашего небольшого пикника? Кто остался на борту, когда все остальные сошли на берег? Кто якобы взорвался?

— Он даже мог специально выбрать этот остров для инсценировки несчастного случая, — предположил я. — Быть может, на прошлой неделе он осмотрел несколько островов, пока не нашел самый подходящий и безлюдный.

— Совершенно верно, — поддержала меня Билли. — Ему нужен был не просто пустынный остров, но такой, который лежал бы в стороне от оживленных маршрутов, — где нас не смогли бы

отыскать в ближайшее время.

– Или вообще никогда не нашли бы.

– И коль скоро об этом зашла речь, – подхватила она, – он мог позаботиться о дезинформации, сделать так, что никто бы не кинулся—или не знал, где нас искать.

Я утвердительно кивнул. С начала нашей беседы я только и делал, что кивал головой.

– Готов поручиться, что он даже сходил на берег, – добавил я.

– Здесь?

– Ну да. Он должен был привезти и спрятать здесь припасы. Для себя, понимаешь? Какую бы судьбу он нам ни уготовил, уверен, что в его планы не входило морить себя голодом и изнурять жаждой.

– И какой, – спросила она, – по твоему мнению, у него план?

– А как ты думаешь? – уклонился я от ответа.

– Я первая спросила.

– Ладно, – глубоко вдохнул я. – Во-первых, Уэзли ничего подобного не сделал бы, если бы действительно любил Тельму.

– Согласна. И это правда. Думаю, он едва выносил ее.

– Тогда почему он на ней женился?

– Она очень богата. Так же, как и все мы, благодаря Эндрю.

– Да. Что ж. А может ли Уэзли, вышвырнув нас на необитаемый остров, прибрать к рукам ваше состояние?

– Конечно. Если никто из нас не останется в живых.

Наши взгляды встретились, и мы оба скривились.

– И что он унаследует? – осведомился я.

– Спроси лучше, что ему не достанется.

– Боже мой!

– Значит, это его план. Прикончить нас всех.

– Быть может, – сказал я. – И начал он как нельзя удачнее—убил самого сильного мужчину в нашей группе.

– Ну, насчет этого можно еще поспорить, – улыбнулась она. – Эндрю довольно крепкий малый.

– Вероятно, он следующий на очереди. Билли

покачала головой.

– Нельзя этого допустить.

– Тогда придется поделиться своими соображениями с другими.

– Вряд ли наши предположения понравятся Тельме. Думаю, ей лучше ничего не говорить.

– Надо поговорить с каждым в отдельности, – предложил я.

– Правильно.

– Дело в том, что мы можем быть абсолютно не правы. Ведь все это—одни догадки, к тому же весьма смелые.

– Но все сходится, – возразила Билли.

– Так-то оно так, но беда в том, что иногда все обстоит именно так, как выглядит. И, может быть, Уэзли действительно взорвался вместе с яхтой.

– А Кита убил...

– Сумасшедший абориген?

Уголки рта Билли игриво загнулись вверх.

– Может, это дело рук Гиллигана.

– Или Хауэллзов.

Билли улыбнулась и покачала головой.

Неожиданно мне стало чуточку неловко за шутки по поводу смерти Кита. И уже серьезно я произнес:

– В определенном смысле неважно, кто это сделал. Главное, что это произошло, и убийца скорее всего находится где-то поблизости. Не все ли равно, Уэзли это или кто-то другой.

– Только мне хотелось бы наверняка знать, с кем мы имеем дело.

– Да, – согласился я, – и мне тоже.

– Мне не так страшно было бы думать, что это Уэзли пытается свести нас в могилу. По крайней мере, его-то мы хоть немного знаем. А если убийца не он, это может быть кто-то в десять раз опаснее.

– Лучше уж он, чем какой-нибудь свихнувшийся дикарь.

– Несомненно.

– Итак, что же нам делать с нашей версией? – спросил я.

– Ты не видишь в ней никаких серьезных изъянов?

– Нет. По-моему, есть все основания предпо-

лагать, что это Уэзли, — если не выяснится, что его разнесло вчера на кусочки.

— Или не разнесло.

— Никто не нашел останков Уэзли, — вынужден был признать я. — Что, впрочем, вовсе не означает, что он не взорвался...

— Пересмотрев массу дерьмовых детективов за эти долгие годы, я хорошо усвоила один урок, — прервала меня Билли, — и вот в чем он заключается: если тело не обнаружено и не опознано—человека нельзя считать мертвым. Почти всегда это уловка, и у "мертвого" парня на уме недоброе.

— Я тоже заметил подобное, — подтвердил я. — Но телевидение содрало это у Агаты Кристи. А еще есть рассказ про Холмса, в котором преступник сыграл покойничка.

Билли сердито взглянула на меня:

— Мне это неизвестно, Руперт. Скажи мне лучше, как по-твоему, это Уэзли или не Уэзли?

— Все может быть.

Она игриво шлепнула меня по руке.

— Какой же ты несносный.

– Прости.

– Я это к тому... следует ли нам поделиться своими подозрениями с остальными?

– Лучше поделиться.

– Отлично. Я и сама так думала.

– Но, может, нам лучше сделать это перед всеми, – предложил я. – Включая Тельму. Иначе, что произойдет, если убийца действительно он, а она случайно на него наткнется?

– Ты прав, – согласилась Билли. – Лучше рассказать о наших подозрениях всем.

Порешив таким образом, мы собрали посуду и вернулись в лагерь. Мне жуть как не терпелось сесть за свой дневник, но ничего не получилось, потому что Эндрю позвал нас всех, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Мы разместились вокруг костра.

У всех был угнетенный вид, кроме сидевшей в другом конце костра Конни, которая сердито косилась на меня. Мне кажется, она злится на меня за то, что мы с ее матерью уходили за мыс. Вероятно, думает, что мы там крутили любовь.

– Необходимо поговорить о ситуации, в ко-

торой мы все оказались, — начал Эндрю, — и определить линию дальнейшего поведения. Всего лишь день назад нас по-настоящему волновал лишь один вопрос—как долго нам придется ждать, пока нас подберет спасательная команда. А сейчас, после убийства Кита... Это меняет...

Тельма подняла руку, словно школьница.

Эндрю кивком дал ей слово.

— Я долго размышляла, — проговорила она, — об убийстве Кита и... о Уэзли. — Подбородок ее задрожал, и она плотно сжала губы. Через пару секунд продолжила:—Никому не показалось странным, что гибель Кита произошла так быстро? Только вчера взорвалась яхта и... ну вы знаете. Уэзли. Я вот что хочу сказать... А что, если взрыв—это не несчастный случай? Я много об этом думала, понимаете? Может, кто-то умышленно взорвал яхту. Я имею в виду, что Уэзли тоже убили. Не только Кита. Может, эти преступники подорвали яхту, чтобы мы не могли отсюда уплыть. Может, их замысел состоит в том, чтобы перерезать нас по одному. Или, возможно, они хотят убить только мужчин.

– Если таков их план, – заметила Кимберли, – то они уже на полпути к успеху.

Мне ее замечание не очень понравилось, так как остаток пути явно предполагал внимание к моей особе.

– О каких преступниках здесь идет речь? – несколько раздраженно воскликнул Эндрю. – Никакие "они" мне не известны.

– Я имела в виду тех, кто стоит за всем этим, – пояснила Тельма.

– Ты полагаешь, что против нас существует заговор?

Она обиженно выпятила губу.

– Просто ты так уверен в небрежности Уэз-ли...

– Если это не он случайно взорвал яхту, – категорическим тоном произнес Эндрю, – тогда почему она взлетела на воздух?

– Не знаю, – не сдавалась Тельма. – Все возможно. Может, в нее попала ракета. А, может, какой-нибудь аквалангист прикрепил к борту мину. Как там бывает?

– И кто бы мог такое сделать? – ухмыльнулся

Эндрю.

– А торговцы наркотиками? Может, мы крутимся возле их тайного склада и им надо нас ликвидировать? Или, допустим, на острове расположена замаскированная военная база?

– А может, это доктор Моро, – продолжил список я.

Но мою шутку никто не оценил. Даже Билли. Напротив, от моих слов она съежилась.

– Хватит ерничать, – предупредил меня Эндрю.

– Так точно, сэр.

– Я хочу сказать только то, – продолжала Тельма, – что, по моему мнению, Уэзли погиб не потому, что совершил какую-то глупость и взорвал себя вместе с яхтой. Я считаю, что его убили, точно так же, как Кита.

Глядя на огонь, Кимберли спокойно промолвила:

– А никому не приходило в голову, что, возможно, Уэзли вовсе не мертв?

Мы с Билли переглянулись.

– Предположим, что он каким-то образом

устроил взрыв яхты—после того, как покинул ее?

– Что ты имеешь в виду? – спросила Тельма.

Лицо Кимберли слегка искривилось.

– Прости, но я должна об этом сказать. Мне кажется, не исключена возможность того, что Уэзли жив и что именно он убил Кита.

Затем она все выложила. Весь сценарий, словно пересказывая содержание нашей с Билли беседы на мысу. При этом приводились почти те же доводы, но ее аргументация отличалась большей логичностью и лаконичностью, чем наша. Единственное, что она упустила, так это была моя версия о том, что Уэзли еще раньше побывал на острове и устроил здесь тайный склад для личного пользования.

Все это время Тельма в ужасе глядела на сестру широко раскрытыми глазами. Вид у нее был такой, словно ее только что предали.

Когда Кимберли закончила, она набросилась на нее со словами:

– Да у тебя крыша поехала!

– Тогда и у меня, – отозвалась Билли.

– И у меня, – вставил я.

В поисках союзника Тельма перевела взгляд на Конни.

– И не проси, – выпалила та и тут же добавила:—Могу сказать только то, что я всегда считала Уэзли свиньей...

– Констанция! – рявкнул Эндрю.

Конни вздрогнула, но продолжила:

– Так что меня бы не очень удивило, если бы он выкинул нечто подобное. Я, конечно, не хочу оскорблять твои чувства, Тельма, но, по моему, не то что выходить за него замуж, даже связываться с ним было настоящим безумием.

Эндрю свирепо уставился на дочь.

– А что? – пропищала Конни. – Она сама напросилась.

В трансе, словно от сильной пощечины, Тельма повернулась к Эндрю и жалобно позвала:

– Па?..

– Ты прекрасно знаешь, какие чувства я испытывал к Уэзли. Но в данном случае я на твоей стороне.

– Здесь нет никаких сторон, – вмешалась Билли.

– Пусть так, но беда в том, что получается весьма хитрая версия: Уэзли всех нас перехитрил и инсценировал свою смерть. Но я бы сказал—уж слишком хитрая. Да у него на подобные штуки не хватило бы ни ума, ни честолюбия, ни смелости, – заметил Эндрю, набивая трубку табаком.

– А что, если мы его толком не знали? – не сдавалась Кимберли.

– Конечно, не знали, – выпалила Тельма. – Никто из вас его не знал. Он... никогда не смог бы сделать ничего подобного. Да вы и не представляете, каким он бывал нежным и ранимым.

Эндрю поднял из костра горящую ветку. Пока он раскуривал трубку, Билли промолвила:

– Мне кажется, что большая часть того, что мы могли заметить в поведении Уэзли—включая и тебя, дорогая, – было ложью. Не думаю, чтобы при нас он хоть раз проявил подлинные чувства.

– Лукавый Уэзли, – вставил я.

– А ты заткнись! – огрызнулась на меня Тельма.

После нескольких затяжек Эндрю произнес:

– Меня смущает веревка—она не с нашей ях-

ты, иначе я бы ее видел. А это наводит на мысль, что она уже была на острове до нашей высадки. И, вероятнее всего, у того, кто воспользовался ею, чтобы повесить Кита.

– И это снимает подозрения с Уззли? – удивилась Кимберли.

– По-моему, да.

– А если предположить, что она была у него в багаже?

– Ее там не было.

– Откуда ты знаешь?

Выпустив облако дыма, Эндрю сказал:

– Я осматривал его багаж.

У Тельмы полезли глаза на лоб:

– Что, что?

– Успокойся, милая. Я сделал это в целях твоей собственной безопасности, как, впрочем, и нашей. Просто хотел убедиться, что там не было ничего, из-за чего у нас могли бы возникнуть неприятности. Наркотики, огнестрельное оружие. . .

– Папа!

– В чьих еще вещах ты рылся? – спросила

Конни. Чувствовалось, что она вот-вот взорвется.

– Ни в чьих. Только в вещах Уэзли.

– Как же, поверила.

– Не удивительно, что он всегда чувствовал всеобщую враждебность, – заключила Тельма. – А я-то считала, что он просто чересчур мнительный, но...

– Это не было актом враждебности, – возразил Эндрю.

– Скажи это кому-нибудь другому.

– Во всяком случае, не с моей стороны, – заверил ее отец. – Я говорю о том, что веревку взяли не с яхты. А если это так, тогда каким образом она могла попасть в руки Уэзли? Он невиновен. Кита убил совсем другой человек. Тот, у кого была веревка.

– На прошлой неделе Уэзли вполне мог выгрузить на остров все что угодно, – заметила Билли.

– Верно, верно, – подхватила Кимберли, нетерпеливо кивая головой. – Если в его планы входила расправа над нами на необитаемом ост-

рове, ему просто необходимо было сделать запасы для себя.

Разумеется, идея была моей. Но было приятно, что ее высказал кто-то другой. У меня и так сложилось впечатление, что я слишком часто открываю рот.

И все же пришлось открыть его еще раз. Взглянув на Тельму, я произнес:

– Уэзли это или кто-то иной, но на острове наверняка существует тайник. Я хочу сказать, что веревка не появилась из воздуха, правильно? И завтра нам надо попытаться отыскать место, где все это добро хранится.

– Что нам действительно надо будет сделать завтра, – воскликнула Конни, – так это сесть в моторную лодку и уносить отсюда задницы, пока нас всех не убили. Разве можно представить себе что-нибудь разумнее? Просто уехать, а? Кем бы ни был этот парень, надеюсь, я не увижу его в нашей моторке. Мы просто переплывем на другой остров, где не будет безумца, стремящегося лишить нас жизни. А острова эти можно разглядеть, если повнимательнее посмотреть вдаль.

– Они дальше, чем кажется, – заметил Эндрю.

– Ну и что?

– У нас не хватит бензина даже приблизиться к ним. И что? Будем тогда болтаться в открытом море без воды и еды?..

– Но и никто не будет пытаться убить нас, – возразила Конни.

– Все же, поверь мне, здесь нам будет лучше. У нас есть все, что необходимо для поддержания жизни. Если уж на то пошло, здесь можно провести хоть несколько лет относительно комфортно.

– Семья швейцарских Робинзонов, – не смог удержаться я.

– Не приведи Бог! – воскликнула Билли.

– Не волнуйся, Уэзли всех нас убьет, – утешила ее Конни.

– Это не Уэзли! – громко запротестовала Тельма.

– А кто бы ни был!

– Прекратите! – рявкнул Эндрю.

Мне и самому скоро придется остановить-

ся, поэтому надо поторопливаться—уже почти не различаю строк, так стемнело.

Короче говоря, на военном совете пришли к заключению, что Кит был убит, и сделал это либо Уэзли, либо кто-то иной, и что убийца наверняка будет продолжать свою охоту. Попытаться уплыть отсюда на шлюпке завтра мы не станем, но воспользуемся этим вариантом в том случае, если ситуация драматически ухудшится. Завтра мы отправимся осматривать остров. На ночь мы выставляем удвоенную стражу: сначала будут дежурить Эндрю и Тельма, затем Кимберли и Билли, и, наконец, я и Конни. Предполагается, что никто никуда не будет ходить в одиночку.

После совета мы сообща насобирали по пляжу целую кучу дров. Еще набрали камней, чтобы использовать их в качестве оружия. Затем у меня появилась возможность уединиться в сторонке и сделать записи в дневник. На это ушло много времени, но я уже почти закончил. Впрочем, если не потороплюсь, придется сегодня дописывать последние строчки азбукой Брейля.

Пока я был занят дневником, Тельма сиде-

ла надувшись. Конни тоже опустилась на песок возле шлюпки, вперившись куда-то вдаль. Эндрю, Билли и Кимберли мастерили оружие. Теперь у нас свой небольшой арсенал: кроме кучи метательных снарядов в виде камней, есть еще и копья, дубинки и что-то наподобие томагавков. Так что, если доведется сразиться не на жизнь, а на смерть с Фредом, Уилмой и Барни, мы не осраимся.

Однако это не совсем удачный повод для шуток, поэтому мысль о том, чтобы обзавестись оружием, мне по душе.

Но больше, конечно, хотелось бы занять винтовку "М-16".

Впрочем, у жертв кораблекрушения нет большого выбора.

День третий

Что произошло со шлюпкой?

А случилось вот что.

Этой ночью—в чье дежурство это произошло, неизвестно, — умыкнули шлюпку.

Сделать это было несложно. Хотя мы и втащили ее выше линии прилива, ночные дежурные не могли ее видеть. Во-первых, в том месте, где мы разбили лагерь, берег идет под небольшой уклон. А во-вторых, свет костра шлюпки не достигал.

К тому же никто особенно за ней и не следил. Мы беспокоились о себе, а не о лодке.

Так что злоумышленнику достаточно было подкрасться к шлюпке сбоку со стороны моря и стащить ее в воду. Затем похититель, вероятно, поплыл, буксируя нашу лодку за привязанную к носу веревку.

Наша с Конни вахта началась в четыре утра. Мы уселись с разных сторон костра лицом друг к другу. Поэтому никто не смог бы приблизиться к нашему лагерю так, чтобы хоть один из нас его не заметил.

Расположиться подобным образом предложила Конни. Мы не только были на некотором рас-

стоянии друг от друга, но даже не могли беседовать, не повышая голоса. Так что большую часть времени просто молчали. И меня это вполне устраивало.

И хотя мы все время внимательно поглядывали по сторонам, никто из нас не заметил ничего подозрительного. А, может, к тому времени шлюпка уже исчезла.

Примерно через час после начала нашей смены, повинувшись зову природы, я поднялся и на минуточку отошел к скалам. Тогда я, должно быть, расположился не более, чем в двадцати футах от места, где должна была находиться шлюпка. Не припоминаю, чтобы я ее видел, но не могу так же утверждать, что не видел. Вероятнее всего, ее там уже не было. Но поручиться за это я не могу.

Чуть попозже туда же ходила и Конни—и по той же самой причине. Я было поднялся, чтобы сопровождать ее, но она меня остановила:

— Мне не нужны зрители, но все равно спасибо. О себе я пока что могу позаботиться сама. — И она потрясла в воздухе копьем. — Сиди здесь и занимайся своими делами.

Так что пришлось просто встать спиной к костру и проводить ее взглядом. Выйдя из света костра, она превратилась в пятно с неясными очертаниями. Видно было только ее тенниску, и то только потому, что тенниска была белой. Казалось, она парит над пляжем. Затем она стала подниматься вверх. Это означало, что Конни начала взбираться на скалы. Когда она была уже на самом верху, тенниска вдруг нырнула вниз и исчезла из виду.

Тогда я подумал, что Конни получила бы по заслугам, если бы ее там в этот момент накрыли.

Но этого не произошло.

И вскоре Конни снова оказалась у костра.

– Очень мило, – поздравил я ее.

– Прости, понимаю, тебе так хотелось посмотреть.

– Догадайся, кого бы обвинили, если бы наш местный Крюггер воспользовался возможностью и расправился с тобой, пока ты там заседала? Твой предок и без того считает меня ни на что не способным. Ты представляешь, что он сделал бы со мной, если бы тебя убили?

– Ха-ха-ха. А я думаю, ты только этого и ждешь.

– Ты что думаешь, я хочу твоей смерти?

Она обиженно фыркнула:

– Что невелика для тебя потеря, так это точно. Тебя интересует только моя мама—и Кимберли. Я ведь не такая привлекательная, да?

– Ну, в общем...

– Вот видишь?

– Это еще не означает, что я жажду твоей смерти. Нет, я хочу совсем другого: чтобы случилось чудо и ты перестала быть такой стервой.

На что она с ухмылкой ответила:

– Какие мы остроумные. – И с важным видом проследовала на свою сторону костра. Опустившись на песок, она скрестила ноги и положила на колени копье. – Не смей на меня даже смотреть, – приказала она.

Так что я и не смотрел в ее сторону.

По крайней мере, первые полчаса.

В какое-то мгновение она привлекла к себе мое внимание тем, что подняла над головой копье. Подняла и метнула его.

В меня.

Пролетев над языками пламени, копьё острым концом устремилось мне прямо в лицо. Я едва успел вскинуть руку и отбить его в сторону.

– Как мило! – возмутился я. – Блин! Да ты могла просто убить меня этой штуковиной!

– Именно это и предполагалось.

– Рискуй еще раз и, возможно, я забуду о том, что джентльмен, и засуну его...

– Пошел ты.

– Заткнись, пока все не проснулись, – всполошился я. Затем промямлил себе под нос что-то о том, какая она "бешеная сучка".

– Что ты сказал?

– Ничего. Закрой рот, ладно? Мы, кажется, на дежурстве.

Как ни странно, но наша ссора никого не разбудила. Во всяком случае, никто не прикрикнул на нас, чтобы мы прекратили.

Ни Конни, ни я до утра не промолвили больше ни слова. Но как я ни пытался не смотреть в ее сторону, мне это не удавалось. Ведь надо было убедиться, что она не собирается швырнуть в

меня еще что-нибудь. И всякий раз, когда наши глаза встречались, она сердито хмурилась.

В конце концов наступил рассвет.

Эндрю проснулся и подошел к костру. Он был босой и без рубашки—в одних военных шортах.

— Чудесное утро, ребята! — поздоровался он и сделал несколько приседаний, выставляя вперед руки для равновесия. — Как прошло дежурство? — поинтересовался он, потирая ладони. — Никаких происшествий, надо понимать?

— Что это ты такой оживленный? — фыркнула Конни.

— Ага, мое чадо уже обидели, а солнце едва взошло. Милые поссорились? — спросил он.

— Отстань.

— Послушай совета отца: все уладится после хорошего энергичного заплыва. Хотите наперегонки? — улыбаясь и потирая от удовольствия руки, он перевел взгляд на море. — Мы устроим гонку до... — и он переменился в лице. Что-то было не так. Когда я поднялся на ноги, чтобы посмотреть, в чем дело, он тихо произнес:—И каким образом она там очутилась?

Примерно в четырехстах футов от берега на волнах покачивалась лодка. В первое мгновение я было подумал, что это прибыли наши спасатели. Но затем взглянул на берег и заметил, что нашей шлюпки на обычном месте не было.

Конни тоже поднялась. Изучив ситуацию, она только скривила лицо.

Эндрю повернулся ко мне.

– Что тебе известно об этом?

– Ничего.

– Конни?

– Не спрашивай меня.

– Вы оба должны были нести вахту.

– Мы не заметили ничего необычного, – оправдывался я.

– А это необычное как раз и произошло. Не могла же шлюпка встать на ноги и забраться в воду.

– Никак нет, сэр.

Словно всем нам троим одновременно пришла в голову одна и та же мысль, мы неожиданно повернули головы в сторону спящих. Билли, Кимберли и Тельма лежали там, где и должны

были: никто из них не прокрался мимо нас и не вышел в лодке на предрассветную прогулку.

– Вы уверены, что оба ничего не знаете? – обратился Эндрю ко мне и к Конни.

Мы только покачали головами.

– Этой ночью у нас определенно был гость, – заключил Эндрю. – Проскользнув мимо вас, он спустил нашу лодку на воду. Вы случайно не заснули?

– Нет, сэр, – отрапортовал я.

– А ты? – он сверкнул глазами на Конни.

– Нет.

– Тискались?

– С ним? – она презрительно поморщила нос. – Спустись на землю.

– Мы ничего не делали, – подтвердил я.

– По всей видимости, это относится и к несению дежурства. Хорошо еще, что нашему другу не пришло в голову перерезать кому-нибудь горло, пока он находился поблизости.

Конни съежилась, и лицо ее позеленело.

– Просто сногшибательная парочка часовых! – воскликнул Эндрю.

Я хотел было указать ему на то, что визит злоумышленника вполне мог иметь место и во время чьего-то еще дежурства—даже его собственного, — но решил не делать этого. В конце концов, мы могли бы, по крайней мере, заметить отсутствие шлюпки.

Конни тоже не пыталась оправдаться перед отцом. Судя по ее болезненному виду, я не сомневаюсь, что она вспоминала свою прогулку на скалы. Уверен, ей не давал покоя вопрос, где находился убийца в тот момент, когда она приседала за скалой.

— Что там за переполох? — Вопрос задала Билли. Мы обернулись в ее сторону. Она лежала на боку, приподнявшись на локте. Казалось, верхняя грудь вот-вот вывалится из купальника, но пока что все было в рамках приличий.

— Наш приятель, — начал объяснять Эндрю, — прокрался сюда прямо под носом этих сверхбдительных стражей и столкнул шлюпку в море.

Нахмурившись, Билли села. Наблюдать за ней было одно удовольствие—все эти колышущиеся тела, едва сдерживаемые черным бикини.

Но, увы, ничего не выпало. Поднявшись на ноги, она стала расправлять купальник. Возясь с бикини, Билли прищурившись высматривала шлюпку в бухте.

– Может, накатила волна и смыла лодку в море? – предположила она.

– Совершенно невозможно, – возразил Эндрю. – Это было сделано умышленно. Человеком. И почти наверняка тем, который убил Кита.

– Что будем делать? – поинтересовалась Билли. – Мы ведь не можем оставить ее там? А что, если вдруг возникнет крайняя необходимость в ней? Пускай даже ты считаешь, что нам не следует пытаться достичь другого острова...

– Но она никуда еще не делась, – заметил Эндрю.

– А по мне, так ее уже не спасти.

– Я сейчас поплыву и верну ее.

Билли посмотрела сначала на него, потом на шлюпку.

– Нет, ты не поплывешь.

– Нет, поплыву.

– Ты не сможешь заплывать так далеко.

– Очень даже могу.

– Я не имею в виду, что ты не можешь. Ты не сделаешь этого, вот что я хочу сказать. Тебе ведь уже шестьдесят.

– Не напоминай мне о моем возрасте, черт возьми! Я обгоню в воде любого из вас.

Я робко поднял вверх руку—подобно перво-класснику, который считает, что знает ответ, но не совсем в этом уверен.

– Я могу поплыть и пригнать назад шлюпку, – предложил я.

– Не смей меня, – сказал Эндрю. – Я видел, как ты плаваешь, если это вообще можно назвать плаванием.

– Тогда, может, пусть себе плывет? – произнесла Билли. – Лодка не стоит того, чтобы...

– Нет! – вскрикнула Конни. – Это наш единственный шанс выбраться отсюда! Необходимо ее вернуть!

– Она права, – согласился Эндрю, расстегивая ремень.

Билли положила руку ему на плечо.

– Нет. Погоди. Кимберли плавает лучше всех

в семье, и если кому и плыть, так это ей.

Кимберли производила впечатление спящей: лежала, уткнувшись лицом в тряпичную подстилку, отодвинув согнутую в колене ногу, и совсем не шевелилась. Одна ее ладонь пряталась под лицом, другая рука была вытянута в сторону, словно Кимберли тянулась за чем-то.

Может быть, за Китом.

На ней все еще была его гавайская рубаша. Цветистая материя рябилась от ветерка. Во сне рубашка смялась и обнажила кусочек спины над плавками.

Господи, как здорово выглядела эта юная ле-
ди!

– Я не собираюсь ее будить для этого, – за-
протестовал Эндрю. – Ни за что. Только не я. –
Скинув шорты, он отдал их Билли и стоял теперь
перед нами в одних трусах. Они приспустились,
и ему пришлось подтянуть их. (Подобно Тельме,
Эндрю отправлялся на пикник без намерений ку-
паться. Они оба оставили свои купальники на ях-
те.)

Билли снова нахмурилась.

– Эндрю, – попросила она, – Не надо...

– Ради Бога, женщина.

– Не делай хоть меня вдовой, – тихо промолвила она.

Он насупился.

– В тот день, когда я буду не в состоянии проплыть столько, сколько сейчас до шлюпки, считай, что я уже покойник. – Подморгнув, он схватил ее за плечи, притянул к себе и сочно чмокнул в губы. – Это тебе, пока я не вернусь назад.

– Все равно не хочу, чтобы ты плыл.

– Боже, ты меня сглазишь! – И шлепнул ее по заднице.

Видимо, достаточно сильно, потому что она вздрогнула и поморщилась.

– Не успеете и глазом моргнуть, – пообещал он. Затем развернулся на месте и зашагал вразвалочку к воде.

– Дурачок! – буркнула Билли. Казалось, несмотря на раздражение, она гордилась своим мужем.

– С ним все будет в порядке, – заметила Конни. – Он доплывет туда, даже не запыхавшись.

– Да, он действительно в отличной форме, – согласилась Билли.

Но когда я смотрел, как Эндрю бредет по колено в воде, мне пришла в голову мысль, что он больше похож на старую кривоногую обезьяну. Правда, этим наблюдением я ни с кем не поделился.

– Может, и мне поплыть с ним? – спросил я у Билли.

– Куда тебе, – твякнула Конни.

– А тебя я не спрашиваю.

– Ему это может не понравиться, – ответила Билли, не сводя глаз с мужа. – Он убежден, что отлично способен справиться со всем самостоятельно.

– А вчера заставил меня взобраться на дерево за Китом, – возразил я.

Билли покачала головой.

– Неужели? Наверное, он не очень уверенно чувствует себя на высоте.

– Папина стихия—вода, – опять вмешалась в разговор Конни.

Бухта была очень мелкой, и Эндрю пришлось

дойти почти до мыса, прежде чем он смог пуститься вплавь. Благодаря рифу, настоящих волн не было. Были лишь небольшие и спокойные, которые совершенно не мешали плыть. Поэтому Эндрю двигался ровно и не спеша. Хотя шлюпку относило все дальше от берега, расстояние между ними медленно уменьшалось.

Не успел я опомниться, как Кимберли уже стояла рядом со мной.

– Привет, – поздоровался я.

– Привет, – ответила она. – Что происходит?

– Твой отец поплыл за шлюпкой.

– Это там наша шлюпка?

– Ага.

– Каким образом она так далеко заплывала?

– Мы не знаем, – признался я. Билли вступила в беседу со словами:

– Эндрю считает, что этой ночью к нам прокрался убийца и спустил шлюпку на воду.

– Господи, – пробормотала Кимберли, прикладывая козырьком ладонь ко лбу. – Как далеко она успела отплыть!

– Мы собирались послать за нею тебя, – про-

должала Билли, – но твой отец пожелал сделать это сам.

– Не хотел тебя будить, – добавил я.

– Ну и зря, – произнесла тихо Кимберли и, не спрашивая ни совета, ни разрешения, скинула рубашку и ринулась к воде. И не трусцой, а спринтом. Зрелище было потрясающим. Она неслась по пляжу с развевающимися блестящими черными волосами, размахивая руками и высоко вскидывая колени, молотя ногами сначала песок, затем воду. Когда Кимберли поплыла, сама вода, казалось, уступала ей дорогу, разлетаясь в стороны миллионами искрившихся на солнце брызг и переливаясь жидким золотом по ее темным плечам, спине и ногам.

– Но ведь она ему не нужна, – скривилась Конни. – Боже! Всегда ей надо во все вмешиваться и быть первой.

– Все нормально, – сказала ей Билли.

– Ага, как же. А какой смысл? Она даже не успеет его вовремя догнать.

До этого момента я наблюдал за тем, как Кимберли пробиралась по мелководью, но те-

перь посмотрел вперед. Только через несколько секунд я смог отыскать Шлюпку, а потом и Эндрю, который уже был совсем рядом с нею.

Когда я перевел взгляд на Кимберли, она нырнула. На несколько мгновений она исчезла под водой, затем вынырнула на поверхность и поплыла, делая стремительные и энергичные взмахи руками.

Боже правый, как быстро это у нее получалось! Но все же не настолько быстро. Кимберли была примерно на полпути к шлюпке, когда Эндрю настиг нашу беглянку.

– Он сделал это! – радостно воскликнула Билли.

Было видно, как там, вдалеке, Эндрю поднял из воды обе руки и ухватился за планшир возле носа. Затем со дна шлюпки кто-то поднялся.

Я думал, меня схватит кондрашка.

Конни ойкнула.

А Билли вскрикнула:

– Мой Боже!

Кто это был, мы не разглядели. Невозможно было даже сказать, мужчина или женщина. Ясно

только было, что это человек, и что он внезапно поднялся со дна лодки и вознес обеими руками над головой какой-то предмет.

Предмет этот был похож на топор.

Описав дугу, он опустил вниз, прямо на макушку Эндрю. Тот отпустил планшир.

И исчез под водой.

Я чувствовал себя, словно после сильного удара в солнечное сплетение.

Конни, казалось, свихнулась. Она пронзительно завизжала:

– Папа! Папа!

Но Билли не потеряла головы. Должно быть, подобно мне, она поняла, что в эти мгновения бесполезно было оплакивать Эндрю. Если мы видели то, что видели, ему уже невозможно помочь.

Сейчас опасность угрожала Кимберли.

Она все еще плыла к шлюпке. Неужели она ничего не видела? А, может, видела, и намеревалась что-то предпринять.

Билли закричала:

– Ким! Ким! Берегись! Возвращайся назад!

– Что происходит? – раздался за спиной голос Тельмы. Оглянувшись, я увидел, как, покачиваясь, она приближается к нам.

Не обращая на нее внимания, Билли продолжала взывать к Кимберли.

Задрав кверху голову, Конни ползала на руках и коленях, направив безумный взгляд на место убийства и вопя изо всех сил:

– Папа!

Отбросив в сторону кроссовки, я бегом вскочил в воду.

Одному Богу известно, на что я надеялся.

Спасти Кимберли, надо полагать.

Когда я еще разгребал воду коленями, слышался звук мотора. И я перестал бежать. Находясь почти по пояс в воде, я увидел, как шлюпка начала уходить вправо. Убийца сидел, согнувшись на корме, управляя лодкой.

Возможно, это был Уэзли.

Хотя мог быть кто угодно.

Лодка набирала скорость.

Кимберли продолжала плыть, но к тому времени, когда она добралась до места, где произо-

шла трагедия, от лодки и след простыл.

**Уноси готовенького. Кто на
новенького?**

Я теперь последний, оставшийся в живых мужчина. На первый взгляд, положение, вроде, завидное: единственный представитель мужского пола на тропическом острове с четырьмя женщинами.

Впрочем, одно большое "но".

Трое других мужчин уже были убиты в необычайно короткий срок. (Это если включать сюда Уэзли, который, если не сам убийца, то тоже мертв.)

Женщины пока все целы и невредимы.

Это наводит на мысль, что быть мужчиной на этом острове небезопасно.

Другими словами, как вы думаете, кто следующий?

И совершенно неясно, что нужно делать. Покинуть остров я не могу—убийца угнал нашу моторную лодку, и где она сейчас, определить невозможно. Последний раз, когда я ее видел, она уплывала на север. В это время мы с Кимберли вытаскивали тело Эндрю на камни за оконечностью мыса. (Примерно в том месте, где вчера вечером мы с Билли мыли посуду.)

Сейчас, когда я увидел собственными глазами рану, сомнений в том, что орудием убийства был топор, больше не оставалось. Череп был практически разрублен напополам сверху вниз до челюсти. Задняя часть головы осталась, можно сказать, невредимой, но передняя, включая лицо, представляла собой огромный зияющий пролом, и, когда мы втаскивали Эндрю на камни, из его головы все еще сочилась какая-то кровавая липкая слизь. В жизни не видал такой ужасной раны, и, если бы надо было определять по одному лицу, Эндрю вряд ли можно было опознать.

Какая, должно быть, мука для Кимберли—видеть отца в таком состоянии. Но в ситуации была и доля зловещей иронии. Вчера Эндрю из кожи лез вон, чтобы защитить дочь от шока, который она могла испытать при виде тела Кита. А теперь перед ней был он сам, с гораздо более страшными увечьями, чем Кит, — и ничего не мог поделать с этим.

И меня стошнило.

Кимберли, впрочем, оказалась выносливее. После того как мы вытащили тело из воды, она

примостилась на камне, повернувшись к нам спиной. Она сидела лицом к морю, поджав ноги и обхватив руками колени. Это была та самая поза, в которой она долго сидела вчера на пляже после того, как похоронила Кита.

Наша моторная лодка к тому времени почти скрылась из виду.

Я подумал о том, не присесть ли рядом с Кимберли и, быть может, даже положить ей руку на плечо. Мне очень хотелось это сделать. Успокоить ее. Но я не был уверен, что меня правильно поймут, и отказался от этой мысли.

Нарушив молчание, я спросил:

– И что будем делать дальше? Она лишь покачала головой.

– Нельзя, чтобы другие увидели его таким, – уточнил я, предположив, что именно это сказал бы Эндрю, если бы был в состоянии говорить.

Но она лишь молча смотрела вдаль.

– Может, сходить за одеялом или чем-то в этом роде? – предложил я.

– Да, да, – тихо промолвила она.

– Ты останешься здесь?

Она кивнула.

Но когда я повернулся и уже собрался уходить, Кимберли остановила меня.

— Нет, погоди. — Затем поднялась на ноги. Когда повернулась, я увидел, что она тихо плачет. Смахнув слезы, она шмыгнула носом:—Одну секундочку, ладно?

— Конечно.

— Я сейчас перестану. . . одну секундочку.

Я старался не смотреть на нее. Потому что чувствовал себя виноватым—нехорошо было в подобной ситуации—когда в трех футах в стороне лежал на камнях с раскрытым черепом ее отец—обращать внимание на то, как замечательно она выглядела в своем бикини.

Она снова вытерла глаза. Затем тихо произнесла:

— Спасибо за помощь, Руперт.

Я пожал плечами.

— Ты прав. В том, что не следует показывать его в таком виде. Бог свидетель, мне очень жаль, что. . . Ему наверняка хотелось бы, чтобы его запомнили таким, каким он был всегда. Понима-

ешь?

— Поэтому я и подумал, что лучше сходить в лагерь и принести что-нибудь, чем можно было бы его прикрыть.

— Я собираюсь отбуксировать его за риф.

— Что?

— Похоронить его в море. Он всегда этого хотел.

— А может, нам следует положить его рядом с Китом? Ты так не думаешь? Чтобы можно было его взять с собой, когда нас спасут?

Кимберли покачала головой:

— Кит—это совсем другое. Папа предпочел бы именно такие похороны.

— А мнение Билли тебя не интересует?

— Приведи ее сюда. Конни и Тельму тоже. Пусть все сюда придут. А я пока спущу папу в воду.

— Может, тебе помочь?

— Нет, ступай в лагерь.

У меня был выбор: плыть или идти по камням. Поскольку я был без обуви, выбрал первое.

Билли и Конни все еще сидели на пляже—

рука матери лежала на плече дочери. Тельма стояла поблизости: она наблюдала за мной, покачивая головой и всхлипывая.

План Кимберли не встретил ни у кого возражений. Очевидно, Эндрю давно уже дал понять Билли и своей дочери, что желает быть похороненным в море.

Я обулся, и мы вчетвером направились по камням к окончности мыса.

Кимберли не успела далеко отойти. Она брела по мелководью футах в тридцати—сорока от берега. Тело Эндрю покачивалось на волнах рядом с ней. Несмотря на то, что вода была кристально чистой, его ужасной раны не было видно. Сказывалось расстояние. К тому же Кимберли повернула его лицом вниз. Но главным ее союзником было солнце, которое, отражаясь от поверхности воды, почти слепило. Единственным, что можно было достаточно хорошо разглядеть, была обросшая седыми волосами спина Эндрю. И еще—его правая рука.

Она была протянута в сторону, потому что за нее и тащила отца Кимберли.

— Я собираюсь отбуксировать папу в море, — объявила она. — Никто не против?

Конни и Тельма ревели белугами. Билли вытерла рукой глаза и сказала:

— Я тоже поплыву. — Затем сошла с камней в воду и направилась к Кимберли и Эндрю. Она подплыла к другому боку мужа и взяла его за левую руку.

И они поплыли в открытое море, буксируя своего мужа и отца.

Поистине трогательная картина. Я и сам прослезился—а я никогда особенно не любил Эндрю.

* * *

Это было пару часов назад. После морских похорон мы возвратились в лагерь.

Обстановка—мрачнее некуда.

Билли, Кимберли и Тельма потеряли своих мужей (так или иначе), и это всего за пару дней, которые мы находимся на острове. Мало того, сегодня Кимберли, Тельма и Конни лишились еще

и отца.

Я единственный, кто не потерял одного или сразу двоих близких, и опасаюсь, что следующей жертвой окажусь сам.

Записи я веду сегодня прямо здесь, на берегу. Хотя и не удастся совершенно забыть о нашем бедственном положении, все же работа позволяет думать о чем-то другом, а не только о том, в какой опасности я нахожусь.

Ведь то, что я следующий в списке жертв, не вызывает никаких сомнений, не так ли?

Он убьет меня, и тогда на его пути больше не останется ни одного мужчины.

На пути к чему?

К женщинам.

Ему нужны женщины.

Нам лучше придумать что-нибудь, прежде чем будет слишком поздно.

У нас созревает план

Вторая половина утра, а я заканчиваю писать с огромным чувством голода. Впрочем, никто еще не завтракал. Судя по виду женщин, мысли о еде вернутся к ним не скоро.

Завтракать в одиночку показалось мне нарушением этикета жертв кораблекрушения—это могло быть истолковано как попытка урвать больше, чем тебе причитается. С другой стороны, не хотелось беспокоить никого из женщин—они были поглощены трауром.

Будучи единственным, кто не потерял мужа или отца (или обоих сразу), я чувствовал себя еще более чужим. Я вообще еще не терял никого, кого сильно любил. И вот в их жизни произошли столь драматические перемены, а меня это совершенно не задевало.

Даже досадно, до определенной степени, разумеется. Может, потому, что я совершенно не сомневался, что буду следующей жертвой убийцы. И еще потому, что был голоден, а они, похоже, стали ко всему безразличны, включая и меня.

Для них я как бы вовсе не существовал. По крайней мере, мне так представлялось.

Я решил, что все равно никто обо мне не вспомнит, так почему бы не прогуляться? Мне хотелось посмотреть на лагуну—и поплавать в ней—еще с того момента, когда я услышал о ней от Кита и Кимберли. Теперь, похоже, наступило самое подходящее время для экскурсии в те места. Так что, закинув ранец за спину и прихватив одно из копий, я зашагал по направлению к джунглям.

Страх я не испытывал.

Если какие-нибудь обитатели джунглей попытаются на меня напасть, они об этом пожалеют.

Что касается убийцы—я полагал, что он в это время находится слишком далеко и не сможет причинить мне зла. И хотя я не знал, насколько велик наш остров, и несмотря на то, что за истекшие три часа убийца вполне мог вернуться, мне почему-то казалось, что он все еще за много миль отсюда.

К тому же рано или поздно он все равно должен меня убить.

И всем на это глубоко наплевать.

Я все еще шел по песку, с горькой решимо-

стью направляясь к тому месту, где из джунглей вытекал ручей, когда меня окликнула Кимберли:

– Руперт! Ты что надумал?

Я оглянулся.

– Просто хотелось посмотреть на лагуну.

– У тебя все дома? Возвращайся немедленно.

– Это недолго. – Я начал пятиться назад. На меня теперь смотрели все четыре женщины.

– Руперт! – выкрикнула Билли.

– Ты не можешь идти один, – крикнула мне Кимберли. – Если уж тебе приспичило идти к лагуне, мы все пойдем с тобой.

– Нет, это необязательно. – Неожиданно мне стало совестно. Разумеется, было приятно, что ты все-таки кому-то не совсем безразличен—а я оказался таким эгоистом: бесчувственным и докучливым.

– Мне кажется, нам следует перекусить, – вступила в разговор Тельма. – А что думают остальные? Потому что лично я умираю с голоду.

– Прекрасная мысль, – обрадовался я. Как только я повернул назад, все сразу прекратили обращать на меня внимание. Кроме Кимберли.

Та не сводила с меня глаз. Да и мой взгляд был словно прикован к ней.

Она стояла на песке, широко расставив ноги: гавайская рубашка отдувалась за ее спиной, волосы развевались. Левой рукой она подпирала обнаженное, если не считать тонкой полоски плавок, бедро, в правой сжимала копье. Кончик копья был погружен в песок у ее стопы, но все равно оно было выше ее головы.

Как жаль, что я не мог ее сфотографировать в этот момент.

А ведь Эндрю брал с собой фотоаппарат. (О чем я совершенно забыл, пока не увидел Кимберли в этой потрясающей позе.) Он должен быть в корзинке. Насколько мне известно, никто не вынимал его после взрыва яхты. Все же лучше, пожалуй, мне его не трогать. Во-первых, фотоаппарат не мой. Во-вторых, бегать с фотоаппаратом в такой день—слишком цинично.

Однако нам следовало бы сделать снимки тел. Никто не догадался. Должно быть, все остальные так же забыли о фотоаппарате, как я.

Фотографии действительно могли бы стать убедительным доказательством причин смерти Кита и Эндрю. (Эндрю на дне морском, но Кита еще можно было бы извлечь из его временной усыпальницы и сделать несколько снимков. Впрочем, выступать с подобным предложением я не собираюсь.)

Настроение мое резко изменилось после оклика Кимберли—не говоря уже о том, как потрясающе она выглядела.

Мы собрались возле груды нашего добра (у костра было слишком жарко и к нему мы подходили теперь крайне редко) и уселись вокруг нее на песке. Как обычно, заботы по приготовлению пищи взяла на себя Билли. Мы ели крекеры и сыр, оставшиеся после пикника. Сыр был двух разновидностей: острый швейцарский и копченый "эдам". Резала Билли армейским складным ножом Эндрю. Еще она раскупорила бутылку вина, которую Кит поднял со дна бухты. Это было "каберне совиньон Глен-Аллен", и, несмотря на то, что вино было теплым, вкус его показался удивительным. Мы передавали бутылку по кругу,

запивая вином сыр и крекеры. И болтали.

Сначала это была светская беседа. О еде, вине и погоде. Словно никто не хотел затрагивать неприятную тему. Но через десять минут Кимберли неожиданно произнесла:

– Я видела, кто это сделал.

Бац!

Тишина.

Все прекратили жевать и уставились на нее.

Мы понимали, что она имела в виду убийцу.

Поскольку большую часть времени Кимберли плыла с опущенной вниз головой, думаю, все считали, что она не могла его разглядеть.

Мы ждали, что она назовет имя убийцы. Но ее лицо было красноречивее любых слов. Тельма вскрикнула:

– Нет!

– Мне очень жаль, – едва слышно вымолвила Кимберли, став мрачнее тучи.

– Уэзли мертв!

– Нет. Я видела его так же четко, как вижу теперь тебя.

– Нет, это неправда.

– Прости, Тельма. Это был он. Именно его я видела. И это он убил папу.

– Ты лжешь!

Кимберли покачала головой.

– Я долго раздумывала, говорить ли мне. Уже почти решила притвориться, что не видела убийцу. Но это не привело бы ни к чему хорошему. Понимаю, как это тяжело, но тебе придется взглянуть правде в глаза: Уэзли жив и он убивает нас.

– Нет! – завопила Тельма. – Это ложь! – И разревелась. В руке она все еще держала надкушенный крекер с ломтиком сыра. Думал, выбросит его. Как же. Запихнула в рот. Затем перекувыркнулась назад, отползла на четвереньках подальше от нашей группы. Пошатываясь, поднялась на ноги и поковыляла прочь.

Кимберли тоже начала подниматься. Билли подняла руку и слегка покачала головой:

– Нужно придумать какой-нибудь план. С ней все будет в порядке.

И Кимберли села на место.

Тельма остановилась почти у самой воды и опустилась на песок спиной к нам.

Теперь, когда Тельма была вне пределов слышимости, Кимберли словно подменили. Гнев, казалось, переполнял ее:

– Грязный ублюдок! Я догадывалась, что это он. И Кита наверняка убил он.

– Вероятно, он вознамерился убить нас всех, – заметила Билли.

– Сначала мужчин, – добавил я.

– Что же нам делать? – спросила Конни. Похоже, она была больше напугана, чем ее мать или Кимберли.

– Нельзя сидеть сложа руки и ждать его следующего хода, – заявила Билли.

– Догадываюсь, кто на очереди, – промолвил я. И хотя Билли кивнула в знак согласия, она сказала:

– Им может оказаться любой другой, потерявший бдительность человек. Как я понимаю, он начал с Кита, затем убрал Эндрю, но... не мог же он наверняка знать, кто поплывет сегодня утром за шлюпкой. – Она в нерешительности остановилась. – Когда я думаю о том, как мы чуть было не отказались от попытки ее спасти...

– Если бы я только придержала свой глупый язык, – пожалела Конни.

– Не в этом дело, – произнес я. – Эндрю сам не хотел терять лодку.

– А я могла бы его остановить, – вымолвила Билли.

– Никто не виноват, – вмешалась Кимберли. – Никто, кроме Уэзли.

– Он чертовски хитрый, – заметил я. – Нам надо быть предельно осторожными.

– Одна осторожность нам не поможет, – возразила Билли.

Кимберли согласно кивнула головой.

– Нам нужен план действий.

– Я все еще убеждена, что нам следует покинуть остров. – Это была, разумеется, Конни.

– Нет, – возразила Билли. – Твой отец был абсолютно прав на этот счет: здесь у нас есть еда и вода, и мы сможем прожить тут бесконечно долго.

– Ага, как же. И взгляни, чем это для него кончилось.

– Это сделал Уэзли, – напомнила Кимберли. –

Поэтому нам надо устранить его.

– Или самоустраниться, – предположил я.

Билли удивленно взглянула на меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не сможет нас убить, если не сумеет нас отыскать.

– Ты предлагаешь прятаться?

– Это всего лишь предположение. Все дело в том, что прежде чем мы сможем что-нибудь предпринять против него, нам надо его найти. А сделать это весьма непросто. Он же, напротив, отлично знает, где мы. Потому что здесь, на берегу, мы все время на виду. Ему достаточно спрятаться где-нибудь поблизости в зарослях и выжидать благоприятного времени для нанесения удара. Но что, если он придет, а нас здесь уже не будет?

– Он нас найдет, – возразила Конни. Она всегда отличалась оптимизмом.

– Не обязательно.

Нахмурившись, Кимберли сказала:

– Я не горю желанием играть в прятки с этим негодяем. Я хочу с ним поквитаться. Загнать его

и убить.

– А почему бы не выманить его и убить? – предложила Билли.

– И как мы это сделаем? – поинтересовалась Кимберли.

– Инсценируем наше исчезновение, – пояснила Билли, кивнув мне головой. – Заманим его в засаду.

Мысль показалась мне привлекательной. Судя по выражению лица Кимберли, ей тоже.

– И как мы это устроим? – спросила она. Билли передернула плечами.

– Надо что-нибудь придумать.

И мы принялись обсуждать различные варианты, передавая по кругу бутылку. Несмотря на серьезные разногласия относительно общих принципов, в одном мы были единодушны: необходимо исходить из предпосылки, что Уэзли держит нас под наблюдением. А как можно разыграть исчезновение (тем более такое, которое позволило бы нам спрятаться поблизости и затем напасть на него) прямо у него на глазах?

Даже глубокой ночью, при погашенном кост-

ре, на берегу не будет достаточно темно, чтобы полностью скрыть нашу активность. Песок был слишком светлый, и слишком ярко светили луна и звезды.

– Костер гасить нельзя, – заметила Билли. – Он будет слепить Уэзли.

– Но, если мы не загасим костер, – произнесла Кимберли, – мы останемся на виду у него.

– Может, нам удастся придумать какой-нибудь способ обратить это нам на пользу, – предположил я. – Ну, знаете? Заставить Уэзли увидеть то, что нам бы хотелось. А пока он разглядит, что к чему, остальные могли бы прокрасться на боевые позиции.

Билли одобрительно кивнула.

– Отвлечь его.

– Правильно, – подтвердил я. – Если, скажем, один из нас покажет ему нечто такое, от чего он не смог бы оторвать глаз, остальные могли бы делать в это время все, что угодно.

– Это о каком же отвлекающем маневре ты говоришь? – спросила Конни, но по выражению ее лица я понял, что она, видимо, уже догада-

лась.

Пожав плечами, я проронил:

– Не знаю. Может, инсценировать драку. Это не совсем то, о чем я подумал вначале, но мне не хотелось оказаться тем, кто предложит стриптиз.

– Для драки надо по крайней мере два человека, – резонно заметила Билли. – Тогда для маневров и нападения останутся только трое.

– Просто это первое, что пришло мне в голову, – соврал я.

Правильно.

– Трех будет достаточно, – заявила Кимберли. – И я хочу быть среди них, вот как.

– Конни и Руперт, – сказала Билли, взглянув на каждого из нас прежде, чем заглянуть в глаза Кимберли, – они вполне могут поссориться во время своего ночного дежурства.

Ого, у нас уже начинает появляться ампула.

Но Билли на этом не остановилась.

– Настоящая отчаянная потасовка.

– Но не шумная, – добавила Кимберли. – Чтобы нас не разбудить.

– Верно. И пока они будут этим заниматься,

мы выскользнем из своих постелей и спрячемся.

– Где спрячемся? – переспросила Конни.

– Тебе никуда прятаться не надо, ты будешь драться с Рупертом.

– Я не себя имею в виду. Куда вы пойдете, чтобы Уэзли не смог вас увидеть? Скалы слишком далеко.

– Придется немного порыться сегодня в песке, – ответила Кимберли. – Выроем себе укрытия или...

– Пусть он подумает, что мы роем туалет, – сказала Билли.

– Итак, – подытожил я, – Конни и я отвлекаем его внимание крупной дракой. А вы тем временем незаметно занимаете исходные позиции для засады. Но как заставить Уэзли выйти из джунглей?

– Ты и Конни разъединитесь, – предложила Билли.

– Она убежит, – уточнила Кимберли. Как быстро они спелись.

– Она побежит к воде, чтобы отделаться от тебя, – продолжала Кимберли.

– Оставив тебя одного в расстройстве чувств у костра, – добавила Билли.

– Нет, надо, чтобы Руперт пошел в джунгли, – сказала Кимберли Билли.

– Правильно. В конце концов, вероятно, именно его Уэзли и хочет убить следующим.

– Только, пожалуйста, не слишком облегчайте ему задачу, – попросил я.

– Не волнуйся, – успокоила меня Кимберли. – Мы все время будем рядом, просто нас не будет видно. А когда он кинется на тебя, тут мы сразу и нападём.

– А что, если у него будет топор?

– Он не успеет им воспользоваться, – заверила Кимберли.

– Мы убьём его, прежде чем он к тебе приблизится, – поддержала ее Билли.

Конни подняла вверх руку. По ее лицу блуждала тень презрительной ухмылки.

Наш заговор определенно избавил девчонок от хандры. Они вели себя так, словно совершенно забыли о смерти Кита и Эндрю. Планирование мести—отличное средство против депрессии.

Впрочем, кое-что в нашем плане Конни было неясно.

– Почему вы так уверены, что Уэзли будет находиться в джунглях, когда все это станет происходить? Что я имею в виду. Я должна побежать к воде, верно? А если он окажется именно там? И вот я там одна-одинешенька, а вы будете дожидаться его здесь, причем совершенно напрасно.

Билли скривилась.

– Ты права.

– А зачем ей отходить от костра? – спросил я.

– Чтобы оставить тебя одного, – ответила Кимберли.

– А я и так буду один, когда пойду в джунгли. – Нельзя, чтобы Конни могла тебя видеть, – пояснила Кимберли, – иначе Уэзли не рискнет напасть на тебя. Испугается, что Конни заметит и поднимет тревогу.

– Надо, чтобы он думал, что все остальные спят на своих обычных местах, – добавила Билли. – Если Конни закричит и разбудит нас, нам пришлось бы бежать к тебе на выручку. А это не

в его интересах.

– Надо заставить его поверить в то, что ты совсем один, – подтвердила Кимберли. Конни снова принялась за свое:

– Если вы думаете, что я собираюсь куда-то убегать одна...

– Уэзли, вероятнее всего, будет в джунглях, – попыталась успокоить ее Кимберли.

– Как прошлой ночью, когда он увел нашу лодку?

– Я, кажется, знаю, что нам надо делать, – произнес я, перехватив хмурый взгляд Конни. – Мы ведь будем драться у костра, да? Так, предположим, я врежу тебе хорошенько, и ты отключишься?

– Ага, замечательно, – фыркнула она.

– Понарошку, – поспешил добавить я. – На самом деле я не буду тебя бить, ты просто упадешь и останешься лежать. словно без сознания. Таким образом ты окажешься невредимой и в безопасности—на свету и не очень далеко от остальных. Но для Уэзли ты уже не будешь представлять какой-либо угрозы.

– Неплохая идея, – похвалила Билли.

– Да, – согласилась Кимберли, – не вижу препятствий к ее реализации. Конни поморщила нос.

– Ну не знаю, – пробормотала она.

– И в чем дело? – поинтересовался я.

– Это выглядит... слишком пошло.

– Пошло? – возмутился я. – Этот тип убил твоего отца.

Не следовало этого говорить.

– Ты что думаешь, я этого не знаю? Мать твою! – она швырнула в меня горсть песка.

По крайней мере, хоть не копье.

Я резко повернул голову, зажмурив глаза и прикрыв рот. Колючий песок царапнул щеку и попал в ухо.

– Хватит, Конни! – одернула ее Билли.

– Какой негодяй!

– Остынь, милая. Дело в том, что мы обязаны сделать все, что в наших силах, пошло это или нет. И не только потому, что Уэзли убил твоего отца и Кита, – он убьет нас всех, если его не остановить.

– Может, да, а может, и нет. Я добавил:

– Разумеется, все будет просто замечательно, и он остановится после того, как пришьет меня.

Конни презрительно сверкнула на меня глазами.

– Да, да. Так оно и будет.

Уголки губ Кимберли поползли вверх в улыбке.

– У вас, ребята, получится очень убедительная сцена драки.

– Только, может быть, сохраните азарт до ночи? – предложила Билли.

Конни чуть ли не рычала.

– Угу-угу! – рявкнула она. Затем повернула голову и посмотрела в сторону Тельмы. – А что будем делать с нею?

Последовал краткий обмен мнениями. В результате было решено хранить наш замысел в тайне от Тельмы. С одной стороны, ее физическое состояние заставляло желать лучшего, и вряд ли она могла бы помочь в устранении Уэз-ли. С другой, она его жена, и, по всей видимости, все еще любит его, даже несмотря на то, что он разрубил ее отцу голову.

Решив таким образом держать Тельму в неведении, мы приступили к обсуждению возможного места засады.

”Туалет” будет располагаться примерно на половине пути от костра до края джунглей и на приличном расстоянии от ручья, делящего наш пляж на две равные части. (Маршрут Кимберли и Билли не должен пересекаться с костром. Удастся ли наш отвлекающий маневр или нет, нельзя, чтобы на них упал свет, когда они будут пробираться на свои позиции.)

В течение следующих часов мы рыли песок руками, копьями, чашками и котелками. Тельма поинтересовалась, что мы делаем. Ей объяснили, что строим туалет, чтобы больше не рисковать жизнью, бегая в джунгли. Похоже, наш замысел ей очень понравился и она даже помогала нам.

Во время рытья у нас возникла идея добавить еще что-то вроде плетня. Мы соорудили пару каркасов из веток, затем прошлись вдоль края джунглей и насобирали листьев. Когда работа была завершена, получилась кабинка с двумя стенками, высотой примерно в четыре фу-

та. Стенки стояли параллельно краю джунглей, так что Уэзли не мог видеть, что происходило за ними—по крайней мере, если бы он смотрел отсюда, где, по нашим прогнозам, должен был находиться.

Ложная уборная призвана была обеспечить надежное укрытие для Кимберли и Билли, если им удастся пробраться туда незаметно.

Однако уже вскоре возникла небольшая проблема—Тельма захотела испытать новый туалет.

К тому времени я сидел за своим дневником, но находился в пределах слышимости.

Кимберли перехватила ее.

– Что ты собралась делать? – поинтересовалась она.

– А ты как думаешь? – ответила та.

– Это не совсем удачная мысль.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не можешь пользоваться им.

– Как так? – возмутилась Тельма. – Я помогала его строить.

– Никому нельзя ходить туда до завтра.

– Это еще почему?

– Он должен устояться, – пояснила Кимберли.

Тельма в недоумении насупилась:

– Что?

– Песку необходимо время, чтобы осесть.

Иначе он обрушится и завалит яму.

– Ты с ума сошла?

– Нет, это правда.

Тельма покачала головой.

– Никогда не слышала ничего подобного.

– Это правда, – пришел на выручку я. – Песчаный туалет никогда не используют на первый день. Мне казалось, это всем известно.

Тельма поморщилась. Вид у нее был довольно озадаченный и слегка подозрительный.

– И куда я должна идти в таком случае? – обратилась она к сестре.

– Куда и всегда. – И Кимберли кивком указала в сторону джунглей. – Я сейчас позову Билли и Конни. С этого момента мы повсюду будем ходить вместе.

– А как же быть со мной? – поинтересовался я. Прищурившись, Тельма презрительно смерила

меня взглядом. Но Кимберли, впрочем, молодчина. Уж она-то знает, что я просто ей подыгрываю.

– Думаю, тебе и здесь будет неплохо. Мы не будем далеко заходить.

– Вы уверены, что обойдетесь без защиты? – спросил я.

– Мы справимся, Руперт.

– Как знаете.

И все дамы повалили гурьбой в кусты без меня. Я остался на прежнем месте, но на время оторвался от своего дневника. Не хотелось, чтобы что-то отвлекало, на тот случай, если неожиданно из-под земли вырастет Уэзли и попытается напасть на меня.

Впрочем, несмотря на некоторый страх, мое положение было довольно безопасно. Во-первых, со всех сторон меня окружали хорошо просматриваемые участки песчаного пляжа. Во-вторых, я был довольно неплохо вооружен—копье, дубинка и целый набор камней—все это было под рукой.

К тому же дамы не удалялись далеко. Они углубились в джунгли ровно настолько, чтобы я

не мог их видеть. Мне даже были слышны их голоса, так что я был уверен, что и они меня услышат, если мне придется звать на помощь.

Но ничего не случилось.

После этого вообще не было никаких происшествий. Я неспешно продолжал заполнять страницы дневника, изредка поглядывая на девчонок. Кимберли и Билли некоторое время плавали. Конни взобралась на утес, но постоянно держалась на виду. Тельма сидела и дремала.

Вероятно, и мне следовало бы немного вздремнуть. Потому что ночь обещала быть длинной.

День четвертый

Отвлекающий маневр

Тельма уснула вскоре после сумерек. И это было замечательно, поскольку нам надо было ее как-то нейтрализовать. В течение дня она много спала, и это настораживало. Я опасался, что Тельма могла в любой момент проснуться и больше не уснуть всю ночь, что могло поставить под угрозу подготавливаемую нами засаду.

После того как Тельма отошла ко сну, я поделился своими опасениями с остальными.

– Нет ничего удивительного в том, что в период сильных эмоциональных потрясений люди спят намного больше обычного, – успокоила меня Билли. – Это один из способов преодоления неблагоприятной ситуации.

До замужества Билли была школьной учительницей. Она преподавала английский, но, чтобы стать учителем, надо неплохо разбираться в психологии—по крайней мере, в штате Калифорния. Вероятно, попутно она усвоила и эту теорию о бегстве от реальности в сон.

– А мне сейчас как раз меньше всего хочется спать, – заявила Кимберли.

– Ты намного сильнее Тельмы, – подчеркнула

Билли.

– Худая, злая и убийственная, – добавил я. Чем заслужил от Кимберли дружественную хищную ухмылку. Билли театрально закатила глаза, а Конни злобно заурчала. (Всем не угодишь...)

Так или иначе, но мы просидели возле костра еще примерно с час, болтая о том о сем. О засаде почти никто не вспоминал, но готов поручиться, это было главное, что нас тогда всех заботило. Мы и говорили о пустяках для того, чтобы не заикнуться на этом.

Меня жутко знобило, и я несколько раз даже покрывался гусиной кожей. Но причиной моего озноба был вовсе не прохладный ночной бриз. Бриз действительно был, но теплый, и доставлял лишь приятные ощущения. Причем настолько приятные, что сразу после заката я даже скинул рубашку.

В последнее время я стал иногда надевать рубашку, особенно в жару, чтобы защититься от солнечных ожогов. Впрочем, это скорее блузка, чем рубашка. Яркая розовая шелковая блузка, принадлежавшая раньше Билли. Ее вместе со

многими другими предметами выловили в бухте Эндрю и Кит. Сзади внизу она немного обгорела, но в остальном вполне приличная вещица.

Билли сама предложила ее мне. Это произошло еще в тот день, когда взорвалась яхта. (Кажется, прошло уже десять лет, не меньше.) Среди спасенного тряпья это была самая приличная вещь. Я поначалу отказывался, говорил, что она могла бы сама ее носить. На что Билли ответила:

– Если она мне понадобится, я буду точно знать, где ее искать.

Пока что она не потребовала блузку назад. Похоже, ей доставляет огромное удовольствие ходить все время в одном купальнике. (По-моему, я уже упоминал вначале, что у нее сильно выраженная тенденция к эксгибиционизму. Уверен, что если бы поблизости не было дочери, она бы продемонстрировала нам еще больше.)

Билли пользуется каким-то сильнодействующим лосьоном от загара. Может, когда он закончится, она начнет одеваться. Хочется, чтобы это наступило как можно позднее. Мне нравится, когда на ней ровно столько одежды, как сейчас.

Однако, судя по тому, как разворачиваются события, скорее всего мы не доживем до момента, когда надо будет волноваться об отсутствии лосьона.

К черту! Не хочу думать о том, что уготовано нам судьбой.

Вернусь-ка лучше к предмету, о котором можно писать с определенным наслаждением—к гардеробу.

Кимберли почти не снимает яркую цветастую гавайскую рубашку Кита. Но пуговицы никогда не застегивает, и рубашка всегда распахнута и часто отдувается сзади, благодаря чему всякий раз, когда смотрю на Кимберли, я получаю огромное удовольствие от вида ее обнаженной бронзовой кожи и узенького белого купальника.

У Конни такой же узкий купальник. Только оранжевый. Но она почти все время в тенниске: белой, огромной и просторной. Иногда тенниска спускается то на одно плечо, то на другое и, подобно короткому платью, закрывает ее чуть ли не до колен. Материя, правда, настолько тонкая, что просвечивает.

Тельма продолжает носить ту же...

Тельма.

Думаю, время прекратить бродить вокруг да около и рассказать о том, какая неудача нас постигла.

Не очень-то хочется, откровенно говоря.

Промедление, имя тебе—Руперт.

— Начнем, что ли? — как сказала Билли прошлой ночью у костра.

Мы тогда и сами тянули время.

— Все готовы? — спросила она.

Кимберли ничего не ответила и только решительно кивнула головой.

— Неужели мы и вправду это сделаем? — недоверчиво промолвила Конни.

— А ты можешь предложить что-нибудь лучше? — спросила ее Билли.

Конни поморщила нос.

— Он не оставил нам выбора, — добавила Кимберли. — Либо он, либо мы.

— Вы что, на самом деле собираетесь его убить?

— Если получится, — ответила Билли.

– У тебя есть нож, – напомнила ей Кимберли.

Армейский складной нож Эндрю был прикреплен на бедре Билли—его толстая пластмассовая рукоятка торчала из-за пояса плавок. Все лезвия и инструменты ножа были убраны.

– Тебе так хочется им воспользоваться? – спросила Кимберли.

Женщины обменялись пристальными взглядами, и свет костра вспыхнул огоньками в их глазах.

– Ты хочешь его себе, да? – едва слышно произнесла Билли.

– Да.

Да, какие уж тут церемонии.

– Ладно, – сказала Билли и, вытащив нож, протянула его Кимберли.

Та стиснула его в кулаке и прижала к животу. Билли быстро взглянула на меня и на Конни.

– Вопросы будут?

– Как будто нет, – ответила Конни.

– Я готов, – сказал я. – Только не дайте ему убить меня, ладно?

Кимберли поднялась на ноги. То же сделала

и Билли.

– Удачи вам обоим, – напутствовала она нас. – Постарайтесь, чтобы это выглядело реалистично.

– Постараемся, – пообещал я. – А вы будьте осторожны.

Бок о бок, с копьями наперевес, они удалились. Я сидел лицом к костру (а Конни на противоположной стороне), и поэтому мне пришлось выворачивать шею, чтобы проводить их взглядом. Сначала они пошли к ручью—обычный наш маршрут—чтобы попить воды и почистить зубы (пальцами). Затем отправились к скалам на северной половине нашего пляжа. Когда они начали подниматься, Конни гаркнула на меня:

– А ну не смотри, пошляк!

– А мне ничего не видно.

– Ты бы еще больше вытаращился. И я повернулся к костру—чтобы успеть отреагировать, если ей стукнет в голову метнуть в меня копье.

– У меня нет привычки подглядывать за справляющими нужду женщинами, – попытался я втолковать ей. – Может, ты этим и страдаешь,

но...

– Да пошел ты.

– Остынь, ладно? Просто посиди спокойно, и тогда, быть может, вспомнишь еще какие-нибудь слова.

– Какой остряк.

Я оглянулся через плечо, но уже не увидел ни Билли, ни Кимберли.

– Это для тебя такой кайф?

– Действительно.

– Осуществление мечты?

– Верно.

– На острове с толпой баб?

– И маньяком, который хочет меня убить.

Просто отпад! Эй, давай придержим это до нашего выхода—сцены драки—ладно?

Очередной гадости не последовало, так что мысль эта, вероятно, пришлась ей по вкусу.

Вскоре я вновь увидел Билли и Кимберли. Спустившись со скалы, они шли по пляжу. Перейдя ручей, Билли взмахнула рукой и крикнула нам:

– Спокойной ночи.

– До утра, ребята, – кинула нам Кимберли. Затем они разлучились и пошли к своим спальным гнездам, кроватям, как называет их Билли. Билли легла одна. Кимберли в нескольких ярдах от нее осторожно опустилась рядом с Тельмой.

С моего места их почти не было видно. Нет, нельзя сказать, что свет костра совершенно не достигал их, но он был такой слабый. Именно то, что нужно.

– Давай подождем немного, – предложил я Конни.

– Твоя воля для меня закон.

Я тяжело вздохнул.

– Что? – спросила она.

– Ничего.

– Как же.

– Ладно. Начнем с того, что мы действительно вляпались. Ну? Знаешь, люди погибли...

– Ты мне будешь рассказывать, – пробормотала она.

– Просто я подумал, что в сложившихся обстоятельствах было бы разумнее не ссориться между собой. Я хочу сказать, как это чертовски

нелепо—пререкаться друг с другом из-за разных пустяков, когда за нами охотится убийца. Понимаю, ты расстроена и напугана, но это не дает тебе права отравлять жизнь другим.

Она оскалилась.

– Это я-то тебе жизнь отравляю?

– Как мне хочется вклеить тебе такую затрещину, чтобы ты вырубилась.

– Что ж, в эту игру можно поиграть и вдвоем.

– Какого черта ты вообще пригласила меня на эту проклятую прогулку! Ты только и делаешь, что выказываешь мне свое неудовольствие.

– А может, мне нравится это делать?

– Понятно.

– Ты просто занюханный неудачник.

– Зачем ты попросила меня поехать с тобой?

Хотела продемонстрировать своей семье, какого неудачника подцепила себе в приятели? Но это абсурдно! Конечно, особой логики в твоём поведении я никогда не замечал, и все-таки...

– Ой-ой-ой!

– Почему я здесь? Зачем ты меня пригласила? Тебе нужен был кто-нибудь твоего возраста,

чтобы оттачивать на нем свое остроумие?

Она презрительно хмыкнула:

– А что я должна была делать? Куковать в одиночестве? Вот и решила, что лучше такой, чем никакого.

– Что ж, спасибо за комплимент.

– Сам напросился. К тому же мне раньше казалось, что ты мне нравишься.

А это уже был удар ниже пояса.

– Я думала, что люблю тебя, – довернула она.

Это и вовсе меня ошеломило, причем настолько, что я даже задумался, ложь ли это или правда.

– Если ты любила меня, – парировал я, – то у тебя был довольно странный способ демонстрации своих чувств.

– А что, надо было прыгнуть к тебе в постель?

– Нет.

– А мне, быть может, совсем не все равно, к кому прыгать в постель, приятель. Если хочешь знать, выбор производится с предельной тщательностью. Я должна на сто процентов быть уверенной в парне... а относительно тебя у ме-

ня с самого начала были сомнения. Слава Богу, что не легла под тебя. Но, возможно, тебе больше повезет с моей мамочкой... или с Кимберли. До противного очевидно, что ты охотнее трахнул бы одну из них...

– Прекрати! – прикрикнул я на нее. – Как так можно? Еще утром твоему отцу разрубили надвое голову. Как ты вообще можешь говорить такое, черт возьми?

– А может, пришло время поговорить начистоту? К чему врать и притворяться, если завтра нас все равно убьют? Понял? К черту! Отныне буду говорить то, что думаю.

– Хочешь сказать, ты раньше этого не делала? Выходит, ты меня дурачила? Но знаешь что? Не вижу я здесь никакой честности, а только то, что ты становишься все более стервозной.

– Пошел ты!

– Как оригинально.

Это, по всей видимости, было последней каплей.

Или она просто решила, что пора начинать шоу.

В качестве вступления она искривила лицо так, что стала похожа на маньяка. Затем злобно зашипела сквозь зубы и прыгнула на меня. Даже не дав себе труда обойти вокруг костра—просто сиганула через него. У меня не было времени встать, прежде чем она грохнулась на меня и повалила на песок.

Казалось, она превратилась в сплошные колени, локти и кулаки.

Не успел я опомниться, как эта милашка сидела верхом на моем животе. Колени и локти больше не месили мое тело, зато кулаки яростно молотили по лицу.

Я поднял руки, чтобы прикрыться.

И только вскрикивал:

– Остановись! Блин! Больно же! Эй!

Нисколько не сомневаюсь, что это была не просто комедия для Уэзли—Конни стремилась сделать мне по-настоящему больно.

И у нее неплохо получалось. У меня особое отношение к драке с девчонками. Просто я до этого никогда не опускаюсь, вот и все. Если ты не какой-нибудь извращенец или выродок, ты не

можешь не чувствовать глубокого отвращения к тем, кто способен поднять руку на женщину.

Поэтому, несмотря на то, что Конни обрабатывала меня довольно чувствительно, у меня и в мыслях не было дать ей сдачи. Я только пытался защититься, ставя блоки ее ударам. Затем мне удалось схватить ее за руки. Она задергалась и стала выкручиваться.

– Остановись! – запыхавшись, произнес я. Поскольку она не оставляла попыток вырваться, я взбрыкнул и сбросил ее с себя. Мы перекатились, и теперь я оказался сверху. Усевшись ей на бедра, я наклонился вперед и прижал ее руки к земле. Но она перестала извиваться, и, опасаясь, как бы она не сбросила меня, я вытянул ей руки за голову и налег на них всем весом своего тела. Теперь мы лежали животом к животу, грудью к груди, лицом к лицу.

Вскоре она прекратила сопротивление и легла подо мной, тяжело дыша.

Мы были настолько близки, что я чувствовал, как бьется ее сердце. Еще я ощущал толчки грудей и ее дыхание на своих губах.

– Слезь.

Я не двигался.

Она лежала под моими раскинутыми в стороны ногами и наши лобки были тесно прижаты. Там у нее было что-то вроде бугорка, который ритмично вздымался и опускался.

– Слезай, черт возьми!

Никогда еще я не был так близок к ней, а уж о таком физическом контакте и говорить не приходится. И это начинало сказываться.

– О, этого только не хватало, – пробормотала она.

Заметила.

– Слезь с меня, ради Бога. Предполагалось, что мы будем драться. Оставляю это на твое усмотрение...

– Извини. – Отпустив ее запястья, я, оттолкнувшись от песка, начал подниматься.

– Делай свое дело, – пробормотала она.

– Что?

– Как это что? Ударь меня, чтобы я отключилась.

– Может, для начала нам следует встать на

ноги?

– Зачем? Чтобы я могла упасть? Я уже лежу. Так что давай, бей.

– Так не годится. И выглядеть это будет малоправдоподобно.

– Ладно, – нехотя согласилась она. И ее правая рука взметнулась вверх. Удар в щеку был такой сильный, что меня отбросило в сторону, и я шлепнулся на спину. Она встала.

– Ты этого хотел? – спросила она.

– Угу, – буркнул я.

Это было не совсем то, как я себе представлял, но, по крайней мере, она была на ногах, так что Уэзли мог прекрасно ее видеть. Когда же я попытался подняться, она наскочила на меня и сильным ударом ноги отшвырнула меня на песок. Со второй попытки мне удалось поставить блок и взгромоздиться на ноги.

Более или менее.

И мы начали ходить кругами, пригнувшись и выставив вперед руки, словно пара кулачных бойцов. Когда она сделала выпад, как будто намереваясь схватить меня, я отскочил назад.

Неожиданно она стащила с себя тенниску и швырнула ее на песок.

– Так лучше? – спросила она.

Просто не верилось, что она это сделала. Мисс Добродетель. До этого она даже плавать ходила в рубашке. Но у нее был хороший загар. Значит, иногда она все же снимала ее, должно быть, это происходило в мое отсутствие.

Вид у нее был очень даже ничего.

– Надеюсь, теперь-то уж я завладела его вниманием?

– Вероятно.

– Что? Ты еще сомневаешься?

Ее правая рука метнулась к моему лицу.

И я получил пощечину.

Не сильную. Даже не так больно, как от прежних ударов, но было задето мое самолюбие. Это было откровенное издевательство, и она явно стремилась унижить меня.

Я прижал руку к щеке.

Хлопнув по тыльной стороне ладони, Конни отскочила назад.

– Они пошли, – бросила она мне.

– А?

– Твои подружки. Вспомнил? Наш план?

Я начал поворачивать голову.

Но Конни остановила меня. Я просто остолбенел, когда она, скрестив руки на груди, обеими руками ухватила за чашечки купальника и потянула его вверх. Грудь, казалось, выпорхнули из-под него. И вот они здесь, прямо у меня под носом. Неожиданно оказавшись на свободе, они изумленно закачались. Когда Конни подняла руки, чтобы сбросить бюстгальтер через голову, они словно расплылись и почти исчезли, превратившись в небольшие пологие холмики. Они вновь обрели прежние формы, когда она опустила руки вниз.

Они выглядели такими обнаженными. Загар на них напрочь отсутствовал, но отблески костра придавали им розоватый оттенок. Соски были большими и темными.

– Как думаешь, теперь-то он отвлекся? – поинтересовалась она.

Я даже не пытался ответить.

Прыснув со смеху, она одной рукой отшвыр-

нула оранжевый бюстгальтер в сторону, а другой шлепнула меня по лицу. И, прежде чем я успел отреагировать на пощечину, Конни была уже вне досягаемости.

И мы снова начали кружиться.

Смотреть на нее было сплошное удовольствие—то, как она двигалась, согнувшись и выставив вперед руки, совершенно голая, если не считать пояса и крохотного оранжевого клинышка плавок. Мерцающая красноватыми бликами костра кожа и золотистые волосы, и восхитительные груди, которые подпрыгивали и колыхались в такт ее пританцовывающим движениям и резким выпадам.

Для меня это был какой-то фантастически дикий сон.

Видимо, и для Уэзли это было довольно волнующее зрелище.

Идеальный и неотразимый отвлекающий маневр, если только тот, кого пытаются отвлечь, не покойник, слепой или гомосек.

И если наш костер был виден с наблюдательного пункта Уэзли, взгляд его не мог быть не

прикован к Конни. На этот счет у меня не осталось и тени сомнений.

Конни сделала еще один выпад и хлестнула меня снова.

Я не возражал.

Это был хороший хлесткий удар, но и зрелище было просто потрясающее.

– Сделай это сейчас, – промолвила Конни, вновь пытаюсь зайти мне за спину.

– Что?

– Выруби меня. Я покачал головой.

– Слишком рано.

– Нет. Они уже там.

– Ты уверена?

– Черт возьми, Руперт! Не тяни резину!

– Я не могу тебя ударить.

– Это понарошку, помнишь? Господи, да ведь ты же сам это все придумал. Давай выполним план! Я тебе помогу.

– Яне...

– Сейчас!

– Ладно, ладно.

И она пошла прямо на меня, широко расста-

вив в стороны руки, словно хотела стиснуть меня в медвежьих объятиях.

Я нанес удар круговым движением руки в направлении ее подбородка.

Конни налетела прямо на мой кулак.

Честное слово, я совсем не хотел ее бить. Получилось чисто случайно, провалиться мне на этом месте.

Но какой удар! Голова ее с хрустом вывернулась набок, щеки всколыхнулись, а губы чуть не слетели с лица, сплюнув веер сверкающих брызг в костер. Ее ноги все еще продолжали движение, но остальная часть тела резко остановилась и стала заваливаться назад. Шлеп! И она распростерлась на песке. Груды стали почти плоскими, словно на них налегли невидимые руки. Через мгновение они выпрямились, как на пружинах.

Конни лежала на песке, раскинув в стороны руки и ноги, и совсем не шевелилась.

Испугавшись, я подскочил к ней и бухнулся на колени возле ее головы. Глаза ее были закрыты, а челюсть отвисла. Она потеряла сознание, вне сомнения. Но дышала—было видно, как вздыма-

ется и опускается ее грудь. Так что я ее не убил. Я оглянулся по сторонам.

Тельма, похоже, спала мертвецким сном. Кимберли и Билли нигде не было видно, но они вполне могли наблюдать за мной. Вероятно, Уэз-ли тоже все видел. Так что я не позволил себе долго любоваться видом Конни. Рукам я тоже воли не давал.

Поднявшись на ноги, я вернулся к своему месту у костра и поднял свой "томагавк". Это оружие, которое смастерила Кимберли, состояло из крепкой рогатки с длинной ручкой и камнем на разветвленном конце. Камень был туго вогнан в развилку и намертво привязан полосками, нарезанными из джинсов, которые удалось спасти после взрыва.

Взглянув на Конни, я увидел, что она лежит в прежнем положении. Меня перекосило. Я таки вырубил ее. И я почувствовал не только угрызения совести, но и тайное удовлетворение. И еще я гордился своим самообладанием—как свербели у меня руки облапать ее, но я и пальцем к ней не прикоснулся. Какая выдержка! Тянет на медаль.

В действительности выдержка здесь совершенно ни при чем. Просто я боялся, что меня могла увидеть за этим занятием ее мамуля. А мне меньше всего хотелось, чтобы Билли узнала, какой я на самом деле похотливый дегенерат.

Так что, в последний раз с тоскою взглянув на Конни, я повернулся и шагнул в темноту прочь от костра.

Засада

Тельма лежала на своем тряпичном ложе, где ей и следовало быть: свернувшись калачиком, спала на боку, подложив под голову вместо подушки руку.

На тех местах, где они обычно спали, Кимберли и Билли оставили накрытые тряпками холмики в виде человеческой фигуры. Право, довольно слабая уловка. Вроде того, что мог бы сделать ребенок, прежде чем выбраться ночью в окно.

Впрочем, если разобраться, весь наш план засады, похоже, складывался из подобных бесхитростных и детских уловок.

Уловок, которыми невозможно было бы провести мало-мальски здравомыслящего взрослого.

(Несмотря на мнение Эндрю и некоторых других членов нашей группы, Уэзли был далеко не глуп.)

И чем дальше я отходил от костра, тем сильнее меня охватывало ужасное предчувствие того, что все наши старания напрасны—нам нисколько не удалось перехитрить его. Его не отвлекла выходка Конни. Он видел, как Билли и Кимбер-

ли пробирались в бутафорский туалет. Может, он уже тихо прикончил их обеих.

Примерно на полпути между костром и туалетом я остановился. Слишком темно было вокруг, черт возьми. Моим глазам нужно было какое-то время, чтобы адаптироваться.

Во всяком случае, такое я придумал для себя оправдание.

На самом деле я остановился потому, что неожиданно потерял способность передвигаться. От страха. Хотелось вернуться к костру, вновь почувствовать себя в безопасности в его свете, рядом с Конни. (Пусть она без сознания, все же лучше, чем никого.)

Но вернуться назад я не мог. Не хотел выглядеть трусом.

Так что заставил себя двинуться вперед. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я добрался до туалета.

Скосив взгляд в сторону, я увидел чьи-то смутные очертания в темной яме между стен. Мне показалось, что там всего один человек. Определить, кто это, не представлялось возмож-

ным. Нельзя было даже сказать, женщина это или мужчина.

Я стоял и пристально всматривался.

Прятавшийся в туалете человек не издавал ни звука.

Я сказал себе: "Это должна быть Билли или Кимберли".

Если не Уэзли.

Но из-за того, что тело совершенно не шевелилось, я подумал, что это все же одна из женщин, но мертвая.

Я почувствовал, что вот-вот пущусь наутек.

Что, разумеется, сорвет весь наш план.

– Кто там? – едва выдавил я из себя.

– Руперт? – хриплый шепот.

Но голос, похоже, принадлежал Билли.

– Да.

– Я так и думала, но...

– Где Кимберли? – прошептал я.

– Иди сюда, – позвала Билли, чуть приподнявшись в темноте.

Эту часть мы явно не репетировали. Я шагнул в темноту между ветвистыми стенками, которые

были мне чуть выше пояса. Казалось, Билли стояла на дне ямы, лицо ее находилось на уровне моих колен.

– И что я тут должен делать? – недоумевал я.

– Притворись, что зашел помочиться.

”Замечательно”, – подумал я.

Но вскоре все понял. В конце концов, вся эта комедия разыгрывалась ради Уэзли, и, если уж я нанес визит в уборную, мне надо было показать, что я оказался здесь не зря.

Так что я сунул томагавк под мышку, после чего начал изображать все подобающие случаю телодвижения—словно на самом деле подошел к выгребной яме.

Разумеется, я ничего не доставал.

– Что случилось с Кимберли? – шепотом спросил я.

– Она отошла. Мы решили, что нам лучше разделиться.

Я оглянулся вокруг, но Кимберли нигде не заметил. Пляж между мной и джунглями смотрелся серо и пустынно. За первым рядом деревьев

джунгли были черны. Повернув голову в другую сторону, я обвел взглядом наш лагерь. Спальный участок напоминал поле темных бугорков. Конни все еще лежала на спине у костра.

– А ты знаешь, куда она пошла? – всполошился я.

– В джунгли.

– С ума, что ли, сошла?

– Она хочет, чтобы и ты туда пошел, если Уэзли не нападет на тебя здесь.

– О!

– Если нападение произойдет здесь, она выскочит из зарослей и атакует его сзади.

– Сомневаюсь, что это произойдет здесь.

– Дадим ему еще немного времени.

– Но это... я имею в виду, помочиться, так много времени не занимает.

– Прекрати вертеться.

– Ладно, извини.

– Уэзли вряд ли будет замерять по секундомеру. Уверена, что он вовсе не следит за временем.

– Ну, не знаю. Я бы к этому времени уже справился со всеми делами.

Руки, едва различимые во тьме, поднялись, и я почувствовал, как ее ладони мягко легли на мои икры.

– Постой еще немного, – шепнула она. – Дай ему шанс.

– Ладно.

Ее руки заскользили вверх-вниз, лаская.

– Как, держишься?

– Пока что да.

– Не знаю, что бы мы без тебя делали.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Надеюсь, у вас не будет возможности выяснить это.

Она похлопала меня по ноге.

– Какой остроумный.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался я.

– Сносно. Скажется потом. После того, как мы разберемся с Уэзли.

– Должно быть, тебе жутко нелегко.

Молчание. Даже руки перестали двигаться. Затем она промолвила:

– У меня еще есть Конни.

– Да.

– Я видела кое-что из того, что с ней там случилось.

– Видела? – Несомненно, низкий плетень уборной был не такой плотный, как я думал. Мое лицо вспыхнуло. – И что же ты видела?

– О, ее небольшое стриптиз-шоу.

– А.

– Красивая девчонка, да?

– Вся в тебя, – заметил я, что больше льстило Конни, чем ей, и совсем не соответствовало действительности.

– Готова поспорить, что этим она тебя очень удивила.

– Что верно, то верно.

– Она дерзкая.

– Ага.

– И точно знает, чем можно привлечь внимание Уэзли.

”И мое”, – подумал я.

– Впрочем, с пощечинами она явно переборщила.

Билли и это видела. Мое лицо вновь пошло пятнами.

– Дерзкая, как ты и сказала.

– Иногда она бывает такой стервой. Но она—хороший ребенок. Внутри. Вероятно, ты уже успел это обнаружить.

– Ага, – подтвердил я.

Как же, расскажешь кому другому.

– Просто надо твердо стоять на своем и не поддаваться на ее провокации, понимаешь?

– Ты видела, как я отправил ее в нокаут? – спросил я.

– Ты что?

– Получилось случайно.

– Ты хочешь сказать, что ударил ее? – голос у нее был встревоженный, но не сердитый.

– А ты разве не видела?

– Должно быть, когда это произошло, я смотрела в другую сторону. Когда же вновь посмотрела в вашу, Конни уже лежала на спине. Я подумала...

– Нет, это не притворство. То есть, так все предполагалось, но она сама наткнулась на мой кулак. Впрочем, с нею все в порядке. – Я посмотрел в сторону костра. Конни все еще лежала, рас-

пластавшись на песке. — Уверен, что она уже пришла в сознание. Просто не поднимается, чтобы не испортить нашу игру.

— Ну...

— Мне очень жаль. Это действительно был несчастный случай. Я бы никогда не ударил ее умышленно.

— Хотелось бы верить.

— Честное слово.

— Ладно.

— Я лучше пойду, — сказал я. — И так слишком задержался. Уэзли может что-то заподозрить.

— Да, — стиснув напоследок мои ляжки, она отняла руки. — Кимберли будет на обычном месте. Иди медленно и гляди в оба.

— Ладно. Увидимся.

Сделав несколько шагов в сторону от уборной, я слегка поддернул вверх плавки, затем достал из-под руки томагавк и направился в сторону джунглей.

Страх все усиливался. Правда, я твердил себе, что Уэзли может и не быть там, и это очень помогало. Он вполне мог находиться сейчас за

много миль отсюда. С чего это мы решили, что он обязательно здесь? Быть может, шлюпка затонула с ним вместе. Или свалился с утеса. Или умер от аневризма или инсульта. Или его сожрал какой-нибудь человекоядный монстр, укусила ядовитая змея, поймал охотник за головами или доктор Моро...

Способов расстаться с жизнью невероятное множество.

Но мне почему-то все же казалось, что он прячется за этими деревьями в ожидании моего приближения с решительным намерением отправить меня к праотцам.

Единственная причина, по которой я еще передвигал ноги, была Кимберли.

Даже если мои страхи были беспочвенными, уж она-то точно пряталась там за деревьями, высматривая меня и решительно настроившись накинуться на ублюдка в тот момент, когда Уэзли бросится на меня.

Если Уэзли уже не завалил ее.

И хотя ноги начинали подкашиваться, я упорно шел вперед.

До края джунглей оставалось всего с дюжину шагов, когда все наши замыслы полетели к чертям собачьим.

Раздался истошный вопль Тельмы.

– НА ПОМОЩЬ! – заорала она. А затем: ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Я резко обернулся.

Она стояла на коленях над распростертым телом Конни, ее воздетые к небу руки были широко раскинуты в стороны, словно она хотела продемонстрировать размеры своего замешательства и страха.

– РУПЕРТ!

Она заметила меня.

Я взмахнул рукой, призывая ее оставаться на месте.

Но Тельма вскочила на ноги и побежала прямо на меня.

Я в сердцах выругался.

Потому что она могла все испортить.

Я продолжал подавать ей сигналы, но она, шумно пыхтя, приближалась, выпятив грудь и запрокинув назад голову. Если бы во время этого

рывка ее бюстгальтер, не дай Бог, порвался, бешено подпрыгивавшие груди наверняка прорвали бы блузку и отхлестали ее по лицу, а, возможно, и завалили назад.

Когда же она остановилась передо мной, я сам едва удержался, чтобы не дать ей в рожу.

Мне хотелось сделать это томагавком.

Но я не бью женщин.

Тем более, она ведь не знала, что все нам портила. В ее глазах происходящее выглядело совсем иначе: она просыпается, рядом никого, кроме голой и бесчувственной Конни.

Не ее вина, что она ошалела.

Не ее вина, что она сорвала весь наш план.

Не ее вина, что я неожиданно так сильно возненавидел ее.

Покачнувшись, Тельма остановилась передо мной и несколько секунд стояла с отвисшей челюстью, судорожно хватая ртом воздух.

– Что... происходит? – выпалила она.

– Мне надо сходить по-большому, – ответил я.

– *Что?*

– Ты знаешь.

– Не знаю. Ты... по-моему, не туда идешь.
Конни лежит без сознания. Что с ней?

– Я ее стукнул.

– Ты что?

– Мы подрались.

– Подрались? Из-за чего? Как получилось,
что она полуголая? Это твоих рук дело?

– Нет!

– Где Кимберли? Где Билли?

– Не знаю. – Не совсем ложь. Я не был уверен,
где точно они находились—и даже не мог
понять, почему Билли не выскочила из уборной
на перехват Тельмы.

Неожиданно мне стало страшно за нее.

– Билли! – позвал я. – С тобой все в порядке?

– Да. – Ее голос донесся со стороны туалета
и звучал не очень радостно.

– Теперь можно выходить.

Через несколько секунд из-за темного, покры-
того листьями плетня выползла Билли. Встав,
она медленно побрела к нам, неодобрительно по-
качивая головой.

Тельма встретила ее словами:

– Что все это значит? Что ты там делала?

– Использовала сооружение по назначению, – пояснила Билли. – Тебя это устраивает?

У Тельмы отвисла челюсть от изумления.

– Его нельзя было использовать до завтра!

– Что?

– Туалет должен выстояться. Песок еще не успел осесть. – Она повернулась ко мне за поддержкой.

– Это так, – подтвердил я.

– Никто из нас не должен был пользоваться туалетом до завтрашнего дня, – не унималась Тельма.

– О.

– А теперь ты, наверное, испортила его.

– Мы забыли тебя предупредить, – сказал я Билли. Затем, обернувшись к Тельме, произнес:—Вот видишь? Я же не воспользовался им. Вот почему я направлялся в джунгли.

– Один? – удивилась Тельма.

– А кого же мне брать с собой?

Она было открыла рот, словно хотела дать со-

вет, но затем схватила Билли за плечо и встряхнула ее.

– Видела, что он сделал с твоей дочерью?

Билли кивнула.

И мы все повернулись к Конни. Она все еще лежала на песке у костра, но уже не на спине. Должно быть, перекатилась, когда никто не смотрел.

– Думаю, с ней все в порядке.

– Руперт напал на нее, – высказала свою версию Тельма.

– Я не нападал.

– Чушь! – рявкнула она на меня. – Ты пытался сорвать с нее одежду.

– Успокойся, – сказала ей Билли. – Конни сама разделась.

– Нет, она не могла этого сделать. Зачем ей это? – Она гневно сверкнула на меня глазами. – А что ты сделал с Кимберли?

– Ничего.

– Тогда где она?

Мы с Билли переглянулись. Билли покачала головой, а я пожал плечами.

– Если мы не расскажем ей правду, – сдалась Билли, – придется выдумывать небылицы до второго пришествия.

– Да, знаю. Но послушай, дело в том, что мне еще нужно обделать, э, небольшое дельце. Почему бы вам двоим не вернуться к костру. Посмотрите, как там Конни, а заодно расскажешь Тельме о нашем плане. А я через несколько минут вернусь.

– Где моя сестра? – не желала отступить Тельма.

– Посмотрю, может быть, встречу ее там, – сказал я и, не желая больше испытывать судьбу, повернулся и направился в сторону джунглей. Уже у самых зарослей обернулся. Билли и Тельма медленно удалялись. Они шли рядом и, похоже, беседовали, но слов было не разобрать.

Из-за этой Тельмы я был так расстроен и зол, что позабыл о страхе.

Зайдя всего на несколько шагов в джунгли, я оглянулся, но пляжа уже практически не было видно—только небольшая светящаяся точка костра.

Насчет "по-большому", как я сказал Тельме, это, конечно, было преувеличение. Но вот помочь мне действительно очень хотелось. И то место, где я сейчас стоял, было ничем не хуже любого другого.

И поблизости, похоже, никого не было.

Конечно, в трех футах спокойно могли стоять Уэзли или Кимберли, а я их мог не видеть. Такая крошечная тьма.

Если я не могу видеть их, значит, они не могут видеть меня, успокаивал я себя.

И почти поверил в это.

Мои плавки без ширинки. Снимать я их не стал, а просто оттянул гульфик вверх и в сторону, благодаря чему образовалось удобное отверстие вокруг левой ноги. Придерживая плавки правой рукой, левой я держал томагавк.

Последний взгляд вокруг, и я занялся делом. Процесс обещал быть длительным.

Что меня совершенно не воодушевляло. Хотелось поскорее закончить и сматываться назад на берег.

Еще мне очень не нравился производимый

мною шум. Громкие, шелестящие всплески. Очевидно, я попадал по листьям или траве. Беззвучно помочиться в джунглях—дело немыслимое. Я было попробовал вихлять тазом, но изменилось лишь направление шума, а не его громкость.

В тот самый момент, когда напор уже начал ослабевать, я услышал, как кто-то сделал шаг. Сначала я даже не понял, что это был шаг. Уверенность появилась лишь после того, как я услышал второй.

Затем последовал третий, уже ближе.

К этому времени я, так сказать, закрыл свой ирригационный проект и демонтировал оборудование.

Переложив томагавк в правую руку, я замер и затаил дыхание.

И горько пожалел о том, что не остался на пляже, на своем месте у костра.

Шаги остановились.

Ярдах в двух?

Напрягая зрение, я попытался рассмотреть, кто там был, но вокруг были лишь пятна различных оттенков темно-серого—и много черного.

Это, вероятно, Кимберли, сказал я себе.

А если нет?

Право, это должна быть она. Услышала меня и пошла навстречу, затем остановилась, испугавшись, что спутала меня с Уэзли. Иначе и быть не могло.

Мы оба теперь стояли, пытаюсь убедить себя в том, что человек рядом не был Уэзли.

Ни с того ни с сего мне в голову пришла неприятная мысль.

А что, если она решит, что я—Уэзли, и нападет?

Нет, она этого не сделает. В конце концов, мой приход сюда в качестве приманки предполагался с самого начала. Кимберли меня должна была ожидать.

Но и Уэзли тоже.

Нельзя полностью исключить возможность того, что она обознается и по ошибке убьет меня.

Как бы там ни было, но ведь нельзя же мне здесь стоять всю ночь.

— Кимберли? Это я, Руперт, — тихо произнес я.

В ответ слышалось:

– Руперт? А это я, Уэзли.

Опасность, которой едва
удалось избежать

Уэзли, неисправимый придурок, очевидно, не смог устоять перед соблазном напугать меня до смерти. Стоило ему немного попридержаться язык, да подкрасться чуточку ближе, да махнуть топором—и я бы уже числился в покойниках.

Но ему непременно надо было ответить.

Моя реакция удивила меня самого.

Я не завизжал, не развернулся, не понесся очертя голову на пляж. А ведь именно такое свое поведение я бы и спрогнозировал, если бы меня спросили.

Может, конечно, не все устроены так, ко во мне, похоже, сидят, по крайней мере, два человека: один робкий и всегда играет по правилам, другой—маленький бесенок, и бесенок этот выскакивает в самые странные и неожиданные моменты.

Посудите сами: я стоял в темных зарослях, еще до ответа Уэзли напуганный до смерти—с дрожащими коленками и бешено колотящимся сердцем. Затем он сказал:

– Руперт? А это я, Уэзли.

И вместо паники я спокойно приветствую его:

– Эй, Уэзли, как оно, ничего?

– Лучше не придумашь.

– Рад слышать.

– Что это сегодня намечалось? Что-то вроде ловушки?

– Ага.

– И догадайся, кто в нее попал?

– Сам скажи.

Я молился всем богам, чтобы он не произнес
"Кимберлит.

Но Уэзли сказал:

– Ты.

– Это точно, – подтвердил я.

Он засмеялся.

А я метнул на звук томагавк. Изо всех сил. Томагавк с треском скрылся в кустах. Не дожидаясь результатов, я повернулся на сто восемьдесят градусов и побежал.

За спиной взревел Уэзли. Скорее от злости, чем от боли.

Затем я услышал, как этот ублюдок погнался за мной.

Проскочив между парой стволов, я протара-

нил какой-то куст и вырвался на пляж.

И чуть было не столкнулся с Кимберли.

Какое зрелище! До конца жизни не забуду. Она стояла всего в нескольких шагах передо мной, обнаженная и темная, если не считать белого бикини. (Между прочим, без гавайской рубашки Кита.) Ступни утонули в песке, ноги на ширине плеч и слегка согнуты в коленях, одна нога выставлена вперед, левая рука вытянута ко мне, а правая заведена за ухо—с копьем на изготовке.

— Падай на землю! — скомандовала она быстрым шепотом.

Я с разбега бросился на песок и, бороздя его грудью, заскользил к босым ногам Кимберли, а в самый последний момент, избегая столкновения с ее ногами, откинулся в сторону, перевернулся через плечо и взглянул вверх—как раз в тот миг, когда она метнула копьё.

Оно полетело прямо вперед.

Резко вывернув шею, я посмотрел ему в след.

Копье несло навстречу выскакивающему из зарослей Уэзли.

Впервые я видел его после взрыва.

Он казался совершенно голым. В лунном свете тело его отливало черным блеском—думаю, какой-то камуфляж для ночных прогулок. (Спину себе он не мазал, как я вскоре обнаружил.) Топор он держал обеими руками, занеся высоко над головой, чтобы расколоть меня, как полено.

И еще огромная, ослепительно белая улыбка.

Которая моментально сошла, когда он увидел Кимберли—и летящее в него копье.

Рот широко раскрылся.

И завопил:

– ЙААА!

Пытаясь увернуться от копья, он в последний момент неестественно вывернулся влево.

Заточенный конец копья Кимберли попал ему в область груди. Узли был толстым, с отвислыми грудными железами. Копье воткнулось в левую грудь. Но так как он развернулся, оно лишь вошло с одной стороны его сиськи и вышло с другой, совсем рядом с соском, проникнув не глубже полдюйма под кожу.

Какой был визг! Отшвырнув топор за спину,

Уэзли схватился за древко копья обеими руками, пошатнулся и грохнулся на колени. Но вытаскивать не торопился, а лишь придерживал его.

Мне кажется, он боялся это делать.

Боялся боли.

А вцепился в него, полагаю, лишь для того, чтобы копье своим весом не расширило рану. Если бы он его бросил, оно, вероятно, рассекло бы левую грудь от края до края.

Как бы там ни было, но я быстро пополз на четвереньках к тому месту, куда упал топор.

Тем временем Кимберли подлетела к Уэзли и протянула руку к своему копью.

– Нет! – вскрикнул он. – Не трогай!

Но Кимберли уже дотронулась.

Схватив копье за конец, она потянула. Извлечение копья, видимо, было довольно болезненным, потому что Уэзли заорал так громко, что у меня чуть не полопались барабанные перепонки.

Свалившись на бок, он свернулся калачиком, извивался и хныкал.

Я подобрал топор.

Когда я вновь посмотрел на Уэзли, тот уже

стоял на четвереньках, пытаюсь отползти прочь.

Кимберли ткнула копье в его голую задницу.

В задний проход (куда она, по всей видимости, метила) она не попала, но зато проткнула правую ягодицу. Он вновь заверещал и рухнул плашмя на живот.

Кимберли выдернула копье и воткнула его возле своей ноги в песок. Затем вынула из плавок армейский нож Эндрю и, перекинув через Уэзли ногу, села ему на спину и обеими руками начала открывать одно из лезвий.

– Берегись! – донесся издали голос Билли. – Осторожно! Тельма!

Мы оба повернули головы и увидели летевшую на нас Тельму. Вслед за ней бежала Билли. (Конни, уже в тенниске, стояла у костра и наблюдала. Прижав руки к груди, она потирала плечи, словно от холода.)

Билли проворнее Тельмы, но у последней, видимо, была хорошая фора. Слишком хорошая. И вряд ли Билли могла ее догнать.

– Не дай ей помешать нам, – сказала мне Кимберли. – Я должна его прикончить.

Наверное, Тельма услышала ее слова, потому что закричала:

– Нет! Не смей! Оставь его! Кимберли, оставь его, черт возьми!

– Как же, – буркнула Кимберли.

Я встал на пути Тельмы, взяв топор на грудь. Разумеется, намерений ее убивать у меня не было. Хотел задержать и только, чтобы у Кимберли было время осуществить задуманное.

Несущаяся на меня с рычанием, словно спущенный с поводка бульдог, Тельма любого могла привести в содрогание. Эта женщина, обычно неприметная и безобидная, даже меланхоличная, каким-то образом преобразилась в безумную фурию.

В последнюю секунду она отклонилась в сторону, чтобы обогнуть меня.

Быстрый шаг—и я вновь оказался на ее пути.

– Стой! – пронзительно вскрикнул я.

Камень в ее руке оказался для меня полной неожиданностью. Она швырнула его прямой наводкой мне в лицо.

Почти промазала.

Черкнув по скуле, камень прочертил жгучую борозду до самого уха. Я пошатнулся, но на ногах устоял—впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы она проскочила мимо меня.

Билли сделала отчаянный прыжок, чтобы поймать Тельму за ногу.

Но не долетела и лишь прорыла в песке борозду.

– Черт! – выругалась Кимберли.

Покачиваясь, я заметил, что она все еще сидела на спине Уэзли. В правой руке—открытый нож, левая впилась в волосы Уэзли. Судя по тому, как тот метался и скулил, нож Кимберли не успела пустить в ход. Развернувшись, она с тревогой наблюдала за своей сестрой.

– Не приближайся! – выкрикнула она.

Тельма выдернула копье из песка. С кличем, от которого у меня мурашки побежали по коже, она замахнулась на Кимберли. Вжик! Кимберли успела только вскинуть руку. Копье скользнуло по внутренней поверхности руки и ткнулось в ее бок.

– Оставь его в покое! – пронзительно взвизг-

нула Тельма и занесла копье над головой, чтобы нанести еще один удар.

Но Кимберли уже сваливалась со спины Уэз-ли.

Прыжком я оказался перед Тельмой и под-ставил под опускавшееся уже копье топор. На-ткнувшись на древко топора, оно переломилось пополам.

Одна из половинок улетела в темноту.

В руках Тельмы оставалась еще другая по-ловина. Она опустила ее вниз и ткнула острым сломанным концом мне в живот. Но не проткну-ла. По крайней мере, не глубоко. Меня словно обожгло каленым железом. Перехватило дух. По-шатнувшись назад, я споткнулся о ноги Уэзли и упал.

Но тут же поднял голову.

Уэзли отползал в сторону.

Билли стояла на коленях и пыталась подняться. От движения юзом по песку груди ее вывали-лись из купальника. (В любое другое время по-добное обстоятельство привело бы меня в вос-торг. Только не тогда. Заметить я, конечно, за-

метил, но ничего не почувствовал.)

Тельма наотмашь ударила Билли обломком копья по лицу. И Билли рухнула на песок.

– Подымайся! – закричала она на Уэзли. – Подымайся и беги!

С этими криками она подбежала к Кимберли, которая пыталась встать на ноги, и пнула сестру ногой в бок. Та перевернулась. Тогда она снова ударила—на этот раз в живот. И я услышал стон Кимберли.

Уэзли, скуля и похныкивая, поднялся на ноги. Его топор был еще у меня.

Но Уэзли и не попытался отобрать его, а, пошатываясь, побежал в джунгли.

Тельма кричала ему вслед:

– Беги! Беги! Вперед!

И последовала по его стопам, как некий арьергард, все время оглядываясь и поворачиваясь, чтобы не потерять нас из виду.

Опершись на древко топора, я стал подниматься. Встал, посмотрел на остальных. Билли лежала на спине и, закрыв руками лицо, стонала. Кимберли, свернувшись на боку, тяжело хрипела,

словно задыхаясь.

Теперь к нам бросилась с копьем в руке Конни. Решение вступить в бой пришло к ней, надо полагать, в тот момент, когда Тельма ударила ее мать по лицу.

Но она все еще была слишком далеко, чтобы оказать какую-нибудь реальную помощь.

Ни одна из трех женщин моей команды не была в состоянии помешать бегству Уэзли.

Это мог сделать только я. Или никто.

Едва ли меня можно назвать героем, но мысль о том, что Уэзли уйдет, определенно была мне не по душе. И, подняв топор обеими руками, я кинулся за ним вдогонку.

И мог бы его поймать. И, вероятно, зарубил бы его насмерть. Но прикрывавшая его отход Тельма повернулась ко мне и загородила дорогу. Мне следовало бы смести ее с пути. Будь она мужчиной, я бы и не задумывался. Я дернулся вправо в надежде обогнуть ее. Она прыгнула в сторону и снова оказалась на моем пути. С раскрытыми объятиями и сгорбленная, она вытянула шею и была похожа на защитника-костолома,

пытающегося любой ценой помешать мне про-
рваться к воротам, – Убирайся с дороги! – крик-
нул я ей в лицо.

И вильнул влево, но Тельма вновь прыжком
оказалась передо мной.

– Нет, нет, нет, нет, – запричитала она. – Ду-
маешь догнать его? Нет, нет, нет. Не получится,
говнюк.

Тем временем Уэзли почти достиг зарослей.
Я хотел завалить его здесь, на пляже, но шанс
был уже упущен.

– Убирайся с дороги, или я изрублю тебя на
куски! – не своим голосом заорал я.

– Черта с два. – Неожиданно она опустила ру-
ки и распрямилась. Ее округлившиеся от испуга
глаза уставились мимо меня. – НЕТ! – завопила
она.

Я обернулся.

Копье Конни метнула на бегу. Его длинное
бледное древко взмыло в ночное небо и летело
высоко над нашими головами.

Кажется, в футболе такой бросок называют
"Аве Мария".

Пролетев над нами, копьё понеслось дальше, как ракета "томагавк", наведенная на обнажённую бледную спину ковылявшего Уэзли, который вот-вот должен был скрыться во мраке джунглей.

Тельма закричала:

– Уэзли! Берегись! – и рванула к нему.

Уэзли метнулся в сторону, оглядываясь на ходу, но потерял равновесие и растянулся на песке. В следующее мгновение в песок со свистом вонзилось копьё—вероятно, футах в десяти справа от него. За спиной послышалось громкое "Бля!" Я оглянулся. Конни уже не бежала—видимо, решила, что со всем справится её копьё, – а с досадой и злостью сотрясала воздух кулаками.

Я вновь увидел Уэзли, как раз в тот момент, когда он исчезал в джунглях.

Тельма бежала за ним вслед.

– Подожди! – кричала она, размахивая толстым сучком. – погоди, Уэзли! Я с тобой.

Через пару секунд она тоже исчезла из виду.

Потрепанные ангелы

Никто не стал преследовать Уэзли и Тельму. Во-первых, это было бы слишком опасно. Во-вторых, наша засада обернулась катастрофой. Мы были ошеломлены, разочарованы, разгневаны, смущены—и пострадали физически. Главным образом от рук Тельмы. После завершения бойни мы какое-то время просто стояли рядом на зали- том лунным светом пляже, где все это произо- шло. На плече у меня лежал топор. Билли, под- боченившись (груди были заправлены обратно в бюстгальтер), хмуро глядела в сторону джунглей. Конни стояла полусогнувшись, опираясь руками на колени, и все еще не могла отдышаться после рывка почти к самому краю джунглей, для того чтобы подобрать копье, которое метнула в Уэз- ли. Покачивая головой, Кимберли сложила свой армейский нож. У всех нас, должно быть, была на уме Тельма.

– Как могла она сделать такое? – недоумевала Кимберли.

Билли презрительно фыркнула:

– Любовь.

– Но ведь он же убил папу. Боже правый! Ее

собственного отца! Еще можно понять, если бы она простила ему убийство моего мужа. Но родного отца.

– О, ее драгоценный Уэзли не способен на такое, – скривилась Конни. – Тупая сучка.

– Она знает, что это он сделал, – заметила Билли. – Может, она и не гений, но и не настолько глупа.

– Мне кажется, она просто свихнулась, – вставил я. – Все эти кошмары последних дней... А после того, как сегодня утром на ее глазах зарубили отца, она окончательно помешалась.

– Возможно, ты прав, – согласилась Билли. – На осмысленное поведение это определенно не похоже.

– А мы ведь подозревали, что она сможет причинить нам неприятности, – напомнил я, – именно поэтому и не посвятили ее в свой план.

– Никогда не думала, что она сделает нечто подобное, – пробормотала Кимберли. – Господи Иисусе! – Она сунула нож в плавки. – Следовало ее связать.

– Все думали, что она спит, – заметил я.

– Что ж, ничего теперь не попишешь.

– Давайте вернемся к костру, – предложила Билли.

И, повернувшись спиной к джунглям, мы побрели к лагерю. На плече у меня лежал топор, и все мы были травмированы (правда, только я—до крови). Если бы кто-нибудь увидел нас тогда—заглядеться можно было.

Ангелы Чарли и Железный Дровосек.

Разбитые и неприкаянные.

Или как там еще?

Все, начинаю отъезжать. Пишу уже несколько часов подряд, пытаюсь занести в дневник все события прошлой ночи. Пальцы задеревенели, а мозги—размякли. Нет, надо все же закончить этот рассказ.

Прежде, чем случится что-нибудь еще.

Достаточно только раз дать себе поблажку и отложить заполнение дневника, как потом могут возникнуть серьезные проблемы с наверстыванием упущенного.

Нет, передумал. Чутьочку отдохну.

* * *

Привет, а вот и я! Поплавал в свое удовольствие, затем посидел немножко с девчонками.

Может, не следовало, но я, наконец, сознался в том, что веду дневник. Раньше я всем говорил, что работаю над серией коротких рассказов. Но, мне кажется, подошло время довериться им. "Их" теперь только три.

Мне хотелось, чтобы они узнали о дневнике. Чтобы не думали, что я Бог знает чем занимаюсь, уединяясь на несколько часов. Чтобы знали, что наши злоключения записываются на бумагу. (Возможно, им будет важно знать это в какой-то момент. Особенно, если со мной что-нибудь случится. Ах! Даже в глазах помутнело, пока писал эту строчку.)

Разговор о дневнике получился довольно долгий. Дамы хотели выведать, что я написал о каждой из них (от чего у меня даже ладошки вспотели), но я объяснил, что не смогу писать правдиво, если придется все время оглядываться на аудиторию. Так что в итоге они пообещали уважать мои авторские привилегии и не предприни-

мать попыток тайком заглянуть в тетрадь.

В их же собственных интересах не нарушать свое обещание, иначе на нашем берегу появится несколько в высшей степени смущенных и сердитых дам. (Я и сам не смог бы взглянуть в глаза ни одной из них, узнав, что им стали известны определенные вещи, которые я о них написал.)

Блин! Они дали слово. И если все-таки прочтут мои заметки, так им и надо!

Может, не стоило им вообще ничего рассказывать.

Но в тот момент это показалось мне правильным решением.

Как бы там ни было, теперь, когда я отдохнул и выболтал все дамам, можно приступить к описанию завершающих эпизодов.

Итак, я остановился на том, что мы возвращались к месту нашей стоянки.

О'кей.

* * *

Когда мы вошли в круг света, отбрасываемого костром, женщины вдруг заметили мои раны. И заволновались—даже Конни. Более того, именно она и настояла на том, чтобы обработать их. Матери и Кимберли она сказала, что им лучше попытаться хотя бы ненадолго уснуть. Она подлечит меня, затем мы вместе с ней подежури́м до рассвета.

Я тоже попросил их об этом, потому что вид у них был крайне измученный.

Пока Билли и Кимберли устраивались на своих спальных местах, Конни нашла где-то пару обрывков ткани. Сходяв к ручью, она намочила их и вернулась к костру. Затем заставила меня развернуться к свету, так чтобы видна была поврежденная часть моего лица—правая—и опустила на колени.

Свет костра осветил ее опухшую левую щеку. Куда пришелся мой удар.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал я ей. — Контакта не должно было быть.

— Разве?

– Клянусь.

Она начала промокать свежую борозду, которую проложил на моем лице камень Тельмы. Хотя Конни делала это очень мягко, каждое прикосновение отзывалось жгучей болью.

– Я сама напросилась, – произнесла она. – Сначала я оторвалась, затем ты не сдержался.

– Это был несчастный случай.

– Конечно.

– Я бы никогда не ударил тебя нарочно.

Она криво ухмыльнулась:

– Ну, если ты так говоришь. . .

– Это правда.

– Чем это тебя Тельма навернула? Так изуродовать лицо.

– Камнем.

– Взгляни на это. – Она отняла от лица тряпку и продемонстрировала мне. Тряпка была красной от крови. Другой лоскут был еще чистым. Им она стерла кровь, затекшую на лицо, шею, правое плечо и руку. Затем отжала обе тряпки, скрутив их жгутом. На песок брызнула кровавая вода.

Нижняя моя рана заставила ее нахмуриться.

Сломанное копьё Тельмы укололо меня над самым пупком. Рана была неглубокой, но крови вытекло немало. Спереди она залила все плавки; несколько струек добрались даже до бедер. Конни покачала головой.

— Нам лучше пойти к ручью. Она взяла с собой тряпки, а я—топор. Приобретение топора, пожалуй, было лучшим результатом нашей злощастной засады. За неимением пистолета, о лучшем оружии и мечтать не приходилось. Теперь топор принадлежал нам, а не Уэзли, и выпускать его из рук я не собирался.

Конни повела меня к ручью. Спустившись по его пологому песчаному берегу, мы вошли в воду. Она была великолепна—чуть-чуть прохладнее ночного воздуха.

Ручей настолько узкий, что почти везде его можно без особого труда перепрыгнуть. К тому же довольно мелкий. В основном, по щиколотку, и лишь изредка—по колено.

Мы с Конни выбрали одно из глубоких мест, и она повернулась ко мне лицом. Свет костра досюда не достигал.

– Можешь положить топор, – сказала она.

Опустив топор вниз, я сделал небольшой взмах и выпустил его из руки. Он тяжело и глухо плюхнулся на сухой прибрежный песок. Топорище упало на мою сторону, в ручей, – там до него можно было легко дотянуться в случае необходимости.

Конни присела передо мной, чтобы выполоскать окровавленные тряпки. Перекинув одну из тряпок через колено, она протянула руку и начала промывать мою рану, для устойчивости схватившись левой рукой за пояс моих плавок.

Невозможно было не почувствовать ее пальцы.

Я не мог не обратить внимания на то, что она на Добрый дюйм приспустила мои плавки— своим весом.

Не говоря уже о том, что ее лицо оказалось прямо напротив моего озорника.

Я попытался игнорировать все эти обстоятельства.

Но их воздействие оказалось быстрым и очевидным.

– Только не это, – промычала она, когда плавки начали отдуваться.

– Извини, – смутился я.

Она перестала похлопывать мокрой материей по моей ране и опустила руку. Другая рука осталась на месте.

– Не извиняйся, а убери его.

– А?

– Ты меня хорошо расслышал. Я хочу тебе помочь, а ты суешь мне в лицо свою штуковину.

– Я не особенно могу руководить этим процессом. Ты понимаешь, о чем я? Он просто... реагирует. На такие вещи, как ты.

– Такие вещи, как я?

– Да, ты. На то, как ты выглядишь. На то, где находится твоя рука. На воду. Все это... складывается.

– Так что, это моя вина?

Я улыбнулся:

– В основном.

– Я должна быть польщена, или как?

– Может быть.

Она взглянула на меня и замолчала на

несколько секунд. Затем сказала:

– У тебя был такой и тогда, когда мы дрались.

– Ага. Когда я лежал на тебе.

Смочив тряпку в ручье, она подняла ее и начала стирать кровь с участка между раной и плавками.

– И когда я сбросила бюстгальтер, – добавила она.

– Ты заметила?

– Конечно.

– А я думал, ты слишком занята навешиванием мне оплеух.

– Ха-ха-ха, как смешно!

Конни снова смочила тряпку, и, поднимая ее вверх, оттянула плавки от живота и прижала мокрую материю к моей коже. Целый поток воды хлынул вниз. Окатив мой прибор, вода потекла по ногам.

Придерживая плавки оттянутыми, Конни снова окунула тряпку в ручей. Затем рассекла ею со свистом воздух.

– Ты хотел бы, чтобы я снова сняла бюстгальтер? – спросила она. – Знаешь, я могла бы это

сделать. Прямо здесь и прямо сейчас. Хочешь?

– Конечно.

– Или ты предпочел бы, чтобы я спустила тебе плавки?

Я не знал, что ответить.

– Шутишь?

– Выбирай.

– А если и то и другое?

– Только одно.

Не очень сложное решение.

– Плавки, – ответил я.

– Почему?

– В них вроде как тесновато.

– Еще бы. А почему?

Я на секунду задумался, затем выпалил:

– Так будет легче смыть с меня кровь.

– Вшивая причина. Придумай другую.

Я пожал плечами.

– Ну, я уже видел... тебя без лифчика.

– И одного раза было достаточно, да? Вот это да!

– Нет, – возразил я. – Но здесь слишком темно. Я даже не смогу ничего разглядеть.

– Ты мог бы дотронуться.

– Правда? Ты этого раньше не говорила. Ладно, выбираю это.

– Что?

– Снимай бюстгальтер.

– Слишком поздно. Ты уже сделал выбор.

– А передумать нельзя, что ли?

– Нет.

– Ладно.

– Как ты быстро сдаешься.

– Просто не хочется спорить.

– Просто ты не хочешь еще раз посмотреть на меня без лифчика. Не переживай, приятель, – не увидишь.

С этими словами Конни потянула за резинку моих плавок, словно желая проверить, насколько она растягивалась. Оттянув пояс почти на полфута, отпустила. Резинка выстрелила и ударила меня.

Причем больно.

Я попятился назад, чтобы отойти от нее на безопасное расстояние—не зная, что еще от нее можно ожидать.

Конни встала.

– Твою мать! – заворчала она. – Какой же ты жалкий и никчемный. Да неужели ты и вправду подумал, что я спущу тебе плавки? Или сниму бюстгальтер? Да ни в жизнь. Ни за какие коврижки. Меньше всего на свете мне хотелось бы увидеть перед носом твой вонючий член. И я позволила тебе посмотреть на свои сиськи там у костра только затем, чтобы ты хорошенько разглядел то, чего ты никогда больше не увидишь.

Я не верил, что это правда. В сущности, я даже сомневался, что она вообще когда-либо высказывала то, что у нее было на уме—возможно, она даже сама не знала, что там творится.

Но она напрашивалась на неприятности, и я ей их устроил. Это было, конечно, не очень умно, но я сказал ей примерно следующее: "Думаю, ты сняла бюстгальтер потому, что хотела продемонстрировать свои сиськи—в натуральную величину—Уэзли".

У нее аж челюсть отвисла.

Через секунду она выпалила:

– И это благодарность за мою заботу?

Что бы это могло значить?

Я испугался, как бы она не кинулась за топором. Но страхи оказались напрасными. Вспенив воду, Конни взлетела вверх по склону и бежала без остановок до самой спальной площадки. Там с разбегу плюхнулась на свои постельные лохмотья.

Я остался стоять в ручье, недоумевая, что же было не так.

Вроде все так хорошо начиналось, и она так дружелюбно была настроена.

Разве что это было чистое притворство.

Что касается Конни, просто чертовски сложно определить, что в ней настоящее, а что нет.

Единственное, в чем можно быть абсолютно уверенным, так это то, что она никогда не будет реагировать так, как можно было бы ожидать от нормального человека. Не то что Билли или Кимберли. Они ведут себя вполне разумно. Не в пример Конни.

Связано ли это каким-то образом с тем, что она еще подросток? Впрочем, в восемнадцать лет, казалось бы, все эти подростковые дела

должны остаться позади.

Что-то мало похоже.

Она напоминает мне одного знакомого кота. Однажды я гладил его по голове. Ему это жутко нравилось: от удовольствия он щурился и раскатисто мурлыкал. Но внезапно, Бог ведает почему, взбеленился и сильно поцарапал мне руку.

Вот о чем я думал, завершая водные процедуры в ручье. Опустившись на колени, обмылся от крови, где только смог достать. Затем постирал плавки. В конце концов вышел на берег, поднял топор и вернулся в лагерь.

Думаю, Конни еще не спала. Сначала я хотел подойти к ней и попробовать помириться, но потом эта мысль показалась мне не совсем удачной—это могло закончиться тем, что она бы вновь завелась.

Так что я пошел к костру и сел подле него, решив посидеть так до утра и подежурить—хотя особой необходимости в ночном бдении уже не видел.

Наша засада не совсем провалилась—Кимберли все же удалось

нанести Уэзли пару неприятных ран.

Хотя и не смертельные (если только не инфицировались), они наверняка еще долго будут болеть. И он оставит на это время нас в покое. Но, хотя нападения и не ожидалось, спать я не лег и продолжал нести дежурство. В голове роилась масса мыслей. Я планировал провести у костра всю ночь, чтобы женщины могли хорошенько выспаться, но незадолго до рассвета проснулась Билли и подошла к огню.

Она села рядом со мной. Одна сторона ее лица посинела и припухла от удара копья Тельмы.

– Что нового? – спросила она.

– Не думаю, чтобы существовала большая вероятность того, что они потревожат нас этой ночью.

– Да, это так... А как у тебя? Как твои ранения?

– Конни обмыла их.

– Покажи.

Откинувшись назад, я повернулся к ней. Глядя на мои раны, Билли скривилась.

– Должно быть, очень больно.

– А как ты?

– Жить буду. – Она положила руку мне на ногу. – Пойди хоть немножко поспи.

– Я не настолько устал.

– Не выдумывай. Ступай.

– Я бы лучше остался и составил тебе компанию.

– Спасибо, только знаешь что? Сейчас мне хотелось бы побыть немного одной. Понимаешь?

Мне жутко хотелось остаться с ней—и совсем не ради компании, но потому что я и сам чувствовал себя как-то одиноко. А, если уж на то пошло, я предпочел бы компанию Билли любой другой, которую мог себе в тот момент представить.

Но, вероятно, ей действительно хотелось посидеть одной и вспомнить Эндрю. Поэтому я сказал:

– Конечно. Увидимся позднее, – и пошел на свое спальное место.

И, не успев опомниться, тотчас же крепко уснул.

Всякая всячина

Вот такой была прошлая ночь. Это все еще четвертый день, и лучшую часть его я провел, заполняя страницы дневника.

Только что делал очередной перерыв.

Время послеобеденное, ближе к вечеру. День практически не отмечен никакими событиями. И слава Богу.

Я уже упоминал о том, что во время предыдущего перерыва рассказал девчонкам о своем дневнике.

Есть еще кое-какие моменты, заслуживающие упоминания.

Например, мы начали использовать нашу уборную по прямому назначению. Пришлось положить поперек ямы несколько веток, чтобы было на чем стоять.

Билли и Кимберли при некотором моем содействии соорудили пару навесов. Мастерили их так же, как стены туалета: привязывая ветки с листьями и пальмовые листья к каркасам из прутьев. Только на этот раз это были не стены, а крыши. Мы установили их на шесты возле спальной площадки. Их назначение—обеспечить нам

защиту от солнца. Между прочим, сейчас я под одним из этих навесов. И хотя солнце еще ни разу не было особенно свирепым (жара здесь довольно умеренная, к тому же обычно дует приятный бриз), я получаю истинное удовольствие от того, что могу сидеть в тени, когда заполняю дневник.

Кроме этого, Билли и Кимберли сделали новое оружие взамен потерянного и сломанного прошлой ночью.

Конни провела большую часть дня в гордом одиночестве. Почти не разговаривает со мной после нашей перепалки у ручья. Когда же мы оказываемся рядом, она волком косится на меня.

Положительного в этой ситуации только то, что она теперь часами ловит рыбу. Еще утром одолжила у Кимберли нож и выстрогала особой формы острие на своем копье: длинное и тонкое, с тремя вырезанными сбоку шипами. Они похожи на небольшие острые сучки, направленные остриями назад. Самый маленький—у кончика копья, по мере удаления шипы удлиняются. Очевидно, назначение этих колючек—предотвратить соскальзывание загарпуненной рыбы.

Впрочем, вид у этой штуковины крайне злобный. Надеюсь, что Конни не осерчает и не решит использовать ее против меня.

Как бы там ни было, но Конни простояла несколько часов в бухте, на значительном расстоянии от берега, там, где глубина доходит до пояса. Должно быть, она долго не могла привыкнуть к своему оружию, потому что время от времени с ее стороны доносились возгласы, упоминающие чью-то родительницу. И, наконец, раздалось ликующее: "Есть! Попался, чертёнок!" Подняв голову, я увидел, как Конни вскинула в небо на кончике копья огромную серебристую рыбку. Послышались одобрительные возгласы, к хору которых присоединился и я. Конни вынесла рыбу на берег. Кимберли подбежала к сестре с нашей самой большой кастрюлей, зачерпнула в нее морской воды по самые края, после чего Конни бросила туда рыбу.

В общей сложности она поймала четыре рыбины, так что сегодня у нас ожидается не ужин, а целый пир.

Вот и все сегодняшние события. По крайней

мере, ничего плохого.

С учетом всех обстоятельств, мы еще довольно неплохо держимся. Позавчера и вчера нам пришлось пережить смерть Кита и Эндрю. Сегодня навалились новые проблемы: гнетущие раздумья о провале нашей засады и измене Тельмы—плюс все полученные прошлой ночью ранения.

По части последних, я наиболее тяжелый случай, если не считать Уэзли.

После меня, вероятно, самой пострадавшей является Кимберли. Проникающих ранений у нее нет, но на грудной клетке, под правой подмышкой, — безобразный синяк. Еще у нее синяки на животе и правом бедре—от ноги Тельмы.

У Билли и Конни синяки на лице. Опухоли спали, оставив темные расплывчатые пятна. У Билли на левой щеке, а у Конни на левой стороне нижней челюсти. Билли значительно больше досталось от копья Тельмы, чем Конни от моего кулака.

На этом я собираюсь пока поставить точку, потому что иду помогать готовить ужин.

* * *

Рыба просто великолепна. Билли поджарила ее на сковородке, залив вином—по своему особому рецепту. Кроме того, мы пустили бутылочку по кругу, чтобы нашим друзьям с плавниками и там было где поплавать.

Во время трапезы меня очень поразила одна вещь.

Размеры нашей группы.

А вернее, их отсутствие.

Нас было четверо.

Иисусе!

А совсем недавно нас было восемь. Восемь человек—это кое-что, довольно приличная толпа.

Четверо—количество ничтожное.

И, должен вам сказать, с моего места четверо выглядели как трое. Понимаете, я что-то вроде телекамеры, и большую часть времени себя не замечаю. Я вижу Билли, Кимберли и Конни. Раз, два, три. Вот и все.

Наши ряды существенно поредели.

За едой мы почти не разговаривали, но уже под самый конец Билли сказала:

– Мы что, и завтра будем сидеть сложа руки?
Похоже, Конни обиделась:

– Эй, я-то не сидела. Вы что сейчас съели?

– Нам следовало бы отправиться на охоту, – заметила Кимберли, – а не на рыбалку. Поохотиться на Тельму и Уэзли. – Она заглянула в глаза Билли, и, сжав губы тонким шнурком, покачала головой. Затем прибавила:—Просто не хотелось заниматься этим сегодня.

– Да, – промолвила Билли. – Я знаю. Мне тоже не хотелось.

– Только не после нынешней ночи. Конни мельком взглянула на меня и скорчила кислую мину.

– Но завтра непременно надо отправляться на их поиски, – заявила Билли. – Нельзя давать Уэзли время на выздоровление. После этой ночи он наверняка в плохой форме, и, если мы найдем его, пока он еще не оклемался, будет намного проще с ним разделаться.

– Что мы будем делать с Тельмой? – поинтересовался я.

– Спасем ее, – сказала Билли.

Конни даже хрюкнула.

Не обращая внимания на реакцию сестры, Кимберли проронила:

– Он, вероятно, рано или поздно убьет ее.

– Может быть, не прямо сейчас, – добавила Билли. – Пока что ему нужно, чтобы она была рядом, чтобы заботилась о нем. По крайней мере, до его выздоровления.

– Они оба психи, – вмешалась в разговор Конни, – поэтому он не убьет Тельму.

Я решил воздержаться от дальнейшего обсуждения этой темы.

– Почему не убьет? – поинтересовалась Кимберли.

– Во-первых, она спасла его задницу прошлой ночью.

– Думаешь, он пощадит ее из благодарности? – саркастично произнесла Кимберли.

– Да у него нет никаких причин убивать ее. Она на его стороне, понимаешь?

– Возможно, он видит все по-иному, – возразила Билли. – Может, для него она—просто помеха.

– На пути к чему?

– А зачем он вообще все это делает? – спросила Билли. – Вот в чем вопрос. По-моему мнению, он затеял всю эту операцию с целью обогащения. Большая часть семейного состояния записана на имя Эндрю. И на мое. После нашей смерти вы, девчонки, и Тельма унаследуете все. Если бы вы все трое умерли, наследство получили бы ваши мужья. Супруга у Конни нет...

– А моего он убил, – пробормотала Кимберли.

– Верно. Остается только Уэзли. И если он один останется в живых, у него появится приличная куча денег.

– Уверена, что на Тельму оформлена страховка, – добавила Кимберли. – Так что можете добавить сюда и это.

Лицо Конни побледнело.

– Мне кажется, вы слишком долго смотрели сериал "Убийство, написала она".

– А как, по-твоему, почему он это делает? – спросила ее Билли.

Конни поморщила нос и пожала плечами.

– Потому что он чокнутый?

– Что чокнутый, это верно, – промолвила Кимберли. – Чокнутый, если надеется выжить. Как только рассветет, я пойду его искать.

– Мы все отправимся на его поиски, – заключила Билли.

День пятый

Военные пляски

Этой ночью мне не пришлось стоять на вахте. Дежурили по очереди женщины, и мне дали поспать.

Проснулся я сам по себе. Поднявшееся над макушками деревьев солнце уже позолотило пляж. Оно было теплым и ласковым, и хотелось просто лежать и купаться в его лучах.

Рядом спали Билли и Конни, но Кимберли нигде не было видно. Преодолев ленивую истому, я поднял голову и оглянулся.

Кимберли размахивала топором где-то на полпути между костром и кромкой воды. Гимнастика или отработка техники? Она кружилась в вихре, рубила воздух и поражала невидимого противника, делая резкие выпады вперед, отскакивала то в одну, то в другую сторону—и все это с грациозностью танцовщицы. И все же наблюдать за нею было немного жутковато: такая легкость и изящество совершенно не сочетались со столь ужасным орудием убийства. Но лезвие топора переливалось серебром, а ее густые черные волосы дрожали и развевались на ветру, словно грива резвящегося жеребца.

На ней была гавайская рубаша покойного мужа. По обыкновению не застегнутая, она отлетала назад пестрым плащом, когда Кимберли делала выпады или вертелась волчком. Белое бикини при этом ослепительно сверкало на солнце, а бронзовая кожа блестела от пота.

Элегантная и прекрасная, и вместе с тем от нее веяло опасностью первозданной природы. Невозможно было глаз оторвать, и даже заныло в паху.

Нет, что ни говори, а вынужденное заключение на этом острове несомненно самое лучшее из того, что когда-либо со мной случалось. Следуя подобной логике, Уззли, пожалуй, надо было бы благодарить, а не убивать. Но горе, причиненное Кимберли и Билли, я никогда не смогу простить. Еще я ненавижу его за то, что он мог бы сделать с ними, попадись они ему в руки. (Впрочем, то обстоятельство, что он желает моей смерти, тоже не особенно меня вдохновляет.)

Так вот, зрелище было захватывающее.

Пока Кимберли меня не заметила. Смущенно улыбнувшись, я помахал ей рукой, хотя чувство-

вал себя словно мальчишка, пойманный у замочной скважины. Она кивнула в ответ. Посидев пару минут, пока прошло возбуждение, я встал и медленно побрел к ней.

– Приготовления к битве века? – поинтересовался я.

Опустив топор на плечо, Кимберли улыбнулась. Улыбка просто обворожительная.

– Да вот, дурачусь, – ответила она. – Небольшая разминка.

– Не иначе среди твоих предков были викинги, – предположил я.

– В самую точку—я скандинавка до корней волос. Ее насмешливый тон мне даже нравился.

– Я имел в виду вовсе не цвет кожи, – пояснил я, – а то, как ты умело орудуешь топором. Словно топорные сечи у тебя в крови.

– А-а... Вероятно, это играет кровь моих индейских предков.

– Ты индеанка?

– Инь-янь. Наполовину сиу, точнее—лакота.

– Шутишь?

– Клянусь. – Свободной рукой она быстро и

размашисто перекрестилась. – По материнской линии. Ее дедушка принимал участие в сражении при Литл-Бигхорн.

– Перестань.

– По весьма достоверным сведениям, он лично снял скальп с Кастора.

– Да ты что? Она просияла.

– А вот это была шутка.

– Вот и славно, потому что с Кастора никогда не снимали скальпа, насколько мне известно.

– Каюсь, я действительно не знаю, снимал ли мой предок вообще с кого-нибудь скальп. Но что принимал участие в этом сражении, – факт.

– Господи!

– Так что вполне возможно, что все эти томагавки, копья и ножи у меня в крови. К тому же я наполовину сицилийка.

– Сиу и сицилийка. Уму непостижимо! Кровь краснокожих и вспыльчивых итальянцев. Взрывоопасная смесь! Не приведи Господь попасться такой под горячую руку!

– У! Берегись! Я дьявол во плоти. – Внезапно глаза ее погасли и улыбка исчезла с лица. Веро-

ятно, на какое-то время ей удалось отвлечься и забыть об убитых муже и отце. Но теперь она все вспомнила, и я увидел в ее глазах боль. Боль и гнев.

Ты очень крупно просчитался, Уэзли, убивая тех, кого любила Кимберли.

За свою ошибку он уже начал расплачиваться, но меня не покидало ощущение, что его главные муки еще впереди.

В надежде отвлечь Кимберли от мрачных мыслей я произнес:

— Ты знаешь, я и подумать не мог, что мы застрянем на этом острове дольше, чем на день или, в крайнем случае, на два. А ты?

— На час или максимум два, — сказала она. — Не верилось, чтобы никто не заметил взрыва. Да, даже если бы никто и не увидел. . . Время робинзонов прошло еще сто лет назад, черт возьми.

— А вот мы—наглядный пример, что все еще возможно.

— Особенно, когда подобная возможность—творение рук хитрого ублюдка.

— Он, должно быть, подал ложные сведения

о маршруте, — заметил я. — Или, как это там называется? Карта плавания? — Это и раньше приходило мне в голову, я даже высказывал свою догадку вслух, но теперь уверенность стала сто-процентной. — Вот единственная причина того, что нас до сих пор не сняли с острова. Потому что нас никто не ищет. Или если и ищут, то, по его милости, совсем в другом месте.

— В данный момент, — заявила Кимберли, — мне бы и не хотелось, чтобы нас спасли.

Эти слова ошеломили меня.

Может, потому, что были созвучны моим собственным мыслям.

Это было начало пятого дня нашего пребывания на острове, но иногда мне казалось, что мы здесь уже долгие годы. Впрочем, чаще создавалось впечатление, что мы только высадились, потому что, благодаря Уэзли, мы даже не имели возможности исследовать остров. И совершенно невозможно предсказать, что мы на нем обнаружим, какие приключения ждут нас в ближайшие дни—или недели. А может, даже и месяцы.

Спасение подрезало бы на корню все эти ска-

зочные перспективы.

Мне показалось, что и Кимберли думает так же, но она сказала:

– Я не уеду с этого острова, пока не разберусь с Уэзли.

– Ты уже и так прилично ему задала.

– Я намерена его убить.

Она произнесла это таким тоном и при этом так на меня посмотрела, что у меня мурашки побежали по спине.

Приготовления

Успел наспех обновить свой дневник, пока женщины готовились к вылазке в джунгли.

Наша охота.

Цель—спасти Тельму и прикончить Уэзли.

Перед выступлением мы слегка перекусили. Встал вопрос о костре. До сих пор мы неотступно следовали совету Эндрю и постоянно поддерживали огонь. Но наш поход мог затянуться на весь день, и, чтобы костер не погас, нам наверняка пришлось бы оставить кого-нибудь, кто бы за ним следил.

Никого бросать здесь в одиночестве мы не собирались.

Если же оставить двоих, чтобы те охраняли друг Друга и смотрели за костром, то для охоты осталось бы только двое.

Что, по общему признанию, было просто смешно.

Пусть догорает, решили мы.

Тем более что у нас была зажигалка Эндрю.

Билли специально ходила на спальную площадку, чтобы проверить, на месте ли она. Отыскав в куче хламья армейские шорты Эндрю, она

подняла их и произвела досмотр карманов, вынув все содержимое: трубку, табакерку, бумажник, ключи и белый носовой платок, которым шкипер накрывал лицо мертвого Кита. Когда через несколько минут она заторопилась к нам, в одной руке у нее были шорты, а в другой—зажигалка.

Билли даже испробовала ее. Щелк! И выскочил язычок пламени.

А шорты она прихватила с собой потому, что решила—кто-нибудь должен их надеть.

— На них такие огромные и глубокие карманы, — пояснила она.

Конечно, носить за собой всякую всячину нам было не в чем.

Если не считать эти шорты, единственный карман красовался спереди на гавайской рубашке Кимберли—но он был настолько мелкий и ненадежный, что она не доверяла ему даже свой складной нож.

Конечно, был еще мой ранец. Но для надежности я спрятал его под тряпками на спальном участке. Там собирался его оставить, поскольку

вовсе не намерен был таскать его за спиной целый день, продираясь сквозь джунгли. (В нем, между прочим, хранится мой дневник, представляющий собой толстую общую тетрадь, весящую не менее двух фунтов.)

– Кто желает надеть их? – осведомилась Билли, выставив шорты перед собой.

Желающих не оказалось.

Скорее всего потому, что шорты были слишком огромными, тяжелыми и жаркими, особенно для женщин, привыкших разгуливать в едва прикрывающих наготу бикини.

– Ты их наденешь, – сказала мне Конни. – Они мужские, а ты среди нас единственный мужчина.

– Не хочу, – отказался я, вспомнив, как Эндрю снимал их, чтобы прикрыть нижнюю часть Кита—голового и уже мертвого.

– Просто натяни их поверх плавок, – посоветовала Конни.

– Будет слишком жарко.

– Я надену, – предложила Кимберли. Сказано это было с большой неохотой, да и сама ее

мысль была мне не по душе, поскольку, откровенно говоря, мне вообще не хотелось, чтобы их кто-нибудь надевал—особенно женщины.

– Хорошо, – промолвил я. – Уговорили.

Взяв шорты из рук Билли, я наклонился и уже занес ногу, чтобы продеть ее в штанину.

– Нет, – остановила меня Билли. – Сначала сними плавки. Иначе спечешься. Тем более взгляни, во что они у тебя превратились.

Это было преувеличением. Я их почти полностью отмыл. А если где и осталась кровь, так лишь самая малость.

Я оглянулся вокруг в поисках места, где можно было бы переодеться.

– Можешь сделать это прямо здесь, – сказала Кимберли без всяких эмоций.

Я покачал головой.

– Пойду-ка я лучше на скалы. . .

– Не глупи, – оборвала меня Билли. – Переодевайся здесь. Подсматривать мы не будем.

Конни презрительно хихикнула.

– Да кто захочет?

– Ладно, – вздохнул я.

Когда они повернулись ко мне спинами, я спустил плавки и выбрался из них. Чудно как-то. Голый среди бела дня на пляже в окружении трех женщин, до которых можно рукой дотянуться. И на них самих почти ничего не было—хотя все же больше, чем в этот миг на мне.

Неожиданно у меня возникла эрекция. Поэтому я быстро вскочил в шорты Эндрю и натянул их.

– Оделся? – поинтересовалась Билли.

– Почти.

Затолкав член в ширинку, я застегнул "змейку". Шорты были огромные и просторные и сползали на бедра, но я подтянул их вверх и застегнул ремень.

– Управился? – спросила Билли.

– Н-да.

Она обернулась. А за ней и все остальные. Быстро нагнувшись, я подобрал плавки и, выпрямившись, вытянул их перед собой.

– Да ты что, Руперт! – зашипела Конни.

Я покачал головой, чувствуя, как лицо заливает румянец.

– А в чем дело? – испуганно произнес я. Тут я дал маху.

– Ты что, не можешь с ним справиться, дегенерат чертов?

– Конни! – прикрикнула на нее Билли.

– А ты посмотри на него!

– Совсем необязательно тыкать в него пальцем, – упрекнула Билли непослушную дочь.

– Перестаньте, а то он проткнет кого-нибудь, – улыбнулась Кимберли.

Кажется, я тогда застонал. Или нет, буркнул что-то вроде:

– О Господи!

А Билли тем временем просто тряслась от смеха. Даже Конни рассмеялась.

Объект их насмешек, однако, катастрофически уменьшался в размерах. Словно сосулька, сунутая в печку.

Так что я перестал прикрываться плавками.

– Что поделаешь, – пытался оправдаться я, – от этого никто не застрахован.

– Что-то уж больно часто это с тобой происходит? – огрызнулась Конни.

– Тут нечего стыдиться, – успокоила меня Билли. Она уже не смеялась, и вид у нее был серьезный. – Не переживай, милый.

Милый? Кимберли прибавила:

– Похоже, наш друг все равно вышел из строя.

– Неужели вам больше не о чем поговорить? – промямлил я, не зная, куда деваться от неловкости.

– Ты сам поднял эту тему, – заметила она и вновь подарила мне свою улыбку. Обворожительную. Невозможно было не рассмеяться.

– Хорошо, хорошо, – сказал я. – Может, займемся делом?

– Держи. – Билли бросила мне зажигалку Эндрю. – Ты теперь с карманами.

Я опустил ее в передний карман, и она провалилась почти до самого колена.

– А как насчет ножа? – спросил я Кимберли. Обычно я старался не задерживать на нем взгляда. Но теперь у меня появилось оправдание. Она носила его спереди в плавках. Довольно толстая пластиковая рукоятка оттягивала тонюсенький белый треугольник. В просвете вид-

нелась голая кожа. Неожиданно все прикрыла ее правая ладонь. Кимберли похлопала по ножу.

– У него нет желания расставаться со мною. К тому же он торопится на свидание с Уэзли.

Подойдя к груде съестных припасов, мы отобрали себе кое-что на дорогу. Все добро осело в карманах шортов Эндрю. (Теперь моих.) Затем мы собрали свое оружие.

Я заявил, что понесу топор.

– Он ужасно тяжелый, – возразила Кимберли.

– Справлюсь.

– Тогда понесем по очереди.

– Ладно, – уступил я.

– Понесешь первым, если хочешь. Скажешь, когда устанешь.

– Ладно.

Топор пришлось нести обеими руками. Но мне хотелось взять с собой еще и какое-нибудь дополнительное оружие, так что я немного ослабил ремень и сунул за пояс, справа, томагавк.

Посмотрев, как я это делаю, Билли попробовала засунуть свой томагавк себе в плавки, но их пояс не выдержал такого веса.

– Ай! – Когда она схватила оружие, плавки уже успели сползти на сорок пять градусов.

– Ма! – воскликнула Конни. – Бога ради!

– А, успокойся, – вытащив томагавк, Билли зацепила пальцем пояс и выровняла плавки.

– Ты это нарочно сделала.

– Не будь идиоткой.

После этих слов Конни злобно сверкнула на меня глазами, будто я был в чем-то виноват.

Я лишь недоуменно пожал плечами и глупо заморгал.

– Я даже не смотрел, – пробормотал я. Но это было неправдой, и Конни это знала.

Не отказавшись от мысли как-нибудь удобнее пристроить томагавк, Билли вытащила откуда-то кусок веревки, той, которую сняли с шеи Кита. Узел кто-то распутал, и теперь в ее распоряжении было около четырех-пяти футов. Под нашими любопытными взорами Билли связала концы скользящим узлом и продела в петлю томагавк. Затем перекинула веревку через голову и просунула в нее правую руку. После небольшой регулировки положения веревка стала похожа на

нагрудный патронташ. Томагавк повис на бедре.

– И мне надо так сделать, – одобрительно кивнула Кимберли.

В конце концов, примеру Билли последовала не только Кимберли, но и Конни. В ход пошли куски, отрезанные от основного мотка, который хранился с другими нашими запасами.

На это ушло несколько минут. Задержка, впрочем, была вполне оправданной, поскольку у всех были еще и копья, и, если бы они так удачно не пристроили свои томагавки, оружием пришлось бы занять обе руки.

От фляг с водой мы отказались. Во-первых, хотелось идти налегке. Во-вторых, уходили мы ненадолго. И, в-третьих, решено было далеко не удаляться от ручья.

Наконец мы были готовы.

Первой пошла Кимберли. Я шел вторым, за мной Конни, и замыкала шествие Билли.

В джунгли мы вошли той же дорогой, которой ускользнули в ту ночь Уэзли и Тельма.

Охота

Вначале мы пытались идти по кровавому следу, оставленному Уэзли. Кимберли медленно пробиралась сквозь заросли, часто останавливаясь, а иногда даже приседала, чтобы приглядеться повнимательнее.

Несмотря на то, что раны Уэзли на груди и ягодице наверняка сильно кровоточили, отыскать капли крови оказалось непростым делом. Растительность была настолько буйной, что уже в нескольких футах невозможно было ничего разглядеть. К тому же в чащу проникало мало солнечного света, и большую часть времени мы брели в густом мутном полумраке.

Если бы не настойчивость Кимберли, мы бы и вовсе не отыскивали следов Уэзли. А может, это произошло благодаря ее особому таланту. Или психическому состоянию. Часто казалось, что она инстинктивно знала, где искать.

Может, это дали знать о себе гены индейцев сиу. И все же, несмотря на ее незаурядные способности, в конце концов мы потеряли след. Однако к этому времени Кимберли уже определила общее направление движения сладкой парочки.

– Он идет к ручью, – шепнула она.

– Логично, – согласился я, – ему нужна свежая вода.

– Почему мы сразу туда не пошли? – недоумевала Конни. – Можно было бы избежать всего этого. Как здесь гадко! – И с этими словами пришепнула москита, севшего ей на шею. – Фу! – брезгливо фыркнула она.

Москиты сегодня были злыми, как никогда. Там, на берегу, они нас почти не трогали. Не особенно досаждали они и те несколько раз, когда я забредал в джунгли.

Но сегодня были просто невыносимы.

А мы были перед ними совершенно беззащитны. Нет, средства защиты от насекомых на морскую прогулку взяли все, но, высаживаясь на пикник, никто не додумался прихватить их с собой. Легкомыслие, за которое мы горько расплачивались сегодня.

Мы только и делали, что не переставая шлепали их с того самого момента, как покинули пляж.

Вернее, некоторые из нас.

Кимберли не позволяла москитам отвлекать ее, практически игнорировала их.

Я попытался было последовать ее примеру, но жужжание над ушами и неприятное щекотание, когда они садились на кожу, выводили меня из терпения. Похоже, особенно их привлекала раненая сторона лица и поврежденное ухо. (По-видимому, им нравилось вонзать свои жала в струпья.) Слава Богу, что я надел рубашку—розовую блузку, которую мне одолжила Билли. К тому же огромные добротные шорты Эндрю защищали лучше, чем плавки.

На Конни была ее любимая тенниска, настолько тонкая и обтягивающая, что москиты легко допекали ее через материю. Единственную защиту давал купальник. Если я еще не упоминал об этом, то он у нее самый узкий. (Почему Конни, которой нравится представлять себя такой недотрогой, носила такой откровенный купальный костюм, выше моего понимания. Как, впрочем, и все остальное, что касается Конни. Возможно, тенниска была последней данью приличиям.) Как бы там ни было, но бюстик ее би-

кини представляет собой пару оранжевых треугольников, подвешенных на нескольких тонких тесемках, а плавки—то, что называют "ремнем"—спереди чуть более широкая полоска, чем сзади. Другими словами, лишь несколько дюймов самых интимных мест тела были надежно защищены от нападения moskitov.

Билли, как обычно, только в бикини, без рубашки. Да и прикрывал купальник не очень много. Впрочем, несмотря на то, что на него пошло раза в три больше материи, чем на купальный костюм Конни, он все равно оставлял неприкрытым гораздо больше. Казалось, у нее целые акры обнаженного тела, и все оно блестело капельками пота. Какое аппетитное горячее блюдо для этих маленьких бестий. Но они почему-то ее не трогали.

Впервые я обратил на это внимание, когда мы остановились на солнечной поляне по пути к ручью.

— Разве они не заедают тебя до смерти? — полюбопытствовал я.

— Нет. Никогда.

– И в чем твой секрет?

– Когда мне было пять лет, я спасла жизнь одному москиту. И среди них прошел слух об этом. С тех пор они меня ни разу не тронули.

– Она и мне рассказывала эту историю, когда мне было пять лет, – вмешалась Конни. – Чушь собачья. Билли снисходительно улыбнулась дочери.

– Можешь думать что угодно, дорогая.

– Мне кажется, они не пристают к тебе, потому что не выносят твоего запаха.

– Какая ты добрая девочка.

– С запахом у тебя все в порядке, – поспешил заверить ее я. – По мне, так просто балдежный.

– Спасибо, Руперт.

– Каким бы ни был твой секрет, мне бы очень хотелось им обладать. Эти маленькие уроды просто сводят меня с ума.

– Все, что им надо, – вступила в разговор Кимберли, – просто капельку твоей крови. Это ведь так мало.

– Она мне и самому пригодится, – заметил я. – А почему ты им позволяешь куражиться?

– Сражаться с ними—дело напрасное. А то, что я не в состоянии изменить, я принимаю.

Конни криво ухмыльнулась.

– Доморощенных философов, я погляжу, здесь больше, чем комаров.

Как раз в этот момент я прихлопнул одного у себя на лбу.

Затем мы вновь тронулись в путь и вскоре подошли к ручью. Выстроившись по берегу, мы дружно посмотрели в обе стороны, словно это было шоссе и мы опасались быть сбитыми мчащимся на огромной скорости грузовиком.

Ни малейших признаков Уэзли, или Тельмы, или кого-либо еще.

Течение ручья было довольно быстрое, и здесь он шумно перекатывался через пороги, стекая с возвышенности, лежащей справа. Взглянув налево, я увидел, что он струится по склону вниз к морю. Но пляжа не было видно. Океана, впрочем, тоже. Только деревья и кусты, оплетенные лианами, и порхающие туда-сюда птицы. Да и самого ручья была видна лишь небольшая часть—футах в тридцати он резко поворачивал в сторону

и скрывался из виду.

– Подержи это, – попросила Конни и, не дожидаясь ответа, сунула свое копье в руку матери, а сама спустилась к ручью. Став на колени, она нагнулась, зачерпнула сложенными лодочкой ладонями воду и поднесла ко рту. Затем начала брызгать на себя водой и растираться, по-видимому, в надежде облегчить зуд от комариных укусов.

Судя по ее блаженному виду, это, видимо, помогало.

Остальные все еще стояли на берегу.

– Как у тебя складываются отношения с топором? – поинтересовалась Кимберли.

– Замечательно.

– Хочешь, чтобы я его немного понесла?

– Вовсе нет.

– Почти уверена, что мы в двух шагах от лагуны, – сказала она, входя в воду. Билли и я сделали то же самое. – Отсюда начнется уже увеселительная прогулка, – продолжала Кимберли, – но все же лучше глядеть в оба.

Присев, мы напились из ручья, а затем про-

сто постояли в нем, дожидаясь, пока Конни закончит свои процедуры. Мне и самому хотелось окунуться и почесать зудящие места, но глубина здесь не превышала нескольких дюймов, и я предпочел потерпеть до лагуны.

А Конни не торопилась, словно получала удовольствие от того, что ее все ждали. Меня это совсем не раздражало. Даже нравилось наблюдать, как плещется она: блестящая и мокрая в прозрачной тенниске и своем суперэкономном бикини.

Наконец она поднялась. Билли вернула ей копье, и мы вновь тронулись в путь.

Шли мы цепочкой по руслу ручья. То заходили в воду, то шагали по прибрежным камням. Так было намного легче, чем пробираться сквозь джунгли. Впрочем, по мере нашего продвижения вперед, местность становилась все круче. Ручей теперь шумно играл и пенился. Приходилось взбираться на валуны, а иногда даже перепрыгивать с одного камня на другой. К счастью, ни разу не было так круто, чтобы понадобилась помощь рук.

Где эта "увеселительная прогулка", обещанная

Кимберли?

Возможно, для нее она и была таковой.

Остальным пришлось несколько раз останавливаться.

Инициатором последнего привала была сама Кимберли, что меня немало удивило. Неужели наконец и она настолько вымоталась, что ей потребовался отдых?

Вовсе нет.

Она присела на валун и, дожидаясь, пока подтянутся остальные, отложила в сторону копье, сняла висевший у бедра томагавк и скинула с себя пеструю рубашку Кита. Когда мы подошли, она объявила:

– Мы почти у цели. Я поднимусь, а вы подождете здесь. Хочу оглядеться.

– Неразумно ходить одной, – предупредил я.

– Я все время буду на виду. Просто там, вверху, – повернув голову, она кивнула в сторону возвышающихся невдалеке скал. – Хочу разведать обстановку.

Мы согласились подождать.

И Кимберли полезла вверх по скалам спра-

ва от ручья. Уже почти у самой вершины она избежала до половины лежавшей под углом в сорок пять градусов огромной гранитной плиты, затем легла на живот и проползла остаток пути попластунски.

Там она остановилась и лежала ничком, Приподняв голову, и очень долго совсем не шевелилась. Затем ее голова начала медленно поворачиваться из стороны в сторону.

Мы втроем молча наблюдали за ней.

Но минут через десять Конни недовольно пробормотала:

– Какого черта она так медлит?

– Видимо, что-то заметила, – отозвалась Билли.

– А может, просто хочет удостовериться, что там никого нет, – предположил я.

– Ждать просто глупо.

– Минута-другая ничего не изменят, – возразила Билли. Само терпение и спокойствие. – Расслабься.

Прошло еще несколько минут. Все это время Конни то и дело вздыхала, качала головой и за-

катывала глаза.

Меня это начало раздражать.

– Опаздываешь на свидание? – не выдержал я.

– Пошел ты.

Билли тихо промолвила:

– Прекрати, Конни.

– А почему он все время строит из себя занюханного умника?

– Выбирай выражения, дорогая.

– Ну да. Защищай, защищай его.

– Я никого не защищаю. Просто считаю, что тебе не мешало бы уgomониться, понятно? Твое поведение лишь усложняет ситуацию. К тому же от тебя только и слышно в последнее время "пошел" да "пошел". Ты бы не позволила себе ничего подобного в присутствии отца.

– Так его и нет, – как-то чересчур нагло огрызнулась она.

– Это верно, что нет, – вздохнула Билли. Она произнесла это с такой грустью, что у меня комок подкатил к горлу.

И неожиданно Конни заплакала.

Мать попыталась обнять ее, но та оттолкнула ее руку и взвизгнула:

– Не трогай меня! Оставь меня в покое! – Повернувшись к нам спиной, Конни закрыла лицо руками. Плакала она почти бесшумно—лишь изредка шмыгая носом и судорожно всхлипывая. Но, судя по тому, как вздрагивали плечи и спина, она была задета за живое.

Хотя иногда Конни становилась просто невыносимой, видеть, как она плачет, было нестерпимой мукой. Меня и самого вроде как потянуло на слезы. И еще мне хотелось ее утешить. Но я знал, что к добру мои попытки не приведут. Поэтому хранил молчание и соблюдал дистанцию.

Когда Кимберли спустилась, Конни уже не плакала, но все еще сидела к нам спиной.

Кимберли обвела ее хмурым взглядом.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Пошла ты! – буркнула Конни.

Что, кажется, вовсе не смутило Кимберли.

– Ладно. Как скажешь. – И повернулась к нам с Билли. Присев перед нами на корточки, она доложила:—Не похоже, что бы там кто-нибудь

был. Но это еще ничего не значит. Надо быть предельно бдительными и не подставлять спины.

– Я думаю, Уэзли еще слишком слаб для нападения, – предположила Билли.

– Вполне вероятно, – согласилась Кимберли. – Но невозможно предсказать, какой фокус может выкинуть Тельма. Полагаю, она пойдет на все, лишь бы его спасти.

– Верна своему мужу, – заметил я. Кимберли чуть было не взревела от злости.

– Ай да женушка, – буркнула она.

– Не следует ее слишком винить, – промолвила Билли. – Что касалось Уэзли, Тельма никогда не отличалась объективностью. Вероятно, до сих пор отказывается верить в то, что он убил Эндрю и Кита. Если... еще не отправилась вслед за ними.

Перекинув веревочную портупею через голову, Кимберли сдвинула томагавк на бедро.

– Я бы оценила шансы того, что она жива, как десять к одному. И она наверняка на его стороне. Но если она нападет... – Покачивая головой, Кимберли прикусила нижнюю губу. Затем

произнесла:—Мы вынуждены защищаться. Но я не хочу причинять ей боль. Если только удастся этого избежать. Она все еще моя сестра. Ты тоже моя сестра, — промолвила она, повернувшись к Конни. — И я не собираюсь бросать тебя здесь, как бы сильно тебе не хотелось провести остаток дня с надутыми губами. — Подняв свое копье, она встала. — Так что подымайся, ладно? Пора идти.

— Конечно, — пробормотала Конни. — Твоя воля для меня закон.

— Тебе это лучше усвоить раз и навсегда, — с улыбкой произнесла Кимберли.

* * *

Скоро придется закончить сегодняшние страницы. К работе я приступил, как только мы вернулись после обеда назад на берег. Мне позволили заняться дневником, пока готовился обед. Затем я прервался для приема пищи, после чего вернулся к дневнику. Боюсь, что мне не хватит светового дня, чтобы записать все вчерашние события.

Да, материала набирается вдоволь!

Пора уже прекратить описывать все подряд. Хотя я вроде и не отвлекаюсь на каждый пустяк. Есть много такого, что осталось без внимания. Миллион мелких подробностей, о которых я совершенно не упомянул, а некоторые из них могут оказаться важными.

Иногда то, что действительно важно, становится очевидным лишь впоследствии.

Из-за выпавшего гвоздя потерялась подкова. Отскочила подкова—и пала лошадь. Погибла лошадь—проиграно сражение. Я не знаю, что произойдет в будущем, так что, возможно, даже не обращаю никакого внимания на этот выпавший гвоздь.

Возможно, именно поэтому и стараюсь не упустить ни одной подробности, которая, по моему мнению, может оказаться важной. Поскольку не ведаю, как все обернется. . .

Может, если я перестану переводить время и бумагу на подобную ерунду, я буду продвигаться скорее?

Что-то все равно придется урезать, потому что уже исписана добрая половина тетради. И хо-

тя я пишу с обеих сторон каждого листа, бумага, судя по всему, закончится раньше, чем достойные описания события—по крайней мере, если наше пребывание здесь затянется еще на много дней.

Что же, попытаюсь относиться более избирательно к тому, что заносу в дневник. И с этого момента начну писать очень-очень мелко.

А что, если бумага все же закончится, и произойдет это именно потому, что я слишком пространно пишу о том, что заканчивается бумага?

В жизни так много иронии.

До завтра. Надеюсь еще встретиться.

День шестой

Охота (часть вторая)

А вот и мы.

Начинается шестой день нашего пребывания на острове.

Рассвет.

Никто не возражал против того, чтобы я отдежурил последнюю ночную смену и был свободен днем для работы над дневником. Несколько минут назад меня разбудила Кимберли, чтобы я сменил ее. Сама она только что удалилась к своему ложу. Билли и Конни, похоже, крепко спят.

Сидеть одному у огня на рассвете так приятно и спокойно. Тихий шелест набегающих волн, потрескивание и шипение костра, редкие пронзительные крики птиц из джунглей.

Но, к делу.

День вчерашний и наша охота за Уэзли и Тельмой.

Остановился я на том, как мы уже подходили к лагуне.

Преодолев остаток пути, который оказался самым трудным, потому что пришлось взбираться по крутым скалам, мы очутились в нескольких футах от ее берега.

Размеры лагуны превзошли мои ожидания—примерно пятьдесят ярдов в ширину и раза в два больше в длину. Еще я думал, что вся береговая линия будет на виду, но там было так много изгибов, мысиков и небольших бухточек, что довольно значительная часть лагуны не просматривалась с того места, где мы стояли.

Но вид открывался удивительный. Поверхность воды была настолько гладкой, что практически не возникло даже ряби, и лишь небольшой водопад, прямо перед нами на противоположной стороне, взрывал ее миллионами брызг.

В том месте, где водопад срывался со скалы футах в десяти-пятнадцати над лагуной, образовывался серебряный водяной завиток. Нависая над отвесной скалой блестящей и прозрачной завесой, водопад с тихими всплесками вливался в лагуну.

Сама лагуна напоминала огромное темное зеркало, в котором с мельчайшими подробностями отражались перевернутые скалистые берега, прибрежный кустарник и гигантские деревья.

Как замороженные, мы простояли какое-то

время на берегу, восторженно оглядывая лагуну.

Никаких следов присутствия Уэзли и Тельмы, как мы и ожидали. Вообще трудно было поверить в то, что здесь бывали люди—хотя я точно знал, что Кимберли и Кит приходили к лагуне утром того первого дня нашего пребывания на острове, когда взорвалась яхта. Место казалось таким глухим и первобытным, что меня вовсе не удивило бы, если из воды появился бы динозавр. Как в "Потерянном мире", "Кинг-Конго" или "Парке Юрского периода".

Однако представителями фауны пока что были только различные крылатые. Насекомые и птицы. И ни одного птеродактиля.

— Я пошла в воду, — объявила Конни, и, опустив на землю копье и томагавк, начала разуваться.

— Лучше не все сразу, — предупредила Кимберли. — Кто-то должен остаться на берегу с...

— ...оружием, — вставила Конни.

— Я останусь, — вызвался я.

— По очереди, — сказала мне Билли. — Через несколько минут я выйду и сменю тебя.

– Замечательно, – обрадовался я.

– Подарим себе эти полчаса, – предложила Кимберли. – А затем прочешем берег. Может, удастся отыскать какие-нибудь следы сестрицы и Уэзли или иным образом выйти на них.

– Если они вообще здесь были, – скептически произнесла Билли.

– Будь я Уэзли, именно сюда бы я и пришла. И убежище устроила бы где-нибудь поблизости. Базовый лагерь. – Обернувшись ко мне, Кимберли продолжила:—Так что гляди в оба.

– Смотри, чтобы никто не подкрался сзади, – предостерегла Билли.

– И за нами посматривай, – добавила Кимберли. – В лагуне мы будем почти беззащитны.

Это было нечто вроде намека на то, чтобы наблюдать за Конни, которая успела уже переплыть на другой берег и встала под водопад. На наших глазах она стянула с себя тенниску, свернула ее в комок и начала тереть ею лицо.

– Как бы мне хотелось, чтобы она поскорее адаптировалась, – пробормотала Билли.

– Она переживает сейчас трудные времена, –

заметила Кимберли.

– Нам всем нелегко. Это не оправдание.

– Ладно, пойдем в воду.

Сложив на берегу в одну кучу копья, томагавки, веревочные портупеи, гавайскую рубашку, армейский складной нож и обувь, они погрузились в воду.

Кимберли сделала это прыжком. И получилось у нее намного техничнее, чем у Конни, – она вошла в воду почти без брызг. Я любовался тем, как скользила она под водой—длинное холеное тело, струящиеся по спине черные волосы, пестрым скатом планирующий в полумраке треугольник бикини. Поверхность воды над нею отражала небо, прибрежные скалы и джунгли, и создавалось впечатление, что Кимберли скользит под прозрачным полотном художника-пейзажиста.

Билли, которой не доставало спортивности и бесшабашности Кимберли, осторожно спустилась к берегу и медленно вошла в воду. Ступала осторожно, словно боялась наступить на что-нибудь. Зайдя в воду по бедра, наклонилась вперед и, повернувшись набок, медленно поплыла

кролем.

Конни все еще стояла у водопада. Теперь она терла скомканной теннисной руку.

В этот момент она была наименее защищенной из них. Впрочем, совсем не похоже было, чтобы кто-нибудь к ней подкрадывался. Желая убедиться в том, что и ко мне никто не крадется, я оглянулся по сторонам. Затем положил на общую кучу свой томагавк, рубашку, кроссовки и носки. Еще опорожнил карманы старых армейских шорт, так как плавать собирался в них. Затем взобрался на подходящего размера валун, выступающий одним концом в воды лагуны, сел и положил на колени топор.

Ну чем не спасатель при городском бассейне. Не хватало только свистка и какой-нибудь белой наклейки на носу.

Можно было сосредоточиться на одной из девчонок. Любая из них была достойна внимания и будоражила воображение по той или иной причине.

У Конни, несмотря на ее несносный характер, тело было красивое и стройное, а купальник та-

кой открытый, что она почти казалась голой.

У Билли, которая намного привлекательнее своей дочери уже хотя бы тем, что такая милая, и тело самое роскошное: широкие плечи, пышные груди, подтянутый живот и полные твердые ягодицы.

Кимберли, которой в самую пору украшать обложки журналов мод, была смугла, изящна и мускулиста—словно амазонка. Тело ее казалось выточенным из дерева и отполированным до блеска.

В общем, любая из этих женщин была своего рода венцом творения.

И можно было бы бесконечно любоваться каждой из них. Но на мне лежала ответственность за всех. Так что невольно приходилось переводить взор с Кимберли на Билли, а затем отказываться от нее в пользу Конни. Последней можно было любоваться и час, но я заставил себя отвернуться, чтобы убедиться, что и с Кимберли все в порядке. И так далее...

Препоручив мне роль наблюдателя и стража, каждая из них предавалась в лагуне своим при-

чудам.

Кимберли плавала кролем посредине лагуны. Вперед—назад, вперед—назад. Погружая голову в воду и делая резкие взмахи, она явно больше заботилась о скорости, чем о собственном удовольствии.

Билли, напротив, роскошествовала: двигалась медленно, то вяло скользя на боку, то переворачиваясь лицом вниз и плывя на груди, то откидываясь на спину. Ни в одном из положений она надолго не задерживалась. Казалось, находила удовольствие в самом процессе переворачивания, и ей нравилось просто находиться в воде. А я наслаждался, наблюдая за ней.

Конни, та и вовсе не плавала. Она стояла по пояс в воде под водопадом и растиралась скотканной тенниской. По всей видимости, таким образом надеялась избавиться от зуда, вызванного комариными укусами. Так, по крайней мере, мне казалось поначалу. Пока она не сняла бикини. Вначале повернулась ко мне спиной и только после этого сняла его. Затем отошла боком на несколько шагов от водопада и бросила купаль-

ник на огромный плоский валун. И все это время держалась ко мне спиной, следя за тем, чтобы вода не опустилась ниже пояса.

Избавившись таким образом от бикини, Конни вернулась на прежнее место под водопадом и вновь начала растираться тенниской. И так ни разу не повернулась.

Вот стерва!

Она полностью завладела моим вниманием, хотя я и понимал, что должен посматривать и на Кимберли, и на Билли. Но от Конни невозможно было оторваться.

Наверное, Конни хотела просто подразнить меня, повернувшись ко мне спиной, так что наверняка огорчилась бы, если бы узнала, какое сильное впечатление на меня произвела ее голая спина: хрупкие плечи, подвижные изгибы лопаток, тонкая талия. Не говоря уже о том, что были видны ягодицы, разрез попки и тыльная сторона ног. Прозрачная вода ничего не скрывала.

Еще я не мог оторвать взгляд потому, что она все растирала и растирала свернутой тенниской груди, а затем живот. После чего—между ногами.

Было вполне очевидно, где терла—она сама об этом позаботилась.

Какая очаровашка.

Впрочем, заглядевшись на это зрелище, я не успел опомниться, как закончилось время моего дежурства.

За временем я совсем не следил, да и не особенно стремился лезть в воду. Но Билли, очевидно, заметила проделки дочери.

Она поднялась из воды прямо передо мной. Глубина там была по пояс. Когда она возникла у меня перед глазами, я почти моментально забыл о Конни.

Короткие волосы Билли, мокрые и прилипшие к голове, выглядели золотыми. Тело блестело миллионом стекавших с него капелек воды. Грудь цвета румяного хлеба быстро вздымалась и опускалась, едва сдерживаемые бикини. Со своего возвышения мне была видна полоска света на дне глубокой ложбинки между ними.

Тяжело дыша, Билли тихо произнесла:

— Я тебя сменю. Прыгай в воду и нанеси ей визит.

– Кому?

– А ты о ком подумал? Конечно же, Конни.

– Ты шутишь.

– Она ждет не дождется.

– Только не меня.

С кончика носа Билли скатилась капля и рухнула в пропасть между божественными полушариями.

– Ну же, – уговаривала она.

– В воду, пожалуй, зайду, – ответил я, – но постараюсь держаться от нее подальше. Билли пожала плечами.

– Как знаешь. Все зависит от тебя.

– От меня?

– Конечно.

– В таком случае, – сказал я, – я бы предпочел остаться здесь и составить тебе компанию. Ты уж наверняка не станешь надо мной насмехаться. Да и на вид ты приятнее.

Билли улыбнулась.

– Неужто?

– Ну да! Да ты и сама это знаешь.

– Но ведь она разделась.

– Подумаешь.

Последнее замечание было встречено коротким тихим смешком.

– Думай не думай, но сейчас тебе лучше быть там. Иначе она действительно тебя возненавидит.

– Да она уже и так ненавидит меня.

– Поверь, станет еще хуже, если ты будешь торчать здесь со мной, когда она из кожи вон лезет, чтобы очаровать тебя.

– Ты думаешь? – отложив топор в сторону, я встал. – Эй, Конни! – крикнул я.

Не поворачивая корпуса, она метнула в меня через плечо сердитый взгляд.

– Что? – гаркнула она.

– Под тем водопадом найдется местечко для друга?

– Пошел ты! – слышалось в ответ.

Я с улыбкой взглянул вниз на Билли, которая все еще стояла по пояс в воде перед моим камнем.

– Как тебе нравится ее провоцировать, – покачала головой она.

На противоположной стороне лагуны Конни бочком двигалась к тому месту, где оставила бикини.

Рисковать она не собиралась.

– Я плыву к тебе! – крикнул я.

– Только попробуй, и посмотришь, что из этого выйдет!

Билли усмехнулась.

– Прозрачный намек.

– Может, скинуть шорты? – спросил я у Билли.

– Не искушай судьбу.

– Да я бы все равно этого не сделал.

– Знаю, но не теряй времени. Прыгай в воду.

На другой стороне лагуны, наклонившись, стояла Конни. Место ее бикини на камне занял мокрый комок тенниски.

Она выпрямилась, подтягивая вверх плавки. (По правде говоря, они не намного испортили вид сзади.)

– Ну, чего же ты ждешь? – понукала Билли.

– Ничего, – ответил я.

Через несколько мгновений Конни прикрыла

и бюстик. И только после этого обернулась, и, самодовольно улыбнувшись, помахала мне рукой.

Не желая демонстрировать перед Билли свою распушенность, я воздержался и не ответил ей любимым оскорбительным жестом, а лишь закивал головой. Затем подождал, пока мимо проплывет Кимберли. Когда она отплыла в сторону, я нырнул.

Вода была просто замечательной—освежающе прохладной, но не холодной. Она бархатом скользила по коже. Неудивительно, что Билли с таким упоением переваливалась с бока на бок и плескалась в этой роскоши.

Когда я вынырнул за глотком воздуха, глубина уже была выше головы. Так что я усиленно заработал ногами, и, смахнув ресницами с глаз воду, увидел прямо перед собой Конни. Она возвращалась к водопаду.

– Не возражаешь, если я подплыву к тебе? – поинтересовался я.

– Это свободная страна, – ответила она голосом шестилетней девочки.

– Ты уверена в этом? – спросил я и погреб к ней облегченным кролем, держа голову над поверхностью. – А что это вообще за страна?

– Не будь таким занудой. – Повернувшись ко мне спиной, она вступила в блестящую вертикальную струю. Казалось, ее тело вырезало свое подобие в водопаде. Раскинув руки в стороны, Конни запрокинула голову назад.

– Классно небось?

Она ничего не ответила.

Примерно футах в шести от нее я смог достать ногами дно. Глубина там была до середины груди.

– Милое шоу ты нам устроила, – заметил я.

Опустив руки и голову, она обернулась. Последнее, вне всяких сомнений, сделала исключительно для того, чтобы продемонстрировать наглую ухмылку.

– Рада, что тебе понравилось, – процедила она.

– Твоя мать, так точно, под огромным впечатлением. – Я надеялся, что Билли нас не слышит. Скорее всего это было невозможно—по

крайней мере, мы разговаривали вполголоса.

– И как она это пережила?

– Это она меня сюда послала.

– Не вешай мне лапшу на уши. Зачем ей это надо?

– Она считает, что ты меня хочешь.

Конни шумно выдохнула воздух.

– Какая у меня догадливая мамочка. Скажу тебе по секрету: я хочу тебя так же сильно, как дырку в башке.

– Это чувство взаимно.

– Да, как же! – воскликнула она. – А то я не знаю. Да ты весь дрожал, чтобы я только повернулась.

– Ну конечно! – кивнул я. – В эту игру можно и вдвоем поиграть.

– Отвали, – сказала она и закрыла глаза.

Но я остался стоять, потому что, если бы она действительно хотела, чтобы я отвалил, то не зажмурилась бы.

Впрочем, мне и нельзя было вот так просто уйти. Потому что за нами наблюдала Билли. К тому же вид передо мной был совсем недурен.

Водопад спадал теперь на плечи Конни, совершенно не касаясь головы. Через несколько секунд она прогнулась назад. Ее голова образовала отверстие в жидкой завесе. Вода стекала по ушам и лицу, разлеталась брызгами от плеч, струилась вниз по грудной клетке.

Может быть, Конни действительно хотела, чтобы я ушел, и поэтому таким вот образом отгораживалась от меня. Или это было частью игры: своего рода уловкой, позволявшей мне, не опасаясь быть замеченным, насладиться ее видом—полностью оценить то, что мне никогда не дадут увидеть обнаженным, к чему не разрешат прикоснуться.

Если это только не было причудливой попыткой соблазнить меня, как, возможно, представляла себе Билли. Вероятность чего, по моему мнению, была весьма мала.

Поскольку глаза Конни были закрыты, я пододвинулся к ней поближе.

Теперь я наблюдал за тем, как вода срывалась с кончиков ее груди, которые были раза в два меньше, чем у Билли, и частично прикры-

вались облегающими оранжевыми треугольниками, туго натянутыми узкими эластичными тесемками. Сквозь эти крохотные треугольнички пытались вырваться наружу большие и твердые соски.

Возможно, Билли права насчет ее мотивов.

В конце концов, Конни отдавала себе отчет в том, что я никуда не ушел, что стоял достаточно близко, чтобы к ней прикоснуться, что таращился на нее во все глаза, знала, что я видел и как это на меня действовало.

Неожиданно мне показалось, что она сама хотела, чтобы я к ней притронулся.

Возможно, даже, чтобы притянул к себе и поцеловал.

Доказал ей, что только она мне нужна—а не Билли или Кимберли.

Мы и раньше целовались, до этого вояжа, каким-то непонятным образом превратившего ее в чудовище. Правда, этим и ограничивались наши опыты по части секса. Обнимались и целовались, но ниже пояса дорога моим рукам была заказана и спереди, и сзади. Да и грудь тоже была вне пределов досягаемости. И это иной раз

ужасно раздражало и бесило.

Я уже собрался было расстаться с нею, как вдруг она пригласила меня в это путешествие.

А теперь, похоже, она ждала от меня каких-то действий.

Честно говоря, мне не очень хотелось ее целовать.

Чтобы это было мало-мальски приятно, надо, чтобы тот, кого целуешь, нравился.

А хотелось мне тогда совсем другого—просунуть пальцы под нагрудные чашечки и со всей силы потянуть их вверх, чтобы груди выпорхнули на свет Божий, как это произошло у костра в ночь засады.

Но совершить подобное я не мог, и дело было даже не в том, следила за нами Билли или нет.

Конни слегка приоткрыла глаза, чтобы посмотреть, что я делаю.

— Увидимся, — бросил я ей, пятясь назад. Открыв оба глаза, она сделала небольшой шаг вперед и пробормотала:

— Ага, иди-иди, да не задерживайся. Беги, как...

- Я отваливаю. Разве не этого...
- БЕРЕГИСЬ! – закричала Билли.

Охота (часть третья)

Когда Билли выкрикивала свое предупреждение, вниз, словно сброшенный в водопад течением ручья, летел камень размером с кокосовый орех. Увидел я его за какое-то мгновение до того, как он ударил Конни в левое плечо, чиркнув по левой стороне головы.

Голова ее при ударе так дернулась, что можно было подумать, будто по ней врезали бейсбольной битой. Волосы разлетелись в стороны, а лицо передернулось. Когда камень саданул Конни по плечу, она завалилась влево и через секунду скрылась под водой.

Билли и Кимберли что-то истошно кричали, но слова невозможно было разобрать.

Поднырнув, я подхватил Конни под мышки и вытолкнул на поверхность. Тело ее обмякло, голова безжизненно болталась из стороны в сторону, а изо рта лилась вода. Глаза были открыты, но закатились вверх, так что видны были одни белки. Стекавшая по левой стороне головы вода окрашивалась в красный цвет.

Я потащил Конни к берегу, туда, где она оставила свою тенниску. Затем попробовал вытолк-

нуть ее спиной вперед, чтобы посадить на плоский камень, но мне никак не удавалось приподнять ее достаточно высоко. Она начала сползать назад, и тогда я на миг отпустил ее и перехватил вокруг бедер. На этот раз мне удалось поднять Конни и усадить на камень.

К этому времени рядом с нами появилась Кимберли.

– Побудь с ней, – запыхавшись произнесла она, затем выскочила из воды и стала быстро карабкаться вверх по скале. Она взбиралась к вершине водопада.

Безоружная.

Я стоял в воде и придерживал Конни за ноги, чтобы не дать ей соскользнуть в лагуну. Прежде чем я успел сообразить, что делать дальше, Билли была уже тут как тут. Обойдя меня, она взлезла на валун и, опустившись сбоку от Конни на колени, склонилась над ней и прижала ее за плечи к камню.

– Ну вот, теперь не скатится, – выпалила она.

Почти у самой вершины водопада Кимберли пропала из виду.

Я вскочил на валун.

Стоя по обе стороны от Конни, мы с Билли слегка приподняли ее, втащили повыше и положили на спину.

– Вот так, вот так, – приговаривала Билли. Голос у нее был почти спокойный. – Все будет хорошо, милая. Все будет хорошо.

Подобной уверенности лично у меня не было. Конни была без сознания, и из головы ее текла кровь. Но она была жива. И дышала. При таком большом количестве обнаженной плоти просто невозможно не заметить всех тех частей тела, которые подымались и опускались. А в отдельных местах—на боковой поверхности шеи, под грудной, – можно было даже увидеть пульсирующую в такт сердечному ритму кожу.

– Что будем делать с ее головой? – спросил я.

– Тут есть ее тенниска.

Выдернув из-под колена насквозь мокрую тенниску, я свернул из нее огромный толстый тампон и приложил его к окровавленной голове Конни.

Она застонала и попыталась отвести голову в сторону.

Билли положила руку на ее голову с другой стороны и придержала ее.

– Так надо, милая, – произнесла она и тихо заплакала. Думаю, от радости, поскольку Конни застонала—и это было хорошим признаком. – Все обойдется, милая. – Она пару раз шмыгнула носом. – Произошел несчастный случай, но все обойдется. – Другой рукой Билли утерла слезы и обратилась ко мне:—Как ты считаешь, плечо сломано?

Верхняя часть плеча Конни была сильно ободрана, словно после затяжного торможения по асфальту. Но плечо не казалось сильно опухшим или деформированным.

– По-моему, обошлось без перелома, – ответил я. – Хотя, сама понимаешь, большого опыта с переломами костей у меня нет.

Зажмурившись, Конни обнаружила крепко стиснутые зубы и вновь застонала.

Билли вцепилась в неповрежденное плечо девушки:

– Ты непременно выздоровеешь. – А мне сказала:—Слава Богу, что ты был рядом. Иначе она могла бы утонуть.

Я покачал головой.

– Этот камень появился так неожиданно, – попытался оправдаться я. – У меня не было времени сделать что-нибудь. Если бы я оттолкнул ее в сторону или еще что-нибудь... А я просто стоял, как замороженный.

– Ты был великолепен, – возразила Билли. – Просто все произошло так быстро.

– Откуда появился этот камень? – поинтересовался я. – Ты видела?

– Он перекатился через край водопада.

– Сам по себе? – недоумевал я.

– Едва ли. Во всяком случае, я так не думаю. Мне кажется, его кто-то бросил—или столкнул. Кто-то, кто находился выше водопада, но на достаточном расстоянии от его края, чтобы его не заметили.

– Уэзли или Тельма.

– Думаю, что да.

– Как там она? – Я поднял голову и увидел,

что Кимберли спускается вниз по склону.

– Ее здорово зашибло, – ответил я. – Но она уже приходит в себя.

– Она оклемается, – добавила Билли.

– Нашла что-нибудь там, наверху? – осведомился я.

– Ничего. – Кимберли присела на корточки, чтобы получше рассмотреть рану Конни, и ее обнаженная рука коснулась моей. – Как дела, Кон?

В ответ послышался стон боли.

– Она такая твердолобая, что этот камень, вероятно, даже не оставил вмятины, – заметила Кимберли.

– Пошла ты! – буркнула Конни. И это было для всех нас самым верным признаком того, что Конни уже идет путем выздоровления.

– Так ты говоришь, что ничего не нашла там, наверху? – переспросила Билли. Кимберли покачала головой.

– Но я не особенно и искала. Просто бросила беглый взгляд вокруг, а затем попыталась обнаружить отпечатки ног. Ничего не обнаружив, решила спуститься вниз и посмотреть, что с Кон-

ни. И мне не очень хотелось, чтобы на меня там напали. Там, наверху, миллион мест, где можно легко спрятаться. Поскольку прикрыть меня с тыла было некому, я решила, что торчать там и дальше—неразумно.

– Я мог бы подняться туда с тобой, – предложил я. – Вдвоем мы могли бы произвести нормальный поиск.

– Нет, нельзя оставлять Билли и Кон одних. К тому же все наше оружие осталось там. – Кимберли кивком указала на другой берег лагуны. – Лимит раненых на сегодня уже исчерпан, и сейчас мы вернемся в лагерь.

Что мы и сделали.

Подождав несколько минут, пока Конни придет в себя, мы помогли ей сесть. Нужно было как-то удерживать повязку (свернутую тенниску Конни) на месте, так что Билли предложила использовать для этого мой ремень. Пока я прижимал повязку к ране, Кимберли обмотала ремень вокруг головы Конни—проведя его на макушку и под подбородком, она застегнула пряжку.

Затем мы опустили Конни в воду, отбуксиро-

вали ее на спине на другой берег лагуны и там помогли ей выбраться на берег.

Помогать я мог лишь вполсилы, потому что, лишенный пояса, был вынужден одной рукой придерживать шорты, чтобы не потерять их.

Наши вещи лежали там, где мы их оставили. Вынув один из томагавков из петли, я подвязал шорты веревкой, после чего вновь заполнил карманы. (К еде еще никто не прикасался, но есть никому и не хотелось.)

Было решено, что мы с Билли поможем Конни добраться до лагеря, а Кимберли понесет все оружие, которое мы не сможем взять с собой. Затем я накинул свою розовую рубашку и сунул томагавк за веревочный пояс.

А вот как выглядела Кимберли в полной экипировке: перекрещенные на груди поверх гавайской рубахи веревочные портупеи, на каждом бедре по томагавку, спереди за поясом плавок складной армейский нож, четыре копыя прижаты к боку левой рукой, а в правой—топор.

Я встал слева от Конни, а Билли—справа. Держали мы ее за руки.

Кимберли вышла вперед, и мы тронулись в обратный путь вниз по течению ручья.

Конни ойкала и стонала, иногда всхлипывала. Но мы лишь поддерживали ее, а шла она самостоятельно. Время от времени ноги у нее подкашивались, и нам с трудом удавалось удержать ее от падения.

От ручья мы не отходили. Идти так было легче, чем через джунгли, к тому же это была, похоже, самая короткая дорога к побережью.

Иногда ручей сужался настолько, что втроем мы не помещались. Но нам все же удавалось тем или иным способом обеспечить вертикальное положение Конни.

Серьезная проблема возникла у нас только однажды. И случилось это на довольно легком спуске. Все было бы ничего, если бы прямо у нас из-под носа неожиданно не вспорхнула эта чертова птица. Что тут только поднялось! Билли завизжала. Да и все остальные, кажется, вздрогнули и подскочили от неожиданности. Но затем Билли оступилась и поскользнулась. Ее попытки уцепиться за меня ни к чему хорошему не при-

вели, и мы все трое с брызгами плюхнулись в ручей. Место было мелкое, а дно—каменистое.

Не пострадала только Кимберли, которая опережала нас на несколько шагов.

Впрочем, и остальные серьезно не пострадали—во всяком случае, не от этого падения. Просто каждый из нас получил по несколько дополнительных синяков.

Вскоре после этого дурацкого случая мы, пошатываясь, выбрались из джунглей на чистый, ослепительно яркий песок нашего пляжа.

Большая охота закончилась.

Мы не нашли добычу, зато сами чуть не стали ею.

Конни здорово повезло, что она осталась в живых.

Все это было вчера.

Между прочим, зажигалка Эндрю, которая находилась в моем кармане во время нашего падения в ручей, намокла и перестала работать. Это нас очень встревожило. Но, пролежав пару полуденных часов на солнце, она подсохла, и мы смогли вновь развести лагерный костер.

Дела Конни быстро идут на поправку. Рваная рана на боковой поверхности головы небольшая. Поначалу она сильно кровоточила, но потом кровь свернулась, и кровотечение больше не возобновлялось. Вокруг раны в волосах приличная шишка. Хотя были жалобы на резкую головную боль и боли в плече, ничего серьезного пока не наблюдалось. Я имею в виду потерю сознания, головокружение и помутнение в глазах. Ничего этого не было.

Мы надеемся на полное выздоровление Конни.

Критическое состояние, между прочим, весьма благотворно сказалось на ее характере—большую часть времени ей так больно, что не остается сил или желания, чтобы быть стервой.

Помимо этого, похоже, у нее на уме сейчас лишь жалость к себе и жажда сочувствия окружающих. По крайней мере, когда она не спит.

Прошлой ночью ее освободили от дежурства. У костра по очереди сидели Кимберли, Билли и я, причем мне уступили утреннюю смену, чтобы я смог поработать над дневником.

Лишь только начало светать, я вцепился в тетрадь, как ненормальный.

Недавно проснулась Кимберли. Она подошла к костру, и мы сказали друг другу "доброе утро". Затем она поинтересовалась, как продвигается работа над дневником. И я ответил:

– Замечательно. Я почти не отстаю от событий.

– Надеюсь, ты четко показываешь, что за всем этим стоит Уэзли? – переспросила она. – Уэзли Дункан Бивертон Третий. Чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, кто убил Кита и папу.

– Все это уже здесь, – заверил я ее.

– И это, вероятно, он сбросил вчера камень на Конни.

– Да.

– Ты записал это?

– Конечно, записал.

– Вот и славно, – она покачала головой. – Мне невыносима мысль о том, что ему это сойдет с рук. Если Уэзли в конце концов удастся убить всех нас, может быть, твой дневник станет един-

ственным источником правды.

– Боже, надеюсь, до этого дело не дойдет.

– Скорее всего нет, – согласилась Кимберли. –

Но, как бы там ни было, я иду купаться. Удержишь оборону еще минут десять—пятнадцать?

– Разумеется.

Затем она побежала трусцой к воде и с разбегу влетела в нее.

* * *

На берег она вышла несколько минут назад. Сразу же сделала несколько отжиманий на песке. Затем были приседания, махи ногами и все такое. Только что подошла за топором. Думаю, намеревается помахать им, как вчера. А я понаблюдаю. Так что пока до свидания.

Рассказ Тельмы

И кто бы вы думали вышел сегодня днем из джунглей? Тельма.

В момент ее появления по существу никто уже и не дежурил.

Билли и Кимберли отправились в бухту гарпунить рыбу на ужин, Кимберли гонялась за добычей с особым копьём Конни, Билли стояла рядом с кастрюлей.

Они как раз изловили вторую рыбу, когда к нашему лагерю приблизилась Тельма.

Конни спала под одним из навесов. После завтрака мы дали ей выпить пару глотков бурбона, чтобы облегчить страдания. И это, должно быть, помогло, потому что она тут же отключилась. К тому времени, как появилась Тельма, Конни уже спала часа два.

Сам я лежал на спине под тенистой лиственной крышей другого навеса, положив голову на песчаный холмик и держа в обеих руках над лицом книгу. Я то читал, то наблюдал за Кимберли и Билли, то снова читал...

Возглас Тельмы "Помогите!" был настолько неожиданным, что я вздрогнул, и книга выпрыг-

нула из рук.

Я перекатился на живот.

Тельма была на расстоянии примерно пятьдесят футов. Она медленно шла ко мне. Даже, скорее, не шла, а надвигалась, так как ее швыряло из стороны в сторону. Мелкие, скованные движения. К тому же она немного горбилась, словно не могла разогнуться из-за приступа радикулита. А руки ее и вовсе не двигались. Она несла их так, словно только что сломала, упав с лестницы в погреб или еще куда-нибудь.

Лицо ее тоже было сильно повреждено: огромный синяк под глазом и распухшая губа.

Один рукав блузки полностью отсутствовал, правая рука обнажена до плеча. Сама блузка, испачканная грязью и кровью, болталась навыпуск поверх шорт.

Несмотря на то, что блузка была застегнута на пуговицы, я сразу же заметил, что Тельма потеряла бюстгальтер. На это просто невозможно было не обратить внимания, потому что груди у нее были хорошо развиты. Ничем не удерживаемые, они покачивались из стороны в сторону и

подскакивали, отчего передняя часть блузки ходила ходуном, словно из нее хотели вырваться два отчаянных зверька.

На одном колене была ссадина, похожая на ту, что украшала плечо Конни.

В руках ничего не было.

Уэзли тоже нигде не было видно.

Я подумал тогда, что он, возможно, использовал Тельму, чтобы отвлечь наше внимание и подкрасться поближе.

К тому же Тельма успела продемонстрировать нам, какой опасной может быть и без поддержки Уэзли.

Так что рука моя сама потянулась за топором. Схватив его, я выполз из-под навеса и встал.

Тельма подняла ладонь.

Я обернулся. Кимберли и Билли все еще ловили рыбу. Очевидно, они не слышали крика.

– Эй! – закричал я. – Билли! Кимберли!

Они повернули в мою сторону головы. Так как берег в этом месте немного поднимался, я сомневался в том, что они увидят Тельму. Но меня они должны были видеть. И поэтому я жестом пока-

зал, чтобы они выходили из воды, и крикнул:

– Скорее! Тельма пришла!

Затем посмотрел на Конни. Свернувшись калачиком, она лежала на правом боку в прежнем положении, чтобы не беспокоить раны. Крики, должно быть, разбудили ее, потому что ее открытые глаза смотрели на меня.

– Тельма пришла, – еще раз повторил я, на этот раз для нее.

Конни ничего не ответила. Даже не сдвинулась с места. И только слегка дернулась ее верхняя губа.

Кимберли и Билли тем временем брели по мелководью к берегу.

Так что, по крайней мере, какое-то время я буду один на один с Тельмой. И Уэзли, если он готовит нападение.

Тельма все еще приближалась.

– Стой! – приказал я ей. – Ни с места!

Она остановилась.

– Подними обе руки вверх и положи их на голову.

Тельма подчинилась. При этом поднялись и

ее груди. А также блузка, но только слегка.

”Может, обыскать ее”, – подумал я.

И совсем не потому, что так можно было бы ее облапать: под огромной и просторной блузкой, к тому же так свободно свисающей, было предостаточно места, чтобы спрятать любое оружие.

Но скоро сюда подойдут Кимберли и Билли, так что я отказался от мысли об обыске.

– У тебя есть оружие? – спросил я.

– Нет, – пробормотала она. Глаза у нее были тусклыми и печальными. – Я пришла не для того, чтобы причинять вам какие-нибудь...

– Тельма! – воскликнула Кимберли. Когда я оглянулся на возглас, она уже бежала. Билли поспешила за ней. И Конни, видно, тоже не хотела ничего пропустить. Поэтому, когда взгляд мой скользнул в сторону ее навеса, я увидел ее уже на четвереньках.

Пробежав мимо меня, Кимберли стала замедлять бег и остановилась в нескольких шагах от сестры.

Руки Тельмы начали опускаться.

– Нет, не опускай! – Кимберли сделала выпад

копьем, кольнув ее в ребра.

– Ай!

– Стой, где стоишь. – Острое копья, которое Кимберли держала обеими руками, застыло всего в каком-то дюйме от груди Тельмы.

Подтянулась Билли. Затем мы подошли к Кимберли и стали рядом с ней.

– А сейчас можно опустить руки? – спросила Тельма.

– Нет. Не двигайся. Билли, не хочешь ее обыскать?

Согласно кивнув, Билли шагнула вперед и зашла Тельме за спину. Затем, орудуя обеими руками, она пощупала у нее подмышками и ниже.

– У меня ничего нет.

– Посмотрим, – сказала Кимберли.

Билли похлопала по карманам мешковатых шорт. Пройдя вокруг пояса, ее руки двинулись вверх по животу Тельмы. Они все время оставались сверху блузки, но прижимали материю к самому телу. Билли водила руками вверх и вниз, поднимая и отодвигая груди Тельмы то в одну, то в другую сторону, проверяя под ними и между

ними.

Пока все это продолжалось, Тельма недовольно кривилась. Еще она морщилась, словно от боли.

– Это обязательно надо делать у него на глазах? – поинтересовалась она. Имея в виду меня.

– Вели ему отвернуться.

– Заткнись, – приказала ей Кимберли. Присев на корточки, Билли помяла Тельме задницу, похлопала руками по штанинам шорт, затем просунула руку ей между ног. Когда рука Билли ткнулась ей в пах, Тельма ойкнула и поднялась на цыпочки.

– Ничего! – объявила Билли.

– Ладно, теперь можешь опустить руки.

Повторять дважды не пришлось.

Билли тем временем обошла Тельму и встала рядом со мной. Через секунду к нам присоединилась и Конни. Это был первый раз после вчерашнего нападения, когда она поднялась и прошла без посторонней помощи. Но вид у нее был такой, что она могла упасть в любую минуту. Может, поэтому и оперлась на плечо матери.

Все мы пристально разглядывали Тельму.

У нее задрожал подбородок, и она шмыгнула носом.

– Я... я понимаю, как вы на меня злитесь. И, думаю, имеете на то полное право. Мне не следовало...

– Давай без предисловий, – оборвала ее Кимберли. – Где Уэзли?

Тельма замычала, пытаясь что-то произнести, но у нее долго ничего не получалось. Когда же, наконец, прорезался голос, он был такой высокий, как писк.

– Мертв.

– Что?

– Мертвый! – выпалила она. – Он мертвый!

– Да, как же, – буркнула Конни.

– Это правда!

– Когда он умер? – спросила Кимберли.

– Вчера.

– Когда вчера?

– Утром.

– Кто тогда пытался убить Конни у водопада? – спросила Билли.

Быстро моргая, Тельма затрясла головой.

– Это ты сделала?

– Что сделала?

– Сбросила в водопад этот чертов камень?

– Нет! Мы... мы не были у водопада.

– А где вы были? – спросил я.

– У него в укрытии. У Уэзли есть... секретное укрытие. Оно за водопадом. Это очень далеко от водопада.

Билли свирепо сверкнула на нее глазами.

– Если это не ты сбросила камень, тогда кто же?

– Не знаю!

– Это Уэзли его сбросил? – спросил я.

Но прежде чем Тельма успела ответить, Кимберли напомнила:

– К тому времени он был уже мертв, помнишь?

– Верно, – согласился я.

– А это означает, что попытка убийства Конни—дело твоих рук, – резюмировала Кимберли и вновь кольнула Тельму копьем.

– Ай! Прекрати! – она схватилась за место

укола.

– Это ты сделала! – выкрикнула Кимберли и ткнула копьем ей в кисть. В месте укола появилась бледная вмятина.

– Не делай этого!

– Говори правду.

– Меня заставил Уэзли!

– Что значит заставил? Он ведь был уже мертв.

– Нет. Еще не был. Мы там были. И наблюдали за вами. Мы находились над водопадом и следили, а он хотел, это... убить его. – Тельма кивнула на меня.

– Меня? – переспросил я.

– Да, тебя. Я пыталась его переубедить, потому что не хотела больше ничьей смерти. Но Уэзли пригрозил меня убить, если я не подчинюсь ему. Что мне оставалось делать? Он бы убил меня. И я пошла. Прокралась к ручью и сбросила камень. – Она покосилась на Конни. – Он предназначался не для тебя. Он должен был попасть в него.

– Глупая сучка, – пробормотала Конни.

– Прости. Что я могу еще сказать? Мне совсем не было видно. Пара беглых взглядов—вот и все, что мне удалось. Иначе кто-нибудь из вас мог меня заметить. Так что пришлось бросить камень вслепую. И по ошибке он попал в тебя.

– Конечно, – фыркнула Конни.

– Это правда! Если ты думаешь, что я покушалась на тебя умышленно... я никогда не решилась бы на что-либо подобное. Взгляни, что со мной сделал Уэзли! – Она поднесла обе ладони с растопыренными трясущимися пальцами к лицу. – Он избил меня. Глянь, какие побои! И все потому, что я попала в тебя, а не в того мальчишку.

”Того мальчишку”.

Очень мило.

– Уэзли совсем не хотел, чтобы ты пострадала. Ему надо было убить Руперта—поэтому, когда вместо него я попала в тебя, он обвинил меня в том, что я все испортила. Он... он избил меня и...

– Что-то уж очень большая активность для покойника, черт побери! – заметила Кимберли.

– Тогда он еще был жив.

– Ага. Значит, ты врала, утверждая, что он умер вчера утром.

– Это произошло после того, как вы покинули лагуну и все такое.

– Он тебя поколотил и со спокойной душой умер.

– Должно быть, это отняло у него последние силы, – добавил я.

Прожигая меня злобным взглядом, Тельма выкрикнула:

– Я его убила!

Наступила тишина. Мы были просто ошарашены.

– А вы, наверное, подумали, что он скончался от ран, нанесенных копьем? Это был пустяк. Они уже заживали. Убила его я. Вы должны быть благодарны мне за это.

Кимберли посмотрела ей в глаза и произнесла:

– Я тебе не верю.

У Тельмы от удивления отвалилась челюсть.

– Ты бы и волоска не тронула на голове этого

говнюка. Для тебя он выше любых подозрений. Он—твой идол.

– Он чуть не убил меня! – возмутилась Тельма. – После того как мой камень упал на Конни, посмотри, что он со мной сделал. – Она вновь показала на свое избитое лицо. – А это! – Она попыталась расстегнуть верхнюю пуговицу блузки, но вдруг остановилась и сказала:—Он должен отвернуться.

Кимберли кивнула мне, и я повернулся спиной к Тельме.

Через несколько секунд вновь послышался голос Тельмы:

– Видишь? Видишь, что он сделал?

– Боже мой! – пробормотала Кимберли.

Я не удержался и оглянулся через плечо. Тельма стояла с опущенной головой. Блузки на ней не было.

Ее огромные груди были исполосованы царапинами и рябили лиловато-синими кровоподтеками. Некоторые из них напоминали отпечатки пальцев, другие имели форму полумесяца. Увидев такие груди, можно было бы подумать, что

по ним стегали хлыстом, хлестали ладонями и кусали.

Всхлипывая, она повернулась. Но головы не подняла и поэтому не увидела, что я подсматриваю.

— А это! — О спине нельзя было сказать, что по ней били ладонями или кусали—ее просто искромсали розгами. Кожа была покрыта множеством присохших кровоподтеков. Должно быть, Тельме досталось не меньше пятидесяти "горячих".

— И это еще не все! — возбужденно воскликнула она. Стоя спиной к нам, она начала надевать блузку. — Но я не собираюсь показывать... не буду снимать шорты...

Я понял это как намек, что надо отвернуться.

— Но он... он заставил меня раздеться... снять все... а потом бил и бил меня... и все только потому, что я случайно сбросила камень на Конни... Он не хотел, чтобы она пострадала. Но, о Боже, зато его совсем не заботило, что страдаю я. Избивая меня, он так возбудился, что потом он... он сделал со мной и другие вещи...

– Он тебя изнасиловал? – огорчилась Кимберли.

– Это было... да, и еще хуже.

Я снова оглянулся через плечо. Теперь Тельма была уже в блузке и застегивала пуговицы. Глаза у нее были красные и мокрые, из носа текли сопли, а руки так дрожали, что ей никак не удавалось справиться с пуговицами. Она заметила, что я подсматриваю, но не пожаловалась, так что я набрался смелости и повернулся.

– Что еще он с тобой сделал? – спросила Кимберли.

– Нет, я не могу... Не скажу. Это слишком ужасно. Но, по крайней мере... это истощило его силы. Закончил он все это таким уставшим, что почти моментально уснул. Вот тогда-то я его и убила. Я размозжила ему череп. Поблизости валялся камень, я схватила его и начала долбить им по его голове. – Рука Тельмы оторвалась от блузки. В ней был воображаемый булыжник. Она подняла его и с силой опустила вниз. – Я молотила и молотила, пока его голова не превратилась в огромную кровавую кучу дерьма!

Воткнув копьё в песок, Кимберли раскрыла объятия, и Тельма, пошатываясь, упала в них. Они обнялись, и Тельма пронзительно заголосила.

Тельма на электрическом
стуле

После того как Тельма рассказала свою историю и выплакалась в объятиях Кимберли, мы пошли к навесу, под которым я до этого читал, и сели на песок. Все мы под ним не поместились, но Кимберли и Билли все равно предпочитают солнце. Тельма, Конни и я все же забрались под крышу.

Скрестив поудобнее ноги, Тельма вытерла глаза и шмыгнула носом. Затем проронила:

– Просто не могу не сказать вам, как сожалею о случившемся. На меня что-то нашло в ту ночь. – Перехватив взгляд Кимберли, она прибавила:— Не надо было мешать тебе. Ты бы еще тогда его убила.

– Это как пить дать, – подтвердила Кимберли.

– Мне очень жаль.

– Так я и поверила, – пробормотала Конни.

– Нет, правда, жаль. – Тельма взглянула на остальных. – Может, я и заслуживаю наказания за то, что сделала. Я была не права и вела себя как дура. К тому же всем вам причинила боль.

– Вот тут ты права, – и Конни добавила бранное слово.

– Хорошо, хорошо. Но... ведь я заплатила за это, вы не находите? Уэзли сам об этом позаботился. Он отделал меня так, как никому из вас и не снилось. И я... хотя и спасла его перед этим... именно я вышибла из него мозги. Так что, как мне кажется... в общем, я заплатила за свои ошибки.

– Ты слишком снисходительна к себе, – совершенно спокойно заметила Билли. – А ведь ты чуть было не убила мою дочь. И серьезно покалечила ее. Одному Богу известно, сколько боли ей еще придется вытерпеть по твоей милости.

– Я очень сожалею, – пробормотала Тельма.

– Сожалеет, – фыркнула Конни. – Большое дело.

– А что я должна делать?

– Мы что-нибудь придумаем, – ответила ей Кимберли. – Нельзя же просто забыть все, что ты сделала. Боже правый, ты ведь не только напала на нас и поранила всех, ты нас предала. Перешла на сторону врага. Этот человек убил папу и Кита, а ты ему помогала. Ты предатель своей семьи.

Тельма снова расплакалась.

– Мы никогда не сможем тебе больше доверять, – продолжала Кимберли, – никогда.

– Но... я загладила свою вину. Я убила его.

– Разве?

– Разве что?

– Разве убила?

– Да! – И она еще пару раз всхлипнула. – А ты что думаешь, я вру? И все это придумала?

– Мне приходила в голову такая мысль.

– Ты... ты же видела, что он со мной сделал!

– Это еще не доказывает, что ты его убила.

– Тогда какие... какие доказательства тебе нужны? Хочешь взглянуть на его тело?

– До того, как своими глазами не увижу его тело, – ответила Кимберли, – я буду предполагать, что он жив.

– Это тот самый парень, – заметил я, – который пытался заставить нас поверить в то, что он взорвался вместе с яхтой.

– И, на мой взгляд, все это скверно пахнет, – поддержала нас Билли. – Не думаю, чтобы она могла убить его.

– А она и не убивала, – сказала Конни. – Это

исключено.

Тельма вытерла глаза и выпрямила ноги.

– Идемте! – предложила она. – Я готова. – Она шмыгнула носом. – Я вас сейчас туда отведу, и вы сами увидите. Вы... убедитесь, что я не лгунья.

– Не лгунья? – Кимберли презрительно скривила губы. – Не смейся! Да ты всегда лжешь, не задумываясь. Ты что же, думаешь, у меня потеря памяти? Да я выросла с тобой. Господи! Ты лгала при любой возможности—даже когда в этом не было никакой необходимости.

– Какая ты злопамятная, – произнесла Тельма.

– Вопрос не в том, лгунья ты или нет, вопрос в том, врешь ли ты сейчас о смерти Уэзли. И наше общее мнение—да, врешь.

– Что ж, вы скоро сами убедитесь. – Она стала отодвигаться назад, чтобы выбраться из-под навеса. – Пойдемте. Ну же. Увидите.

– Не торопись, – сказала ей Кимберли.

– Да, может, я и тороплюсь. – Она больше не плакала, но теперь у нее, видимо, возникли про-

блемы с дыханием. — Никто не хочет мне верить, и все вы будете обращаться со мной, как с какой-нибудь прокаженной, пока все это не прояснится.

— Никто не обращается с тобой, как с прокаженной, — возразила Кимберли.

— Ты не прокаженная, — заметила Билли.

— Ты—предательница, — добавила Конни.

— Вот именно, — подтвердила Кимберли. — Предательница. Но мы пока что принимаем на веру твои слова ввиду отсутствия доказательств обратного, и то только потому, что ты моя сестра.

— Вы сомневаетесь?

На секунду задумавшись, Кимберли объявила:

— Возможно, нам следовало бы казнить тебя.

— Что?

— Убить тебя. В моем представлении, помогая ему спастись из нашей засады, ты совершила тяжкое преступление, караемое смертной казнью. Не будь ты моей сестрой—и дочерью моего отца, — скорее всего тебя бы уже не было в живых.

Тельма неожиданно смертельно побледнела и, казалось, готова была вот-вот блевануть.

– Ты шутишь, – проямлила она.

– Ты так думаешь?

Конни с презрительной улыбкой добавила:

– Лично я так не думаю.

– И чего мы с тобой нянькаемся? – продолжала Кимберли. – Но мы даем тебе последний шанс. Так что лучше не ври о Уэзли.

– Он мертв, и я его убила! Я не лгу! Если вы мне не верите, пойдите прямо сейчас!

– Может быть, завтра, – сказала Кимберли. Мы все рты открыли от изумления.

– Или послезавтра, – добавила она. Мы в недоумении посмотрели на нее.

– Разве не лучше разобраться с этим пораньше? – спросил я. – Было бы очень неплохо знать наверняка. И, если он действительно мертв, тогда нам не нужно больше опасаться того, что он подкрадется к нам исподтишка...

– Мне так точно хотелось бы знать это, – поддержала меня Билли.

Тельма оживилась. Очевидно, почему-то ре-

шила, что мы на ее стороне.

– Видишь? – воскликнула она. – Они за то, чтобы пойти сейчас.

– Мы еще не слышали мнения Конни, – возразила Кимберли.

Конни скривилась.

– Я никуда не собираюсь идти. Ты, наверное, пошутила?

– А если мы оставим тебя здесь? Согласна?

– Одну? Нельзя оставлять меня здесь. Все это может оказаться уловкой. Возможно, в ту же самую минуту, как вы скроетесь в джунглях, здесь появится Уэзли и прикончит меня.

– Не волнуйся, – успокоила ее Билли. – Мы никогда не оставим тебя одну.

– А я не собираюсь идти с вами на поиски его тела. Я не могу. Слишком... В общем, я себя так дерьмово чувствую. – Конни сердито взглянула на Тельму. – По твоей милости, гребаная дура.

– Извини.

– Извини? А как ты думаешь, сильно помогает твое "извини" от кинжальной боли в голове, шее, плече и руке... Да благодаря тебе я превра-

тилась в одно огромное больное место с головы до пяток. Так что оставь свое "извини" при себе. Плевать я на него хотела.

Кимберли умоляюще выставила вперед руку.

– Мы не можем заставить тебя пойти с нами, – произнесла она. – В твоём положении это опасно. И было бы глупо оставить здесь для твоей защиты Билли или Руперта. Мы не можем себе позволить такое дробление сил. Поэтому я предлагаю пока никуда не рыпаться. Подождем денек-другой, а там видно будет...

– Денек-другой! – воскликнула Тельма. – Да это же смешно!

Кимберли подняла брови.

– А он что, встанет и уйдет?

– Нет! Конечно, нет!

– Если бы ты не покалечила Конни камнем, мы могли бы идти хоть сейчас. Тельма насупилась.

– Так что, подождем, пока Конни встанет на ноги? – спросила Билли.

– Ага.

Билли улыбнулась.

– Очень разумная мысль.

– Спасибо.

Конни со странной лукавой улыбкой добавила:

– И у Уэзли будет время действительно умереть.

Мы все посмотрели на нее.

– Мы не очень-то верим, что Тельма его убила, – пояснила Конни. – Но мы знаем, что он тяжело ранен.

Может, он вовсе не выздоравливает. Может, он становится все слабее и слабее, и в его раны попала какая-нибудь инфекция. Это ведь и со мной может случиться, верно? Вот почему я об этом подумала.

– С тобой этого не случится, – заверила ее Билли. – С тобой все будет в порядке.

– Да, я надеюсь. И поэтому не очень-то беспокоюсь. Но вы все вроде как за мной присматриваете. А у Уэзли сейчас никого нет. Тельма теперь в наших руках, и она не сможет ему помочь. И пока она останется у нас, он будет предоставлен самому себе. Если дать ему достаточно времени,

может быть, он просто истощит силы и умрет, так что нам никогда больше не придется даже прикасаться к нему.

– Верно, – согласилась Кимберли. – Но даже если он и не подышает, мы, возможно, нарушим его планы, если не отправимся на его поиски прямо сейчас.

– Он подумает, что-то случилось, – добавил я.

Билли ухмыльнулась.

– Кое-что действительно случилось.

– Вы все ненормальные! – взревела Тельма. – Он мертв!

– Лучше бы это так и было, – заметила Кимберли. – Это еще одна цель нашего выжидания— у тебя появится время поразмыслить. Может быть, ты захочешь изменить показания.

– Мне нечего менять.

– Подумай хорошенько. Если ты не убила его, тогда тебе лучше в этом признаться до того, как мы нанесем визит его телу. Если мы придем туда и обнаружится, что ты завела нас в западню, тебе несдобровать.

– Я не лгу.

– А пока что мы не сможем обращаться с тобой, как с одной из нас. Руперт, принеси, пожалуйста, веревку.

– С томагавков?

– Нет, те веревки нам еще пригодятся. Принеси то, что осталось от висельной.

– Что ты собираешься делать? – встревожилась Тельма.

Я начал уже было выбираться бочком из-под навеса, но не хотелось ничего пропустить, поэтому я задержался.

– Связать тебя, – ответила Кимберли.

– Связать меня? – этого Тельма явно не ожидала. Спокойным голосом Билли разъяснила:

– Ты—его сообщница. А как ты думала?

– Я же его убила!

– Убила, как же, – отозвалась Конни.

– Руперт! – нетерпеливо воскликнула Кимберли. – Веревку!

– Ага. Сию минуту. – И я отправился за веревкой, покинув милейшую компанию. Подбежав к нашей куче со всякой всячиной, я отыскал сре-

ди барахла конец веревки, выдернул ее и быстро побежал назад к навесу.

Приближаясь, я услышал причитания Тельмы:

– ...осталась бы в джунглях, если бы знала, что со мной будут обращаться, как с преступницей.

– Может, так было бы лучше, – заметила Кимберли.

– Надо было тебе остаться, – поддержала сестру Конни.

– Окажешь ей честь? – спросила меня Кимберли.

– Конечно. – И я нырнул под навес.

– Пока что свяжи ей руки спереди. Посмотрим, как она себя поведет. Если хоть что-то будет не так, свяжем их за спиной. Ты слышала это, Тельма? Хочешь, чтобы они были у тебя за спиной, а?

– Нет, не хочу.

– Тогда лучше не возникай.

Я опустился на колени перед Тельмой. Бросив на меня злобный взгляд, она протянула руки, и

я связал их, обмотав веревку вокруг запястий, затем запустил ее внутрь и, выведя на другой стороне, еще раз обмотал запястья, на этот раз восьмеркой. Веревку я затянул достаточно туго, чтобы Тельма не могла освободиться от нее, но вместе с тем старался, чтобы не нарушилось кровообращение.

Когда я закончил, остался еще большой кусок веревки.

Я поднял болтавшийся конец.

– Что делать с этим? Отрезать? Можно было бы связать им и ее ноги, или...

– Нет, пусть так висит, – предложила Билли. – У нас будет за что ухватиться, если она попытается сбежать.

– Поводок для сучки, – хмыкнула Конни.

– Какие вы все злые, – посетовала Тельма. – Как вы можете так обращаться со мной? Согласна, я совершила небольшую ошибку, но... На мне живого места нет. Это несправедливо. Вы видели, что он со мной сделал. Как вы могли меня связать? – Я же вас спасла. Я всех вас спасла от Уэзли, а... вы так со мной поступаете. Это

ужасно.

– Может, сунем ей в рот кляп? – предложила Конни.

– Нет!

– Тогда сделай одолжение, – посоветовала Тельме Кимберли, – и перестань ныть.

Тельма закрыла рот и обиженно скривила губы. Вскоре после этого мы разошлись. Тельма захотела прилечь, так что Кимберли, Билли и я отвели ее на спальную площадку и там помогли опуститься на тряпичную постель. Она легла на бок и свернулась калачиком. Со связанными у подбородка руками. Можно было подумать, что она собралась помолиться. Но затем Тельма потянула к себе пляжное полотенце—одно из нескольких, которые мы прихватили с собой на пикник, – и накрыла им лицо.

– Не вставай без спросу, – приказала ей Кимберли.

– Уйди и оставь меня в покое, – огрызнулась Тельма сквозь полотенце.

Кимберли присела на корточки рядом с ней.

– Послушай, – сказала она, – оставь свой го-

нор. В данных обстоятельствах мы и так чертовски деликатно с тобой обращаемся.

– Как бы не так. Я что, должна еще быть благодарной?..

Кимберли размашисто шлепнула ее ладонью по уху.

Тельма от неожиданности вскрикнула.

Медленным ровным голосом, не походившим на то, что я слышал от нее раньше, Кимберли произнесла:

– Ты ввела в нашу жизнь Уэзли, сестрица. Мы предостерегали тебя от него. Ты не хотела слушать. Ты считала его таким удивительным. А теперь что? Мой муж мертв. Папа мертв. И все из-за Уэзли. А Уэзли—из-за тебя. Соображаешь? Ты нам это устроила! ТЫ!

Она снова ударила Тельму по голове. Билли положила руку на плечо Кимберли. Она подняла голову. В ее глазах стояли слезы. Глядя на Билли, Кимберли моргнула, и сорвавшиеся с ресниц слезы покатились по ее щекам.

Это было что-то удивительное—плачущая Кимберли. Потому что почти все время она была

такая непроницаемая. Но когда она рыдает—это все равно что наблюдать за убитым горем ребенком, который пытается быть мужественным.

При виде ее слез я сам чуть не расплакался. Вспомнились похороны Кита и то, как я затянул "Парня по имени Дэнни", словно какой-нибудь идиот, и как потом она меня обняла.

Лучшие
объятия в моей жизни. Глупо-сентиментальные, но с самой красивой женщиной—не говоря уже о том, что рубашка Кита распахнулась, и ее голая кожа коснулась моей...

Обнимет ли она меня еще когда-нибудь, как тогда?

Кто знает? Надежда всегда умирает последней, по-моему, так говорят?

А хотелось бы гораздо большего, чем дружеские объятия. Хотелось бы, чтобы она безумно в меня влюбилась и соблазнила меня.

Когда рак свистнет. Не с моими внешними данными. Такие красивые девчонки, как Кимберли, никогда не оглядываются на таких парней, как я.

Впрочем, как знать? Пока мы отрезаны от внешнего мира на этом острове, все может случиться. В конце концов, я единственный представитель мужского пола. (Если не считать Уэзли.) И, возможно, со временем все трое упадут ко мне в объятия.

Кого я пытаюсь обмануть?

И все же приятно хотя бы пофантазировать на эту тему. Да только удовольствие от подобного рода фантазий имеет и весьма неприятные стороны, задевающие за живое.

Что с того, что я единственный парень на острове. Да эти милые дамы скорее всего дадут обет безбрачия или станут лесбиянками, чем упадут к моим ногам. Такая у меня удача с женским полом.

А с чего это меня вообще так понесло?

Ага, Кимберли заплакала.

И мне захотелось поцелуями высушить ее слезы.

Слизать их с ее щек.

Вылизать ее всю насухо.

А я стоял как вкопанный и глазел на нее.

Но, не дав волю слезам, она поднялась, отряхнула с колен песок и вытерла глаза.

– Гляди за ней в оба, Руп, – обратилась она ко мне.

– Обещаю.

Рука Билли все еще лежала на ее плече.

Они так и повернулись вместе и направились к воде. Возобновили рыбалку. Конни к этому времени уже Давно вернулась под свой навес и лежала. Я пошел к своему, достал дневник и занялся делом.

Начал описывать появление Тельмы из джунглей.

Но я сидел лицом к бухте, а Тельма, таким образом, оказалась у меня за спиной. Так что мне пришлось сменить положение и повернуться боком. Теперь Тельма была слева, Кимберли и Билли в воде справа, а Конни прямо передо мной.

Конни лежит на боку, как прежде.

Лицом ко мне.

Вероятно, подумала, у меня на уме что-то плохое, раз я повернулся в ее направлении. Ей

и в голову не могло прийти, что я сделал это лишь для того, чтобы не терять Тельму из виду. Наверняка считает, что я пожираю ее влюбленными глазами.

Время от времени Конни открывает глаза и бросает на меня томный взгляд.

Но без звукового сопровождения.

Никаких "чего пялишься!" или "пошел ты!"

Камень Тельмы определенно охладил ее пыл.

Надо поблагодарить Тельму за это.

Как бы там ни было, но я теперь наверстал некоторое отставание в дневнике.

День седьмой

Собеседница

Поскольку Конни еще не вполне здорова, а Тельма—наша пленница, дежурство прошлой ночью было разделено между мной, Билли и Кимберли. На этот раз мне выпала первая вахта.

Я остался у костра. После того как все остальные отправились спать, мне не оставалось ничего другого, как просто сидеть, время от времени подбрасывая в костер плавник, и смотреть по сторонам.

Сидел я спиной к бухте. Таким образом, никто не смог бы незаметно выйти из джунглей и подкрасться к нашим девочкам.

Я все ломал себе голову, действительно ли Уэзли мертв?

Одно было несомненно—Тельму он здорово отделал. Довольно уважительная причина, чтобы убить парня, даже если тебя не очень волнует тот факт, что он зверски расправился с твоим отцом.

Очень хотелось надеяться, что она это сделала. Если Уэзли мертв, можно не высматривать его и не опасаться, что он подкрадется в темноте к спящим женщинам. И можно прекратить огля-

дываться через плечо каждые две минуты, чтобы убедиться, что он не набросится на меня сзади.

Мне стало досадно, что мы не отважились пойти и посмотреть на его тело сразу же после того, как Тельма поведала нам свою историю.

Мы бы знали теперь наверняка, к лучшему или к худшему все повернулось.

С другой стороны, кого-нибудь из нас теперь, возможно, уже не было бы в живых.

Скорее всего—меня.

Я всегда считал, что я—следующий на очереди. И это было вполне логично, принимая во внимание то, что Уэзли убрал с дороги двух других мужчин и сделал это сразу же, едва мы успели высадиться на остров. Теперь и Тельма это подтвердила. Там, у водопада, Уэзли приказал ей прибить именно меня.

Но здесь, у костра, я почему-то не особенно беспокоился за свою шкуру. Личная опасность была ничто по сравнению с заботой об охране и защите женщин. Я чувствовал, что на мне теперь лежит эта обязанность.

Пока они спали, а я стоял на посту, они были

моей паствой.

Временами мое воображение рисовало мне самые глупые сцены моего героизма при их спасении. Возникали и другие фантазии, но о них я лучше промолчу.

Так прошел первый час моего дежурства. До того, как ко мне подошла Тельма.

Когда я заметил, что она встает, то первое, что я подумал—это попытка к бегству. Но вместо того чтобы побежать в джунгли, Тельма осторожно вышла из-под своего навеса и направилась ко мне. Свободный конец веревки висел у нее между ног и волочился по песку за спиной.

Никто из женщин не шелохнулся. Это лишний раз убедило меня в том, что они спят. Кимберли подняла бы бучу, если бы увидела, что Тельма встала и бродит по лагерю. То же самое касалось и Билли с Конни.

Теперь-то я понимаю, что именно так и надо было поступить—бить тревогу.

И я чуть было так не сделал.

Стоило мне осознать, что никто другой не собирается искать быстрое решение возникшей

проблемы, первое желание, которое я испытал, было окликнуть Тельму и заставить ее остановиться.

Крик поднял бы всех на ноги. (За исключением разве что Конни.)

Но я промолчал.

Зачем всех будить? Я могу справиться с этим самостоятельно.

Так я сказал себе.

Но это была далеко не единственная причина моего молчания. Дело в том, что меня распирало любопытство. Что Тельма задумала? Почему шла ко мне? И мне захотелось узнать это.

Пока она приближалась, я взял в руки топор, встал и обошел вокруг костра, чтобы он не помешал мне, если понадобится предпринять какие-либо решительные действия. Топор я держал обеими руками на уровне пояса, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, но в то же время и показать ей, что я не собираюсь тут же изрубить ее на кусочки.

Никто из нас не проронил ни звука. До того момента, когда она остановилась в нескольких

шагах от меня и сказала:

– Не могу уснуть. То есть, я спала, но потом вдруг проснулась и теперь... Не могу удобно устроиться. – Она подняла связанные руки. – Думаю, ты меня не развяжешь.

– Нет, я не могу.

Она пожала плечами и слегка поморщилась.

– Я так и предполагала. Но спрос не бьет в нос. Попробовал бы ты уснуть с завязанными так туго руками.

– А ты не пробовала на спине?

– На моей спине? А ты ее видел? Думаю, что нет. Я не стал ее переубеждать.

– Узли изуродовал меня. Моя спина теперь— сплошная болячка... как, впрочем, и все остальное. Как он избил меня, Руперт. Живого места не осталось. Нет такого положения, в котором я могла бы спокойно уснуть. Просто чудо, что мне вообще удалось сомкнуть глаза.

– Мне очень жаль, – произнес я.

– Ты не виноват. Это я, дура, вышла за него замуж.

– Ну... – начал было я.

– Как бы там ни было, но все уже позади и со всем этим покончено. Вопрос сейчас в другом. Ты не станешь возражать, если я просто побуду здесь немного? Обещаю вести себя хорошо. Просто не могу вернуться и лечь. Я только ворочаюсь и все. . . я так несчастна. Можно побыть с тобой? Пожалуйста!

а) Она объективно просто не могла не чувствовать физических затруднений. Тут она не врала.

б) Что она могла мне сделать? У нее связаны руки, а у меня топор.

в) Всегда можно закричать, если она попытается выкинуть что-нибудь такое.

г) Меня все еще не покинуло любопытство. Была ли у нее какая-нибудь тайная причина, чтобы подойти ко мне? Замышляет ли она какую-нибудь пакость? Что все-таки случится, если я позволю ей остаться? Может быть, что-то интересное или даже волнующее.

Не говоря уже о том, что мне очень хотелось расспросить ее кое о чем.

– Ладно, – согласился я. – Можешь остаться,

но ненадолго.

– Спасибо, Руперт. – Она как будто не лукавила. – Ты настоящий джентльмен.

– Но при одном условии, – предупредил я.

Ее прежнее дружелюбие почему-то вмиг улетучилось.

– При каком?

– Ты будешь отвечать на все мои вопросы, о чем бы я ни спросил.

Она шумно выдохнула.

– Вон оно что! А я-то думала, ты не такой, как наша семейка. А ты ничем от них не отличаешься, да? Как жестоко я ошибалась, предполагая, что хоть кто-то здесь ко мне хорошо относится.

– Все, что мне надо, это выяснить кое-что. Что тут такого?

Она глубоко вдохнула, а потом долго и недовольно выдыхала.

– Каждый мечтает устроить мне допрос с пристрастием.

– Может, лучше вернешься в кроватку?

– Нет, нет, нет. Я согласна. Все что угодно. Ради Бога, почему бы тебе быть не таким, как

эти сучки? И что же ты хочешь узнать?

– Давай присядем, – предложил я.

Я вернулся на свое прежнее место по другую сторону костра, сел, скрестил ноги и положил на колени топор. Где сесть Тельме, тоже определил я: передо мной, но немного левее, лицом к костру. Огонь не разделял нас. Кроме того, если что, можно было ткнуть ее обухом топора.

– Для начала, – продолжил я, – рассказывали тебе Уэзли, с какой целью он все это делает?

– Делает что?

– Взорвал яхту, загнал нас на этот остров, убил...

– Он не взрывал яхту. Я спрашивала его об этом. Все было не так: он почуял запах бензина и успел прыгнуть за борт за считанные секунды до взрыва. Чуть было не погиб. Едва успел вынырнуть, как прозвучал этот страшный взрыв.

– Это он тебе так сказал?

– Да.

– И ты ему поверила?

– А почему я не должна была верить? Мне в голову пришел всего лишь один миллион причин.

– Если все было именно так, – возразил я, – то почему он не поплыл к нашему берегу? Туда, где были мы? Он ведь знал, что мы находимся там. А потому, что несомненно хотел, чтобы мы считали его погибшим.

– Да, таков был его замысел.

– Что? О чем ты говоришь?

– Ему надо было исчезнуть. Он боялся, что на него свалят вину за взрыв. Именно так и случилось. Ты ведь слышал моего отца. "Во всем виноват только Уэзли".

– И поэтому Уэзли инсценировал свое исчезновение.

– Конечно. Одному Богу известно, что бы вы с ним сделали.

– Да, одному Богу—кто-то, возможно, обозвал бы его идиотом.

– Ты ничего не знаешь.

– Он что, боялся, что Эндрю заставил бы его идти с завязанными глазами по положенной на борт доске? Или привязал бы его к киллю? Или отстегал его кошкой-девятихвосткой?

– А кто мог знать?

– Да никто бы ничего ему не сделал, если это в самом деле был несчастный случай.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. Да и откуда тебе знать, каким жестоким мог быть наш отец. И каким злым. Если бы тебе стала известна хотя бы половина из того, что он сделал... что он делал мне... и Кимберли. – Тельма покачала головой.

Меня это жутко заинтриговало.

– И что же такое он делал? – поинтересовался я.

– А ты не можешь представить, как стесненно себя чувствуешь, когда так сильно связаны руки? – она протянула их ко мне. – Кимберли слишком затянула узлы.

Незадолго перед отходом ко сну Кимберли развязывала Тельме руки, чтобы та могла сходить в туалет—затем она вновь связала их.

– У тебя это лучше получается, – похвалила меня Тельма. – Когда ты связывал меня, веревка так не резала. Кимберли сделала это специально, чтобы мне было больно.

– Нет, она не могла так поступить.

– Посмотри. Просто посмотри, хочешь?

Я наклонился к ней и подергал за веревку. Действительно, стянуто было ужасно туго. Вокруг запястий даже образовались канавки.

– Ты можешь немного ослабить ее? Пожалуй-ста!

– Не знаю. Может, у Кимберли были на то причины...

– Одна, так точно. Просто ей нравится делать мне больно. Это ее возбуждает.

– Конечно, – буркнул я.

– Если ты ослабишь узлы, – пообещала она, – я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Естественно, мотивы ее поведения были весьма подозрительны. Но и нельзя было отрицать факт, что веревка действительно впилась в ее руки.

– Ладно, я перевяжу, – сказал я. – Но никаких фокусов.

– Я ничего не сделаю. Обещаю.

Отложив топор за спину, чтобы она не могла до него дотянуться, я подполз к ней на коленях и вцепился ногтями в узел. Когда он был развя-

зан, я начал разматывать веревку с ее запястий. Внезапно она высвободила руки. А в моих остались пустые витки веревки. Прежде чем я успел опомниться, она спрятала обе руки за спину и замотала головой.

– Пожалуйста! Я ничего не сделаю. Не связывай меня больше, ладно? Пожалуйста! Сжался. Связанные руки—это невыносимо. Хотя бы на несколько минут, ладно? Пожалуйста!

– Нет! Перестань, ты же обещала. – Я воровато оглянулся. Слава Богу, девчонки все так же мирно спали. Я повернулся лицом к Тельме. – Из-за тебя у меня будут большие неприятности.

– Вовсе необязательно их в это посвящать. Я ничего им не скажу, если и ты не проболтаешься.

– Черт возьми! – бросив веревку, я наклонился вперед, вытянул руки и схватил Тельму за плечи. Они были толстыми, но не дряблыми. И в них чувствовалась сила. Сжав их пальцами, я попытался вывернуть ее руки из-за спины.

Она отчаянно сопротивлялась. Но через несколько секунд заявила:

– Прекрати, или я закричу. Я тут же ее отпу-

стил.

Какое-то время ушло на то, чтобы перевести дыхание. Отдышавшись, я сказал:

– Кричи. Кто-нибудь проснется, а у тебя развязаны руки...

– У тебя будет больше неприятностей, чем у меня.

– Неприятности будут у нас обоих. Кричи.

– Я предлагаю тебе сделку, – промолвила она. Я поднял с песка веревку.

– Какую?

– Ты позволяешь мне побыть немного развязаной, ладно? Хотя бы пока мы будем здесь сидеть и беседовать, а затем я безо всяких позволю тебе меня снова связать. Обещаю.

– Кто-то может проснуться. Да и потом, ты меня уже раз обманула. Воспользовалась тем, что я из лучших побуждений хотел оказать тебе услугу. Так что давай-ка сюда свои руки.

Тельма покачала головой. Руки ее все так же оставались за спиной.

– Давай, – сказал я. – Пожалуйста. Я не буду сильно затягивать.

– Мне казалось, ты хотел расспросить меня о многом, что касается Уэзли. И о Кимберли. Разве ты уже не хочешь знать, как отец издевался над ней?

– Издевался? Над ней?

– Он многое чего делал с ней. С нами обеими.

– Правда? – Я снова бросил взгляд на спящих.

Пока все было в порядке.

– Да не волнуйся ты так. Мы просто притворимся, что я связана. – Тельма протянула мне руки. Я несколько раз обернул веревку вокруг них, но ни затягивать, ни завязывать веревку на узел не стал. – Вот так, – улыбнулась Тельма. – Если кто-нибудь сунет сюда к нам нос, к тебе не будет никаких претензий.

– Только без шалостей, – предупредил я ее. Затем вернулся на свое прежнее место, сел и снова положил топор на колени. – И что он с ней делал? – нетерпеливо спросил я.

– С нами обеими, – поправила меня Тельма.

– Ладно, с обеими.

Семейные узы

– Это... все так гадко. Ужасно мерзко. Ты уверен, что хочешь услышать об этом?

Я кивнул головой. Непонятная внутренняя слабость—смесь страха и нервного возбуждения—уже овладевала мной.

– Ну, тогда слушай. Ты сам этого захотел. Пеняй на себя, если тебе не понравится то, что я расскажу.

– Хорошо. Обещаю. Начинай.

– Один пример: иногда он заставлял нас раздеваться догола и бороться на полу. И все мы были нагие. Я, Кимберли и папа. – Она проговорила все это быстро, полушепотом, словно передавала очень пикантную сплетню. – Сначала он довольствовался тем, что просто натравлял меня и Кимберли друг на друга, а сам наблюдал со стороны и... вроде как подбодрял нас и отдавал разные распоряжения. Хотел, чтобы мы делали друг другу больно. И еще разные извращенные штуки. Затем через какое-то время и сам к нам присоединялся.

– Боже правый, – пробормотал я. – И сколько же вам было лет?

Она пожала плечами и покачала головой.

– Не знаю. Это началось еще, когда мне было лет девять или десять, и продолжалось, пока я ходила в школу.

– А как же Билли? Они ведь женаты... уже двадцать лет? Она смотрела на все это сквозь пальцы?..

– Он никогда не делал ничего подобного в ее присутствии. Но она ведь ходила на работу, ты знал об этом? И у папы было предостаточно времени, которое он мог посвятить только нам.

– Но ведь он часто уходил в плавание...

– Не настолько часто. Я бы даже сказала, совсем нечасто. А когда он сходил после плавания на берег, это всегда было еще хуже прежнего. Он был просто неистощим на выдумки. Борьба была лишь одной из них. Но, мне кажется, любимой. Он хотел играть в эту игру всякий раз, когда мы оставались одни. Он душил нас в своих борцовских захватах, пока мы не начинали кричать. А пока мы кричали, плакали и корчились на полу вместе с ним, он, – ну, ты знаешь, – совал в нас свои пальцы. И язык. А еще кусал нас.

– А Билли ни о чем таком не подозревала?

– Нет, нет. Это был наш маленький гадкий секрет. Отец пригрозил, что убьет нас, если мы проболтаемся.

– А Конни?

Тельма пожала плечами.

– Не знаю. Я перестала жить дома, когда поступила в колледж. Это случилось, кажется, двенадцать лет назад. Конни тогда было только... сколько?

– Сейчас ей восемнадцать.

– Выходит, ей было только шесть, когда я уехала из дому. Но я знала, что он продолжал заниматься этим с Кимберли и после моего отъезда. Мы это никогда с ней не обсуждали, но я знала. Думаю, они и не собирались прекращать. Мне неизвестно, была ли вовлечена в это и Конни. Но я вовсе не удивилась бы.

– "Не собирались прекращать"? Ты говоришь это так, словно Кимберли... была добровольной участницей.

Тельма шумно выдохнула воздух, широко раздувая ноздри.

– Кимберли не пошла учиться в колледж. Это говорит тебе о чем-нибудь? Окончила с отличием среднюю школу, была президентом класса и все такое. Да она могла бы подавать документы в Принстонский или Йельский университеты, если бы пожелала. И что же она сделала? Записалась в местный колледж, лишь бы остаться жить дома.

– Ты полагаешь, что она продолжала заниматься с ним этим?

– Да это же ясно. Она по-настоящему втянулась. Эти мазохистские штучки. Восхитительная боль. Именно так Кимберли всегда это называла. "Восхитительная боль".

– Правда? – Все это меня немного ошарашило. – Но у нее на теле нет ни единого шрама. По крайней мере, я не видел.

– Нет, нет. Конечно, нет! Шрамы—чересчур очевидные доказательства. Она всегда тщательно избегала повреждений, которые оставляют следы. Кто захочет, чтобы все узнали о твоих маленьких грязных секретах. Тебя могут принять за дегенератку, психически ненормальную. Ты зна-

ешь, о чем я.

— А какие у нее были отношения с Китом? — спросил я. — Ведь она вышла замуж за этого парня. Если она занималась этим с Эндрю?..

— У Кита были такие же склонности.

— И ему нравилось делать ей больно?

— Конечно, нравилось. Однажды я их застала за этим. Это случилось незадолго до того, как я вышла замуж за Уэзли. Мне пришлось зайти в родительский дом за... книгой. Я готовилась к свадьбе, и мне нужна была книга Билли по этикету. И я вошла, не позвонив в дверь. Сначала я подумала, что никого нет дома, но потом услышала какой-то шум, доносившийся со второго этажа, и решила тихонько подняться и посмотреть, что там происходит. Я опасалась, что это мог быть вор или что-нибудь в этом роде. Но это был не грабитель—в спальне Кимберли были они. Вся тройка.

— Это кто?

— Кимберли, Кит и папа.

— Занимались сексом? Все трое?

— Да, занимались сексом. И истязали ее.

– Истязали Кимберли?

– Ее распяли на кровати, связав по рукам и ногам, и...

– Можешь не продолжать, – сказал я.

– Папа совал ей в рот.

– Прекрати. Не хочу этого слышать...

– Кит стоял на коленях у нее между ног. В обеих руках у него были щипцы и он обрабатывал ими ее соски, а его рот...

– Заткнись! Я тебе не верю. Ты все это выдумала. Кимберли никогда бы... Не зря она обозвала тебя лгуньей. Все это обыкновенная чушь собачья.

– Так вот, Уэзли знал все об отце и Ките. Теперь ты видишь? Он знал эту парочку больных дегенератов, как облупленных. И, когда взорвалась яхта... испугался, что станет козлом отпущения, а их страсть к истязанию людей ему была хорошо известна. И он пришел в ужас. Но не только за себя. Он опасался за меня и Билли... за всех нас. Можешь себе представить—оказаться на безлюдном острове с парой таких садистов. У него не оставалось другого выхода,

как покончить с ними.

– Тогда почему он хотел убить меня? Я никогда никого не пытал!

Странная улыбка искривила одну сторону лица Тельмы. Другая, потемневшая и распухшая от нанесенных Уззли побоев, не шелохнулась.

– Но ты был бы не прочь попробовать, да? – спросила она.

Это было не совсем то, что я ожидал от нее услышать.

– Попробовать что?

– Попытать кого-нибудь?

– Что ты мелешь!

– Кого-нибудь, вроде Кимберли, – сказала она.

– Нет!

Она презрительно ухмыльнулась.

– Кого ты стараешься обмануть? Да у тебя от одной мысли об этом капает с конца. Как бы тебе хотелось схватить ее за соски и сжимать их, пока она не стала бы плакать, корчиться и молить о пощаде!

– Ты с ума сошла.

– Или кусать их.

– Тебе пора идти на место, – сказал я, и, отложив топор в сторону, поднял с песка веревку и пополз к ней на коленях. – Выставь вперед руки.

– Взгляни на себя, – произнесла она. Ее взгляд был направлен на мои шорты.

– Ну и что? Вытягивай вперед руки. Но вместо того, чтобы вытянуть руки, она начала расстегивать блузку.

– Остановись, – приказал я.

– Представь, что это Кимберли, – предложила она, распахивая блузку. Блики костра заиграли на ее огромных грудях. – Вот здесь. Потрогай. Знаю, ты хочешь. Ты изнываешь от желания.

– Нет. Остановись.

Она завела руки под груди, приподняла их и поднесла ко мне.

– Вот, – шепнула она. – Они твои. Ты ведь хочешь потискать их, да? А похлопать по ним ладошками? Так, чтобы они подскакивали и раскачивались? А схватить за соски и выкручивать их, пока я не завизжу от боли и не стану умолять о пощаде?

– Нет.

Она опустила груди, но лишь для того, чтобы высвободить руки. Затем начала теревить пальцами соски. Она пощипывала их, вытягивала и выкручивала. Все это она делала, прикусив нижнюю губу и дыша через нос. Вдыхаемый и выдыхаемый воздух с шипящим шумом раздувал ее ноздри.

Невозможно было оторваться.

– А теперь ты, – с придыханием произнесла она. – Ты ведь хочешь этого. Очень хочешь.

Каюсь, соблазн был велик. Это было что-то из области моих тайных грез. Но что-то, лишь отдаленно их напоминавшее. К тому же Тельма была единственной женщиной на острове, никогда не фигурировавшей в моих фантазиях.

Впрочем, не возбудиться было просто невозможно. Эти ее грязные словечки, эти взвинчивающие интимные откровения насчет Кимберли, а теперь еще и демонстрация своих грудей. Какие они у нее огромные. Даже со всеми синяками, рубцами и струпьями они все равно волновали меня.

Если откровенно, я тогда сам себе был отвратителен. И испытывал отвращение к Тельме.

Ощущение было такое, словно, приняв ее предложение, я совершил бы нечто невероятно грязное и позорное. После чего надо было бы долго отмывать руки.

– Ну, давай же, – пыхтела она. – Давай!

– Спасибо, не надо.

– Я—Кимберли. Только закрой глаза, и я стану для тебя Кимберли. Смелее. Хватайся за сиськи, а я расстегну тебе "змейку" и...

– Не будем больше об этом, – сказал я. – А сейчас застегнись и протяни вперед руки.

– Хорошо, хорошо. Одну минутку.

Она начала подниматься.

– Э, погоди! Что ты делаешь?

– Просто хочу встать на колени, только и всего. Не хочу больше сидеть. А с завязанными руками подняться будет гораздо труднее.

Что ж, вполне резонно. И я подождал, пока она опустилась на колени передо мной, после чего повторил свою просьбу:

– Дай мне свои руки.

Но вместо того чтобы подчиниться, она улыбнулась, провела ладонями по своему жирному животу и начала расстегивать пояс.

– Не надо.

Но она не остановилась.

– Я покажу тебе, что еще Уэзли мне сделал.

– Я не хочу видеть.

– Нет, хочешь.

Разумеется, она была права.

Я понимал, что должен ее остановить. Но, в определенном смысле, мне этого вроде и не хотелось. К тому же я не знал, как это сделать. Если бы я совершил что-нибудь такое, что не понравилось бы Тельме, она могла бы закричать. А мне в этот момент меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь из женщин проснулся и застукал нас в таком виде.

Так что я просто сидел на коленях и смотрел, как Тельма расстегивала сначала ремешок, затем пуговицу на пояске шорт, затем "змейку". Затем шорты упали на колени. Я ожидал увидеть трусики, но не увидел. Срамных волос, как таковых, у нее не было. Просто выпуклый треугольник с

темной щетиной, которую можно увидеть на щеках не брившегося пару дней мужчины.

Неужто это она хотела мне показать—где именно побрил ее Уззли?

Вероятно, там можно было бы увидеть какие-нибудь повреждения, но я не успел ничего разглядеть, потому что сразу же отвернулся. Там, за костром, в спальной зоне, не было видно никаких признаков движения. "Слава Богу", — подумал я.

Как-то надо было заставить Тельму прекратить все это.

И сделать это необходимо было самостоятельно. Слишком далеко все зашло. Не следовало развязывать ей руки. Одно повлекло за собой другое, а теперь я не знал, как положить всему этому конец. Разве что позвать на помощь.

И что они подумают, когда увидят нас в таком виде?

"А сделать надо так, — мелькнуло у меня в голове, — отползти от нее, схватить топор, подняться на ноги и, угрожая топором, приказать ей натянуть на себя шорты и..."

Это было предупреждение свыше.

Потому что моя голова все еще была повернута влево, и я смотрел в сторону спальной зоны. На Тельму я вовсе не собирался глядеть, пока не отполз бы от нее подальше. Но что-то случилось. Что именно, я не понял. Может, я услышал тихий посторонний звук. А может, уловил какое-то движение краем глаза. Или учуял перемену в воздухе. Что-то такое.

И я повернул голову.

И увидел руку Тельмы с опасной бритвой, летящую к моему животу.

Я не шучу, именно с опасной бритвой. С такой, у которой лезвие убирается в ручку—никто в здравом уме, разве что парикмахер, не стал бы держать у себя подобную вещь. Потому что она настолько опасна, и так легко ею случайно порезаться при бритье, да и невозможно не думать о том, что может натворить обезумевшая женщина, если такая бритва попадет ей в руки.

Но откуда, черт побери, она у Тельмы?

Было ли у меня время гадать об этом, когда совершенно неожиданно я увидел у нее в руке эту хреновину, которую она уже подносила к моему

животу, чтобы вспороть его.

Взвизгнув, я отпрянул назад.

Она промахнулась.

Боли я не почувствовал, зато увидел мелькнувшую вверх перед лицом руку с бритвой, словно Тельма еще надеялась рассечь напополам мой нос.

Затем я плюхнулся на песок.

И моментально приподнялся на локтях, судорожно соображая, отбиваться ли от нее ногами или отползать назад.

На какой-то момент, видимо, она забыла о нападении. Голова ее была повернута в сторону.

Может, там вставала со своей постели Кимберли?

Но я не стал терять времени на выяснение того, на что смотрела Тельма. Она отвлеклась на мгновение. И это было главное.

Лишняя секунда, чтобы увеличить расстояние между мной и этим лезвием.

Зарываясь локтями и пятками в песок, я стал отодвигаться от Тельмы.

Она тут же заметила это.

В тот момент, когда ее глаза повернулись в моем направлении, я закричал:

– На помощь! На помощь!

Она поковыляла ко мне на коленях, словно безногий инвалид на своих культяшках. Шорты все еще были спущены, и она в них путалась, поэтому и не могла быстро двигаться. Во всяком случае, настолько быстро, чтобы догнать меня. Потому что я все еще отползал.

Вид у нее был, должен вам сказать!

Тяжело надвигающееся вразвалочку безногое тело—слишком хорошо освещенное, несмотря на тени, – и ухмылка на покрытом синяками опухшем лице. Шаркая коленями по песку в погоне за мной, она размахивала над головой обеими руками. Бритва в правой руке поблескивала в свете костра.

– Стой! – выпалила она. – Стой, вафлеришка!

А я все зывал о помощи.

Затем мой взгляд упал на топор, лежавший в песке недалеко от левого локтя, и я подтащил его к себе за рукоятку.

– Тельма!

Сердитый окрик, голос Кимберли.

Тельма бросила беглый взгляд в том направлении, откуда он донесся, и охнула. Затем резко метнулась в мою сторону.

Я стремительно и сильно взмахнул топором. Стальной обух угодил ей в предплечье.

Правое предплечье.

Тельма вскрикнула, и бритва выскочила из ее руки.

А она завалилась на меня. Ее голова ткнулась мне в пах. Но уже через секунду Тельма откатилась и, с хрюканьем крутанувшись несколько раз по песку, встала на четвереньки. Затем, шатаясь, поднялась на ноги, подтянула вверх шорты и, придерживая их обеими руками, побежала в сторону бухты.

Кимберли понеслась за ней вдогонку.

Стройная и быстроногая, она была такой смуглой, что, если бы не белый купальник, совершенно растворилась бы в ночи.

У края воды она прыгнула, потянувшись руками к плечам Тельмы.

Эффектный бросок.

Да только Тельма в последний момент развернулась и саданула ее локтем по лицу. Траектория изменилась, и полет прервался. Кимберли плюхнулась в воду, а Тельма продолжала бежать.

К тому времени я уже встал на колени, несмотря на то, что получил сильный удар в пах, и, ворочая головой, высматривал остальных.

В спальной зоне сидела Конни и смотрела в мою сторону. Конечно, она не в том состоянии, чтобы прибежать на помощь. А Билли не рискнула оставить ее одну. Она стояла с копьем в руке, приготовившись защищаться, если Уэзли бросится на нее и Конни.

Поднявшись на ноги, я засеменил к берегу.

Тельма, которую уже едва было видно, брела по колено в черной воде. Мне вдруг показалось, что она возвращается. Это меня до смерти перепугало, и я остановился как вкопанный. Едва удержался, чтобы не развернуться и пуститься наутек.

Если бы я убежал, она бы прикончила Кимберли.

– Я... сам развязал ей руки.

– Ты что, не в своем уме?

Билли положила ладонь мне на затылок и погладила меня.

– Поговорим об этом утром, – сказала Кимберли. – А сейчас все ложитесь спать. Я подежурю.

– Мне очень жаль, – вновь повторил я.

– Сделанного не воротишь, – ответила она, повернулась и пошла к костру.

Вот и все события прошлой ночи.

По-моему, более, чем достаточно. Помимо того обстоятельства, что так много произошло—хорошего, плохого и даже весьма странного, – утро ушло на то, чтобы перенести все это в дневник.

И я еще даже не успел подогнать записи.

Инквизиция

Остаток прошедшей ночи прошел в тягостных раздумьях о том, как объяснить дамам свое фиаско с Тельмой. Хотелось придумать достаточно правдоподобную версию, чтобы не выглядеть совершенным кретином или легковверным извращенцем.

К тому же о многом мне и вовсе не хотелось рассказывать.

Мне никак не удавалось сосредоточиться. Я лежал на своей "постели", стараясь сконцентрировать внимание на придумывании какой-нибудь благопристойной лжи, но думалось только о том, что произошло на самом деле. Я как бы заново все переживал. Не просто вспоминал, но словно ощущал большую часть из случившегося—смущение и страх, волнение и отвращение, возбуждение и ужас—хотя и менее остро, чем в реальности. И все было как-то путано.

Даже во сне не удавалось избавиться от Тельмы. Мои кошмары были хуже действительности. Я почти не помнил, о чем там шла речь, но в них было много секса, сверкали опасные бритвы, и они были ужасны.

Никогда еще я так не радовался рассвету, положившему конец этому изнуряющему бреду.

После того как все проснулись, мы собрались вокруг костра и доели последнюю ветчину из банки.

Разве я не упоминал раньше о банке ветчины? Она была среди вещей, которые Кит и Эндрю выудили из моря после взрыва. Открыли мы ее несколько дней назад, когда еще не ловили рыбу. Как бы там ни было, но теперь банка пуста—и мы начинаем испытывать недостаток в съестном.

В путешествие мы отправлялись, имея на борту целую гору припасов, гораздо больше, чем восемь человек могли бы прикончить за недельную морскую прогулку. Взрыв произошел, когда у нас впереди было еще четыре дня, и я считаю, что Кит и Эндрю спасли примерно половину оставшейся на яхте еды. В том числе и такую вкуснятину, как баночная ветчина.

С напитками было гораздо хуже—а на яхте пива, безалкогольных и горячительных напитков было столько, что хватило бы на целую армию. Но взрыв пощадил только несколько буты-

лок спиртного. (Ничего газированного—ни содовой, ни пива, ни шампанского—не уцелело. Все взорвалось.)

Во всяком случае, нам еще довольно повезло, что хоть это спасли.

К тому же большую часть времени на острове делить еду приходилось всего между четырьмя или пятью едоками. Да и рыбу мы едим, когда только можем. Так что запасы провизии мы растянули достаточно надолго. Ее хватит еще на несколько дней, если питаться экономно. Затем придется сконцентрироваться на рыбалке, охоте, поиске съедобных овощей и фруктов в джунглях и тому подобном.

С этим не будет больших проблем, разве что придется конкурировать с Уэзли и Тельмой. Пока они бродят где-то поблизости, пропитание вряд ли займет первое место в списке наших первоочередных задач.

Боже, какое пространное отступление! Кажется, я немного обалдел от того, что так много писал сегодня.

После того как мы доели ветчину, наступило

время Инквизиции.

– Ты не хочешь рассказать нам, что случилось прошедшей ночью? – спросила Кимберли.

– Не особенно, – ответил я.

Видимо, мой ответ никого не позабавил.

Я тяжело вздохнул.

– И с чего же мне начать?

– Почему ты развязал ей руки?

Облегчение. Простой вопрос.

– Пришлось. Помнишь, ты развязывала ее, чтобы она могла сходить в туалет вчера вечером? Так вот, когда ты связывала ее после этого, то слишком туго затянула веревку. Она впилась ей в запястья.

Кимберли исподлобья взглянула на меня.

– Чушь.

– А вот и нет. Я проверил. Веревка была слишком перетянута.

– Только не после того, как я ее связала. Я была очень внимательна. . . – Она обвела взглядом Билли и Конни. – Кто-нибудь из вас перевязывал ее прошлой ночью?

Билли покачала головой.

– Если бы я и взялась за ту веревку, – пробурчала Конни, – то лишь для того, чтобы удушить ее.

– Возможно, Тельма сама затянула веревку, – предположила Билли. – Чтобы появилась причина попросить Рупа развязать ее.

– Как бы ей это удалось? – спросила Конни.

– Может, зубами? – произнесла Билли.

– Думаю, это вполне возможно, – согласилась Кимберли. Поморщив несколько секунд лоб, словно в раздумье, она прибавила:—Блин, это все так на нее похоже. Почти всегда она ведет себя, как слабоумная, но она умеет быть и хитрой. Невероятно хитрой. Во всяком случае, за ней это уже наблюдалось. Может, она в какой-то степени изменилась, но я в это мало верю. Подлецы всегда остаются подлецами.

– И что же такое она делала? – поинтересовался я. Меня не столько интересовали подлые поступки Тельмы, сколько хотелось отсрочить самую неприятную часть допроса.

– От пакостей она никогда не уставала. Но... однажды, когда она очень на меня разозли-

лась, она четвертовала свою собственную куклу Барби—отрезала ей руки, ноги и голову—и спря-тала их под моим матрацем. А потом с невинным личиком ходила и всех расспрашивала. И у отца спросила, не видел ли он ее Барби. Когда кукла наконец обнаружилась, мне досталось по первое число.

– От матери? – спросила Билли.

Кимберли покачала головой.

– От отца. Это было после смерти матери и до того, как папа встретил тебя.

– Он тебя избил? – встрепнулся я. Неожиданно я почувствовал, что мне не хватает воздуха и сердце начало глухо стучать.

– Кто? – возмутилась Кимберли. – Отец?

– Ну да. Ты же сама сказал, что тебе досталось.

– Верно. – Вид у нее был явно обиженный. – Но он меня никогда и пальцем не тронул. Ты, наверное, пошутил. Чтобы папа?.. Он со мной провел воспитательную беседу. После которой я почувствовала себя подлее змеи. А я ведь и не прикасалась к той проклятой кукле. Вы бы ви-

дели тогда Тельму. Она так гордилась тем, что ей удалось всех провести, а на меня навлечь гнев отца.

— Ты с ней поквиталась? — оживился я. Кимберли как-то странно на меня посмотрела— словно заподозрила что-то неладное.

— Э, к чему ты клонишь?

Слова застревали в горле, но мне все же удалось выдать их из себя.

— Она сказала, что ты часто ее била.

— Что?

— Что ты... ты всегда принуждала ее бороться с тобой. Бросала ее об пол и делала разные удушающие приемы... чтобы она кричала и молила о пощаде... и всякое такое.

Криво улыбнувшись, Кимберли покачала головой.

— Ей бы это очень понравилось.

— Ты никогда с ней не боролась?

— Она на пять лет старше меня. И всегда намного больше весила. К тому же у нее садистские наклонности. Я ни за что на свете не стала бы с ней бороться. Единственный раз, когда мы

действительно с ней сцепились, я дернула ее за волосы, а она ткнула мне в руку карандашом. И он вонзился в меня. Пришлось ходить в больницу на уколы.

– А она говорила, что ты постоянно с ней боролась.

– Неужели?

– Ну да.

– Может, в какой-нибудь другой жизни... Меня так и подмывало продолжить и объяснить, что они делали это голыми и к ним присоединялся их отец—что поединки были чем-то вроде садистских сексуальных развлечений.

Но я уже понял, что Тельма, должно быть, придумала всю эту историю о борцовских сражениях.

– Значит, вы тут прошлой ночью обсуждали мои выдуманные поединки с Тельмой?

– Ну да.

– Зачем она тебе такое рассказывала?

– Не знаю. Мы просто разговаривали. Я почувствовал себя загнанным в угол и жалел, что вообще завел разговор об этом. Впрочем, у меня

отлегло от души, когда стало ясно, что Тельма все наврала. А если она соврала насчет борьбы, разумно было бы предположить, что и истязаний и кровосмесительства на самом деле тоже не было.

Еще я чувствовал себя немного обманутым и немного разочарованным. Какая-то часть во мне тогда вроде как возбудилась, представив, как Кимберли занимается подобными делами. И все же я испытал главным образом облегчение.

— У нее должны были быть мотивы, — наседала Кимберли.

— Почем я знаю...

— Я знаю, — воскликнула Конни и бросила на меня один из своих противных взглядов. — Тельме очень хотелось, чтобы он поборолся с ней. Это как пить дать.

Я хотел было возразить, но мне показалось, что за эту мысль можно было бы зацепиться. Уж очень не хотелось, чтобы всплыла на поверхность правда.

— Ну... Это вроде... Она действительно хотела, чтобы мы с ней устроили некий поединок.

– На кой черт? – лицо Билли искривилось в улыбке, словно сказанное ее позабавило, но вместе с тем и озадачило.

– Это прозвучало как вызов, – пояснил я. – Если бы она победила, мне пришлось бы отпустить ее. Если бы выиграл я, она бы позволила мне снова связать ей руки. Понимаете, когда я ослаблял веревку, она их выдернула и спрятала за спиной.

– Вот тогда-то и надо было звать на помощь, – заметила Кимберли.

– Конечно, и все бы считали меня дрянным типом, у которого хватило глупости развязать ее.

Кимберли слегка перекосило, и она виновато потупила глаза. Хотя прощения в прямом смысле она и не попросила, но было видно, что она сожалеет о том, что была так резка со мной прошедшей ночью. Это не вызывало сомнений.

– Так-так, – вмешалась Конни. – Эта Тельма сумела увидеть тебя насквозь.

Я посмотрел на нее, но не спросил: "Что ты имеешь в виду?" Это было бы ошибкой. Но хотя я и удержался, это не помогло.

Вопрос этот задала Билли.

– Что ты имеешь в виду?

– Она знала, за какую именно ниточку потянуть. Восхитительно. У Руперта на уме только секс, и он ни за что на свете не упустил бы шанса побороться с женщиной.

Я почувствовал, что сейчас провалюсь сквозь землю от стыда.

– Ерунда! – возразил я. – Мы говорим о Тельме, а уж с ней-то, Бог свидетель, мне бы меньше всего хотелось бороться.

– Ну да, как же.

– Она мне противна.

– Будто такой пустячок мог бы тебе помешать.

– Эй! – воскликнул я. – На себя посмотри!

– Ты сам помоги ему рукой!

Кимберли попробовала урезонить сестру.

– Не будем отвлекаться от основной темы, детишки. Бросив на нее презрительный взгляд, Конни сделала неприличный жест средним пальцем.

Проигнорировав эту выходку сестры, Кимбер-

ли обратилась ко мне:

– И ты согласился на этот поединок? Нахмурившись, я попытался выбрать наилучшую тактику защиты. После непродолжительного молчания я сказал:

– Ну... она меня заставила. Обозвала трусом. Мол, я слабак и такое ничтожество, что никогда не посмею померяться с ней силами в честном поединке.

– И ты на это клюнул? – спросила Кимберли.

– Пришлось.

Билли тяжело вздохнула.

– Тебе не нужно было ничего доказывать Тельме. Она просто манипулировала тобой.

– Пожалуй... Хотя и не до конца. То есть вначале я действительно согласился бороться с ней. Но затем она начала раздеваться. Хотела, чтобы мы боролись голыми.

– А ты сразу подумал, что уже умер и тебя забрали на небо, – съязвила Конни.

– Неправда! Я сказал ей "нет", и что наш уговор теряет силу, и что никакого матча не будет. Потребовал, чтобы она протянула вперед руки.

Чтобы я смог их связать. Но она словно оглохла. Не обращая ни на что внимания, начала снимать с себя одежду. Будто мы будем бороться, и все тут, что бы я там ни говорил. Не успел я опомниться, как ее блузка была уже нараспашку, а шорты—внизу. Я просто не знал, что делать.

– Наверное, член у тебя поднялся выше обелиска в Вашингтоне. – Это был комментарий Конни.

– Вовсе нет.

– Как же.

– Оставь его в покое, – сказала ей мать.

– Так вот, когда я понял, что все зашло слишком далеко, я начал отползать от нее. Хотел добраться до топора и заставить ее прекратить это безобразие. Но внезапно она кинулась на меня с опасной бритвой. Чуть меня не убила. – Я перехватил презрительно-насмешливый взгляд Конни. – Если вы мне не верите, можно поискать эту бритву. Я выбил ее у нее из руки. Она, наверное, еще валяется где-то в песке.

Кимберли, на которой сегодня была гавайская рубашка Кита, сунула руку в левый нагруд-

ный карман, вынула из него бритву и взмахом руки выкинула лезвие.

Билли сложила губы трубочкой и произнесла:

– Ууу!

Я и сам скривился, когда поближе увидел бритву в дневном свете и понял, что вчера лишь чудом не остался валяться на песке со вспоротым брюхом.

– Кто-нибудь видел эту штуковину раньше? – поинтересовалась Кимберли, держа бритву большим и указательным пальцами, чтобы мы могли разглядеть рукоятку, которая напоминала перламутровую.

Конни покачала головой.

Билли произнесла:

– Грозная вещица.

– Узнаешь ее?

– Я? Нет. Я уже целую вечность не видела подобной бритвы. У моего отца была похожая, но у той была зеленая рукоятка.

– Ну а ты, Руперт?

– Видел ее прошлой ночью, когда Тельма бросилась с нею на меня.

– Бритва, вероятно, принадлежит Уэзли, – вставила Конни.

Кимберли кивнула.

– Может быть. В сущности, хозяйкой могла быть и Тельма.

– У нее не было бритвы, когда я ее обыскивала, – заметила Билли. – Я бы такое не пропустила.

– Ну, – неуверенно произнесла Кимберли, – где-то же она ее взяла.

– Почему же она тогда просто не воспользовалась ею? – недоумевала Конни.

– Она попыталась, – возразил я.

– Нет, я имела в виду, не использовала для того, чтобы перерезать веревку и освободиться.

– Может быть, Тельма не могла дотянуться до нее с завязанными руками, – предположил я.

– Но она должна была бы развязать руки еще до того, как подошла к тебе, – сказала Билли. – Если верно то, что она перевязала веревку, чтобы потуже ее затянуть, тогда ей наверняка вначале пришлось бы ее развязать.

Конни нахмурилась.

– Все это становится слишком сложным.

– Да, – согласился я. – Получается, что она развязывает руки, чтобы можно было снова связать их, но теперь уже потуже, и это лишь для того, чтобы подойти ко мне и хитростью вынудить меня развязать их еще раз. Не лезет ни в какие ворота.

– Нет, лезет. – Кимберли несколько секунд кивала головой и покусывала нижнюю губу. Затем произнесла:—Смысл в этом есть. И немалый. Мы рассматривали ее поведение не с той стороны. Дело не в том, что Тельма развязалась и могла убежать. Нет, ей нужно было убить Руперта.

– Какой ужас, – пробормотал я.

Кимберли подняла палец.

– Я вижу все это вот так... – И, взглянув на меня, продолжила:—Там, у лагуны, Тельма пыталась убить тебя, сбросив камень с водопада. Но она промахнулась и по ошибке попала в Конни.

– Это согласно ее изложению событий, – возразила Билли, – и может не соответствовать действительности.

– Что бы там ни было у Уэзли на уме, но сна-

чала он хочет умертвить всех мужчин. Я так себе это представляю, – сказала Кимберли. – Все дело в том, что он слишком слаб от ранений, чтобы самому попытаться убить Руперта, поэтому он приказал это сделать Тельме. А ту постигает неудача, и она ранит Конни. Затем—ее история: Уэзли зверски избивает ее, она его убивает и возвращается к нам для примирения. Но я в этом не уверена.

– Не уверена, что он избил ее? – удивилась Билли.

– Кто-то наверняка это сделал, – заметила Конни.

Кимберли кивнула.

– Ну, может, и Уэзли. Или, вероятнее, лишь какую-то часть этого. Уверена, большей частью она сделала это сама.

– Она способна на такое? – изумилась Билли.

– Избить себя? Может быть. Не знаю, но меня бы это не удивило.

– Думаешь, она мазохистка? – спросила Билли.

Конни фыркнула.

– А то как же, раз она вышла замуж за Уэзли.

– Она не могла нанести себе побои во все те места, – заметил я.

– Конечно, во все не могла, – согласилась Кимберли. – Я считаю, что это было совместное мероприятие. Предполагалось, что побои должны были оправдать убийство Уэзли, поэтому все должно было выглядеть правдоподобно. Какая-то их часть наверняка была нанесена самой Тельмой. Слишком уж они жестокие, чтобы их авторство приписывать одному Уэзли. В его-то состоянии? Возможно, он и укусил ее пару раз, но так отдубасить и отхлестать не смог бы. Она должна была сделать это сама. Во всяком случае, большую часть.

– Ненормальная, – дала определение Конни.

– Это послужило ей пропуском в наш лагерь, – заметила Кимберли. – Она рассчитывала прийти к нам, продемонстрировать эти ужасные кровоподтеки и ссадины и заставить нас поверить в то, что она покарала Уэзли, убила его.

– Но мы ей не поверили, – напомнил я.

– Нет. Во всяком случае, не полностью. Я с

самого начала сомневалась, что это сделал Уэз-ли. Но мои подозрения—как, впрочем, полагаю, и ваши—заклю­чались в том, что ее послали сюда, чтобы она обманула нас. Если бы мы поверили, что она убила Уэз­ли, мы бы отменили дежурства и открыли себя для внезапного нападения. Еще мы подозревали, что она могла бы завести нас в засаду, если бы мы пошли разыскивать тело Уэз­ли.

— Верно, — подтвердила Конни.

— Но мы ошибались. Глубоко ошибались. Она явилась не для того, чтобы отвлечь наше внимание или заманить нас в западню, где Уэз­ли мог бы расправиться с нами. Знаете, что это было? С самого начала? Боевой вылет женщины-камикадзе для ликвидации Руперта.

— Она хотела убить меня?

— Верно.

— Что это означает?

— А то, по крайней мере, что Руперт—большой счастливчик.

— Что счастливчик, то счастливчик.

— А еще, что во всем этом Тельма полностью

поддерживает Уэзли. Она, совершенно не задумываясь, готова совершить ради него убийство. И она намного опаснее, чем мы полагали.

– И коварнее, – добавил я.

– Я всегда знала о ее коварстве, – заметила Кимберли. – Просто не подозревала, что она способна на убийство.

Нахмурившись, Билли покачала головой.

– Ты считаешь, что в этом она действовала с ним на пару?

– В чем этом?

– В заговоре против нас. Во взрыве яхты и нашей высадке на этот остров-ловушку. Возможно ли, что Тельма помогала Уэзли спланировать все это? Теперь я уже не уверена, что это не так. Более того, сама идея могла принадлежать именно ей.

– На этот счет у меня серьезные сомнения, – возразила Кимберли. – Пусть она и непревзойденная актриса, но, мне кажется, она искренне поверила, что Уэзли погиб при взрыве. Совершенно не подозревая, что к чему, Тельма включилась во всю эту кутерьму только в тот момент,

когда увидела, что мы пытаемся прикончить ее мужа. Во всяком случае, такова моя точка зрения.

– Если Тельма понятия не имела о его плане, – сказала Билли, – тогда все это придумал Уэзли, как мы и предполагали с самого начала. Но в таком случае, как сюда вписывается Тельма?

Я понял, к чему она вела.

– Если мы верно разгадали мотивы Уэзли, – произнес я, – он убьет ее так же, как всех нас.

– Он не может позволить себе оставить ее в живых, – добавила Билли.

– Такое уж ее везение, – промолвила Кимберли. – Но он не убьет ее, пока сможет хоть как-то использовать. А, возможно, он и вовсе не намеревается лишиться ее жизни. Это мы так думаем, что он делает все это, чтобы стать единственным наследником, но на самом деле мы не знаем, что, черт побери, за всем этим кроется. И что от него можно ожидать.

– Я лично ожидаю, что он снова попытается меня убить, – вставил я.

– Подозреваю, что ты прав, – сказала Кимберли и улыбнулась мне. – Мы постараемся, чтобы ему это не удалось.

– Спасибо.

– Ну и что же нам делать? – поинтересовалась Конни.

– Ничего, – ответила Кимберли. – Во всяком случае, не сегодня. Мы не в состоянии отправиться на охоту за этими двумя. А Руперту, я уверена, надо очень многое записать в свой дневник.

– Подумаешь, большое дело, – буркнула Конни.

– Это действительно большое дело, – возразила ей Кимберли. – Я хочу, чтобы он все записывал. Хочу, чтобы осталось документальное свидетельство всего, что здесь происходит. На тот случай, если мы отсюда не выберемся.

– Это смешно. Я уверена, что Уэзли собирается убить нас всех. И что же—после этого он позволит, чтобы какой-то дневничок Руперта раскрыл миру его преступления? Ты меня рассмешила. Да он его сожжет.

– Спасибо, Конни, – сказал я.

– А что, спустись на землю.

– Как бы там ни было, но быть убитым не входит в мои планы. Я собираюсь выбраться отсюда—и надеюсь, что нам всем это удастся. А затем я найду издателя. И мы станем знаменитыми. Я заработаю огромную кучу денег. И все, кто прочтет мою книгу невыдуманных приключений, увидят, какой же ты была стервой.

– Может, я сама его сожгу.

– Только попробуй, и увидишь, что...

– Прекратите! – возмутилась Кимберли. – Оба!

– А ты оставь дневник Руперта в покое, – сказала Билли дочери.

На что дочь обиженно ответила:

– Да, как же, становись на его сторону, давай-давай. По существу, на этом наше заседание было объявлено закрытым. В конце концов, я ожидал худшего.

Будучи признанным главным объектом умышленного нападения Тельмы, я вышел из этой неприятной ситуации с гораздо меньшими потерями для своего престижа. Теперь я был

счастливым, уцелевшим после покушения на жизнь, а не растяпой, позволившим Тельме бежать.

Но в то же время я никак не мог отделаться от не очень сильного, но навязчивого страха.

Одно дело, когда на тебя бросается с опасной бритвой твоя пленница, решившая вырваться на волю. А совсем другая музыка, когда она приходит к нам вся избитая и с целым ворохом лжи лишь для того, чтобы подобраться ко мне поближе поздно ночью и выпотрошить.

Мне чертовски повезло, что я еще жив.

День? – А кто его знает,
какой

Размышления после
возвращения к дневнику

Он там, где я его оставил. Так что я открыл его и снова пишу.

Не знаю, зачем мне это нужно.

Разве что, как сказала Кимберли, мы должны регистрировать все, что здесь происходит.

Может быть, когда-нибудь мой дневник попадет в руки копов.

Да, как же!

Разве в этой забытой Богом дыре на краю Вселенной есть полицейские? Кто-нибудь вообще есть? Знаю лишь одно: я не хочу, чтобы мой дневник когда-нибудь опубликовали. Больше не хочу. После того, что случилось.

– А что случилось? – спросите вы.

Не знаю я, что случилось.

Прошло уже несколько дней со времени моей последней записи. Мне так кажется. Но я совсем не уверен, сколько на самом деле прошло времени.

* * *

Я только что перевернул несколько страниц, чтобы прочесть написанное и освежить память. Создается впечатление, что это писал кто-то другой. И писал давным-давно. Несколько лет назад. Так много с тех пор изменилось.

Даже как-то неловко видеть то, что я тогда написал.

Например: "Я лично ожидаю, что он снова попытается меня убить". Это "снова"—звучит так, словно однажды меня уже убили. Но подлинная проблема не в этом. (Кто станет придираться к грамматике, да еще и в диалоге. Верно? И вообще, кому какое дело до всего этого?) Настоящая проблема в моей развязной, беспечной, гребаной позе. Ах да, мой добрый друг Уэзли? Он, вероятно, предпримет еще одну попытку убить меня. Фу-ты, ну-ты! Не потерять бы бдительность, да? Не забыть бы увернуться.

Так вот, слушайте новость.

Не меня он сцапал.

А их.

Кимберли, Билли и Конни.

Это они "унесенные гребаным ветром", а не я. Я-то здесь, снова на нашем берегу, делаю записи в свой дневник, жив, цел и невредим—и один.

В мои планы не входит быть убитым.

Еще один перл из моей коллекции.

Кстати, о самонадеянности.

Кстати, о говнюках, каких свет не видывал.

Кстати, о пророчествах.

Конечно, мне доподлинно неизвестно, убиты ли женщины. Вероятно, да, но нельзя сказать, что я в этом абсолютно уверен, потому что мне открыта лишь часть того, что произошло, но не все. Когда я отключился, они еще были живы, но что случилось с ними потом?

Не знаю.

Знаю только, что они исчезли. Нет, это нестерпимо. Пойду-ка лучше окунусь. Может, мне повезет, и меня проглотит акула.

Боевой отряд

Это следующий день.

Вчера голова была забита Бог знает чем, и у меня просто сил не хватило, чтобы еще что-то написать. Я пошел поплавать, как и говорил. Но акулам на ужин не достался. Их здесь нет и в помине.

Зато у меня возникла мысль о самоубийстве.

Одном из тех очень красивых, мелодраматичных самоубийств, которыми хоть пруд пруди в любой мыльной опере—когда какой-нибудь идиот уплывает навстречу закату. Идея тут, думаю, такая: отплыть от берега настолько, чтобы уже не хватило сил вернуться назад. Так что, даже если и передумаешь, твоя песенка спета.

Но я не сделал этого, и на то было сразу несколько причин:

- а) тонуть неприятно,
- б) покойником быть ненамного приятнее,
- в) одиночество вовсе не хуже, чем смерть,
- г) я не на все сто процентов уверен, что девчонки мертвы,
- д) убив себя, я никогда не смогу осуществить то, что мне жуть как хочется сделать с Уэзли и

Тельмой,

е) нравится мне это или нет, но я действительно чувствую себя в определенной мере обязанным исполнить роль изгнанника и парии, стать Горацием наших благородных злоключений и изложить почтенной публике всю правду и ничего, кроме этой правды.

Кроме того обстоятельства, что я не убил себя, других, заслуживающих внимания событий вчера не произошло. Я плавал, ел, плакал и спал.

Сегодня я расскажу, что с нами случилось на восьмой день.

Во всяком случае то, что мне известно.

* * *

Шестым был день, когда вернулась Тельма, избитая и заверявшая нас, что убила Уэзли. В ту ночь она бросилась на меня с бритвой, после чего совершила побег вплавь.

На седьмой день мы долго обсуждали события шестой ночи. И я много написал об этом. Помимо этого, не произошло ничего существен-

ного. Решительных действий мы не предприняли в тот день главным образом из-за ранений Конни. Но ей становилось все лучше.

В следующую ночь тоже ничего не произошло.

На восьмой день Конни все еще чувствовала себя больной, но рвалась в бой. Как все мы. Потому что понимали: нельзя терять время—надо кончать с Уэзли и Тельмой.

Надежды на то, что Уэзли уже мертв, не покидали нас.

Теперь мы были совершенно уверены, что Тельма солгала о том, что убила его, как, впрочем, и почти обо всем другом. Однако мы полагали, что Уэзли вполне мог скончаться от ран, полученных в ту ночь, когда мы устроили на него засаду. Тогда Кимберли проткнула его сиську и проделала ему еще одну дырку в заднице. С такими ранами он мог умереть от потери крови или от инфекции.

Даже если он не мертв, мы считали, что он, по крайней мере, выведен из строя.

С другой стороны, за это время Уэзли мог

достаточно укрепнуть, чтобы представлять для нас реальную угрозу.

Мы обсудили все возможности, какие только приходили в голову.

В конце концов решили, что вероятнее всего проблемы возникнут с Тельмой, а не с Уэзли.

Из лагеря мы выступили ближе к полудню.

Поверх своего белого бикини Кимберли накинула гавайскую рубашу Кита. Томагавк болтался на веревочной подвязке, армейский нож был заткнут спереди в плавки, в левой руке она несла копье.

Билли была одета в то же черное бикини и, разумеется, без рубашки. На груди перекрещивались веревки: одна веревка спускалась от плеча к правому бедру—на ней болтался томагавк. Другая—которую мы использовали для связывания рук Тельмы—трижды обвивала ее тело, свисая с другого плеча. Веревку мы прихватили на тот случай, если будут пленные.

Хотя с индейской кровью в жилах среди нас была только Кимберли, из-за повязки на лбу Конни больше подходила на эту роль. А надела

ее она для того, чтобы зафиксировать на ране тампон. Тампоном служила небольшая подушечка из ее старой тенниски. Тенниска эта все равно была испорчена, так что Билли постирала ее в ручье и порезала на куски.

Еще на Конни была жилетка. Собственного производства. Она вырезала ее на седьмой день нашего пребывания на острове с помощью моей бритвы из купального полотенца. Полотенце было полосатое, желто-белое. Не такая уж и тяжелая, жилетка все же придерживала повязку на левом плече и еще защищала плечи и верхнюю часть спины от солнца, хотя и была без рукавов и настолько короткой, что не прикрывала и половины спины. Не говоря уже о попке, которая в ее мини-бикини была почти голой.

Уже перед самым выходом я предложил Конни протереть ягодицы солнцезащитным лосьоном Билли. Она послала меня подальше. (Как я уже говорил, силы к ней возвращаются.)

Спереди жилетка не сходилась, но бывшее полотенце прикрывало груди—в этом скорее всего и заключалась настоящая причина того, зачем

она смастерила и надела подобную штуковину. Чтобы спрятать их от моего взора. Подразнить и наказать.

Следуя этой логике, Конни следовало бы сделать себе еще и юбку. Но она не сделала. Может, считает что ее нижние части меня совсем не интересуют? Совершенно непоследовательно. Впрочем, можно свихнуться, но так и не обнаружить никакой логики в поступках Конни.

Но смотреть на нее было в высшей степени приятно. На них на всех.

...Подумать только, я могу больше никогда никого из них не увидеть... Это несправедливо. Как ни ужасно в этом признаваться, но я чувствую себя обманутым.

Они мертвы, а этот тип чувствует себя обманутым.

Рано или поздно, может быть, одна из них... либо влюбилась в меня, либо дошла до такого отчаяния, что...

А может быть, и нет. Этого мы никогда теперь не узнаем.

Но ясно одно: их здесь нет, и не на кого смот-

реть, не о ком грезить, не с кем говорить и иногда обниматься.

Оказывается, меня обнимали все три, я это только сейчас понял.

Я видел груди Билли и Конни, но никогда не видел груди Кимберли. И теперь никогда не увижу. Так же, как и многое другое, что я никогда не...

* * *

Вынужден на время прерваться.

Слишком унылая, мягко говоря, тема. Я так скучаю по ним. Нестерпимо думать, что они мертвы.

Но ведь я не знаю этого наверняка.

В здешних краях считать кого бы то ни было мертвым—опасная ошибка.

Надо их найти. Необходимо точно установить, мертвые они или живые. Если живы, их почти наверняка держат в плену. Может, мне удастся спасти их. Если мертвы, я... Не знаю, что я сделаю. Но так или иначе мне придется убить Уэзли

и Тельму.

Следовало бы отправляться на поиски немедленно, а кз загорать здесь на пляже.

Но сначала я хочу внести в дневник все последние события. Тогда, если я не вернусь, останется хоть письменный след.

Итак, вернемся к рассказу.

Я рассказывал о самодельной жилетке Конни. Из-за повреждения левого плеча веревочный ремень для томагавка был перекинут через правое плечо: веревка пересекала грудь и томагавк болтался на левом бедре. В левой руке она несла свое особое, ужасающее копье, которое сделала для рыбалки.

Что касается меня, день показался мне слишком жарким для розовой блузки Билли, поэтому я решил обойтись без нее. На мне были только армейские шорты Эндрю. С тех пор как я начал носить их, свои плавки я больше не надевал. Мне нравится иметь карманы, а шорты такие большие и просторные, что я чувствую себя очень свободно. Между прочим, кроссовки и носки тоже на мне.

Я мало пишу об обуви. Это потому, что тема малоинтересная, да и не особенно важная, потому что у всех обувь была. Иногда мы носим ее, иногда ходим босыми. А так, практически, больше нечего сказать по этому поводу.

В смысле вооружения у меня был топор, который я нес в обеих руках, на бедре—томагавк, заткнутый за пояс, и бритва Тельмы. Кимберли считает, что бритва должна быть у меня. Хотя бы потому, что этим оружием меня чуть не убили. И еще: хотя бритву в песке нашла Кимберли, она справедливо отметила, что именно я выбил это страшное оружие из рук Тельмы.

К тому же у Кимберли был складной армейский нож, Конни не желала даже прикасаться к бритве, а Билли считала, что она должна быть у меня уже по той простой причине, что именно мне грозила наибольшая опасность.

Заблуждение.

Как мы все жестоко ошибались на этот счет.

Как бы там ни было, в правом переднем кармане шорт вместе с зажигалкой Эндрю и пластиковой бутылочкой лосьона против солнца лежала

бритва. (Другой передний карман распирали куски рыбы, которую мы всю ночь коптили, а затем завернули в обрывки целлофана.)

Вот в общих чертах какими мы были—в чем были одеты, чем вооружены и так далее, — когда утром восьмого дня отправлялись на охоту за Уэзли и Тельмой.

Первоначально решено было попытаться у лагуны—нам казалось, что, вероятнее всего, именно там их следует искать.

Но Кимберли скомандовала:

– За мной! – и зашагала в сторону бухты.

Мы последовали за ней.

– Куда мы идем? – поинтересовался я.

– Нельзя подавать виду, что мы направляемся к лагуне, – ответила Кимберли.

– Ты шутишь? – удивилась Конни. – И кто же, по-твоему, за нами следит?

– Может быть, и никто. Но не исключено, что Уэзли или Тельма.

– Перестань.

– Просто пройдемся немного по берегу, и пусть они думают, что мы отправились обследо-

вать остров.

– И что потом? – спросила Конни. – Подкрасться к лагуне с тыла?

– Именно, – ответила Кимберли.

– Сказочно.

– Мне кажется, мысль неплохая, – заметил я.

Конни убийственно ухмыльнулась.

– Иначе и быть не могло.

– Вспомни, что произошло в прошлый раз, – вмешалась в разговор Билли. – Негоже повторять ту же ошибку. А если мы зайдем с тыла, есть шанс застать их врасплох.

– По мне, это глупо, – возразила Конни. – Мы просто заблудимся.

Но она оказалась в меньшинстве.

Под предводительством Кимберли мы взобрались на гребень расположенного к северу от нашего пляжа утеса, спустились по его противоположному склону и зашагали вдоль береговой линии.

Конни то и дело оборачивалась.

– И далеко еще нам идти? – любопытствовала она.

– Свернем вон за тем мысом, – ответила Кимберли.

Не ближний свет. Конни поморщила нос.

– Если за нами следят, – пояснила Кимберли, – то подумают, что мы пытаемся обогнуть остров.

– Может быть, нам и в самом деле следовало бы обойти вокруг острова, – вставил я.

– Как-нибудь в другой раз. Сперва надо позаботиться об Уэзли и Тельме. Они слишком опасны. После того как мы их убьем, можно будет исследовать остров в свое удовольствие. А сейчас мы сделаем вот что: как только обогнем мыс, сразу же зайдем в джунгли и будем идти назад до тех пор, пока не сориентируемся.

– Может, мне лучше подождать вас здесь? – предложила Конни.

– Какая ты несносная, – заметила Кимберли. – Мы понимаем, что ты ранена, но...

– Но все равно заставьте меня пройти несколько лишних миль.

– Так как же насчет обхода острова? – обратилась Билли к Кимберли. – Возможно, это совсем

неплохая мысль.

– Мысль-то замечательная, – отозвалась та. – Но для какого-нибудь другого дня.

– Нет, погоди. Если не считать пары небольших рейдов в джунгли, мы толчемся на этом пляже с тех пор, как на него высадились. Даже понятия не имеем о том, что может находиться по соседству.

– Возможно, мы найдем свою шлюпку, – добавил я.

Конни даже перестала глядеть на меня букой.

– Да! Если найдем шлюпку, можно отсюда уплыть.

– Может, это даже не остров, – продолжала Билли. – Откуда мы знаем, что не высадились... на оконечности полуострова или еще где?

– Это остров, – сказала Кимберли. – Папа показывал мне карты накануне нашей высадки. – Она кивнула. – Континент от нас очень и очень далеко. На многие мили вокруг нет ничего, кроме группки небольших островков.

– Ну ладно... Я знаю, что мы не на континенте. Но нам неизвестно, ни что это за остров, ни

как он велик. Чем черт не шутит, вдруг он не так уж безлюден, и мы могли бы найти что-нибудь вроде города.

– И полицию, – оживилась Конни. Похоже, несмотря на свои травмы, она с радостью прошла бы многие мили в поисках нашей шлюпки или полицейского участка.

Билли кивнула.

– Хуже не стало бы, если бы мы просто пошли дальше по побережью и посмотрели, что...

– Поступайте, как считаете нужным, – оборвала ее Кимберли. – Мне это неинтересно. Если вы все решили меня бросить, это ваши проблемы. Пусть там за углом огромный город, мне наплевать. Я все равно иду в джунгли за Уэзли и выйду оттуда только с его головой в руках.

У меня чуть глаза не вылезли из орбит и я ничего не мог с собой сделать.

– Его головой? Ты выразилась, так сказать, фигурально?

Кимберли лишь взглянула на меня. Но этого было вполне достаточно.

– Боже! – тихо произнес я. Лицо Билли вновь

приняло любопытно-скептическое выражение.

– Ты в самом деле намерена отрезать Уэзли голову?

– Он убил моего мужа и моего отца. Помнишь, как мы отбуксировали в море папино тело? Мне бы хотелось доплыть до того же самого места с головой Уэзли и утопить ее там же, чтобы папа увидел, что я обо всем позаботилась.

Ее настроение мне не понравилось.

Я тоже хотел бы видеть Уэзли мертвым, но меня очень встревожило, что у Кимберли возник столь странный и кровожадный план. Причем явно не с бухты-барахты.

Похоже, в душе у нее таились такие жуткие глубины, о которых я никогда и не подозревал.

Видно, это впечатлило и Конни. С таким лицом, словно она только что повстречалась с небольшим зеленым человечком, она запела вступительную тему к сериалу "Зона сумерек". "Дуу-ди-ду-ду, дуу-ди-дуду". Я и раньше слышал это в ее исполнении, но никогда еще она не пробовала подражать Роду Серлингу (как, впрочем, и никому другому).

– Некая Кимберли Диккенз, заводила и королева школьного бала, любящая дочь и верная жена, приплыла на тропический остров на пикник, но вместо этого попала в преисподнюю, населенную первобытными...

– Перестань, – одернула ее Кимберли.

– Эй, да ведь ты хочешь обезглавить человека.

– У тебя с этим какие-то проблемы?

– Не с этим, а с тобой. Я хочу сказать, что ты меня пугаешь. Когда ты завела разговор о снятии головы, пусть даже это голова Уэзли, я подумала, а не поехала ли у тебя крыша.

Кимберли сердито нахмурилась, но лишь пожала плечами.

– Ты, наверное, права. Мне не следовало бы объявлять об этом во всеуслышание. – Она обвела нас взглядом. – Что поделаешь, иногда теряешь над собой контроль. Но крыша у меня на месте. Может быть, немножко расшаталась парочка стропил, но... для волнения нет причин. Я еще в здравом уме.

– Меня саму посетило несколько довольно

ужасных мыслей, – промолвила Билли. – О том, что мне хотелось бы сделать с Уэзли. И некоторые из них были намного хуже, чем отсечение головы.

– И меня тоже, – сказал я.

– Ну и я не святая, – призналась Конни и, встретившись глазами с Кимберли, прибавила:– Разница лишь в том, что ты полна решимости претворить их в жизнь.

– Я не знаю, – возразила Кимберли. – Время покажет. – С этими словами она отвернулась и продолжила свой путь.

Мы все тревожно переглянулись.

Кимберли всех нас всполошила.

После этого мы надолго замолчали, и даже Конни перестала ныть.

Должно быть, наше молчание встревожило Кимберли, и, спустя какое-то время, она хмуро взглянула на нас через плечо.

– Да что с вами со всеми? Билли лишь покачала головой.

– Ничего, – ответил я.

– Нет, нет, – подтвердила Конни. – С нами все

нормально.

Кимберли повернулась и пошла нам навстречу.

— Да что это вы! Полно, я пошутила. Ладно? Боже! Вы что, разве у меня пена шла изо рта? Да не собираюсь я никому отрезать голову, ясно? Я не это имела в виду. Какая дура, что сказала. А теперь вы все думаете, что я потеряла над собой контроль. Впрочем, если уж на то пошло, что в том плохого, что я хочу отрезать ему голову? Считаете, он этого не заслужил? Разрубить голову отца напополам. Да по мне любое наказание было бы для него слишком мягким. Если нам посчастливится поймать его живьем, с него надо содрать шкуру. Убивать несколько дней, малопомалу, чтобы орал до хрипоты, умолая о смерти. Если вы считаете, что отрезать ему голову—это слишком, подождите и увидите, что я с ним сделаю. Он заплатит сполна за убийство папы и Кита. Если думаете, что я сейчас не в себе, просто подождите и увидите. Вы не представляете себе, на что я способна.

Мы все смотрели на нее, разинув рты. Неожиданно.

данно она резко взмахнула перед собой рукой, словно отгоняя трио настырных мух.

– Убирайтесь отсюда. Оставьте меня в покое. Я сама позабочусь об Уэзли и Тельме. Не желаю, чтобы вы вертелись под ногами... Все одно от вас никакой пользы. Ни у кого из вас нет мужества взглянуть в лицо реальности, так что с глаз моих долой! Пошли! Убирайтесь отсюда! – Взмахнув рукой еще раз, она резко повернулась на месте и бросилась бежать.

– Не надо! – крикнула ей вслед Билли, – Эй! Погоди!

– А ну ее, – сказала Конни.

– Кимберли! – позвал я. Она бежала, не оглядываясь.

Билли кинулась за нею вдогонку.

– Ма!

У Билли не было ни малейшего шанса догнать Кимберли, так что в погоню включился я. Расстояние между мной и Билли стремительно сокращалось, несмотря на то, что я тащил за собой топор. Но Кимберли была быстрее нас обоих, и дистанция между нами все увеличивалась.

А бежала она еще не во всю прыть, это было видно.

Вслед нам неслись раздраженные возгласы Конни:

– Вернитесь, черт побери! Вы что, все рехнулись!

Билли, которая все еще была немного впереди меня, обернулась через плечо.

Я сделал то же самое.

Конни просто стояла на том месте, где мы ее оставили, и до которого теперь было довольно далеко.

Билли остановилась, и мне пришлось увернуться в сторону, чтобы не врезаться в нее.

– Оставь топор, – запыхавшись, произнесла она. – Догони ее. Это... надо ее остановить.

Я выронил топор на песок, после чего побегал со всей скоростью, на которую был способен, выкрикивая на бегу:

– Перестань! Остановись! Мы с тобой! По-медленнее! Ты не сумасшедшая! Пожалуйста! Прекрати бежать! Пожалуйста! Мы хотим пойти с тобой!

Очень помогли мои крики, как же.

Напрасные слова, брошенные на ветер, и я перестал кричать.

Вскоре, однако, я начал ее догонять.

Видимо, она позволила мне немного сократить дистанцию.

Но только не догнать.

Позволила приблизиться к ней на расстояние примерно трех широких шагов, но не ближе.

Я любовался ее развевающимися за спиной черными волосами. Любовался тем, как двигался вместе с играющими ягодицами фрагмент ее плавок, появляющийся из-под подпрыгивавшего хвоста рубашки. И тем, как взлетали в маховом шаге ее стройные ноги.

Копье Кимберли держала низко, у левого бедра, его древко было параллельно песку, а правой рукой прижимала к боку томагавк, чтобы тот не болтался и не бил по правому бедру.

Хотя вовсе не помогала себе руками, бежала она гораздо быстрее меня.

Через какое-то время она бросила мне на бегу:

– И не пытайся меня догнать, Руперт. Возвращайся назад к ним.

– Я иду с тобой.

– Не выдумывай.

– Постой! – выпалил я, запыхавшись. – Ты сама... всегда была... против... дробления сил. Мы... должны... держаться... вместе.

– Ты мне будешь только мешать, – возразила она.

– Нет, пожалуйста.

– Я собираюсь разделаться с Уэзли по-своему. Не хочу слышать рядом ваш скулеж.

– Мы не... будем скулить.

– Хватит об этом. У тебя был свой шанс. Адъез, амиго!

И она начала набирать скорость. Я сделал отчаянный прыжок.

Мои пальцы едва коснулись ее развевающейся рубашки. Через мгновение мои руки нырнули в песок и прорыли две борозды, когда я упал на грудь и проехался юзом.

От падения перехватило дыхание.

Когда я поднял голову, Кимберли неслась по

пляжу, высоко подняв копье. Она ритмично поднимала и опускала его над головой, словно кинувшийся в атаку зулус.

Исчезнувшие

Стоя на четвереньках, я смотрел вслед Ким-берли, пока она не скрылась за мысом. Затем встал, отряхнулся от песка и поковылял назад к Билли и Конни. До Билли было примерно пару сотен ярдов, до Конни—еще с сотню.

После того как мы разделились, любой из нас мог стать легкой жертвой. Поэтому я ускорил шаг, зорко следя за прибрежными джунглями.

Конни даже не попыталась пойти нам навстречу: она просто стояла там, где остановилась, и наблюдала за происходящим.

– Ты почти догнал ее, – сказала Билли, когда я приблизился.

– Это только так выглядело. Она умышленно притормозила, чтобы подразнить меня.

– Не могу поверить, что она вот так просто убежала и бросила нас.

– Она хочет сделать это одна. Билли вручила мне топор.

– Нельзя ей этого позволить.

– Мы не можем ее остановить, – заметил я.

– Но мы можем присоединиться к ней.

– Да, конечно. Если сумеем ее найти.

– Она направляется к лагуне, – напомнила Билли. – Просто пойдем туда.

И мы пошли по направлению к Конни.

– Какой маршрут нам следует избрать? – спросил я.

– А как ты считаешь? – И она вовсе не иронизировала, а спрашивала моего совета.

– Ну, можно было бы покружить по джунглям, но, наверное, именно это и делает сейчас Кимберли. Я сомневаюсь, чтобы нам удалось ее перехватить. Слишком легко она может незаметно прошмыгнуть мимо нас. Так что, пожалуй, нам не стоит выпендриваться, и пойдем напрямик к лагуне.

– По ручью?

– Ну да. Так мы доберемся туда быстрее всего. Возможно, даже опередим ее.

Билли уныло улыбнулась.

– Опередим? Думаешь, нам это удастся?

– Если постараемся.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы на нас напали, когда рядом нет Кимберли.

Я пожал плечами.

– Может быть, мы и сами справимся. Я имею в виду Уэзли и Тельму. Если только они не застанут нас врасплох. . .

– Ну и что там? – окликнула нас Конни.

– Кимберли не хочет, чтобы мы ей мешали, – пояснил я.

– Она все еще направляется к лагуне?

– Думаю, что да.

– Вот и хорошо. Теперь мы можем возвратиться в лагерь, верно?

– Вроде как, – уклончиво ответил я.

– Что ты имеешь в виду под этим "вроде как"?

– Мы вернемся, – пришла мне на выручку Билли, – но чтобы пойти вверх по ручью.

– Да ну?

– Так мы решили, – сказала ей Билли.

– А у меня есть более удачная мысль, – промолвила Конни. – Давай не пойдем, а скажем, что ходили.

Мы поравнялись с Конни, затем все втроем пошли обратно в сторону лагеря.

– Я хочу сказать вот что, – развивала свою мысль Конни. – Кимберли явно не хочет, чтобы

мы ее сопровождали. Разве мы не должны удовлетворить ее желание и не вмешиваться?

– Она будет в меньшинстве: одна против двоих, – отметил я.

– Это исходя из предположения, что Уэзли еще не сдох.

– Даже если и сдох, что может помешать Тельме напасть на нее?

Конни ухмыльнулась.

– Думаешь, Кимберли не справится с Тельмой?

– Конечно, в честном бою. А что если та нападет на нее со спины? Тельма чуть было не зарезала меня. Она—крепкий орешек.

– Просто она сразу нащупала твое слабое место, разве не так?

– Что проку в пререканиях, – вмешалась Билли. – Мы все равно идем к лагуне. Это не подлежит обсуждению.

– Неужели?

– Вот именно.

– Это мы еще посмотрим.

Билли бросила на нее раздраженный взгляд,

но промолчала. Какое-то время после этого никто из нас не проронил ни слова.

Уже почти у самого лагеря Конни сказала матери:

– Приятно все-таки узнать, что о Кимберли ты беспокоишься больше, чем обо мне.

– Перестань, – отозвалась Билли.

– У меня голова раскалывается, а от боли в плече просто выть хочется. Я совершенно разбита, а ты готова гнать меня до самой лагуны, лишь бы помочь Кимберли, которая даже не хочет принимать от нас эту помощь.

– Но, быть может, она нуждается в ней.

– Вздор! Она убежала от нас. Почему мы должны из кожи лезть вон, когда она даже не...

– Ты сама знаешь почему.

– Знаю? Неужели? Это для меня новость.

– Хотя бы потому, что она твоя сестра.

– Наполовину.

– О, хорошенькое дельце. Прелестно. Слышал бы это твой отец...

– А он и не услышит. И потом, мне уже порядком надоело, что ты все время поминаешь его

кстати и некстати.

– Он ваш общий отец.

– Большое дело.

– Если ты не пойдешь с нами, – промолвила

Билли, – я тоже не смогу пойти, поскольку не собираюсь оставлять тебя одну.

– Замечательно.

– Ты обязана сделать это для нее.

– Да? Неужто? А она для меня когда-нибудь что-нибудь сделала?

Казалось, они вот-вот испепелят друг друга взглядами.

– Практически воспитала тебя, если хочешь знать, – выпалила Билли.

– Ой, не надо...

– Осталась дома и не уехала учиться. Из-за тебя.

– Ее никто об этом не просил.

– Да, не просил. Но она сделала это по собственному желанию.

– Да она просто не смогла отказаться от прекрасной возможности проявлять надо мной свою власть. Не удержавшись, я спросил:

– А действительно, почему Кимберли не уехала учиться в колледж?

– Хотела остаться с семьей, – пояснила Билли. – Конечно, прямо она об этом никогда не заявляла, но причина была именно такова. Мы были достаточно состоятельны и могли позволить себе послать ее учиться куда бы она ни пожелала, да и необходимая подготовка у нее была. По-моему, дело было исключительно в Конни.

– Во всем виновата я. – Конни подняла вверх руку.

– Дело не в чьей-либо вине. Тебе тогда было... десять или одиннадцать. Когда Кимберли была примерно твоего возраста, ну, может, на год или на два старше, Тельма уехала из дома учиться. Кимберли всегда... Она так сильно любила Тельму. И ей было очень больно, когда та покинула родительский дом. – Глаза Билли наполнились слезами. Шмыгнув носом, она вытерла их и прибавила:—Кимберли просто не могла допустить... чтобы ты прошла через все это. Вы были так близки, и она знала, как ты будешь по ней скучать.

Теперь и глаза дочери заблестели от слез.

– Выходит, все-таки вина моя.

– Не говори глупости. Просто она любила тебя, вот и все. Не хотела оставлять тебя без старшей сестры. И сама сильно скучала бы по тебе. – Взглянув на меня, Билли снова утерла слезы. – Вот почему, – подытожила она.

– О, это я так, из любопытства, – смущенно промямлил я, осознавая, насколько слабой была моя отговорка.

К этому моменту Билли уже выплакалась, но Конни не смогла остановиться еще несколько минут. Чуть успокоившись, она шмыгнула носом и потерла глаза.

– Хотя я по-прежнему считаю, что Кимберли не нуждается в нашей помощи, я пойду. Тем более у меня все равно нет выбора. Вы ведь не можете оставить меня одну и побежать вдвоем спасать ее задницу. Как будто ее задница нуждается в спасении. Мне остается только надеяться, что мы не нарушим ее планов, вот и все.

Самое удивительное в том, что после всех этих пререканий Конни сама повела нас вперед.

И сразу взяла быстрый темп, словно торопилась куда-то.

Должно быть, слова Билли каким-то образом задели ее за живое—напомнили ей, что Кимберли была не просто какая-то молодая бабенка, существующая на свете лишь для того, чтобы злить ее, помыкать ею и притягивать взгляды ее воздыхателей.

Конни вела нас вверх по течению ручья через джунгли, каким-то чудом позабыв о своем эгоцентризме, словно значимым для нее теперь было одно—то, что связывало ее с Кимберли.

Пусть кратковременно, но она способна проявлять благородные человеческие качества.

Замечалось за нею это и раньше. Только надолго ее никогда не хватало. Но в эти редкие минуты она была просто прелесть. И я поневоле вновь влюбился в нее.

Впрочем, ее тело никогда не переставало мне нравиться. От шеи и вниз оно всегда ласкало мой взор. Лицо у нее тоже было ничего, вот только его привлекательность не могла скрыть определенные внутренние недостатки—язык и мозги.

Вернее, ее слова и мысли. И, разумеется, действия, порождаемые этими мыслями.

Но в тот день, когда мы едва поспевали за ней, идя вверх по ручью, Конни нравилась мне вся.

Такой она и осталась в моей памяти.

Да у нее и возможности не было вернуться в свое прежнее состояние.

Словно поглощенная собой зануда, самоуверенная и несносная стерва распрощались с ней навсегда.

В определенном смысле мне почти досадно, что в последние свои часы она превратилась в славную и компанейскую девчонку. В противном случае, возможно, мне было бы легче. Я бы так сильно не скучал сейчас по ней. С другой стороны, это даже хорошо—даже восхитительно, — что она не осталась дерьмом до конца.

Господи, как мне ее недостает!

Скучаю по ней почти так же сильно, как по Кимберли и Билли.

Нет, это неправда! Кого я пытаюсь обмануть? Как бы сильно я ни тосковал по Конни, поте-

ря Билли и Кимберли для меня гораздо более. От одной мысли о том, что я их никогда не увижу, хочется волком выть.

А я сижу вот тут.

Исписываю бумагу, вместо того чтобы идти их искать.

Почему это так?

А все просто. Если пойду—могут убить. Последний раз, Бог свидетель, мне лишь чудом удалось спастись.

А здесь я в относительной безопасности.

Уэзли и Тельма, вероятно, считают меня мертвым. По крайней мере, в настоящий момент.

Кроме того, существует еще одна причина.

Мне очень не хотелось бы найти хотя бы одну из моих женщин мертвой.

Что вполне может произойти, если отправиться на их поиски.

Это было бы невыносимо.

Лучше пребывать в неведении. Так, по крайней мере, остается хоть какая-то надежда на то, что они—не мертвы.

Или, если мертвы, то не все.

Может быть, хоть одна из них все еще жива. . .

Если бы мне довелось выбирать, кто именно, интересно, на ком бы я остановил свой выбор? Боюсь, не на Конни: слишком стервозная. К тому же далеко не такая привлекательная, как ее мать или сестра. Конни—недурна собой, но те, другие, — просто красавицы.

Значит, выбирать надо между Билли и Кимберли.

Нет, у меня просто язык бы не повернулся выбрать из них ту, которая должна умереть. Так что лучше сформулируем вопрос следующим образом: с кем из них я предпочел бы остаться и жить здесь до нашего спасения?

(Если нас вообще когда-нибудь спасут, во что с каждым прожитым здесь днем верится все меньше и меньше. Боже! А что если мне суждено прожить остаток жизни на этом острове совсем одному? И со мной не будет хотя бы одной из моих женщин? Нет, надо взять себя в руки! Надо продолжить эту игру-гадание.)

Кимберли или Билли?

Непростой выбор.

Иногда Кимберли ведет себя крайне опрометчиво, бывает жесткой и даже жестокой, к тому же она привыкла верховодить. Наверняка ей захочется руководить и мною. Что, впрочем, может быть, не так уж и плохо.

Билли более добродушная и благоразумная. Она нежная, жизнерадостная и сострадательная и не будет держать меня под каблуком. Мы станем большими друзьями. Да мы уже, – вернее, были—хорошими друзьями. По-моему.

Очевидно, разумнее всего выбрать Билли. Нам будет хорошо вместе. Да и заниматься с ней любовью было бы невероятно здорово. У нее восхитительное тело, она догадывается об этом и, вероятно, с удовольствием воспользуется возможностью поделиться им со мной.

Хотя я отдал бы все на свете всего за один раз с Кимберли.

Серьезно? А как насчет этого одного раза хоть с кем-нибудь?

Неудачникам выбирать не приходится.

Кстати, о неудачниках. В сторону эти детские

игры—надо идти искать Кимберли, Билли и Конни.

Еще не время. Я не могу отправиться на поиски до тех пор, пока не наверстал упущенного в своем дневнике. Как знать, быть может, только благодаря ему кто-нибудь узнает о том, что здесь случилось.

И это оправдывает мою задержку.

К тому же заполнение дневника помогает мне вспоминать их. Я описываю, что они делали, что говорили, в чем были одеты и как выглядели, — и они словно снова рядом.

Всякий раз, когда я беру в руки тетрадь и ручку, мои женщины вновь приходят ко мне.

Ага, еще вот такая мысль! Может быть, не останавливаться. А когда опишу все, что произошло, просто начать выдумывать. Ради самого процесса.

Мой дневник мог бы превратиться в литературный эквивалент Винчестерского замка. Я просто пишу—как бы пристраиваю новые комнаты для своих фантазий.

Мысль неплохая, но вот только бумаги мизер.

Когда испишу всю бумагу, начну кропать на песке. "Здесь покоится тот, чье имя увековечено на песке". Кажется, это была чья-то эпитафия. Кितса? Но что-то я далеко уклонился и стал заговариваться. Наверное, слишком устал и попал во власть чересчур мрачных мыслей, так что вряд ли из-под моего пера сейчас появится что-нибудь путевое. К тому же уже слишком темно.

Еще немного, и я заканчиваю на сегодня. Завтра совсем не поздно будет дописать все, что я помню о том, как нас сделали. Тогда писать будет больше не о чем, и придется искать себе другое занятие.

Может, начинать лазить по стенам??? Только где эти стены? О Боже!

Неужели они все-таки мертвы? А если нет, что, черт побери, с ними происходит—или что им уже успели сделать, — пока я кукую здесь в одиночестве на этом пляже и вожусь с этим дурацким дневником???

Ночное путешествие

Это следующий день.

Прошлой ночью я осмелел. Или, если точнее, просто отчаялся.

Так что эта глава будет все же не о нашем последнем поединке.

И меня это радует. Потому что я не особо настроен на решение подобной задачи. Я, разумеется, напишу об этом, но только не сейчас.

Вместо этого, глава расскажет о том, что случилось прошедшей ночью.

С наступлением темноты я поднялся вверх по ручью, чтобы взглянуть на место преступления.

Все началось как стремление преодолеть в себе ощущение никчемности. Я наконец решился на действия. Да еще какие: пойти ночью в джунгли, вернуться к тем местам, с которыми были связаны столь ужасные воспоминания, посмотреть в лицо фактам, попытаться найти ответы.

Может, найду своих женщин живыми и спасу их.

Может, найду их тела.

Может, наткнусь на Уэзли и Тельму и перережу им глотки.

У меня была бритва.

Я был Рембо.

Я был им, пока пляж не остался за спиной. Но в тот самый момент, когда я вошел в ручей и меня окутала крошечная тьма ночных джунглей, разом поглотившая лунный свет, я перестал быть Рембо и превратился в мокрую курицу. Мне почти ничего не было видно, лишь несколько бледных пятен и беспорядочно разбросанных крапинок тусклого света, каким-то образом пробившегося сквозь кроны деревьев.

Соблазн вернуться был велик. Ведь в темноте, чего доброго, легко упасть и разбить физиономию.

Но я все же не повернул. Старался идти мелкими шажками, часто пригибаясь, чтобы, в случае чего, не так высоко было падать, и выставив обе руки вперед, чтобы успеть опереться на них при падении.

Так что двигался я крайне медленно.

Несколько раз я все-таки упал—посбивал ладони и колени, но больше ничего серьезного.

Часто останавливался

передохнуть—выпрямлялся и потягивался, чтобы разработать напряженные мышцы. Затем вновь пригибался и продолжал свой путь. Но, несмотря на эти остановки, хождение враскорячку истощило мои силы, и у меня ныло все тело. Так что, в конце концов, я решил рискнуть и окончательно выпрямиться.

Идти в полный рост было намного приятнее.

Падать я не перестал, и падения были более болезненными, но я вроде как гордился собой. Так что больше не сгибался и даже ускорил шаг.

Иногда мне казалось, что вместе со мною ночными джунглями пробираются Билли, Кимберли и Конни. Просто я не мог их видеть, но они были рядом: впереди меня, позади, бок о бок со мной брели по ручью.

Иногда я чувствовал себя одиноко.

Хуже, чем просто одиноко. В подлинном одиночестве можно обрести тишину и покой. Самый худший вид одиночества—это не то состояние, когда ты совершенно один, а когда ты в обществе и это общество—невидимый незнакомец, реальный или воображаемый, подкрадывающийся

к тебе в темноте. И некому тебе помочь. И некуда бежать. И все, что ты можешь, – это идти вперед и надеяться на лучшее.

От подобного одиночества спина превращается в муравейник и волосы встают дыбом. Ощущение такое, словно тебе влезли ледяной рукой в штаны.

Примерно так я и чувствовал себя, почти на ощупь пробираясь вверх по ручью прошедшей ночью.

Периодически.

Дрожа от леденящего ужаса, когда накатывало одиночество.

Нежась в тепле и безопасности, когда мне казалось, что женщины рядом.

Словно колебания маятника. Я отдавал себе отчет в том, что это была всего лишь игра моего воображения, но не мог ничего с этим поделать.

Иногда был готов визжать от страха и бежать куда глаза глядят.

Но проходило какое-то время, и я вновь оказывался в компании своих милых дам. Тогда темнота теплой ночи становилась мне лучшим дру-

гом.

К лагуне я подходил в наилучшем расположении духа.

Подняв глаза, я увидел залитую лунным светом плоскую глыбу валуна, на котором несколько дней назад лежала Кимберли, обзревая лагуну в поисках следов Тельмы и Уэзли. Взобравшись на него, я улегся на том же самом месте, с которого вела наблюдение Кимберли. Прильнув к камню, я жадно впитывал просачивающееся через рубашку и шорты тепло.

Она была со мной. Это ее тепло согревало меня. Во всяком случае, таковы были мои ощущения. И пускай все происходило лишь в моей голове, но это еще не повод для того, чтобы гнать эти ощущения прочь.

Лежа на валуне, я медленно осматривал лагуну. Местами она искрилась серебряными россыпями лунного света. Но преобладающим цветом был черный.

Чернота эта вовсе не была угрожающей. Напротив. Меня безудержно влекло к ней. Я просто сгорал от нетерпения.

Тогда я сказал себе, что пришел не для того, чтобы искупаться в лагуне, а чтобы отыскать женщин.

Поискать их на дальнем берегу лагуны, над водопадом и выше по течению, там, где мы были в последний раз вместе. Здесь я их точно не найду. Может, и там тоже, но начинать следовало именно оттуда.

Но, чтобы туда добраться, надо было пересечь лагуну.

Поднявшись на ноги, я огляделся вокруг. Ни мерцающего огонька костра, ни иных признаков человеческого присутствия я нигде не заметил. Тогда я стал прислушиваться. Только звуки, издаваемые птицами и насекомыми, да еще самые обычные лесные крики и рулады (одному Богу известно об их происхождении), я тихий плеск водопада на другом берегу лагуны.

На черный бархат водопада, окаймленный внизу грязно-серой бахромой пены, словно кто-то швырнул горсть серебряных монет.

Мне захотелось встать под его упругие струи, всем телом ощутить лагуну и ночной воздух,

скользить обнаженным в черной воде.

Я снял рубашку, кроссовки и носки.

За ними последовали шорты. Теперь на мне больше ничего не было. Присев на корточки, я аккуратно положил их на камень и достал из правого переднего кармана бритву.

И, хотя мне хотелось чувствовать себя в воде совершенно свободно—чтобы и в руках ничего не было—внезапно у меня исчезло желание расставаться с бритвой. Ее могли украсть. Или я мог наткнуться на Уэзли или Тельму. А без бритвы как защищаться?

Прикинув все возможные варианты, я надел правый носок и засунул бритву в него.

Получалось точно так же, как было с армейским ножом Эндрю, с которым я лазил на дерево, чтобы обрезать Кита. Нахлынули воспоминания. Прошло уже более недели, но мне вдруг показалось, что это произошло только что. Я снова почувствовал то дерево, увидел висящего Кита...

— Не думай об этом, — приказал я себе, и, хотя это было сказано едва слышно, звук собственного голоса заставил меня вздрогнуть.

Кто еще мог бы его услышать?

Выпрямившись во весь рост, я поглядел по сторонам.

Я стоял неподвижно и напряженно прислушивался, ощущая себя все более незащищенным и уязвимым. Кто-то там был, убеждало меня мое воображение, кто-то прятался в темноте, следил за мной и подкрадывался все ближе и ближе.

Тогда я побыстрее спустился по каменистому берегу и стал бесшумно погружаться в воду. Сначала пропали ноги. Через мгновение осталась только верхняя половина туловища, словно меня перепилил надвое цирковой иллюзионист.

И сразу же я почувствовал себя безопаснее. Оказывается, можно полностью исчезнуть. И это простой фокус.

И куда только подевался леденящий сердце холод. Пупырышки на коже разгладились, ушло болезненное напряжение мышц. По всему телу стало растекаться приятное тепло.

С глубиной ощущения становились еще приятнее. Когда вода поднялась до подбородка, я взглянул вниз и совершенно не увидел своего те-

ла. Я стал невидимкой.

Разумеется, не считая головы. Хотя я и не видел ее, понятно, что она была на виду. Для того, кто за мной наблюдал. Поэтому я нырнул—чтобы и голова стала невидимой.

Теперь я полностью исчез. Безопасность—стоцентная. Один в теплой воде, окруженной джунглями, в которых, возможно, прячутся мои враги... Какой восторг! Я был не просто в безопасности—я был непобедим.

Я плыл под водой. Теплая и гладкая, она обтекала мое тело. Через какое-то время появилась боль в легких. Но я все равно не всплывал. Вскоре послышалось приглушенное журчание и бульканье. Водопад.

Заплыв под самый водопад, я нащупал ногами твердое каменное дно, повернулся и медленно поднялся. Завеса низвергающейся воды забарабанила по макушке, и, обтекая голову, с тихим плеском вливалась в лагуну, все еще скрывавшую в своих глубинах мои плечи. Голова перестала быть невидимой. Но я больше не ощущал страха—возможно, из-за той легкости, с которой

можно было вновь исчезнуть.

Я начал медленно подниматься.

И затрепетал. Но не от страха, а от волнения. По мере того как из воды на полное обозрение возможного соглядатая постепенно вырастало мое тело, я чувствовал себя все отважнее и сильнее.

Как разительно это отличалось от тех ощущений, которые я испытывал, когда был здесь в последний раз! Всего пару дней тому назад я стоял под этим же водопадом весь разбитый, больной и опустошенный. Надо будет описать это подробнее. Скоро. Но не сейчас. Пока что хотелось бы рассказать о прошедшей ночи.

И о том, как я все поднимался и поднимался под водопадом.

Когда вода обнажила меня до пояса, я прикрыл глаза. От головы, плеч и протянутых рук разлетались брызги. Вода стекала по моему телу, словно теплое масло.

Как раз здесь стояла тогда обнаженная Конни. Стояла и растиралась своей скомканной тенниской. Спинай ко мне.

Мое воображение развернуло ее.

Я стал ею.

Я был Конни, стоящей под водопадом с вытянутыми в стороны руками, вздрагивающей от щекочущих нагое тело потоков воды и демонстрирующей себя воображаемому Руперту.

Теперь, когда я пытаюсь передать эти ощущения на страницах дневника, все это представляется несколько странным.

Что ж, будем считать, что прошедшей ночью там, у водопада, у меня просто разыгралось воображение. Меня захлестнула такая волна противоречивых эмоций, что я чудом не повредился в уме. И мне повезло, что я благополучно вышел из этого состояния.

И наконец вспомнил, зачем сюда пришел.

А именно: чтобы поискать Конни, Билли и Кимберли.

И не их призраки, а их тела—живые или мертвые.

И еще попытаться разузнать что-нибудь о местопребывании Уэзли и Тельмы.

И, при возможности, убить их.

Поэтому я побрел к плоскому камню, куда мы тогда уложили потерявшую сознание Конни. Выпрыгнув из воды, я встал на ноги и полез к вершине водопада.

Несмотря на то, что мысли мои вернулись к реальности, я все еще чувствовал себя странно. Я был весь мокрый и дрожал—вернее, меня всего трясло, с головы до пят. Даже челюсть подпрыгивала. Вряд ли настолько похолодало, пока я находился в воде, но мне казалось, что температура упала градусов на двадцать К тому же меня охватило смешанное чувство страха и возбуждения.

Я стоял на лунной поляне над водопадом и смотрел на лагуну.

Свою лагуну.

В тот момент она показалась мне на редкость удивительной. Моей и только моей. Это был мой личный плавательный бассейн, место, где я мог ощущать себя совершенно свободным и в полной безопасности, где мог наслаждаться воспоминаниями о Кимберли, Конни и Билли, и где они оживали в моих фантазиях.

Лучше иметь воображаемых друзей и возлюбленных, чем никаких.

В определенном смысле они даже стоят выше реальных. Ведь если они существуют лишь в твоём воображении, их невозможно убить.

К тому же они гораздо покладистее, чем...

(Это меня снова понесло. А что, если у меня было тогда—или сейчас—небольшое умопомрачение? Разве такое невозможно? Та-та-та. А я еще и не подошел к худшему. А худшее прошедшей ночью, то есть—в противоположность тому худшему, когда на нас напали несколько дней назад, и все три женщины... Не буду сейчас об этом. Это я припас на потом. Сейчас следует вернуться к прошлой ночи.)

Пропущу кой-какие дерьмовые ощущения и мысли, которые испытывал или которые приходили мне в голову, пока я голым рыскал по джунглям с бритвой в носке. И без того есть о чем написать, не останавливаясь на подобной ерунде. (Не говоря уже о том, что я исписал больше, чем три четверти тетради. Осталось примерно сотню чистых страниц, и это считая обе стороны

бумаги.)

Так вот что происходило прошедшей ночью. С вершины водопада я пошел вверх по ручью, пробираясь сквозь тени и лунные поляны к тому месту среди скал, где мы обнаружили Кимберли в тот день, когда произошел наш "последний бой".

Мне хотелось посмотреть, где это случилось.

К тому же с этого места лучше всего было начать поиски.

Затишье перед бурей

Прежде чем продолжить рассказ о том, что случилось со мной прошедшей ночью, я поведаю о происшедшем со мной и женщинами у пропасти. Это позволит лучше понять события прошлой ночи.

Я остановился на том, что Конни вела нас вверх по ручью. Еще раньше на берегу от нас убежала Кимберли. Она опасалась, что мы попытаемся смягчить ее месть, поэтому решила померяться силами с Уэзли в одиночку.

Мы же испугались, что она погибнет, если пойдет одна.

И спешили к лагуне. Хотя брызги под нашими ногами разлетались во все стороны, шли мы молча.

Время от времени мы с Конни шлепали комаров. Хотя и не такие злющие, как в день нашего первого похода к лагуне, они зудели вокруг нас, садились, сосали кровь и щекотались, так что нам обоим было чем заниматься—давить их. (Разумеется, эти мерзкие твари совершенно не беспокоили Билли. Согласно моей теории, они не желали портить ее сказочное тело маленькими

красными прыщиками.)

Как бы там ни было, мы поднимались вверх по ручью хорошим быстрым шагом и какое-то время не произносили ни слова, опасаясь выдать свое местонахождение. Никого, мне кажется, особо не прельщала преждевременная встреча с врагом. Коль скоро схватки с ним не миновать, мы хотели, чтобы с нами была Кимберли.

Но примерно на полпути к нашей цели Билли неожиданно запела:

– "Однажды веселый свэгман!.."

Конни резко обернулась.

– Ма!

– Что?

– Тсс!

– Давайте споем все вместе, – предложила Билли.

Нрав Конни настолько улучшился, что вместо привычного "Какого хрена?" слышалось "Какого черта?"

– Хороший день для пения, – Билли взглянула на меня через плечо и улыбнулась. – Ты со мной согласен, Руперт?

– Нас услышат, – возразил я, пришлепнув на шее комара.

– А нам того и надо, – сказала она. – Надо привлечь их внимание, если это еще не произошло. Конни подняла брови.

– Чтобы они беспокоились о нас, а не о Кимберли?

– Совершенно верно, – промолвила Билли. – Им и в голову не придет, что Кимберли с нами нет.

– Пока они нас не увидят, – добавил я. Билли усмехнулась.

– Если они наблюдают за нами, то не наблюдают за Кимберли.

– Ладно, – согласился я. – Но тогда нам нужно быть готовыми в любой момент отразить нападение.

– К черту! – гаркнула Конни.

– Начнем? – предложила Билли.

И мы замаршировали по ручью, в три глотки распевая "Вальсирующую Матильду". Видимо, Билли и Конни знали слова наизусть—Эндрю, всю жизнь проведенный на флоте, должно быть,

выучил эту песню в одном из австралийских портов, получив увольнение на берег или еще как, и научил ей своих домашних. Я и сам знал почти все слова. (Еще с детства я взял себе за правило заучивать наизусть слова песен, стихи и всевозможные цитаты, поразившие мое воображение.) И у нас чертовски здорово получалось, хотя и не очень музыкально.

Хотя песня в основном была посвящена смерти и призракам, трактовалась эта тема настолько беспечно, что петь "Матильду" было сплошным удовольствием.

Вели мы себя крайне вызывающе, словно дразня Уэзли и Тельму—если они, конечно, были настолько близко, чтобы услышать нашу задорную и дерзкую строевую.

После "Вальсирующей Матильды" мы запели "Катись своей дорожкой, Джек". Вначале я не знал слов, но легко их запомнил, прослушав раз Билли и Конни, и присоединился к ним. Затем мы пели песню "Хей, Джуд!", большинство слов которой все мы знали.

В качестве следующей песни я предложил "В

гости к Мудрецу страны Оз”.

Что вызвало смех Билли.

– Вот забавно! – Забавно было, главным образом, потому, что на плече я нес топор. – Из тебя получился бы очень симпатичный Железный Дровосек, – продолжала она. – А я буду Трусливым Львом.

Симпатичным. Она назвала меня симпатичным.

– Перестаньте, – обиделась Конни. – Мы что, делим роли? А что тогда остается мне, Страшила? Не выйдет. Что там у него не хватало? Мозгов? Нет уж, огромное спасибо.

– Ты могла бы быть Дороти, – улыбнулся я ей.

– А что, если я не хочу быть Дороти? Дороти—размазня.

– Тогда остается Тотошка, – заметила Билли.

– Собака. Премного благодарна, мамуля. Если мы собираемся петь эту клятую песню, тогда не будем терять времени, ладно? Вы, ребята, можете прикидываться кем угодно, а меня—увольте.

– Какая ты, право, некомпанейская, – промолвила Билли.

– На себя лучше посмотри.

– Давайте петь, – предложила Билли.

И без дальнейших пререканий мы затянули "Мудрец страны Оз".

Как выяснилось, никто из нас толком не знал слов. Незнание мы стремились компенсировать задором и совершенно испортили бы песню, если бы к этому времени не подошли к плоской наклонной глыбе чуть пониже лагуны. Словно по сигналу, мы умолкли.

На этот раз никто не пополз по плите в разведку. Мы взобрались по ней все трое—Конни впереди—и встали на ее гребне на виду у всех, кто мог за нами следить.

Вокруг не было ни души.

– И что теперь? – прошептала Конни.

– Кимберли намеревалась зайти с тыла, – указала Билли. – Так что она скорее всего должна быть там, на другой стороне.

– Где-то выше по течению, – добавил я.

– Тогда нам надо переплыть на другой берег, –

предложила Билли.

– Без меня, – заявил я. – С этим топором я далеко не уплыву.

– Оставить его здесь? – неуверенно предложила Билли.

– Могут стянуть. К тому же вдруг он нам понадобится?

– Боюсь, ты прав, – согласилась она. – Тогда нам лучше обойти по берегу.

Я ожидал, что Конни скажет что-то вроде: "Вы как хотите", прыгнет в воду и поплывет. И я не укорял бы ее. Мне и самому хотелось нырнуть. Вода словно тянула к себе магнитом. К тому же прошел бы зуд от комариных укусов.

Но Конни приготовила мне новый сюрприз.

– Я пойду первой, – заявила она. Затем она свернула влево и пошла вдоль берега. Билли пошла второй, а я—замыкающим.

Идти было нелегко. Приходилось карабкаться по камням и нырять под раскидистые ветви. Часто мы были вынуждены протискиваться в расщелины, преодолевать острые гребни, крутые склоны и буреломы, где сам черт сломил бы ногу. Мы

все запыхались и покрылись испариной.

Я чувствовал себя виноватым и через некоторое время предложил:

– Может, вам все же лучше переплыть? Мы могли бы встретиться на другом берегу.

– Это самое неподходящее место для того, чтобы начинать раскалываться на группки, – заметила Билли.

– Ты стремишься к смерти? – спросила меня Конни.

– Просто мне ужасно неловко заставлять вас делать это.

– Ну что ты, – возразила Билли, – ты оказываешь нам большое одолжение. Ведь ты тащишь на себе наше главное оружие, черт побери.

В этом она была права.

И так мило с ее стороны обратить на это внимание.

Видно, они обе воспринимали этот тяжелый переход как неизбежную часть нашей миссии по воссоединению с Кимберли и совершенно не винили меня.

Мы старались держаться как можно ближе к

воде. Благодаря этому у нас постоянно был хороший вид на лагуну и большую часть противоположного берега, включая водопад. И мы все высматривали Кимберли, а также какие-нибудь следы Уззли или Тельмы.

Шагая позади, я прикрывал наши спины.

Но время от времени я любовался Билли и Конни. Не мог с собой справиться.

Коротко стриженные волосы Билли взмокли от пота и прилипли к голове темными завитками. Ее спина, густо потемневшая от солнца (вот тебе и лосьон против загара), блестела, словно политая растопленным маслом. На спине перекрещивались крепление томагавка и три витка длинной веревки. Томагавк подскакивал и раскачивался на правом бедре при ходьбе, а плавки распирали крутые и упругие ягодицы. Помню, как тогда, бредя за Билли следом, я подумал: вот бы увидеть ее в таких плавках, как у Конни.

Что касается Конни, ее короткие светлые волосы выглядели почти точно такими же, как волосы матери. Но на этом сходство и заканчивалось. У нее не было ни широких плеч, ни широ-

кой спины, ни впечатляющих крутых бедер. Сзади Конни была кожа да кости, тогда как ее мать — кровь с молоком.

На Конни красовалась жилетка из полотенца, прикрывавшая большую часть спины. Ниже жилетки она была голой, если не считать пояса и полосы оранжевой материи, опускавшейся (и почти исчезавшей) между ягодицами. Булочки были коричневыми и лоснящимися, но на них выделялось несколько красноватых прыщиков от комариных укусов.

В общем, обе были бесподобны.

Примерно с час я плелся за ними, изнывая под весом топора, все время начеку, выглядывая Кимберли и пожирая глазами Билли и Конни.

Я рад, что не пытался вести себя поджентльменски и не смотреть на них, потому что довольно скоро их не станет, и, возможно, мне больше никогда не доведется увидеть их.

Но тогда я еще не знал этого.

А знал лишь то, что нас объединяет общая задача, что я мог восхищаться ими в свое удовольствие, что любил их обеих, и что это были

одни из тех редких мгновений, о которых я всегда буду вспоминать с нежностью и печалью.

Все удивительное в жизни часто происходит подобным образом.

Вдруг осознаешь, какое это бесценное, золотое мгновение. И понимаешь, насколько подобные мгновения редки. И что оно обязательно закончится, и очень скоро. И знаешь, что о нем останется прекрасное воспоминание и что его утрата всегда будет отзываться глухой болью в сердце.

Это было одно из таких мгновений.

И оно началось, как мне стало ясно теперь, с пения "Вальсирующей Матильды".

А закончилось у ручья в прибрежных скалах, на краю пропасти.

* * *

Когда мы, запыхавшись, достигли другого берега лагуны, пот катил с нас ручьем. Однако вместо того, чтобы остановиться и передохнуть, мы полезли на возвышавшуюся над водопадом скалу.

Едва только мы ступили на вершину, как до нас донесся голос Кимберли:

– Сюда!

Она стояла на валуне возле ручья, примерно в ста футах выше по склону, и махала нам руками. Копье было приставлено к валуну и находилось достаточно близко, чтобы в случае необходимости можно было бы нагнуться и схватить его. Но если бы она упала на него...

Мысль эта заставила меня содрогнуться.

Пока мы приближались, Кимберли спустилась вниз.

Не упала и не наткнулась на копье.

Съехала на заднице по валуну, затем спрыгнула на землю.

– Это вы пели, ребята? – поинтересовалась она.

– А кому бы еще? – воскликнула Конни. Кимберли улыбнулась.

– Я не могла поверить своим ушам. Идут мне на выручку и горланят песни.

– Похоже, наша помощь тебе и не нужна была.

– Дорога забота.

– Мы бы спели "Гэри Оуэн", но я не знаю слов, – обратился я к Кимберли.

– Гэри кто? – переспросила Конни. Кимберли поморщила носик.

– Это строевая песня Седьмого кавалерийского полка? – в свою очередь спросила она.

– Верно, – я промурлыкал несколько тактов. Билли засияла.

– А, Джон Уэйн, – произнесла она.

– Джордж Армстронг Кастер, – уточнил я.

– Это было бы здорово, – согласилась Кимберли.

– Учитывая, что в тебе течет кровь сиу, и все такое...

– В любом случае я рада, что вы пришли.

– Мы подумали, что тебе не помешает наша помощь, – сказала ей Билли, – даже если ты и не хочешь, чтобы мы крутились у тебя под ногами.

– О, прошу меня простить за тот инцидент. Там, на берегу, меня немножко занесло. Впрочем, как выяснилось, вам больше нет необходимости беспокоиться о моем рассудке. И я не стану зверствовать, если ко мне в руки попадется

Уэзли. Потому что этот мерзавец сдох.

– Вот как! – воскликнула Конни. (Мне кажется, она имела в виду "Вот те на!")

– Ты его нашла? – поинтересовался я.

Кимберли кивнула головой.

– Пойдемте, я покажу. – И она повела нас по незнакомой местности вправо от ручья.

– А как насчет Тельмы? – спросила Билли.

– Никаких признаков. Но, по крайней мере, нам не нужно больше волноваться об Уэзли.

Вслед за Кимберли мы петляли по лабиринту из валунов, поросших кустарником и деревьями, и каменных нагромождений, похожих на миниатюрные горы. И хотя практически везде была тень, света здесь было больше, чем мы видели с тех пор, как покинули пляж. Легкий ветерок остудил пот и отогнал комаров.

– Он где-то здесь? – удивилась Конни. – Как тебе вообще удалось его отыскать?

– Не сразу. Но это вверх по течению от водопада, как нам и говорила Тельма.

– Но достаточно близко от водопада и лагуны, – заметил я.

– Да. По мне, так лучшего места и не придумать. Здесь можно спрятать целую армию. Так что пришлось провести небольшую разведку. Я взобралась вон туда, – она указала на высокую гору камней невдалеке.

– Похоже, ты здесь уже достаточно долго, – сказала Билли.

– Я торопилась. Потому что была убеждена: вы рано или поздно пойдете за мной. А мне хотелось найти Узли до того, как вы здесь появитесь. Я надеялась застать его живым.

– Как раз этого мы и боялись, – вступила в разговор Конни. – Вот почему поторапливались.

– И что же вас так задержало?

– Пришлось обходить по берегу лагуны, – пояснил я. – Мы не могли переплыть из-за топора.

– Но я рада, что вы хоть теперь появились, – Кимберли улыбнулась. – Лучше поздно, чем никогда. – Настроение у нее было приподнятым. – Собственно говоря, когда я стояла на той горке, то заметила на земле что-то, по виду напоминавшее пару красных трусов. Решив, что они могли принадлежать Тельме, я спустилась вниз

и пошла на них посмотреть. Они лежали у края обрыва. Когда я заглянула в бездну, то увидела его там, на самом дне. Долго не могла поверить своим глазам. Но это действительно был Уэзли.

– Мертвый? – любопытствовал я.

– Вполне. Да вы сами увидите.

– Значит, – облегченно вздохнула Конни, – отныне неприятностей можно ожидать только от Тельмы. – Она нервно пробежала взглядом ближайшие кусты, где могла бы прятаться ее сестрица.

– Не волнуйся, – успокоила ее Билли. – Вряд ли она рискнет напасть на четверых.

– Мне не удалось отыскать ее следы, – продолжала Кимберли. – Похоже, она все же говорила нам правду об убийстве Уэзли. Да и голова у него проломлена, точно как по рассказу Тельмы. Тогда почему она накинута с бритвой на Руперта? Мы ведь думали, что ее подослал Уэзли. Теперь эта версия не подходит.

– У нее могли быть другие причины, – предположила Билли.

– Ты приставал к ней? – спросила меня Кон-

ни.

– Нет! – воскликнул я, краснея. Конни насмешливо скривилась.

– Не в твоём вкусе?

– Ни капельки.

– У неё должна была быть причина, – промолвила Билли, озадаченно поморщив лоб. Кимберли улыбнулась.

– Давайте просто спросим у неё, когда она появится.

– Надеюсь, этого не произойдет, – заметил я. – Если я никогда в жизни её больше не увижу, то как-нибудь это переживу.

– Она объявится.

– Почему ты так уверена? – спросил я.

– У тебя её любимая бритва. – Произнося эти слова, Кимберли так на меня посмотрела и так улыбнулась, что я не только понял, что это шутка, но и почему-то почувствовал, что все будет хорошо и даже превосходно.

Боже, как бы мне хотелось увидеть ещё раз этот взгляд и эту улыбку.

Никогда больше...

Нельзя так говорить. Нельзя терять надежду. По крайней мере до тех пор, пока я собственными глазами не увижу ее тело. И даже это может оказаться недостаточно убедительным.

Потому что здесь слишком многое совсем не то, чем кажется на первый взгляд.

Ну вот, я снова отвлекаюсь. Оттягиваю время. Беда в том, что я просто не хочу рассказывать, что было дальше. Но я должен это сделать.

Последний рубеж

Мы подошли к той пропасти.

Быть может, пропасть—не совсем подходящее определение, до Великого Каньона ей было очень далеко. В сущности это была длинная узкая расселина между двумя соседними скалистыми формациями. Наверное, футов тридцать в длину и примерно шесть-восемь футов в ширину в том месте, куда мы подошли. С одного конца расселина смыкалась, а с другого—обрывалась куда-то в пустое пространство.

Подходя к расселине, Кимберли на ходу бросила на землю копье и избавилась от томагавка. Остановилась она лишь у самого края. Там наклонилась, словно отвешивая поклон, и уперлась руками в колени.

Мы остановились поодаль.

— Он там, внизу? — нарушила молчание Конни.

— Ага. Подойди, посмотришь.

— Я воздержусь, если ты не против. Кимберли выпрямилась. Развернувшись в нашу сторону, она недоуменно посмотрела на нас.

— Неужели никто не хочет на него взглянуть?

Я поднял руку.

– Что ж, иди сюда.

– Я подержу твой топор, – предложила Билли, и я не стал возражать.

Затем заставил себя сделать шаг вперед. Меньше всего мне сейчас хотелось смотреть на еще одного мертвого мужика. Бог свидетель, двоих было уже предостаточно. Но я должен был лично убедиться, что там Уэзли, и что он мертв.

Дойти до самого края, как это сделала Кимберли, у меня не хватило мужества. Перед обрывом я встал на четвереньки и прополз оставшуюся часть пути. Пропась была не такой глубокой, как я опасался. Но все же она была достаточно глубока. Наверное, пятнадцать или двадцать футов, и с очень отвесными стенами. Дно было похоже на плоскую, но слегка перекошенную каменную плиту. Из трещин в стенах и на дне кое-где пробивались чахлые кусты.

Все то время, которое я изучал размеры и общий вид пропасти, я старался не смотреть на тело. Оно лежало прямо под нами, чуточку левее. Я видел его периферийным зрением, пока

осматривался.

Но в конце концов мне пришлось посмотреть. Он лежал лицом вниз и на первый взгляд был похож на задремавшего во время приема солнечных ванн нудиста. Только кожа имела нехороший вид. И дырка в заднице была не на том месте—посредине правой ягодицы. И вместо затылка—какое-то черное месиво. Кроме того, на левой ноге ниже колена оголился большой участок кости—должно быть, потрудилась какая-то зверушка, и, судя по всему, намного крупнее тех, которые сейчас ползали по нему и летали вокруг.

– По-моему, мертвее не бывает, – заметила стоявшая рядом Кимберли. Она наклонилась вперед, свисавшие волосы закрывали от меня ее лицо. И хорошо, что я не мог его видеть. На нем, несомненно, было выражение высшего удовольствия. Потому что именно это я услышал в ее голосе. – Это прекрасный образец того, что называется ”дохлятиной”, – добавила она.

– Наверное, – буркнул я без особого воодушевления.

Когда Кимберли отступила назад, я отполз от

края пропасти и встал.

– Никого больше не заинтересовало? – спросила она и пошла к тому месту, где оставила томагавк и копье, на ходу снимая рубашку Кита.

– Я совершенно не хочу его видеть, – заявила Билли.

– Дай мне свою веревку, – попросила ее Кимберли.

Билли нахмурилась.

– Зачем?

– Я спущусь вниз.

– Ты шутишь, – пробормотал я. – Ты ведь не собираешься делать это.

– Разумеется, сделаю. – Никогда еще я не видел Кимберли такой решительной. Мне стало страшно. Я должна убедиться, что это он.

– Конечно он. А кто бы еще это мог быть?

– Гиллиган? – предположила она. – Профессор? Д. Б. Купер? Кто знает? Да кто угодно.

– Это Уэзли, – настаивал я. Конни недовольно посмотрела на нее.

– Ты сама сказала нам, что это Уэзли.

– Я убеждена, что это действительно он. Но

убеждена не окончательно. Вот почему мне нужно спуститься вниз и перевернуть его.

Перевернуть?

– ОБоже! – воскликнул я. – Только не это. Ты ведь не собираешься к нему прикасаться?

Странно улыбнувшись, Кимберли ответила:

– Конечно, собираюсь.

– Делай, как знаешь, – сдалась Билли. Поморщив носик, она подняла кольца веревки, перекинула через их голову и протянула Кимберли. Та взяла веревку.

– Нет абсолютно никаких причин спускаться туда, – запротестовал я. – Правда. Послушай, ты и я знаем, что это Уэзли, так что...

– Может, ты и знаешь, приятель.

– Ты тоже знаешь.

– Ничего такого я не знаю.

– Это не смешно.

– А я что, рассказывала анекдот?

– Ты себя странно ведешь.

– Он прав, – вмешалась Конни.

– Давайте поставим на этом точку и вернемся на свой пляж, – предложила Билли.

Ехидная ухмылка исчезла с лица Кимберли.

– Я сделаю так, как собиралась. А я собиралась спуститься вниз и нанести визит нашему мертвому другу. Потому что, если это не Уэзли, мне надо это знать, а если это Уэзли... – она пожала плечами.

– Тогда что? – переспросила Билли.

– Ничего. Просто мне надо убедиться в том, что это он. Вот и все. И знаешь что? Я теперь уже не столь уверена. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне этот парень кажется недостаточно крупным для Уэзли.

– Чушь! – воскликнул я.

Не говоря больше ни слова, Билли подошла к обрыву и заглянула в пропасть. Затем она что-то невнятно промычала, и, постояв еще с минуту, повернулась и подошла к нам. Лицо у нее было бледным.

– Это должен быть Уэзли, – пробормотала она. – А кто бы это мог быть? Собственно говоря, мне кажется, что люди и должны после смерти выглядеть поменьше, чем при жизни.

– Так и ты думаешь, что он выглядит не та-

ким большим? – воскликнула Конни.

– Ну... вроде как. Узли был довольно крупным парнем...

– Мертвец тоже большой, – заметил я.

– Не уверена, что настолько большой.

– Господи! – буркнула Конни.

– У него рана от копья Кимберли в заднице, – заметил я. – И череп проломлен точно так, как рассказывала Тельма...

– Что сильно затрудняет его опознание, – прервала меня Кимберли. – А дырку в заднице можно сделать кому угодно.

– Кому, например? – взорвался я. – Кто здесь еще есть?

Улыбка вновь засияла на лице Кимберли. Но не ее фирменная—изумленно-ликующая.

– Остается выяснить, Ватсон.

С этими словами она резко развернулась на месте и ланью скакнула к краю расселины. Придерживая один конец в руке, она сбросила веревку вниз. Затем повернулась к нам лицом и покачала головой.

– Не хватает. Придется нарастить томагавоч-

ными ремнями.

К этому времени мы уже были готовы сотрудничать с нею. Особой веры в рассудительность Кимберли у нас не было, но сомнения Билли резко пошатнули нашу убежденность. Если уж и она не была на сто процентов уверена в том, что тело принадлежит Уэзли, тогда нам и в самом деле необходимо произвести опознание по полной программе.

Пока я нес боевое дежурство с топором, женщины распутывали узлы на ремнях для томагавков.

Новые узлы вязала Билли. С тремя более короткими кусками общая длина веревки увеличилась по меньшей мере на двенадцать футов.

Кимберли вновь сбросила веревку в расселину.

– Достает, – объявила она.

Я оглянулся, разыскивая глазами, к чему можно было бы привязать верхний конец. Ствол дерева, на пример. Или выступ скалы. Но на подходящем расстоянии от края ничего не оказалось.

– Похоже, придется тебя опускать, – заключил я.

– Нет. Я просто спущусь вниз.

Очевидно, Кимберли уже нашла решение. Взяв у меня топор, она пошла с ним к краю и повернула его топорищем в противоположную пропасти сторону. Затем присела на корточки и сунула лезвие в трещину. Поднявшись, притоптала его поглубже.

Связав на конце веревки петлю, Кимберли накинула ее на топорище и опустила до стального обуха.

– Так будет нормально, – заключила она. – Руп, ты не мог бы придержать немного топорище? Просто навались на него и не дай обуху выскочить из щели. Я кивнул головой. Ладно, но... Или наступи на топор. Как тебе будет удобнее.

– Ладно. – Присев, я ухватился за топорище под самой веревочной петлей. – Готово, – объявил я.

– Молодчина, – похвалила она. Слегка пожав мне плечо, Кимберли обогнула меня и встала ко мне лицом. На какое-то мгновение мы очутились

нос к носу. Затем она начала отползать назад. Вербка лежала на земле между ее ног.

– Осторожнее, – напутствовала ее Билли.

– Не упади, ради Бога, – добавила Конни. Они обе подошли ближе. Билли стояла теперь слева от меня, а Конни опустилась на колено справа. В случае чего они были готовы прийти на помощь.

Пока что Кимберли не держалась за веревку. Положив руки на край обрыва, она опустила вниз ноги. Затем остановилась и зависла передо мной, опираясь на напряженные руки. Выступ на скале выдавил длинную вмятину на ее бедрах. Плечи и руки, обычно такие изящные и ровные, вздулись узлами мышц. То же самое было и с ее грудями. Сохраняя гладкую округлость форм, они увеличились в размерах, растягивая чашечки белого бюстика бикини. На коже выступили блестящие капельки пота.

– Руп, – обратилась она ко мне. Наши глаза встретились. – Нож выпадет.

Я посмотрел на него.

Напрасно я все время пытался не смотреть туда.

Как всегда, армейский складной нож был засунут за пояс ее плавок. Сейчас его верхний конец выглядывал чуть больше обычного—где-то на полдюйма. Из-за толстой рукоятки плавки вокруг нее немного отошли от тела и оттопыривались до самого низа.

Я сразу понял в чем дело: если бы она попыталась опуститься еще ниже, выступ скалы, упершись в нижний конец ножа, вытолкнул бы его.

– Забери его, – попросила она.

– А...

Она театрально закатила глаза.

– Пожалуйста, это же совсем просто.

– Я выну его, – раздраженно произнесла Конни. Но, стоя только на одном колене, она не могла дотянуться. И начала опускать другое колено.

– Не утруждайся, – сказал я и, перегнувшись через топор, положил левую ладонь на землю для опоры, а правой потянулся за ножом.

Мой взгляд поневоле упал прямо в клинышки от крытого пространства по обе стороны рукоятки ножа. Пара треугольников, образованных красным пластиком, белой эластичной матери-

ей и обнаженной кожей. Безукоризненно гладкой кожей лобка с завиточками черных волос.

У меня перехватило дыхание, глухо застучало сердце, и в пах хлынула горячая волна. Я опустил нож, а мой член поднимался.

Вначале я попытался вытащить нож за выступавший над плавками кончик рукоятки. Но этот кончик был недостаточно велик, чтобы за него можно было ухватиться.

Тогда я просунул внутрь большой и указательный пальцы. По случайности они слегка коснулись ее кожи. Она была такая гладкая, что я застонал.

—Прости, — прохрипел я.

Я чересчур медлил.

Зажав рукоятку между большим и указательным пальцами, я медленно потянул. Нож заскользил вверх. Я почувствовал небольшое сопротивление—прижимали плавки. Но потом он пошел легко, и, когда уже почти весь показался из плавков, я еще раз украдкой заглянул в зияющую щель.

Затем раздался хлопок резинки, и плавки за-

крылись.

– Готово, – едва слышно произнес я.

– Спасибо, – поблагодарила Кимберли.

”Тебе спасибо”, – подумал я. Но вслух ничего не произнес.

Подняв голову, я вымученно улыбнулся. Судя по ее взгляду, она поняла, что произошло. Так было задумано. Или, может быть, я просто прочел в ее взгляде то, чего там не было, и у нее не возникало никакой задней мысли—она лишь не хотела потерять нож. Как знать?

– Если тебе понадобится помощь там, вни-
зу... – начал я. Слова уже слетели с моих уст,
прежде чем я сообразил, что их можно истолко-
вать по-разному.

Я ожидал от Конни какую-нибудь гадость по
этому поводу. Но, на удивление, она промолчала.

– Может быть, я попрошу тебя спустить мне
нож. Посмотрим, – ответила Кимберли.

– Конечно, конечно. Как скажешь.

Кимберли согнула руки. Каменный выступ
катком проехался по ее бедрам, паху и животу.
Лежа на локтях, она ухватилась одной рукой за

веревку.

Я занял свое место у топора. Взяв нож удобнее в правую руку, я прижал топорище левой. Когда я снова поднял глаза на Кимберли, видна была только ее макушка. Через мгновение и она скрылась за краем расселины.

Потеряв Кимберли из виду, я сосредоточился на топоре и веревке. Все выглядело нормально: топор прочно сидел в трещине, веревка туго натянулась и слегка вибрировала.

Конни по-прежнему стояла рядом на одном колене.

Билли застыла у края обрыва и наблюдала за спуском Кимберли.

Кто-то истошно завопил: "ЙААААААААА!"

От этого крика у меня оборвалось сердце. В первое мгновение я подумал, что упала Кимберли. Но голос был не ее.

Это был мужской голос.

Я поднял голову.

Он приближался к нам с другой стороны пропасти с диким воплем. И он не напоминал Уэзли—он был им. И действительно был круп-

нее, чем парень на дне пропасти.

Несмотря на то, что я видел его всего несколько секунд, мне запомнилось все до мельчайших подробностей, словно я отснял это на фотопленку. Или, если точнее, на видеопленку, потому что кадры движутся. И я часто мысленно прокручиваю их в замедленном темпе.

Уэзли откуда-то раздобыл голубую бейсболку. Надета она была задом наперед, и пластиковая полоска с регулируемыми язычками красовалась посреди лба, придавая ему вид толстого белокожего исполнителя рэпа.

Еще на нем был огромный красный бюстгалтер Тельмы. Похоже, он использовал его в качестве подвязки, прижимающей к левой груди повязку—красная чашечка на этой стороне была набита так, что ее распирало. Правая чашечка была вырезана, и его волосатая сиська выпирала через каркас, подпрыгивая и хлопая в такт гигантским шагам, несущим его к пропасти.

С ночной засады—это был последний раз, когда я видел Уэзли—он обзавелся еще и кожаным ремнем. Если к нему прилагались еще и брюки,

то Уэзли решил обойтись без них. Ремень опоясывал его чресла, и на каждом бедре болтались в кожаных чехлах охотничьи ножи.

На ногах у него была пара теннисных туфель с высокими отворотами.

Ничего другого на нем не было. Если не считать пота, волос и возбужденного члена.

Вид у него в определенном смысле был довольно забавный.

Но в том, как он неся на нас, с безумными воплями и размахивая над головой двумя мачете, ничего забавного не было.

И хотя моя память позволяет мне просматривать кадр за кадром, на самом деле все произошло почти молниеносно. К тому времени, когда я поднял голову и увидел его, Уэзли почти что достиг дальнего края пропасти.

Конни взвизгнула.

Билли—громко охнула.

Прежде чем кто-либо из нас успел пошелохнуться, Уэзли уже летел над пропастью. Конни начала вставать с колена, а Билли—поворачиваться, чтобы сделать шаг назад. Стоя

на коленях, я глянул вниз на блестящую красную пластиковую рукоятку складного армейского ножа, на серебристые грани лезвий и инструментов, надежно сложенных в свои гнезда.

Нет, ни одно лезвие открыть не успею. Никаких шансов.

И я начал подниматься с колен.

Билли, глядя через плечо, вздрогнула и широко разинула рот. Она продолжала поворачиваться, а рука ее начала подниматься. Что-то в ее выражении и позе напомнило мне футболиста, бросающегося на перехват.

В этот момент я понял, что с тыла должна была нападать Тельма.

Затем я услышал хлопок приземлившейся рядом туфли Уэзли. Все еще сидя на корточках, я повернул голову и краешком глаза увидел его уже на нашей стороне пропасти. Чуть левее от себя. Он неся прямо на Конни.

Я попытался встать побыстрее.

К этому времени Конни уже удалось подняться на ноги. Она наполовину повернулась к нему спиной и вытянула вперед руки, словно за спаса-

тельным кругом.

На этом все обрывается.

Это все, что я помню о нашем "последнем рубеже".

Именно в этот момент, как я себе это представляю, Тельма, должно быть, грохнула меня чем-то по голове.

... быть может, видеть сны

Вот что я думаю. Когда я потерял сознание от удара по голове, кто-то избавился от меня.

То есть сбросил или столкнул в пропасть.

Еще я полагаю, что падение не закончилось для меня трагически потому, что я приземлился на того покойника.

Повезло мне.

Дружище Мат.

Сокращенно от Матрац.

Я долго спал на нем в состоянии, которое принято называть мертвецким сном.

Интересно, какая разница между комой и потерей сознания? Просто одно из них длится дольше? Не знаю, да и не столь это важно.

Так вот в какой-то момент я пришел в себя. Это случилось ночью.

Открыв глаза, я увидел над собой звездное небо. Где-то в глубине сознания лениво шевельнулась мысль: "Где я?", но я решил, что, должно быть, на вылазке, и вновь погрузился в небытие.

Следующий раз я пришел в себя под палящими лучами солнца. Мне хотелось попросить кого-нибудь задвинуть это солнце куда-нибудь

подальше—оно было слишком горячим и от него голова раскалывалась. Затем солнце удалилось и перестало мне докучать.

Время от времени меня беспокоили насекомые. Правда, я почти не обращал на них внимания.

Иногда мне даже нравилось их щекотание.

Наверное, я пересмотрел за это время добрую сотню снов. Я мог бы исписать эту тетрадь до последней страницы, но так и не закончил описывать все сны, которые посетили мою больную голову (многие из которых я хотел бы забыть, но не могу), пока я валялся на дне пропасти.

И они были намного красочнее и реалистичнее обычных.

Некоторые из снов были в высшей степени эротическими. Главным образом в них была задействована Кимберли, но в некоторых появлялись Билли и Конни, были и такие, в которых женщины являлись в различных сочетаниях.

Тельма тоже попала в некоторые сновидения. Эти, хотя обычно и сексуальные, носили характер кошмаров. Часто определенную роль в них

играла ее бритва. Сны с участием Тельмы были действительно болезненно мрачными, извращенными и отвратительными.

То же можно сказать и о большинстве других моих кошмаров.

Страх и ужас.

Например, в одном я взбирался на дерево, чтобы срезать тело Кита, после того как его повесили. Что и в действительности было достаточно мерзко. Но во сне было еще хуже. Неожиданно он качнулся ко мне туловищем и обнял меня—обернул вокруг меня руки и ноги—и начал грызть мой нос.

Этот сон был хоть и мерзкий, но короткий.

А было несколько кошмаров, показавшихся мне бесконечными.

В одном из них, который помнится особенно живо, в прекрасный солнечный день на пляже ко мне подошла группа женщин. Вначале я не понимал, кто они. Во-первых, они были нагими, так что я не мог различить их по одежде. Во-вторых, у них не было голов. Их шеи заканчивались жилистыми обескровленными обрубками.

Я почувствовал довольно сильное возбуждение, но еще и испугался.

Они сообщили мне, что я мог бы их спасти, если бы сильно этого захотел. (И это несмотря на отсутствие голов.) Мне страстно захотелось им помочь, и я осведомился у них, как это сделать. На что они ответили:

– Ты должен подобрать нам головы.

Вот тогда-то я и заметил, что каждая из женщин прятала что-то за спиной.

И они дружно, как по команде, вывели руки из-за спины.

У каждой в руках была голова.

Среди голов я узнал лица Конни, Билли, Кимберли, Тельмы, Уэзли, мисс Кертис (моя учительница в пятом классе, которой я тогда ужасно увлекся), Ардет Свон (подружка в старших классах, которая мне так ничего и не позволила) и какая-то совершенно незнакомая женщина (мне кажется), которую можно было бы назвать довольно привлекательной, если бы не кольца, булавки и шпильки, в изобилии украшавшие ее лицо и уши.

Последняя голова принадлежала моей собственной матери. Одному Богу известно, как затесалась она сюда, но ее появление определенно усилило бросающую в дрожь причудливость этого кошмара.

С самого начала мне стало ясно, что в руках у дам были не их головы, а чужие.

Голова Уэзли объяснила мне правила игры.

– Если ты хочешь спасти нас, ты должен правильно распределить головы до заката. Думаешь, тебе это удастся, дружок?

– Тебя бы я не спасал, если бы это от меня зависело, – объявил я ему.

К тому же тела Уэзли здесь даже не было. Из девяти обезглавленных тел, выстроившихся передо мной на берегу, все без исключения обладали исключительно женскими половыми признаками.

Взяв из рук плотно сбитой девицы башку Уэзли, я швырнул ее подальше. Затем подбежал к голове Тельмы, вырвал ее из рук худенькой девчонки, в которой я заподозрил Конни, подскочил с нею к той коренастой даме, у которой выхватил

голову Уззли, и насадил ее на обрубок шеи.

Тельма, теперь полностью укомплектованная, улыбнулась и угрожающе пошевелила в мою сторону пальцами.

Не буду описывать весь этот кошмар. Не хочется даже думать кое о чем из того, что случилось, тем более писать об этом. Так что опущу самое худшее, а расскажу лишь о том, что не столь омерзительно.

На всем протяжении этого сна, смеялся ли я, или чувствовал сильное сексуальное возбуждение, или смущение, или отвращение, или ужас, меня ни на миг не покидало гнетущее чувство страха. Никто не разъяснил, что случится, если мне не удастся правильно подобрать головы к телам до заката—помимо самого очевидного, а именно, что я не "спасу" женщин. Но у меня было предчувствие, что моя судьба могла стать слишком ужасной, чтобы это можно было выразить словами.

А закат быстро приближался.

Так что я носился как угорелый туда-сюда, вырывая из протянутых рук головы. После чего

сновал между женщинами, суетливо приставляя головы к шейным обрубкам.

Это было не так просто, как может показаться на первый взгляд.

С Уэзли и Тельмой мне удалось разобраться почти сразу же. Без этих двоих оставалось семеро. На Конни и Кимберли я насмотрелся достаточно, чтобы узнать их тела, так что проблем с ними не было (если не считать того, что голову Конни я уронил и мне пришлось гоняться за ней по пляжу). С четырьмя разобрался, теперь оставалось пять.

Затем я попытался укомплектовать Билли, полагая, что это будет сущим пустяком. В конце концов она вечно расхаживала в одном бикини, да к тому же в ту ночь, когда после неудачной попытки перехвата Тельмы она пропахала песок, я видел ее груди полностью обнаженными. (Даже во сне помнил, как выглядели они тогда, вывалившись из бюстгальтера бикини.)

Вырвав голову Билли из рук какого-то неизвестного тела, я поспешил к дородной и пышной фигуре, которая, по моему убеждению, принад-

лежала матери Конни.

Когда же я плюхнул ее на шею, рот Билли произнес:

– Глупый ход, Руперт. Ты что, родной матери не узнаешь?

ТЬфу ты!

В другом конце шеренги я заметил идентичное тело.

А по мне, так обе похожи на Билли.

Тпру! Нелли! А вот и Фрейд с его вездесущим Эдиповым комплексом.

К черту! Некогда тревожиться о том, что там копошится в моем подсознании. К хренам собачьим Сверх-Я!

Все же этот эпизод потряс меня до глубины души. Но нет худа без добра: я быстро водрузил сразу две головы на плечи их истинных хозяек— Билли и моей матери.

После чего занялся головой незнакомки.

Ее уши, ноздри, губы и даже веки были сплошь утыканы всевозможными металлическими украшениями. Взяв эту голову из рук Кимберли, я пулей пронесся вдоль шеренги дам к

бледной худощавой девчонке с болтавшимися из проколотых сосков, клитора и т. д. кольцами. Пустяковое дело.

Теперь у меня осталось только две бесхозные головы: моей смазливой блондиночки—училки пятого класса, мисс Кертис, и школьной подружки, Ардет Свон.

Да вот незадача: безголовых тел было три.

А все потому, что своим первым ходом в этой игре я выкинул голову Уэзли.

Впрочем, она все равно не подошла бы ни к одному из оставшихся тел.

Вдали за горизонтом медленно погружалось в океан солнце.

С мисс Кертис и Ардет проблем у меня не возникло ни малейших.

Мисс Кертис была дамочкой небольшого роста с изящными пропорциями. У нее был прекрасный загар, небольшие грудки с темными набухшими сосками и хохолок лоснящихся белокурых волос между ногами.

Веснушчатая и прыщавая пышка Ардет Свон вместе с головой не потеряла застенчивости: она

прикрывала одной рукой свои огромные груди, а другой—укромное местечко.

Когда я посадил голову мисс Кертис на ее шею, она с теплой улыбкой произнесла:

– Ты всегда был порядочным молодым человеком, Томас.

Не имея ни малейшего представления о том, что это был за Томас, я все же поблагодарил ее.

Вернув голову Ардет, я просто улыбнулся ей.

– Катись ты к черту, придурок.

Ну вот, даже в моем кошмаре...

На горизонте поблескивала из океана лишь небольшая оранжевая полоска.

А я стоял перед последним безголовым телом.

И мне нечего было ему предложить.

В надежде, что недостающая голова где-то затерялась, я оглянулся по сторонам.

Но все женщины исчезли.

Куда-то подевались. Все, кроме меня и этой одинокой безголовой женщины. Мы стояли лицом друг к другу на пустынном берегу. (Разумеется, это больше относилось ко мне, поскольку она

не могла стоять "лицом" ко мне, не имея оногo.)

Но зато у нее было умопомрачительно и невероятно восхитительное тело.

Золотисто-смуглая кожа вся словно светилась изнутри.

От шеи до пят ростом она была не меньше шести футов. Длинные стройные руки и ноги, широкие плечи, высокие твердые груди с набрякшими торчащими сосками, крутые овалы бедер, подтянутый живот. Ниже—гладкая блестящая выпуклость без единого волоска—словно у нее там никогда не было никакой растительности.

— Я в полной растерянности, — признался я. — У меня кончились головы.

Она лишь пожала плечами, отчего ее груди так восхитительно приподнялись и опустились.

— А ты не знаешь, где твоя голова? — в отчаянии воскликнул я.

И вновь она лишь мило повела плечами.

С тревогой взглянув на горизонт, я увидел, как последний кусочек солнца исчезает из виду.

Тогда я молниеносно оторвал свою собствен-

ную голову и водрузил ей на шею.

– Получай! – ликующе протрубил я.

Но возглас этот донесся не из моего рта. Я смотрел на свой рот, свое лицо, свою голову, венчающую это роскошное тело.

Никак не под стать!

Торопясь наделить ее головой, я совершенно позабыл о том, что правила требовали строгого соответствия.

Просто первая встречная головушка не подошла бы.

Но моя подошла!

Это ж надо такое!

Так вот, мое собственное лицо мне очень мило и по-дружески улыбнулось.

Затем женщина моей мечты промолвила:

– Спасибо, Руперт. – (Не моим голосом, доложу я вам. Он, скорее, напоминал голос Лорен Бэйколл в фильме "Иметь или не иметь" и был очень похож на голос Билли.)—Ты победил, – сказала она. – Ты всех нас спас и можешь собой гордиться.

Слова эти меня очень порадовали.

– Конечно, – продолжала она, – теперь сам ты остался без головы.

– О, это ничего. – Иногда и я бываю галантным кавалером. – Она мне не очень и нужна была, – ответил я. – Я безмерно рад, что смог подобрать вам всем подходящие головы.

– А знаешь ли ты, какой приз тебя ожидает? Я покачал головой. (Ну, может, и не покачал. Но, по крайней мере, подумал, что покачал.)

– Тебе достанусь я, – торжественно объявила она.

– Вот это да! – восхищенно произнес я.

Шагнув вперед, она обняла меня, и я ощутил ее всем своим телом. К несчастью у нее было мое лицо, поэтому, когда она попробовала поцеловать меня, я отвернулся.

– Что с тобой? – удивилась она.

– Что-то я совсем запутался. Не думаю, чтобы мне хотелось целовать собственное лицо.

– Ну, это дело поправимое. А чье бы ты хотел?

– А ты можешь менять лицо?

И увидел, как я сам себе многозначительно улыбнулся.

– На раз. Скажи только, кем бы ты хотел меня видеть.

– Самой собой, – ответил я.

– Я и есть та, кто я есть: твоя воображаемая любовь. Я такая, какой ты меня хочешь видеть.

– Но я не хочу, чтобы ты была мной. Это однозначно.

– Тогда кем?

– Можно выбрать кого угодно?

– Кого душа пожелает.

– Тогда как насчет Кимберли?

– Прекрасный выбор, – согласилась она. И в тот же миг лицо моей сказочной возлюбленной перестало быть моим и стало лицом Кимберли.

После этого все понеслось вскачь.

И в этой бешеной скачке мой кошмар где-то отстал, а ему на смену пришел фантастический эротический сон. Возможно, лучшего я и в жизни никогда не видывал.

И это тоже было неплохо. Самое худшее в этом (с того момента, когда я спас ее, пожертвовав собственной головой) было то, что я совершенно неожиданно проснулся и сон закончился.

Я помню ее (О Боже! Разве такое можно забыть!), но она улетучилась вместе с моим сном, и я не мог ее вернуть.

Более того, я охотно позволил бы вновь вырубить себя, будь я уверен, что она вернется.

Сколько снов и кошмаров я видел тогда там, на дне пропасти, но появилась она только в одном.

* * *

В своем последнем сне в той пропасти я пытался убежать от кого-то на нашем песчаном пляже в инвалидной коляске. Хотя я не мог повернуть шею и посмотреть, кто же за мной гонится, я был напуган до смерти. Пытаясь набрать скорость, я толкал и толкал колеса, но они застряли в песке и погружались все глубже и глубже, пока мое кресло и вовсе перестало двигаться.

Визжа от страха, я пробкой выскочил из кресла и кинулся бежать. Ноги служили мне прекрасно. Тогда какого черта я делал в инвалидной коляске? Вне себя от радости я было почувствовал

себя в безопасности. Но тут мои ноги стали вязнуть в песке.

С каждым шагом я погружался все глубже и глубже. Довольно скоро я был уже по пояс в песке. И теперь, сколько бы ни старался, не мог продвинуться дальше ни на дюйм. Я попал в песчаную ловушку. Песок засасывал и тянул меня вниз, словно тяжелые брюки.

Я остолбенел от ужаса.

Попался. Вот сейчас сзади подбежит Он с топором, мачете или... бензопилой.

Это будет бензопила, неожиданно понял я.

Но ничего подобного не было слышно. Пока что.

Неужто Он сошел с дистанции?

Я прислушался. Шум моря, голоса птиц, жужжание насекомых, но никакого покашливания, чихания и рева бензопилы.

Я улыбнулся с облегчением.

И вдруг где-то там внизу, в песке, чьи-то руки стали ласкать мои ноги.

Проснулся я от собственного крика. Голова раскалывалась, но это был конец моей одиссеи,

бесконечному странствию по сотне снов и кошмаров на дне пропасти.

Впрочем, некоторые из моих самых страшных кошмаров были приятнее того, что я нашел при возвращении в реальный мир.

Я лежал на спине, а по голове словно топтался слон. Все кости ломило, как будто по каждой из них трамвай проехался. Одни места онемели, другие—зудели, а третьи словно кто-то резал ножом.

Надо мной сновало бесчисленное множество мух и других перепончатокрылых. Одни садились на меня, другим было за радость лишь покружиться.

Неожиданно в поле моего зрения попал гриф-стервятник, и я вздрогнул.

По обе стороны круто убегали ввысь отвесные стены пропасти.

Серое небо над пропастью сулило скорый рассвет—или ночь.

Подо мной лежал Мат.

Тяжелое пробуждение

Мат напоминал комковатый теплый студень.

Впрочем, грех жаловаться. Если бы не он, в такое же дерьмо, вероятно, превратился бы и я.

И все одно он был отвратителен.

Подумать только, я проспал двое суток, а то и больше, на голом разлагающемся трупe.

Слава Богу, хоть на мне была кой-какая одежка. По крайней мере, шорты. Похоже, в том месте, где я прижался к нему спиной, мы срослись. Кожа там зудела со страшной силой. И еще мне казалось, что там кто-то извивается и ползает: по всей видимости, какие-то мерзкие твари попали в качестве начинки в наш бутерброд.

Но будет об этом.

О запахе и говорить не приходится.

В тот миг, когда до меня дошло, где я и что подо мной, я с диким воплем скатился с него.

Когда мы с ним расклеивались, звук был потрясающий. Представьте: вы роняете на кафельный кухонный пол огромную пышущую жаром пиццу, а потом часа через два пытаетесь ее отдрать.

Так вот, получите примерно такой же звук.

Но и это еще не все. Скатываясь с Мата, я прихватил с собой какую-то его частицу. Вернее, не одну: на спину налипли огромные куски мерзкой слизи.

Когда я начал отползать в сторону, меня стошнило. Затем пополз дальше. Удивительно, что я вообще мог двигаться. На фоне общего разбитого состояния я чувствовал себя так, словно пытался добраться до центра колеса смеха. Но я упорно продолжал ползти. Мне хотелось, чтобы между нами было много-много миль.

Но через десять шагов я, вероятно, рухнул.

Так и лежал: без сна, постанывая от мучительной боли.

Когда я в следующий раз поднял голову, было темно. Я сел, прислонившись к какому-то выпуклому камню.

Прямо над головой висела полная луна. Ее бледный свет вычерчивал отвесные стены расщелины, освещая большую часть дна. В том числе и Мата.

Моего безмолвного напарника.

Он казался мне тогда почти что старым приятелем.

Давно потерянным дружкой, с которым я однажды неплохо провел время, но который за последнее время очень сильно изменился к худшему—особенно по части личной гигиены.

У меня не было ни малейшего понятия, кто бы это мог быть.

Но, поглядывая на его залитый лунным светом труп, я поймал себя на мысли, что мое воображение превратило его в старого старателя. Он стал Уолтером Хьюстоном, а я—Богартом. Нам крупно не повезло—и ему сильнее, чем мне.

– Похоже, не видать нам кроличьей фермы, как своих ушей, Ленни, – посетовал я.

Не из того фильма. И совсем другие герои. Но именно это я и сказал.

– Все мы когда-нибудь превратимся в дерьмо, – вновь обратился я к нему.

Мне захотелось подползти и посмотреть ему в лицо. Как знать, возможно, я узнаю его. А, может, это Кит?

Что если Уэзли и Тельма эксгумировали Кита

и приволокли сюда его тело, чтобы ввести нас в заблуждение... Нет.

Мат был слишком велик для Кита. Но и на Эндрю он не был похож. Опять не тот размер. К тому же тело пришлось бы вылавливать с морского дна.

Так кто же он тогда, черт побери? Или она? Мат мог быть и женщиной. В конце концов я ведь никогда не видел тело спереди. Но она не могла быть женщиной из нашей группы—все наши были наверху, когда тело уже лежало здесь.

Но, собственно говоря, и Тельму я там не видел. Это всего лишь мои предположения, что именно она напала на меня сзади.

Впрочем, Мат был слишком крупным для Тельмы, да и формы у него были иные.

В сущности, его фигура вовсе не походила на женскую.

Но это еще не означало, что он не мог быть женщиной. Хотя и Кимберли, и Билли видели его, и обе приняли его за мужчину: а именно за Уэзли. Несмотря на все сомнения насчет его личности, никто из нас ни на секунду не усомнился

в принадлежности тела особе мужского пола.

Но чем черт не шутит.

Вряд ли, конечно, Мат превратится в Матильду, но мне стало любопытно.

Узнаю ли я его—или ее?

Но это можно было выяснить лишь единственным путем.

А двигаться мне было в ломоту.

При этом были еще и другие причины, по которым мне не хотелось приглядываться к этому жмурику.

а) От него воняло.

б) Его или ее лицо наверняка было изувечено до неузнаваемости.

в) Он или она притянул или притянула к себе всю крылатую и ползучую мерзость в округе.

г) Если попытаюсь приблизиться, могу опиться от страха.

д) Или снова вырвет.

е) Все перечисленное выше.

Так что я не двигался с места.

Затем прищурился и посмотрел вверх, размышляя о том, что же все-таки случилось.

Очевидно, меня оглушили и сбросили в пропасть. Но что произошло с женщинами?

То, что битву они не выиграли, не вызывало никаких сомнений.

В противном случае я вряд ли проснулся бы на дне пропасти спустя несколько дней и в обществе покойника.

Они бы позаботились обо мне.

”Совсем не обязательно, – возразил я сам себе. – Допустим, они победили, но только после того, как я уже валялся на дне пропасти? Кто-то из них спускается вниз, чтобы осмотреть меня. Например, Кимберли. И она по ошибке принимает меня за мертвого. После чего они уходят и оставляют меня здесь...” Маловероятно.

Кимберли совсем не дура и заметила бы, что я жив. Думая о Кимберли, я вспомнил последний раз, когда видел ее. Тогда она спускалась на веревке в пропасть. Как раз за несколько секунд до нападения Уэзли она исчезла за краем обрыва.

Сейчас ее здесь не было. Я уже проверял. Кроме меня и трупа, на дне не было никого. И все же я вновь обвел взглядом расселину. Ника-

ких следов. Ни Кимберли, ни кого-либо еще.

Кимберли наверняка быстренько взобралась назад по веревке, чтобы принять участие в поединке.

Заранее обреченном на провал.

Как я успел увидеть, Уэзли уже подскакивал к Конни. Вероятно, он снес ей голову одним из своих мачете еще до того, как я долетел до дна. Затем он и Тельма быстро разделались с Билли.

Так что Кимберли, включившейся в схватку с некоторым опозданием, наверняка пришлось иметь дело одной с двумя врагами.

Она сильная и могла победить.

Но если она победила, тогда где она? Почему бросила меня здесь?

"Они мертвы,— подумал я. — Все. Кимберли, Билли и Конни. Мертвы".

И тогда я чуть не свихнулся. От помешательства меня удержала тонюсенькая ниточка надежды: мне очень хотелось верить, что они все же каким-то образом выиграли этот поединок. Просто решили, что я мертв, вот и оставили здесь. А сами вернулись в лагерь на берег. И, если мне

удастся выбраться отсюда, то я наверняка найду их там в целости и невредимости.

Боже? Как все они обрадуются, когда увидят меня!

Но моя радость при этом будет раза в два сильнее.

Мы устроим большой праздник.

Но я понимал, что они мертвы.

Иногда самообман бывает очень полезен. Вот и тогда. Именно он помог мне выбраться из пропасти. Иначе я бы просто умер.

Так вот. Вначале я собрался с силами и встал на ноги. Затем прошелся вокруг, заглядывая в щели и кусты, чтобы окончательно убедиться в том, что Кимберли здесь не было.

Никого не нашел.

Не нашел ни голов, ни других частей тела.

Вообще не нашел ничего, заслуживающего упоминания.

Даже веревки тут не было. После конца битвы кто-то, видимо, вытащил ее наверх. (Зачем оставлять отличную веревку?)

Да и вряд ли бы она мне сильно пригодилась.

Я едва стоял на ногах, так что о том, чтобы выкарабкаться из пропасти по веревке, не могло быть и речи.

Но я все же попробовал взобраться по стене без веревки.

К счастью, забраться очень высоко не получилось, потому что я все время падал.

Кажется, раза три.

Затем я решил попытать счастья в открытом конце пропасти.

Там был крутой обрыв.

Пару минут я посвятил изучению обстановки, хотя темнота скрывала почти все, что хотелось бы увидеть. Но я заметил, что верхушки деревьев там, за обрывом, были надо мной. Это очень обнадеживало: я находился где-то ниже этих верхушек.

Возможно, я и не разобьюсь.

Это было единственное, о чем я тогда думал.

И я начал опускаться.

Задержавшись на прямых дрожащих руках, я вспомнил Кимберли, которая останавливалась почти в таком же положении, когда просила меня

спасти ее нож.

А что случилось с этим ножом?

Как раз перед тем, как сойти со сцены, я видел его в своей руке.

Не мог я каким-то образом сунуть его в карман шорт?

Только не в задний карман. В этом я был уверен.

На спине мне довелось пролежать достаточно долго, так что я наверняка почувствовал бы его ягодицами. Но, похоже, и в передних карманах его не было. Опасная бритва, зажигалка Эндрю, пластиковый пузырек лосьона Билли и сверток копченой рыбы—все это я чувствовал бедрами, поскольку практически лежал на скале.

Складного армейского ножа там не было. И ничего удивительного.

Но, быть может, нож где-то там, на дне пропасти. Если он оставался у меня в руках, когда я падал вниз. . .

И я выкарабкался назад, поднялся на ноги и поковылял к месту своего падения.

Где лежал Мат. Или Матильда.

Это показывает, как сильно мне хотелось вернуть себе нож.

Такой хороший нож может стать решающим аргументом.

К тому же с ним были связаны воспоминания.

В общем, нужен он мне был позарез.

Опустившись на колени—примерно в ярде от тела—я выудил из кармана зажигалку Эндрю и чиркнул кремнем. Вспыхнул небольшой копьеобразный язычок пламени.

И в этом дрожащем желтоватом свете я начал шарить по земле. Ползая на коленях, я обогнул участок по периметру, рыская взглядом туда-сюда, но стараясь не глядеть на тело.

Но время от времени взгляд поневоле падал на него.

Со временем привыкаешь ко всему.

Решив отыскать нож во что бы то ни стало, я наконец стал подумывать о том, а не мог ли он попасть куда-нибудь под труп. В прямом смысле попасть под труп он, разумеется, никак не мог, но вполне мог завалиться в какое-нибудь укромное местечко в непосредственной близости.

При обследовании некоторых из них зажигалка была мне плохой помощницей.

Так что мне пришлось в полной темноте просовывать пальцы под подбородок трупа и шарить с обеих сторон шеи, щупать под мышками. Я обыскал все тело: обполз вокруг, ощупав пальцами все те места, где кожа, соприкасаясь с каменистым грунтом, образовывала маломальские пустоты. Затем раздвинул ноги убитого и искал между ними.

Вот когда я окончательно убедился в том, что это была не женщина.

Но ножа не нашел.

И тогда я перевернул его. (Взялся за гуж, не говори, что не дюж.) Откатывая труп в сторону, я был почти абсолютно уверен, что нож наконец обнаружится.

Самообман.

Конечно же, там его не было.

И, разумеется, я не мог удержаться, чтобы не рассмотреть тело спереди.

Вместо лица—сплошное толченное месиво. Вдобавок огромная рубленая рана в левой части

груди.

Как я себе это представляю, Уэзли и Тельма хотели, чтобы труп приняли за Уэзли, но, когда они делали "раз-два дружно" в пропасть, невозможно было предугадать, приземлится ли он лицом вверх или лицом вниз. Поэтому, чтобы перестраховаться, они над ним хорошенечко поработали.

Но все же, кто это? Определенно не Кит и не Эндрю. Где, черт возьми, им удалось раздобыть эту человеческую приманку для своей западни?

Оставив надежду отыскать нож Кимберли, я спрятал зажигалку в карман и вернулся к обрыву. Там осторожно перевалил через край и начал спускаться вниз по голой скале.

Спуск прошел за рекордное время.

Но шею я себе не свернул, даже ничего не сломал. И не потерял сознания. Спустя несколько часов, вскоре после рассвета, я смог снова подняться и идти.

Дорогу назад к лагуне я отыскал без особого труда и вышел к ее южному берегу. Опорожнив карманы шорт на камень, я снял кроссовки

и носки—как здорово вновь оказаться босым! — зашел в воду и долго отмывал руки. Затем зачерпнул воды и напился.

Какое наслаждение!

Прохладная и чистая, совсем как в песне. (Собственно говоря, не так чтоб очень прохладная, но все равно изумительного вкуса.)

Напившись вдоволь, я зашел поглубже, чтобы открылась вся лагуна.

Вроде никого.

Тогда я нырнул. Вода подействовала на мою израненную и искусанную кожу словно смягчающий крем. Под водой я стал тереть лицо. Затем плечи, руки, грудь, бока и живот, пытаюсь руками соскрести с себя пласты грязи.

После этого снял шорты и попробовал их отмыть. Совершенно чистыми они не стали, но выглядели уже не столь мерзко. Завершив постирку, я подошел ближе к берегу и бросил шорты на ближайший камень. Затем, не теряя ни минуты, наклонился и прошелся по всем зудящим, болезненным и грязным местам ниже пояса.

Потом поплыл к водопаду и долго стоял под

ним. Вода лилась мне на голову и на плечи, сбегала вниз, то расплескиваясь, то заливая меня сплошным потоком, смывая остатки пота, крови и всей той мерзости, оставшейся после Мата на моей спине.

Простоял я там, надо полагать, не менее получаса.

Затем вернулся на южный берег лагуны и вылез из воды. Найдя поблизости огромную каменную плиту с довольно плоской поверхностью, я влез на нее и лег.

И уснул. Если и снились мне какие-либо сны, то я их не помню.

* * *

Ближе к вечеру я добрался до нашего пляжа. К тому времени я уже перестал обольщать себя глупыми надеждами. Теперь я точно знал, что женщин там не найду.

Вид у лагеря был такой, словно сюда не ступала нога человека с тех пор, как мы его покинули несколько дней назад.

Костер давно потух.

Но я нашел свой ранец, открыл его и вынул оттуда тетрадь и одну из ручек.

Мой дневник стал теперь моим единственным спутником.

Сев на песок, я скрестил ноги, положил дневник на колени и раскрыл его. Перелистав уже довольно пухлую его часть, я остановился на чистой странице.

Затем написал: "День?.. А кто его знает какой", перевернул страницу и написал на следующей: "Размышления после возвращения к дневнику".

Когда тело встретит тело...

Чтобы все это записать, понадобилось чертовски много времени. Вчера утром я начал рассказывать о своей прогулке вверх по ручью прошедшей ночью. И уже почти наполовину закончил рассказ, когда осознал, что все станет гораздо понятнее, если соблюсти хронологический порядок и поведать о том, что случилось с нами на "последнем рубеже".

Но, видно, не получится у меня краткое изложение. Боюсь, я и не замечу, как пролетит день—и столько еще останется неописанным.

После возвращения на пляж костер я больше не разжигал (чтобы не выдать своего присутствия), так что о том, чтобы писать после заката, не может быть и речи. Пришлось прервать рассказ еще до того, как я слез с Мата.

Этим утром я завершил описание того, что случилось со мной в пропасти, и привел себя назад на берег.

Так что сейчас готов рассказать остальное, что произошло, когда я поднимался вверх по ручью (теперь уже две ночи назад) в поисках женщин. До перерыва и экскурса в недалекое про-

шное я успел поведать примерно о половине пути. Но надо коснуться и неприятных вопросов и покончить с ними раз и навсегда. Только после этого я смогу с полным правом отложить в сторону ручку и заняться чем-то другим.

Последний раз вы меня видели над водопадом, рыскавшим голышом по джунглям с опасной бритвой в носке.

Место, где мы встретились с Кимберли, отыскалось без особого труда. Но без ее помощи найти дорогу оттуда к пропасти оказалось не так-то просто. Я даже заблудился. Неоднократно на глаза мне попадались знакомые валуны или деревья—все потому, что я мимо них совсем недавно уже проходил. Стало быть, я петлял кругами.

Но меня это не волновало, потому что я не спешил добраться до этой пропасти. Говоря по правде, мне туда вовсе не хотелось. Но пропасть (вернее, пространство над ней) была именно тем местом, куда мне непременно надо было попасть, так что я продолжал поиски.

И, в конце концов, все-таки попал туда. Роб-

ко выглянув из-за скалы, я обвел взглядом поле нашей битвы.

Залитое лунным светом, оно не было усеяно телами.

– Слава Богу, – прошептал я.

И расплакался. Не смог удержаться.

Потому что был совершенно убежден, что вокруг пропасти найду останки своих женщин. Если не всех, то, по крайней мере, одной или двух.

Вот и не совладал с переполнившим меня чувством облегчения.

Облегчение исчезло с последними слезами. Едва я оправился от плача, как ко мне начало возвращаться чувство реальности: отсутствие их тел, будучи само по себе отличным признаком, еще не гарантировало того, что они живы.

Уэзли и Тельма могли убить моих женщин и оттащить их отсюда. А затем зарыть, сжечь, утопить, сбросить с обрыва или унести в какое-нибудь место для своих мерзких игр—да все, что угодно.

Либо они могли увести моих женщин живыми—в качестве пленниц.

Выходя из-за скалы, я подумал, не в очередную ли западню захожу. Ведь, если разобраться, это была вражеская территория, и здесь нам уже устраивали засаду.

Присев на корточки, я вынул из носка бритву и раскрыл ее. Затем медленно стал двигаться к тому месту, где на меня было совершено нападение. С предельной осмотрительностью я подкрадывался к нему, то и дело поворачиваясь, проверяя тыл и фланги и боязливо озираясь вокруг.

Недалеко от края пропасти я нашел жилетку Конни. Последний раз я видел свою подружку именно в ней. Теперь же она валялась в тени под огромным камнем. Зажав рукоятку бритвы в зубах, я присел, поднял жилетку, развернул ее и начал рассматривать. В лунном свете ее полосы тоже выглядели серыми, только другого оттенка.

Следов крови на жилетке вроде не было—еще один хороший признак.

Бросить ее здесь я не мог, но, с другой стороны, не хотелось занимать руки. Оптимальным решением мне показалось надеть ее, что я и сделал.

И сразу же почувствовал себя ближе к Конни. Словно жилетка была живой ее частицей и могла скрасить мое одиночество. (Это многое объясняет в том, почему Кимберли почти не снимала гавайскую рубашку покойного мужа.)

Все еще сидя на корточках, рядом с тем местом, где обнаружил жилетку, я высмотрел и поднял скомканную тряпку. И хотя она была темна от запекшейся крови, меня это ничуть не встревожило. Она была похожа на кусок старой тенниски, которую использовали для перевязки Конни. Видно, она потеряла ее вместе с жилеткой.

Выбросив окровавленную тряпку, я вынул из зубов бритву, встал и продолжил поиски.

С жуткой опасной бритвой и совершенно голый, если не считать жилетки и одного носка, я, вероятно, смахивал той ночью на обезумевшего маньяка. Не иначе, свихнувшийся Крузо. Или Суини Тодд, потерпевший кораблекрушение.

Но, как бы там ни было, я продолжал прочесывать поле брани.

Топор и веревка бесследно исчезли. Наши самодельные копья и томагавки тоже не удалось

обнаружить.

Складной армейский нож как в воду канул. Нож я искал с особой тщательностью: не только обошел взад-вперед весь участок, разбив его на мелкие секторы, но и облазил на четвереньках место, где я последний раз держал его, и все вокруг.

Ножа там не оказалось. Создавалось впечатление, что кроме жилетки и повязки ничего не оставили. Видимо, кто-то унес все остальное (в том числе и женщин?).

Но и крови на земле я не нашел. Что укрепило мою веру в лучшее. Ведь примени Уэзли свои мачете, кровопролитие было бы неизбежно. Даже по прошествии нескольких дней и несмотря на темноту, его следы просто нельзя было бы не заметить.

А может быть, кто-то позаботился о генеральной уборке?

И я представил себе Тельму на коленях, с ведром и тряпкой. Смешно.

В других обстоятельствах кровавые улики можно было бы присыпать листьями или землей.

Но только не здесь. Не на голых скалах, преобладавших в этой местности.

Если бы была пролита кровь, хоть что-то я должен был обнаружить.

А это означало, что на этом поле битвы никого не порубили, не изрезали и не закололи до смерти.

Перед уходом я подполз к краю пропасти и заглянул вниз.

Кроме Мата, на дне никого не было.

И он, кажется, лежал на спине в той позе, в которой я его оставил.

Лежал и глядел на меня.

Нет, смотреть на меня он не мог: у него не осталось глаз. Еще там, внизу, уже когда он был перевернут, я взглянул на его лицо. Крошево: сплюснутый нос, раздробленные скулы и челюсти. А вместо глаз—жуткие небольшие кратеры.

Но возникло ощущение, что он пристально смотрит на меня. Даже мурашки поползли по коже.

А что если он сейчас встанет и начнет карабкаться вверх.

Идиотская мысль, но она пришла мне в голову.

И внутри у меня все похолодело.

Едва удостоверившись, что в пропасть не было сброшено ничего нового, я начал отползать от ее края.

Бросив прощальный взгляд на наш "последний рубеж", я заторопился прочь.

Какое-то время мысли о Мате не выходили у меня из головы. Там внизу мы почти побрались с ним, пока я лежал верхом на нем. Но теперь мне почему-то показалось, что он ненавидит меня. Может, из-за того, что я сбежал и бросил его на произвол судьбы?

И я мысленно представил себе, как его изуверенный гниющий труп карабкается по стене расщелины, чтобы свести со мной счеты.

Глупо. Но сами знаете, как это бывает. Засядет в башке какая-нибудь жуткая херовина, и попробуй от нее избавиться.

В спешке я вновь сбился с пути и какое-то время ходил кругами. Мне уже стало казаться, что за следующим поворотом я наткнулся на Ма-

та. Но этого не произошло, и я наконец вышел к ручью.

К тому времени я был убежден, что стряхнул его с хвоста. (Знаю, что это чушь. Наваянная страхом. Ну что ж, можете меня осуждать.)

Во всяком случае, по мере того как я спускался вниз по ручью к лагуне, самочувствие мое улучшалось. Необъяснимое облегчение от того, что Мат остался позади. Однако дело было не только в этом: во мне росло радостное чувство, связанное с моими женщинами.

Несомненно, они вполне могли быть мертвы.

Но я в этом сомневался.

На месте схватки не осталось ни тел, ни следов крови.

И теперь мне казалось более вероятным, что их увели живыми.

А если берут людей живыми, то, вероятнее всего, хотят сохранить их в таком состоянии. Иначе почему тогда не убить их сразу же? К чему утруждаться: связывать их, куда-то вести. Они еще, чего доброго, взбунтуются или сбегут.

Добравшись до вершины водопада, я уже был

убежден, что смогу найти своих женщин и спасти их.

Я был на седьмом небе.

От радости чуть было не сиганул с водопада—хотя прекрасно знал, что глубина там только до пояса.

Но всевозможные падения уже достаточно потрепали меня, так что я преодолел соблазн и спустился к лагуне обычным способом. Остановившись на плоской глыбе сбоку от водопада, я проверил, на месте ли бритва. Затем снял жилетку Конни и скатал ее.

Зайдя в воду, я поднял жилетку над головой и переплыл на другую сторону лагуны, так и не замочив ее. Там, не выходя из воды, бросил ее на тот же камень, где лежали мои шорты и другие вещи.

Следующие пятнадцать минут были очень приятными: я лежал на спине, немного плавал, просто расслабляясь в гладкой теплой воде, наслаждаясь тем, как скользила она по моему телу, все время помня о том, что она подобна магической жидкости, делающей невидимым—стоило

мне захотеть, как исчезла бы любая моя часть, а то и весь я.

Какое-то время мне казалось, что я обрел себе новый дом.

Я решил оставить наш береговой лагерь и перебраться жить к лагуне.

Там, у северного берега, я заметил наискось погруженную в воду каменную плиту размером с обеденный стол. Вероятно, она и раньше попадалась мне на глаза, но не задержала моего внимания. Но на сей раз меня что-то привлекло в ней. В то время как остальная часть береговой линии была либо темной, либо испещрена пятнами лунного света, эта необычная плита была ярко освещена. Она, видимо, находилась на одной линии с луной и просветом в кронах деревьев. Бледная и ровная, она походила на снежную шапку.

И мне захотелось на нее взобраться.

Захотелось развалиться на этой светящейся белой плите и искупаться в лунном свете.

Большую часть пути к ней я преодолел вплавь. Затем какое-то время шел по дну.

Когда мои ноги коснулись дна, вода дости-

гала мне до плеч. С каждым шагом ее уровень понемногу опускался. Когда воды было уже по пояс, я наступил на что-то мягкое и студенистое, что зацепилось мне за ногу. Я споткнулся и плюхнулся по ходу движения в воду, высвободив при этом ногу.

Что бы там ни схватило меня за ногу, это не было чем-то таким, на что я когда-либо наступал.

”Что за чертовщина”, – подумал я в полном недоумении.

Поднявшись на ноги, я обернулся. Ничего, кроме черной воды и нескольких блестящих блестяшек лунного света, мерцающих на поверхности.

Кое-какие мыслишки у меня уже появились. Но надо было их проверить.

Глубоко вздохнув, я нагнулся в воду и протянул ко дну обе руки. Сначала ничего. Я медленно пошел, водя под водой руками.

Но не с их помощью я нашел то, что искал, – наткнулся правой ногой. Но равновесия на этот раз не потерял и не упал. Тогда я вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, и снова погрузился. Нагнув-

шись и присев на корточки, я ощупал свою находку.

Ею оказалась обнаженная женщина.

Брюшная полость от грудины до паха была вспорота.

Вместо внутренностей в нее была навалена куча камней.

Когда все это дошло до меня, я то ли вскрикнул, то ли еще что. Не берусь утверждать, что это было, но что я глотнул воды, так это факт. Выдернув голову из воды, я закашлялся. И, если бы не эти проблемы с дыханием, то наверняка завизжал бы так, что полопались бы барабанные перепонки. Но я лишь кашлял и судорожно хватал ртом воздух. И снова откашливался.

Когда дыхание восстановилось, меня так трясло, что я не мог сдвинуться с места.

Мне хотелось бы оказаться за много миль отсюда.

Но как я мог уйти, так и не дознавшись, кем она была.

На основании своего последнего контакта с ней я мог сказать лишь то, что это была женщи-

на, что она была выпотрошена и нафарширована камнями—вероятно для того, чтобы не могла всплыть. Однако для опознания этого было недостаточно.

И я вновь нырнул, причем быстро, чтобы не успеть передумать.

Первым под руку попало плечо. Держась за него одной рукой, другой я начал ощупывать тело.

Начал с лица. Пробежал по нему кончиками пальцев, стараясь не попасть в глаза. Мне не хотелось притрагиваться к ним—они могли быть открытыми или вовсе отсутствовать.

Рот у нее был открыт. Ощупав пальцами ее губы и прикоснувшись к кончикам зубов, я попытался представить, каким могло быть ее лицо. У кого из моих женщин такие красивые ровные зубы. Насколько помнилось, у всех. Тогда я пощупал волосы. Они были мягкими, скользкими и очень короткими. У Кимберли намного длиннее, так что ее я сразу исключил (ну разве что кто-то их подстриг). Короткие волосы были у Тельмы, Конни и Билли.

Мне очень хотелось надеяться, что это Тельма, хотя это было маловероятно, поскольку она была союзницей Уэзли.

Всплыв на поверхность за воздухом, я вновь оку ну лея в воду.

Хотя мысль потрогать груди убитой не казалась мне особо привлекательной, я все же решил, что их размер мог бы о многом мне сказать. И я положил на них руки. (Впервые мои руки наяву опускались на обнаженные женские груди, и надо ж было, чтобы это произошло именно так.) Для Кимберли или Конни они были великоваты. Но, хотя и были довольно пышными, мне не показалось, что они столь огромны, как груди Тельмы. По размерам они скорее подходили к Билли. Билли.

Господи! Как мне не хотелось, чтобы это была она. Но получалось, что Билли. Потому что по размеру бюста никто больше не подходил.

В безумном отчаянии я накинулся на тело обеими руками: нащупал широкие плечи, спустился по бокам к талии и ниже, на бедра. Они были твердыми и упругими.

На ощупь это была Билли с головы до пят.
Нет!

В состоянии легкого умопомрачения я оседлал ее и, погрузив руки в распоротый живот, начал выгребать оттуда камни, которые кто-то туда напихал, чтобы она не всплыла.

Кто-то?

Уэзли!

Уэзли Дункан Бивертон, трижды гребаный.

Как он мог сделать с нею такое?! Как он посмел убить мою Билли? Как мог так ее обезобразить?

Неожиданно у меня в голове мелькнула мысль: если Билли в таком виде, где гарантия, что другие в лучшем?

Кимберли и Конни? Может, и они тоже валяются на дне лагуны, выпотрошенные и нафаршированные камнями.

И я продолжал выгребать камни из лежавшей подо мной женщины.

Когда у меня закончился воздух, я высунул голову из воды и закричал что было мочи: "Уэзли! Ты, гребаный членосос! Я убью тебя, кусок

вонючего дерьма! Я буду резать тебя на кусочки и заставлю тебя их жрать! Твою мать, засранец!”

Я кричал и одновременно плакал.

Все кричал и кричал.

Выкрикивал многое такое, повторить которое просто язык не поворачивается.

Кричал и плакал, пока не выбился из сил. И, наконец, перестал. Затем я просто стоял по пояс в воде и тяжело дышал.

Понадобилось немало времени, пока я успокоился настолько, что смог задержать дыхание и вновь погрузиться под воду.

Балласта в животе убитой было еще предостаточно.

Вместо того чтобы выгружать и дальше горстями, я присел рядом с ней, схватил за ближайшую ко мне руку и бедро и приподнял.

Приподнял и перевернул.

Выгрузил ее, как каноэ.

И тут же она начала всплывать. Придерживая ее за руку, я встал. На поверхность она поднялась с тихим плеском. Ее неясные бледные очертания были едва-едва видны. В некоторых местах на

спине и ягодицах луна сделала белые отметины. Когда я начал буксировать ее к берегу, лунные зайчики побежали вниз по телу.

Добравшись до берега, я влез на наклонную плиту.

Присев у самого ее края, я потащил труп за руки. Затем, пошатываясь, начал пятиться назад, вытягивая его вверх. Послышались хлюпающие звуки, словно кто-то выбирался из ванны.

Руки ее я отпустил, но остался стоять на коленях над ее головой.

Лунный свет высвечивал нас словно прожектором. Белым рассеянным светом, затуманенным из-за пасмурной погоды.

Но все же достаточно ярким, чтобы я кое-что мог разглядеть.

Женщина была избита. Спина и ягодицы были буквально испещрены серыми пятнами, которые при ближайшем рассмотрении оказались синяками. Кроме того, они были крест-накрест исполосованы, словно ее били кнутом.

Кроме того, на спине у нее было множество колотых ран, каждая из которых представляла

собой узкую щель, чуть более дюйма длиной с припухшими края ми. (Вероятно, сделаны они были лезвием, ширина которого примерно соответствовала ширине ножей, которые я видел на поясе Уззли, когда он перелетал через расщелину.) Я с большим трудом отыскал все раны—некоторые были спрятаны среди рубцов, оставленных плетью. Так что мне пришлось ползать вдоль тела, пока я рассмотрел и пересчитал их.

На спине у несчастной я обнаружил восемнадцать колотых ран.

Еще девять на ягодицах.

Но там меня ожидало удивительное открытие—то, что я мог бы заметить с самого начала, если бы мое внимание не было полностью поглощено ее ранами.

Не считая синяков и следов от плети, ее ягодицы были того же самого бледно-серого оттенка, как поясница и бедра.

А где же линия загара?

У Билли, насколько я знал, была четкая граница между загоревшей кожей и местами, покрытыми бикини. Там, где она не была смуглой,

она была белой, как сметана.

Без своих черных плавок она наверняка выглядела так, как если бы переоделась в новую, белую пару.

Она не могла быть вся одного цвета, как эта женщина.

Несколько мгновений я был уверен, что это не Билли. Затем в душу начали закрадываться сомнения.

С того момента, когда я видел ее в последний раз, еще не прошло достаточно времени для того, чтобы загар полностью сошел. Но несколько дней все же миновало. И, если она провела их голой на солнце, ее белые ягодички вполне могли потемнеть настолько, чтобы исчезла разница.

А это пребывание на дне лагуны? За определенное время вода могла как-то повлиять на цвет ее кожи.

Но она лежит в воде еще не так долго.

Совсем недолго.

С самого начала я как-то смутно чувствовал, что она слишком хорошо выглядит для утопленницы. Но тогда я особо не задумывался над этим,

разве что мысленно благодарил судьбу за то, что покойница не столь отвратительна, как могла бы быть. То есть не склизкая или разлагающаяся.

(По сравнению с Матом она была настоящей Спящей Красавицей.)

Неожиданно меня осенило: ба! Да она же еще совсем свежая.

Подняв руку убитой, я поднес ее к своему лицу и посмотрел на кончики пальцев. Кожа на них стянулась. Но не сильно.

И я сравнил их со своими сморщенными пальцами.

Конечно, я не патологоанатом, но даже мне вдруг стало совершенно очевидно, что в воде она едва ли находилась более часа.

Вероятно, когда я бродил над водопадом в поисках нашего поля битвы, она была еще жива.

Если бы я не заблудился там (дважды)...

Если бы я не потратил столько времени на осмотр места...

Возможно, тогда бы я вышел к лагуне как раз к тому мгновению, когда ее убивали, потрошили, набивали камнями и топили.

Может быть, мне удалось бы ее спасти.

Или меня самого убили бы и выпотрошили...

Жизнь и смерть. Как много здесь решает судьба: куда спешить и где задерживаться.

Только никто не говорит, где надо находиться, а где не надо, и в какое именно время.

Мысль о том, что я, будучи так близко, мог упустить шанс спасти Билли, стала невыносимой.

И я перевернул женщину.

В глаза сразу же бросился ужасный провал посредине ее туловища. Затем взгляд скользнул по ее грудям: синяки, рубцы, царапины, но колотых ран не было. Затем я заставил себя взглянуть ей в лицо.

В лунном свете оно было серым, с черными, словно вытравленными тенями.

Впрочем, было достаточно видно.

Это была не Билли.

Это было лицо женщины, которую я никогда раньше не видел. Даже в своих снах.

* * *

Я сплавал к тому месту, где лежали мои вещи, отыскал зажигалку Эндрю и вернулся к телу. Опустившись сбоку от нее на колени, я принялся изучать ее в свете крохотного дрожащего огонька.

Это определенно была незнакомка.

Физически у нее было много схожего с Билли. Они были примерно того же возраста, роста, конституции, имели волосы одинакового цвета. Даже в чертах лица было много общего. Я видел, что это была не Билли, но описать разницу было бы чрезвычайно сложно. Перед смертью лицо этой женщины наверняка было привлекательным и даже красивым.

Между прочим, на ее лице не видно было ни следа повреждений.

(Скорее всего Уэзли не хотел портить ее внешность—просто замучил ее до смерти.)

Перед уходом я оттащил ее немного в сторону от лагуны и спрятал в камнях—может быть, я сделал это для того, чтобы она не попалась мне на глаза, если мне доведется вернуться к лагуне

в ближайшем будущем.

Размышления

Сейчас я почти вышел в своих записях на настоящий момент. И это хорошо, потому что в моей тетради осталось всего несколько страниц.

У меня было много времени, чтобы поразмыслить над некоторыми вещами.

Мне кажется, мертвая женщина каким-то образом связана с Матом. Думаю, они жили вместе здесь на острове до нашего прибытия. Вероятно, были мужем и женой.

Сначала Уэзли убил Мата—скорее всего как раз перед тем, как Тельма явилась к нам в лагерь и сообщила о том, что вышибла Уэзли мозги. Наверное, он рассчитывал на то, что мы сразу кинемся на поиски его тела, как только услышим эту новость, так что Мат должен был уже лежать на своем месте на дне пропасти и дожидаться нас еще на шестой день. Это было за два дня до того, как я был сброшен на его бранные останки.

Женщину Уэзли держал в плену и издевался над ней. Убить ее он решился незадолго перед тем, как я нашел ее тело в лагуне две ночи назад.

Очевидно, участие в этом принимала и Тельма. Они заодно. Партнеры, союзники, сообщники.

ки.

Кое-что из этого, разумеется, всего лишь предположения.

Но они кажутся мне вполне разумными.

Но многое мне еще непонятно.

Если я прав насчет того, что Мат и эта женщина обитатели этого острова, то жили ли они в доме? И является ли их дом тем местом, где Уэзли раздобыл такие предметы, как топор и веревка?

И где находится их дом?

И, если я найду его, обнаружатся ли там Кимберли, Билли и Конни?

Думаю, что да.

Надо полагать, что да. Если они все еще живы, вероятнее всего, я найду их в том доме.

Последние слова

Ладно. Теперь дневник заполнен до самого последнего события. Фактически я уже закончил его, и больше нет причин затягивать время. Я не могу строить свой Винчестерский замок из слов—для слов не осталось места, — да и особого смысла в них я больше не вижу.

Завтра отправляюсь на поиски своих женщин. Возвращение на этот пляж не планируется. Идти собираюсь налегке: в жилетке Конни, шортах Эндрю и своих собственных носках и кроссовках. Разумеется, в карман положу зажигалку. Еще прихвачу лосьон от загара Билли, главным образом потому, что он напоминает мне о ней и приятно пахнет. Единственным моим оружием будет опасная бритва Тельмы.

С собой возьму свой дневник, пару шариковых авторучек, в которых еще не закончилась паста (на случай, если мне попадется только бумага, без других письменных принадлежностей), плавки (хотя я не надевал их с того времени, как мне достались шорты Эндрю), розовую блузку, которой надела меня Билли (хотя сейчас я отдаю предпочтение жилетке Конни) и остатки на-

ших съестных запасов.

Все остальное бросаю здесь. Включая фотоаппарат Эндрю. До сих пор я так и не воспользовался им, так что не вижу особых причин таскать его с собой.

Чем меньше придется нести, тем лучше.

Но как бы мне хотелось иметь и что-нибудь из личных вещей Кимберли. Ее складной нож (принадлежавший до этого Эндрю) был бы для меня бесценным сокровищем. Но мне не удалось его отыскать.

Так что мне нечего взять с собой из вещей Кимберли.

Только воспоминания о ней.

Но, если повезет, я очень скоро окажусь рядом со своими женщинами.

Если я найду этот таинственный дом, они тоже отыщутся. Готов поручиться.

Но независимо от того, найду ли я их живыми или нет, я поквитаюсь с Уэзли и Тельмой.

И смерть их будет тяжелой.

Очень тяжелой.

Не сойти мне с этого места.

Я заставлю их заплатить за все то зло, что они причинили моим женщинам.

Не хотелось бы заканчивать свой дневник на такой зловещей и грубой ноте. Но что поделаешь.

* * *

Очевидно, я расскажу продолжение своей истории, если смогу. Чтобы осуществить это, мне, однако, потребуется новый источник бумаги. И еще надо будет остаться в живых.

И то и другое потребует много везения.

Пока.

Продолжение рассказа

Мои поиски таинственного дома

Я раздобыл новую тетрадь.

И с момента моей последней записи многое произошло.

Но не буду торопиться и расскажу все по порядку—начиная с того утра, когда я отправился на поиски дома.

* * *

Недостатка в свободных прибрежных земельных участках на острове явно не испытывалось, так что вряд ли человек здравомыслящий стал бы строить дом глубоко в джунглях. Во-первых, вид на море. А во-вторых, прямой доступ к воде.

Значит, надо было просто шагать по берегу, и дом Мата и мертвой женщины наверняка нашелся бы.

В дорогу я вышел рано утром. После легкого завтрака, состоявшего из копченой рыбы, я набрал в пустую бутылку от вина воды из ручья (на всякий случай), положил ее в ранец, перекинул его через плечо и тронулся в путь, взяв курс на север.

Таким же был наш маршрут тем утром, когда от нас сбежала Кимберли и когда произошла наша последняя битва.

Теперь по берегу я шагал один.

Хотя путешествие свое я начинал решительно и с полной уверенностью в успехе, мой оптимизм мало-помалу стал убывать. Дома вовсе могло и не быть, а его существование—всего лишь мое предположение.

По сведениям, которыми я располагал на то время (это потом я узнал много нового), невозможно было определенно ответить на вопрос, являются Мат и женщина обитателями этого острова или нет. Как знать, быть может, они здесь проездом—бросили якорь и сошли на берег прогуляться или перекусить на природе? Возможно, они уцелевшие жертвы кораблекрушения или аварии воздушного лайнера, выброшенные на этот остров. В таком случае я разыскивал несуществующий дом.

Нет, и еще раз нет, убеждал я себя. Дом должен быть. В противном случае, где бы Уззли раздобыл топор, веревку, мачете, охотничьи ножи,

болтавшиеся у него на поясе, да и сам пояс?..

Этот аргумент успокоил меня на какое-то время. Но затем я вспомнил о том, как уже через день или два после того, как мы оказались здесь в качестве жертв кораблекрушения, мы с Билли разработали теорию. Согласно которой Уэзли посетил остров до того, как на нем очутились мы.

Негодяй наверняка заранее побывал в этом регионе, чтобы подыскать наиболее подходящий для осуществления его планов остров. И столь же очевидно, что он предпринял определенные меры, чтобы не стать жертвой собственного заговора. А именно, планируя высадить всех нас на необитаемом острове и отрезать от внешнего мира, вряд ли он хотел бы сам оказаться в подобной западне без средств, обеспечивающих его собственное выживание.

Так что еще в самом начале всей этой истории мы пришли к выводу, что Уэзли непременно уже посетил этот остров и соорудил здесь тайный склад.

Среди этих запасов вполне могли оказаться топор, веревка и все остальное.

Так вот за несколько часов ходьбы по берегу я почти полностью убедил себя в том, что никакого дома не найду и что дом этот призрак, плод логической ошибки и стремления выдать желаемое за действительное.

Слишком удобно и просто.

Нахожу их всех в каком-то сарае на берегу, пробираюсь к ним глубокой ночью в стиле "коммандос"...

Нет, так просто не получится.

Вероятно, придется охотиться за ними в джунглях. Где-нибудь там, над лагуной, или еще дальше, где я никогда не бывал. Кто знает? Может быть, у них есть пещера.

Вся беда в том, что мне очень не хотелось искать их в джунглях.

Не хотелось удаляться от побережья, где светило солнце и веял освежающий ветерок, где все вокруг прекрасно просматривалось и никому не удалось бы подкрасться сзади.

Кроме того, дом вполне мог существовать в действительности.

А если и не существовал, причин на то, чтобы

продолжать двигаться по берегу, было предостаточно. Мало ли что тут можно обнаружить. Мы давно намеревались исследовать наш остров, но так и не выбрали время. Потому что, по милости Уэзли, у нас никогда не было недостатка в более серьезных проблемах, требующих незамедлительного решения.

И наконец-то у меня дошли до этого руки.

И я решил довести это дело до конца. Так что джунглям придется подождать пару деньков, или сколько там понадобится, чтобы обойти вокруг острова.

Я обрадовался, словно получил отсрочку в исполнении смертного приговора.

Затем я нашел дом.

* * *

Но это было потом, а сначала я обогнул северную оконечность острова и пошел назад вдоль восточного побережья на юг, причем шел довольно долго, прежде чем на моем пути встретилась небольшая бухта.

Издали ее совершенно не было видно: все тот же береговой пейзаж—с одной стороны океан, с другой—джунгли. И хотя иногда видимость нарушали отдельные группы скал, береговая линия мне казалась непрерывной.

Впервые я заметил разрыв в ней, когда перебирался через невысокую каменную насыпь.

Видя возникшую на пути водную преграду, я почувствовал досаду и раздражение—моя прогулка существенно удлинялась. Но уже через несколько секунд верх взяло любопытство.

С насыпи было видно продолжение побережья, но почти ничего из того, что находилось справа—вид заслоняли деревья спускавшихся к воде джунглей. Однако и этого было достаточно, чтобы определить: впереди небольшой залив или бухта, раз в пять крупнее нашей бухточки на другой стороне острова.

Быстро спустившись с каменной россыпи, я побежал по песку. С каждым шагом обзор противоположного берега бухты увеличивался. Берег все глубже и глубже врезался в остров.

Он был так же пустынен: песок и скалы, за

ними джунгли.

Когда перед глазами внезапно появилась яхта, я чуть не обмер со страху. И упал ничком на песок.

Приподняв голову, я как замороженный паялся на судно.

Но паниковать не было причин—оно не плыло, как вначале подумал я.

В воду опускались якорные цепи, палуба безлюдна.

Это была большая белая прогулочная яхта—сорокафутовик.

Корабль Мата, надо полагать.

И наша надежда на побег отсюда.

Теперь остается лишь найти женщин.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове всего за несколько секунд. Я был вне себя от радости. Когда же до меня дошло, что меня могли увидеть, я испугался. Ведь то, что яхта выглядела пустой, еще...

Я присмотрелся повнимательнее. А что, если Уэзли или Тельма глазели на меня сейчас в окно или иллюминатор?

Но ничего подозрительного я не заметил.

Тогда я отполз по-пластунски к джунглям и юркнул в кусты. Встав на ноги, я прокрался через густые заросли к самому краю.

С новой позиции мне открывался полный и самый широкий обзор.

Справа, примерно в сотне ярдов от стоявшей на якорь яхты, от берега выступал причал. У его конца покачивались две моторки. Одну из них, вероятно, использовали для перевозки людей (Мат и женщина?) с поставленной на якорь яхты на берег. Другая уж очень напоминала нашу.

В последний раз она держала курс на север с Уэзли на борту—тот удирал после того, как раскроил череп Эндрю.

По-видимому, он пригнал нашу моторку сюда и по ставил здесь на прикол.

Но мое внимание внезапно привлек дом, и я вмиг позабыл о лодках.

* * *

В качестве подарка по случаю окончания школы—это было как раз тем летом—родители устроили мне специальное путешествие.

Оно началось с недели в Мемфисе, штат Теннесси.

Там, в вестибюле отеля "Пибоди", меня чуть не затоптала насмерть толпа ротозеев, когда я попытался взглянуть на тех чертовых уток, которые проходят через него дважды в день. И я чуть не до смерти перепугался, когда мы посещали музей Гражданских прав в старом мотеле "Лоррэн", где застрелили Мартина Лютера Кинга. Мои родители и я были едва ли не единственными людьми этого оттенка кожи, бродящими по музею, который, казалось, был памятником порокам Белого Человека.

Впрочем, не весь Мемфис был так плох. В нем были еще и восхитительные барбекю и сказочная музыка. Каждый вечер мы прогуливались от нашего отеля к Биэйл-стрит—родине блюзов. Биэйл-стрит была бесподобна.

Во время нашего пребывания в Мемфисе мы

посетили также дом Элвиса, Грейслэнд.

Дом в бухте не напомнил мне Грейслэнд.

Нет, этот дом был таким, каким я себе представлял Грейслэнд: огромным особняком в плантаторском стиле.

Грейслэнд же, напротив, оказался меньше по размерам и более современным, чем я ожидал. Но после отъезда из Мемфиса мне довелось повидать великое множество настоящих плантаторских домов.

Если быть более точным, выпускным подарком мне была вовсе не поездка в Мемфис, а плавание вниз по Великой Американской Реке на подлинном колесном пароходе "Королева Миссисипи". (К слову, я большой поклонник Марка Твена.) Шесть суток мы провели на воде и в конце концов оказались в Нью-Орлеане.

По пути мы останавливались в таких местах, как Висксберг и Натчез. А сколько довоенных поместий посетили—одному Богу известно. Это были плантаторские дома, построенные до начала Гражданской войны. Большие, старые и горбатые, как правило трехэтажные, с бесчисленными

узкими лестницами и крохотными комнатухами, но с помпезными фасадами, перегруженными колоннами, балконами и террасами.

Весьма любопытное зрелище, но лишь до тех пор, пока не посетишь парочку подобных домов. После этого они становятся всем на одно лицо. (Мама без ума от старины, а папа просто тащится от всего, что связано с Гражданской войной, так что они балдели от счастья. Мое же пристрастие к Марку Твену не было настолько сильным, чтобы меня радовали бесконечные невыносимо скучные экскурсии по этим особнякам.)

Так вот, белый особняк на берегу бухты выглядел так, словно его сняли со старой хлопковой или табачной плантации на Миссисипи и перенесли сюда.

Ошеломленный, я смотрел на него, разинув рот.

Как, черт побери, оказался особняк в плантаторском стиле на забытом Богом островке?

”Давным-давно здесь обосновался джентльмен-южанин, — подсказывало мне воображение. — Возможно, потерял свой дом во

время Гражданской войны (большинство из них превратилось в дым, хотя в это трудно поверить, после того как тебя однажды силком затянули на экскурсию по историческим местам), и приплыл на этот остров, чтобы начать все сначала—подальше от янки, — и построил этот дом по образу и подобию потерянного...”

Пожалуй, чересчур романтическая версия и, вероятно, ложная.

А может быть, особняк был возведен в восьмидесятых каким-нибудь чудаковатым толстосумом, почитателем Скарлетт О'Хары (или Ретта).

Я глядел на него, притаившись на опушке джунглей, и не мог оторваться.

Конечно, найти любой дом было бы для меня крайне волнующим событием.

Но такой!

Возникло ощущение, что я сделал небольшой шагок в "Зону сумерек". Не хватало только Конни с ее музыкальной темой "дуу-ди-ду-ду" и вступлением в подражание Серлингу: "Некий Руперт Конуэй, восемнадцати лет, решил однажды пройтись по бережку и поискать пропавших дам.

Но вместо этих дам он нашел удивительную страну, где все превосходило его воображение. . . ”

Так я глазел на этот особняк уже не помню сколько времени.

Вероятно, это был дом Мата и той женщины, которую я обнаружил в лагуне. Точно так же прогулочная яхта и одна из моторок наверняка принадлежали им.

Пока не появился Уэзли.

Он отнял у них все: дом, яхту, жизни.

И занял их место.

Теперь все это принадлежит ему.

Может, и привел он нас на этот остров—убил наших мужчин и пленил наших женщин—потому, что ему не хватало партнерш для кадрили.

Или домашней прислуги.

Или рабов.

Рекогносцировка

Сколько я ни всматривался, никого заметить не удалось, и я решил, пробираясь джунглями, подойти поближе. Двигался я осторожно, часто останавливался, настороженно оглядываясь и прислушиваясь. Держаться старался подальше от бухты, но время от времени подкрадывался к опушке, чтобы еще раз взглянуть на дом.

Но так никого и не увидел: ни на яхте, ни на моторках или пристани, ни в воде или на берегу, ни в особняке или возле него. Одним словом, нигде.

Не слышал я и голосов или других звуков, таких, как топот ног, выдающих близкое присутствие человека. Конечно, только очень громкий шум мог бы долететь до моего уха сквозь весь этот щебет, писк и пронзительные крики птиц и других животных. (Некоторые из криков звучали почти по-человечьи, но я решил, что они все же были птичьими.)

В очередной раз свернув влево и подкравшись к бухте, я наконец увидел перед собой вместо берега лужайку—широкое поле травы, которое тянулось к тыльной стороне особняка. Судя по все-

му, за газоном хорошо следили, по меньшей мере, до недавнего времени. Теперь он явно нуждался в подстрижке.

На дальнем конце лужайки стоял красный мотоблок-газонокосилка и вроде как не на своем месте. Возникало впечатление, будто кто-то начал косить траву, но неожиданно был вынужден прерваться, после чего у него не было возможности отогнать мотоблок на стоянку.

Там подальше, за боковой стороной дома, располагалась пара кирпичных хозяйственных построек. Настежь открытые ворота одной из них были достаточно широки, чтобы в них мог въехать этот мотоблок.

Что находилось внутри, я не видел. Просматривалось лишь небольшое пустое пространство сразу у входа—вероятно, место его стоянки.

В тех местах, где ставят газонокосилки, обычно хранят и другое оборудование и инструмент. Такие вещи, как лопаты, кирки, садовые ножницы, топоры, пилы. . .

Топоры.

Сердце у меня застучало быстрее.

Именно здесь Уэзли и раздобыл топор.

Может, и веревку тоже. Ту самую, на которой повесил Кита.

Его он вздернул в первую же ночь нашего пребывания на острове, стало быть, должен был прийти сюда немедленно после взрыва яхты. Тогда и убил Мата и ту женщину.

Нет. Это невозможно. Их трупы были более свежими. По-видимому, Мат был жив большую часть нашей первой недели на острове, и убили его, когда понадобилось тело, которое можно было бы выдать за труп Уэзли. А женщину убили в ту же самую ночь, когда я нашел ее тело в лагуне.

Вероятно, Уэзли держал их в плену с первого дня и до момента гибели.

Интересно, где он их держал?

В одном из сараев?

На борту яхты?

В самом особняке? Может, в какой-нибудь спальне, или на чердаке, или в подвале?

Где-нибудь еще?

Место, где держали Мата и женщину, почти

наверняка стало и темницей, в которую Уэзли заточил теперь Кимберли, Билли и Конни.

Если они все еще живы.

Он взял их живыми. В противном случае я нашел бы их тела.

Взял живыми, чтобы они жили.

Мне не оставалось ничего другого, как верить в это.

Я должен был поддерживать в себе это убеждение, несмотря ни на что. Это была моя веревка над пропастью—только не такой мелкой, как та, что за водопадом. А такой глубокой, в которую падать целую милю. И стоит мне потерять опору, как я полечу вниз до самого дна с истошными воплями.

Они живы, твердил я себе. Надо только найти, где их держит Уэзли, освободить их и ликвидировать их мучителей.

И необязательно проделывать это в указанном порядке.

— Но с чего начать? — ломал я голову.

Найти кого-нибудь. Если не своих женщин, то, по крайней мере, Уэзли или Тельму.

– Подымайся и за дело! – приказывал я себе. Но не мог сдвинуться с места.

Просто не мог заставить себя покинуть укрытие.

Потому что Тельма и Уэзли почти наверняка были где-то рядом, и если хоть один заметит, как я подкрадываюсь, я уже не смогу застать их врасплох.

И тогда, видимо, мне придется расстаться с жизнью.

Если это случится, я не просто стану покойником (чего я надеялся избегать как можно дольше), но и, как пить дать, утрачу последний шанс спасти своих женщин. А если уж я не смогу их спасти, тогда кто же?

Скорее всего я их единственная надежда.

Если не произойдет какого-нибудь чуда, которое принесет спасение извне, они останутся в руках Уэзли на многие недели, месяцы... а то и годы.

А может быть, и до конца жизни.

Ради них (а не ради самого себя) мне нужно быть предельно осторожным и не рисковать. Ни

при каких обстоятельствах я не должен попасться в лапы обезумевшей парочки.

– А не смотаться ли к чертовой матери с этого острова за подмогой? – мелькнуло у меня в голове. Это напоминало бы трусливое бегство.

Но, в конечном счете, такой ход представлялся все же наиболее разумным.

Угнать яхту, доплыть на ней до ближайшего обитаемого острова, связаться с властями и вернуться с командой спасателей.

Какое-то время это казалось мне идеальным решением всех проблем.

Можно было дожждаться темноты, затем подплыть к яхте, обрезать якоря, завести мотор...

Только вот чем завести?

Даже если Мат и его жена были настолько доверчивы или глупы, что оставляли ключ в зажигании, от Уэзли такого подарка ждать не приходилось. Он наверняка побывал на яхте. Проверил все от носа до кормы и забрал то, что считал необходимым.

Чтобы он оставил ключ, да это просто невозможно!

Только не такой хитрюга, как Уэзли.

А я совсем не из тех ловкачей, которые с завязанными глазами могут переключить нужные провода и запустить "эвинруд", или "джонсон", или что там еще. Без ключа я ни за что на свете на заведу мотор.

А где найти этот ключ?

Видимо, в кармане у Уэзли.

Превосходно. Если я справлюсь с Уэзли и заберу у него ключ, тогда мне вовсе не понадобится угонять яхту и идти на ней за помощью.

Значит, бегство морем отпадает.

Ну и слава Богу. Путь это и разумное решение, но душа к нему у меня не лежала с самого начала.

Да и сомневаюсь, чтобы я смог пойти на такое—оставить остров, так и не узнав, что же случилось с моими женщинами и живы ли они вообще. И даже если бы я узнал, что они живы, я не смог бы уплыть, не попытавшись их спасти.

Иногда просто нельзя совершать разумные поступки, потому что они разбивают сердце.

Попахивает сентиментальностью, да?

Но так уж случилось, что эти три женщины стали очень много значить для меня. (И совсем не потому, что они меня так сильно возбуждают.) И я не смог бы их бросить, даже если бы это был лучший способ их спасения.

Но заставить их немного подождать—это совсем другое дело.

Их пленили (если это было действительно так) по крайней мере дней пять или шесть назад, а то и раньше, и несколько лишних часов не сыграют для них большой роли. Не то что для меня. Для меня эти часы могли решить многое.

Мне необходимо было дождаться темноты. Темнота прикроет меня, и я смогу перемещаться без особого риска быть замеченным. К тому же мои враги могли зажечь свет.

На свет я возлагал большие надежды—он выдаст их местопребывание.

Свет даже мог помочь мне одолеть Уэзли и Тельму. Однако до ночи еще было очень далеко. И я пополз назад в джунгли. Забравшись в густые заросли, откуда уже не видно было ни лужайки, ни особняка, я прилег отдохнуть, подло-

жив под голову рюкзачок.

Уснуть я и не надеялся—слишком сильным было нервное возбуждение. К тому же на мне не было живого места, и все тело ныло от ран. Я рассчитывал просто отдохнуть и подождать наступления ночи.

Прикрыв глаза, я попробовал спланировать дальнейшие действия. Но вскоре стал грезить о женщинах, а когда очнулся, было уже темно.

Неизвестно было, куда могла привести меня эта ночь, поэтому я решил не расставаться со своим рюкзачком. Терять его определенно не хотелось—ведь там лежал дневник. А единственный способ обеспечить его сохранность, это носить его с собой.

И я вновь подошел к лужайке. Окна особняка—те, что на виду, — были темны. Нигде никакого света, если не считать сияния луны и звезд.

Не покидая укрытия, я долго выжидал. Никто так и не появился. И свет не зажигали.

Может, я вышел не к тому дому?

Что, если этот дом не имеет никакого отно-

шения к Уэзли и просто покинут обитателями.

Нет, нет, нет! У причала наша моторка.

Это именно тот дом!

Но, возможно, Уэзли его не использует. Он мог просто совершить налет на этот особняк, взять то, что ему было нужно (включая мужчину и женщину, живших здесь), и вернуться на свою тайную лесную базу.

Если его здесь нет, то я напрасно потерял столько драгоценных часов.

И я вдруг почувствовал, что не могу больше ждать. Я вскочил и побежал через лужайку. Никто не закричал, никто не стал в меня стрелять. Вообще ничего не произошло. Остановился я у боковой стороны дома, рядом с задним углом. Прислонившись к стенке, я попытался отдышаться и успокоиться.

Пока все шло нормально.

Просто обойду вокруг здания, решил я. Проверю, не горит ли где свет.

Если везде темно, попробую забраться внутрь.

Игра

Только я собрался отвалиться от стены, как из окна слева выплыл дрожащий тусклый огонек и повис в темноте. Призрачный и такой слабый, что я принял его поначалу за игру лунного света—или своего воображения.

Но он становился все ярче.

Я глазел на него в изумлении, какое-то время не в силах шелохнуться. Затем заставил себя подкрасться к окну.

Страшно было даже подумать, что там могло оказаться, но я должен был посмотреть. Выпрыгивало сердце, внутри все дрожало, а ноги стали как ватные и подкашивались.

Чего греха таить, когда я придвинулся к окну и заглянул в него, меня всего колотило.

Комната за окном была освещена свечами и керосиновыми лампами. На моих глазах Тельма ходила по комнате и зажигала все новые свечи.

На ней был блестящий ярко-синий атласный халат, который ей был слишком короток. Время от времени, для того чтобы зажечь свечи в настенных канделябрах, ей приходилось становиться на цыпочки. И всякий раз при этом заголя-

лась нижняя часть ее задницы. Зрелище было не из лучших. Крупные ягодицы, обгоревшие на солнце до кирпичного цвета, все в буграх и ямках, выглядели какими-то узловатыми. Вдобавок еще синяки и красноватые полосы, оставленные плетью.

Ноги тоже были покрыты следами побоев—причем их было гораздо больше, чем в последний раз, когда я ее видел.

Когда она повернулась в мою сторону, я увидел, что полы халата не совсем сходились. Она была по пояс голой. Впрочем, прореха была слишком узкой и не позволяла видеть большего. Разве только то, что она вся обгорела на солнце.

Я понял, что Тельма шла прямо на меня, поэтому быстро пригнулся.

Над моей головой негромко затарахтела поднимающаяся вверх рама и послышался тяжелый вздох. А что, если она вздумает выглянуть из окна? Не сможет, успокаивал я себя. Помешает сетка. И все же я испугался, что она меня увидит. Если бы она взглянула вниз, то, возможно, смогла бы увидеть мою макушку даже через сет-

ку. Или услышать стук моего сердца. Но она не подала никаких сигналов тревоги. Только вздохнула еще раз. Через несколько секунд я услышал удаляющийся топот ее босых ног.

Привстав, я вновь прильнул лицом к сетке.

Похоже, Тельма вышла из комнаты, которая теперь была ярко освещена множеством маленьких огоньков. Своей свечой Тельма зажгла их около двух десятков, но они отражались и двоились в зеркале, протянувшемся на всю длину стенки—той, что находилась в глубине комнаты слева, а не той, которая была против окна, так что мое изображение, вероятно, не отражалось в нем.

К зеркальной стенке, примерно на уровне пояса, был прикреплен деревянный брус, похожий на те, которые используются в танцклассах.

Хореографические занятия объяснило бы и длинное, в полный рост, зеркало.

В углу комнаты стоял детский рояль.

Другой угол был занят аудиосистемой. Там, как мне показалось, были проигрыватель, радиоприемник, пара колонок и усилитель.

На потолке я заметил светильники.

И еще лампы со шнурами, извивающимися по полу к стенным розеткам.

Так что дом явно электрифицирован.

Должно быть, где-то есть генератор, который Уэзли и Тельма сломали. Или, может быть, они не умеют им пользоваться.

Хотя возможно, что они добровольно отказались от электричества. Может, боятся, что оно их как-то выдаст. Или просто предпочли свечи.

Большая часть пола была свободна. Полагаю, чтобы танцорам оставалось место для курбетов.

Впрочем, комната была не только танцевальным залом. Видимо, она служила также кабинетом или библиотекой. Здесь стояло несколько маленьких столиков с настольными лампами, а у стены справа—с полдюжины глубоких мягких кресел. Эта стена от пола до потолка была в книжных полках.

Неожиданно мой глаз уловил какое-то движение в зеркале.

В нем отражался дверной проем посередине стены с книгами.

Уэзли я увидел прежде, чем он успел войти.

Если я могу видеть его в зеркале, вероятно, и он может меня видеть.

Я пригнулся и затаился. Сердце безумно заколотилось.

Послышалось несколько тихих звуков: шелест босых ног, скрип половицы, шум передвигаемого кресла, чирканье спички. Затем Уэзли спросил:

– Что бы ты хотела получить, если выиграешь сегодня, дорогая?

– Ничего, – донеслось еле слышно.

– Нет, должны же у тебя быть какие-нибудь желания. – Голос Уэзли был очень веселый. – Так что же?

– Не думаю, что она сможет победить, – проронила Тельма. – Ни малейшего шанса.

– Конечно, у нее есть шанс. Шанс всегда есть.

– Да, как же! фыркнула Тельма. – Есть шанс, что меня поразит молния.

– Назови свой приз, милая.

Я подтянулся повыше, чтобы заглянуть внутрь. Девушка стояла спиной ко мне, лицом к Уэзли. Она была изящной и на несколько дюймов

ниже Тельмы. Ее белокурые волосы были собраны в хвостик. На ней была белая блузка с коротким рукавом, клетчатая юбка-шотландка, основными цветами которой были зеленый и синий, ядовито-зеленые гетры. Обуви на ней не было. В зеркале, расположенном слева от нее, был виден ее профиль.

Прежде я никогда ее не видел.

На вид ей было лет
тринадцать-четырнадцать.

Дочь Мата? Дочь женщины из лагуны с камнями в животе?

Мне хотелось, чтобы это была Кимберли, Билли или Конни. Я шел сюда, чтобы найти их, а не какую-то незнакомку. Где же были мои женщины?

Впрочем, моя миссия не была полным провалом—по крайней мере, я нашел обоих своих врагов.

Тельма стояла справа от девушки лицом к Уэзли.

Последний сидел, развалившись в кресле, и ухмылялся девушке. На груди у него красовалась

квадратная белая повязка. Она прикрывала только одну сторону, тогда как с другой выпячивалась голая сиська, и это напомнило мне повязку на глазу пирата.

Из-за того, что Уэзли сидел глубоко в кресле, закинув ногу на ногу, он выглядел голым. Но я успел разглядеть его в зеркале, когда он только входил в комнату из коридора. На нем был ремень, два зачехленных ножа и какие-то синие шорты типа бикини—трусы или купальные плавки, тут я не был уверен. Но он сидел так, что ничего этого я не видел.

Если бы не повязка, можно было бы принять Уэзли за огромный клочок голой волосатой кожи. (Волосы росли у него даже сверху на плечах.) Кожа была темной от загара.

Кроме раны на груди, других следов повреждений на нем не было. Никто не стегал его плетью, не осыпал оплеухами, не бил кулаками, не пинал ногами, не кусал. (Конечно, я знал, что он сидел на приличной ране. Но видеть ее я не мог.)

Большим и указательным пальцами Уэзли держал длинный серебристый мундштук—но не

тот, который я видел у него на яхте. (Тот был из слоновой кости.) В мундштук была вставлена сигарета. Тонкий и бледный дымок струился перед его лицом.

– Твой приз, Эрин? – вновь спросил он.

Девушка слегка пожала плечами. Через мгновение она пролепетала:

– Неважно.

Похоже, Уэзли изумился.

– Еще как важно! Обязательно! У тебя должен быть стимул. Мы не хотим, чтобы ты сразу же сдалась.

Судя по виду девушки, она уже давно отказалась от победы.

– Чего бы тебе хотелось больше всего в жизни? – спросил Уэзли. – Но только не проси за папу или маму.

Через несколько мгновений Эрин произнесла так тихо, что я едва расслышал:

– Отпустишь нас?

Тельма аж хрюкнула.

– Отпустить кого?

– Мою сестру и меня.

– Не слабо! Но, боюсь, об этом не может быть и речи. Давай что-нибудь пореалистичнее.

– Например?

– Ну как насчет пепси?

Тельма снова хрюкнула.

– Ладно, – согласилась девчонка. – Но и для Алисы тоже.

– Алиса может и сама для себя выиграть.

– Если ей нельзя, тогда и я не хочу.

Уэзли выпустил в нее дым.

– Хозяин—барин. А я стараюсь, приз ей предлагаю. Где твоя благодарность?

Эрин промолчала.

Уэзли затаился, затем кивнул Тельме.

Та подошла к девочке сзади, завела вокруг нее руки и резким движением разорвала ей спереди блузку. Затем содрала ее с плеч и спины Эрин, шагнула в сторону и швырнула на пол.

Девочка стояла обнаженной до пояса. Плечики у нее были узкими и хрупкими, спина—гладкой и загорелой, и выглядела так, словно еще не совсем оправилась после недавней экзекуции. Но, видимо, испытать ей пришлось нема-

ло. Кроме лиловато-синих пятен, на спине желтело несколько старых рассасывающихся синяков, а там, где подсохшие корочки отвалились, многочисленные затвердевшие коричневые струпья, которыми была покрыта крест-накрест спина, дополняли бледно-розовые блестящие рубцы.

Опустив по швам руки, Эрин неподвижно стояла перед Уэзли и даже не пыталась прикрыться.

В зеркале можно было увидеть в профиль ее груди. Почти такие же загорелые, как ее спина, они заострялись и походили на маленькие конусообразные стаканчики для мороженого.

– Очаровательно, – заметил Уэзли. – А ты красotka, Эрин.

Эрин ничего не ответила.

– Когда тебе делают комплимент, ты должна отвечать "спасибо".

– Спасибо, – невнятно пробормотала девочка.

– Я хочу, чтобы сегодня ты показала нам хорошую борьбу, – сказал Уэзли. – А не поддавалась, как в прошлый раз.

Эрин молча стояла. Руки и голова ее безвольно обвисли.

– Ну, девочки, начинаем шоу, – объявил Уэз-ли.

Синий атласный халат Тельмы полетел на пол. То, как она топала негнувшимися ногами, приближаясь к Эрин, выдавало в ней большую любительницу реслинга. Должно быть, Тельма вдоволь насмотрелась подобных поединков по телевизору.

Но сейчас на ринг выходила не "несравненная и неповторимая леди реслинга".

Это был какой-то монстр: вся в боевых шрамах, рычащая, сгорбившаяся, с растопыренными руками и согнутыми, как когти, пальцами. Набросившись на девочку сзади, Тельма обхватила ее за плечи, оторвала от пола, резко повернула в сторону и с силой швырнула.

Бросок был сделан в моем направлении.

Девчонка летела на меня ногами вперед. Под юбкой она была голой.

Уже в воздухе Эрин испуганно вскрикнула, словно внезапно поняла, как далеко ей падать.

Рухнув на жесткий деревянный пол, она с глухим стуком и звонкими шлепками несколько раз

перевернулась. Сквозь стоны и всхлипы донесся скрип скользящей по доскам кожи. Остановившись, девчонка так и осталась лежать на спине, хныча. Юбчонка закатилась на бедра, и вид у нее был просто умопомрачительный. Мне было стыдно смотреть, но я ничего не мог с собой поделать.

Сами понимаете, ведь она лежала, раскинувшись на полу, а ноги ее были всего ярдах в двух от моего окна.

В голове у меня промелькнула мысль, что ей следовало бы помочь.

Но что я мог сделать? Я не гигант какой-нибудь, и у меня не было пистолета. Единственным моим оружием была опасная бритва в кармане шорт. Если бы я ворвался тогда в комнату, разыгрывая из себя Рембо, Тельма стерла бы меня в порошок. Вероятно, ей даже не понадобилась бы помощь Уэзли.

Так что я стоял и смотрел. Смотрел, как неслась ураганом по комнате Тельма, громко шлепая огромными болтающимися грудями. Ее безумный взгляд был устремлен на Эрин.

Которая даже не попыталась подняться.

– Защищайся, маленькая дырка, – с пеной у рта прошипела Тельма. Захватив голову девочки лодыжками, она подпрыгнула. Зажатая голова Эрин оторвалась от пола, затем грохнулась об доски.

После этого Тельма запрыгнула на девочку.

А дальше было еще хуже, но об этой мерзости и писать не хочется.

Мне стыдно перед собой за свое бездействие. Теперь-то, вспоминая это, я понимаю, что должен был сделать все что угодно, лишь бы остановить этих ублюдков. Но зрелище меня захватило. Несмотря на весь ужас и отвращение, я был в каком-то трансе. Ничего подобного я в жизни никогда не видел, и как бы ни жаль мне было Эрин, как бы мне ни хотелось ей помочь, у меня просто не было сил оторваться.

К тому же я, не переставая, твердил себе, что ничем не смог бы ей помочь.

Что было чистойшей воды дерьмо собачье. Остановить это я мог. Как-нибудь.

Просто не хотел, вот и все.

А девчонка так и не оказала никакого сопротивления.

Но остановить Тельму это не могло. Стянув с Эрин гетры, она начала подминать ее под себя и душить. Затем сорвала с нее юбку, целовала, обсасывала, кусала, щипала, выкручивала руки и ноги, хлестала ладонями и совала ей везде пальцы.

Они катались по полу, словно живой извивающийся клубок. Обе тяжело дышали. Обе стонали и визжали. Обе блестели от пота, слюны и Бог знает чего еще.

А я наблюдал в окно.

Уэзли сидел в кресле в дальнем углу комнаты и, подавшись вперед, неотрывно следил за поединком, попыхивая сигаретой. Он постоянно ерзал, время от времени облизывая пересохшие губы.

Изредка я поглядывал и на него, но основное мое внимание было сосредоточено на Тельме и Эрин.

Когда же я заметил, что Уэзли поднялся из кресла, шорт на нем уже не было. Пояс тоже ис-

чез. Кроме повязок, на нем ничего не осталось. Мундштук торчал из зубов вверх, а дым сигареты струился в правый глаз. Вальяжно покачиваясь, он шагал по направлению к женщинам.

Впереди Уэзли нес пенис. Огромный и твердый, он уставился в потолок.

Из правой руки свисал кусок электрического шнура. (Понятия не имею, откуда он взялся—раньше я его не замечал.) Конец шнура волочился по полу сбоку от Уэзли.

Когда Уэзли подошел к тому месту, где Тельма измывалась над девочкой, он пустил в ход шнур. Похоже, его совершенно не заботило, попадал ли он по Тельме или по Эрин. Видимо, он не делал между ними различия.

Начал он с легких, как бы случайных ударов, словно играя с ними. Но мало-помалу довел себя до иступления, превратился в какого-то психа. С безумными глазами, запыхавшись и истекая слюной, он скакал вокруг них, с яростным свистом размахивая шнуром, который с сухим треском ложился на голую кожу борющихся, заставляя их столбенеть от боли. Они корчились и орали,

заливая пол кровью.

За все это время Тельма ни на миг не выпускала Эрин из своих цепких рук. И все старалась подставить тело девочки под хлыст Уэзли, не забывая при этом терзать его собственными руками и зубами.

И здесь мне снова не хочется вдаваться во все эти омерзительные подробности.

Так что перейду сразу к концу.

А закончилось это так: Тельма лежала на полу на спине, а Эрин—на ней.

Руками и ногами Тельма плотно прижала девочку к себе в распятом положении лицом кверху. От шнура и других истязаний, которым они подверглись, обе обливались кровью. Но теперь, когда Эрин беспомощно застыла в железных объятиях Тельмы, сверху на них навалился Уэзли.

Он изнасиловал Эрин.

А Тельма тем временем корчилась под ними в безумном экстазе, словно это ее трахали.

Затем все закончилось.

И они расцепились. Уэзли и Тельма взяли Эрин под руки, подняли ее на ноги и вывели из

комнаты.

А я медленно сполз по стене, обессиленный и дрожащий. На меня нашло какое-то оцепенение— настолько увиденное потрясло меня.

Зачем я только смотрел?

Но вместе с тем мне хотелось увидеть все это снова.

Знаю, это нездоровое любопытство.

Только ведь не каждый день выпадает лицезреть такое.

Вроде автомобильной аварии.

Только пострашней.

Ладно. Признаю, не следовало играть роль постороннего наблюдателя. Надо было рискнуть жизнью и остановить это. Но я этого не сделал. Почему?

а) Я жалкий похотливый извращенец.

б) Я даже не знал девчонку.

в) Тельма и /или/ Уэзли убили бы меня.

г) Моя лояльность распространяется на Ким-берли, Билли и Конни, а не на какую-то незнакомку.

д) Все вышесказанное.

После игры

После того как все трое вышли из комнаты, я потерял их из виду и не знал, где они могли находиться, но решил, что, вероятнее всего, они довольно скоро вернутся хотя бы для того, чтобы собрать вещи и погасить свечи и лампы. Никто не будет оставлять открытый огонь без присмотра, тем более надолго. Разве что когда хотят сжечь дом.

Я сам мог бы его поджечь!

Поднявшись, я заглянул в окно.

В комнату пока никто не вернулся.

Все, что мне надо было сделать, так это снять сетку (или прорезать ее бритвой), влезть внутрь, полить пол керосином, бросить свечу. . .

И сжечь заживо Кимберли, Билли и Конни— не говоря уже о Эрин и ее сестре Алисе. А может, еще и других.

Нет, нельзя было предпринимать никаких действий, не выяснив, где содержатся пленницы.

И тут до меня дошло, что я упустил прекрасную возможность найти их. Можно было заняться поисками, пока Уэзли и Тельма измывались над Эрин. Возможно, мне даже удалось бы обыс-

кать весь дом—и без всякого риска быть пойманным. А вместо этого я прилип к окну и кайфовал, глаза на шоу.

Облажался.

Быть может, упустил единственный и верный шанс найти и спасти своих женщин.

А все потому, что я позорный похотливый извращенец.

Но, с другой стороны, откуда мне было знать заранее, что они проведут с ней больше часа. А вдруг, если бы я не остался наблюдать, а оказался в доме, я наткнулся бы на них. Это грозило бы мне неминуемой гибелью.

Так что, как знать, может, как раз то, что я этот самый позорный и похотливый извращенец, и спасло мне жизнь.

А может, и жизни моих женщин, поскольку их некому спасти, кроме меня.

Ничего нельзя знать заранее.

Может, это и к лучшему, что я задержался у окна.

Пока я поглядывал в окно, размышляя обо всем этом, в комнату вошла Тельма, по-

прежнему голая, но уже не окровавленная. Очевидно, ходила куда-то обмываться.

Она суетливо забегала по комнате, периодически наклоняясь, чтобы поднять брошенные на пол вещи: свой халат, трусы и пояс Уэзли, рубашонку, блузку и гетры Эрин. Прижав собранный скерб к груди, она обошла вокруг комнаты и задула свечи и лампы.

Когда это было сделано, комната погрузилась во мрак. Лишь слегка светился дверной проем и тускло поблескивало его отражение в зеркале. В нем же мелькнула спина торопливо шагавшей по коридору Тельмы. Затем она исчезла.

Я решил влезть в комнату через окно и попытаться догнать Тельму.

Единственный залог моей безопасности—не сводить глаз с Тельмы и Уэзли. До тех пор пока они у меня на виду, врасплох им меня не застать.

К тому же они наверняка привели бы меня к моим женщинам. (Если мои женщины еще не мертвы, во что я не позволял себе поверить.)

Оконная сетка крепилась к подоконнику на небольших крючках. Достаточно было отцепить

два нижних, и можно было поднять ее.

Но крючки находились внутри.

Внизу над рамкой, как раз над одним из крючков, я вырезал бритвой крохотный клапан и надавил на него пальцем. Он отошел внутрь. Просунув в отверстие палец, я стал отжимать крючок в сторону. В петельке он сидел очень туго, но неожиданно выскочил.

Я занялся другим крючком. Вырезав клапан, я сложил и спрятал в карман бритву. Затем просунул палец и нажал на крючок. Крючок высвободился.

Сетка слегка качнулась вниз.

Тогда я всунул указательные пальцы в проделанные отверстия.

И начал тихонько подтягивать сетку на себя. Она пошла очень легко.

Но совсем неожиданно где-то справа от меня хлопнула дверь—со стороны фасада. Этот звук, хотя и не очень громкий, перепугал меня до смерти. Я даже подпрыгнул. Меня словно пронзило Молнией—испепеляющий электрический ток пробежал от сердца по всем венам и артериям.

Еще чуть-чуть, и я бы свалился.

Но каким-то чудом мне удалось удержаться за сетку. Дрожащими руками я осторожно опустил ее на место и только после этого позволил себе рухнуть на землю.

Я лежал, подняв голову и не сводя глаз с входной двери особняка. Меня больше не испепеляли токи внезапного испуга, но сердце упорно отказывалось сбавить темп. Оно прыгало в груди, словно обезумевшая белка. Дух перевести тоже не удавалось. Конченный, да и только.

Никто не вышел.

Но я слышал голоса. Вероятно, разговаривали Уэзли и Тельма, но звуки были тихими и заглушались тысячью лесных шумов. О чем они говорили, догадаться было невозможно.

Через несколько секунд голоса и вовсе смолкли. Я вскочил с земли и побежал вдоль стены дома. Выглянув из-за угла веранды, я увидел свою добычу:

Уэзли и Тельма вели Эрин в сторону джунглей. Шли они от дома спиной ко мне. Правой рукой Тельма держала руку девочки, а левой—

зажженный факел, окружавший всех троих мерцающим золотым нимбом.

Кроме туфель, на Тельме ничего не было. Эрин и того не имела. На Узэли, который держал ее за правую руку, был пояс с ножами, повязка на правой ягодице и прорезинки с высокими отворотами.

Эрин плелась, прихрамывая между своими конвоирами. Ее обмыли, она больше не выглядела так, словно каталась в крови. Но на спине и ягодицах были видны хаотически переплетающиеся рубцы.

Шла она с поникшей головой, и вид у нее был страшно безрадостный.

Вели ее прочь от особняка по земляной дорожке, которая, сворачивая влево, исчезала в зарослях.

Я дождался, пока они скрылись в джунглях. А когда факел Тельмы превратился в блеклое пятно, покинул свое укрытие и побежал мимо веранды. Пересек лужайку перед домом (рюкзачок нещадно колошматил меня при этом по спине) и притормозил только перед самой тропинкой.

Припав к земле, я пополз вперед. Из-за густого кустарника факела Тельмы не было видно. Но она и ее спутники не могли уйти далеко. Они всего лишь были немного впереди.

Прокравшись дальше, я добрался до поворота.

И увидел их.

На этой же тропинке, футах в пятидесяти впереди.

Они сажали Эрин в клетку.

В клетку размером с небольшую комнату, со стенками и потолком из стальных прутьев и такой же дверцей спереди.

Растворяющийся в темноте свет факела высвечивал едва видимые контуры второй клетки. От клетки Эрин ее отделяла полоска шириной в пешеходную дорожку—расстояние вполне достаточное, чтобы узники не могли дотянуться друг до друга.

В той другой клетке стояла девочка, втиснув лицо между прутьями. Свет на нее почти не падал, но она выглядела слишком маленькой для кого-либо из моих женщин.

Я подумал, что это, должно быть, Алиса, сестра Эрин.

В это время Уэзли втолкнул Эрин в дверь первой клетки, закрыл дверцу и запер ее на ключ.

Ключей у него была целая связка. Они висели на кольце размером с браслет. Замкнув Эрин в клетке, он накинул это кольцо на правое запястье.

Решив, что он и Тельма, наверное, скоро вернуться и пойдут назад, я юркнул с тропинки в заросли и пополз. Едва я остановился и обернулся, как они прошли мимо меня по тропинке.

Я их не видел, а значит, и они не могли увидеть меня.

Но мне был виден свет факела. Он медленно плыл в темноте не более чем в шести футах передо мной, но высоко от земли.

Уэзли и Тельма не разговаривали. Но и их шагов не было слышно. Все, что я слышал, так это тихое позвякивание ключей.

— Свет все удалялся и скоро исчез. Растворился вдали и звон ключей.

Я не шевелился.

Что, если это хитрость? Может быть, Уэзли остался позади, чтобы выскочить на меня из засады. Он мог отдать кольцо с ключами Тельме.

Не будь смешным, убеждал я себя. Да они почти наверняка считают меня мертвым, и уж точно не знают, что я их выследил.

А вдруг знают.

Вдруг они заметили меня. Где-то. Когда я следовал за ними к клеткам. Когда я шпионил за ними в окно. Или еще раньше. Может быть, даже заметили меня еще до наступления темноты.

Нет.

Они не знают, где я. Думают, что я мертв. И Уэзли не готовит мне западню. Он и Тельма возвращаются в особняк.

Возможно.

Я очень на это надеялся.

Но я не собирался лежать здесь всю ночь, прячась в кустах только потому, что существовал некоторый шанс того, что Уэзли мог поджидать меня в засаде возле клеток.

И я выполз из своего укрытия.

Стоя на четвереньках у самой тропинки, я посмотрел в обе стороны—направо и налево.

Нигде ни души.

Но и света факела Тельмы тоже не было видно.

Не видно было и клеток. Их поглотил мрак.

Поднявшись на ноги и пригибаясь почти до земли, я пробежал по тропинке и остановился в том месте, откуда было хорошо видно лужайку перед домом и сам особняк. Тельма и Уэзли почти дошли до веранды.

На моих глазах Тельма подошла к ведру, стоявшему сбоку от крыльца на веранду. Опустив факел вниз, она окунула в ведро его пылающий конец.

Света больше не было.

Так, по крайней мере, казалось несколько секунд. Но затем я увидел—или подумал, что увидел, — как Уэзли и Тельма взошли по ступенькам крыльца. Неясные,двигающиеся тени, лишь чутьточку светлее темноты, придававшей им очертания.

Одно небольшое бледное пятнышко видне-

лось чуть отчетливее, чем остальные. "Должно быть, повязка на заднице Уэзли", – подумал я.

На верхней площадке крыльца призраки исчезли, слившись с тенью, отбрасываемой крышей веранды.

Затем хлопнула дверь.

Это, они вошли в дом.

Мне оставалось только надеяться.

Не теряя ни минуты, я развернулся и бросился бегом к клеткам.

Птички в клетках

Без факела Тельмы тропинки не было видно. Вообще ничего не было видно, за исключением нескольких различных оттенков темноты, запятнанных кое-где белыми мазками лунного света.

Я вспомнил о зажигалке Эндрю, которую постоянно ощущал в правом переднем кармане шорт вместе с опасной бритвой и лосьоном Билли. Все это ударялось и терлось о бедро при ходьбе.

Выудив зажигалку, я уже занес было большой палец, чтобы высечь искру, но передумал.

В темноте я был почти невидим.

А быть невидимкой мне очень нравилось.

Когда тебя никто не видит, ты становишься таким неприступным и сильным.

Опустив зажигалку обратно в карман, я медленно продолжил свой путь, присматриваясь и прислушиваясь.

И вскоре услышал голоса. Тихие голоса девочек, доносившиеся откуда-то спереди и справа. И я пошел на них. Когда был достаточно близко, чтобы разбирать слова, я присел и стал слушать.

– Не будь душой, – говорил один голос. – Мы

еще недостаточно взрослые.

– Сама дура. – Этот был похож на голос Эрин, только более живой, чем когда я слышал его в последний раз. – Это зависит не от возраста, а от того, начались ли у тебя месячные или нет.

– Кто так говорит?

– Папа.

– А почему он мне об этом ничего не рассказывал?

– Потому что ты никогда не спрашивала.

– И мама ничего такого не говорила.

– Мама никогда ни о чем не рассказывала. Об этом, так точно. Вот почему я спросила у папы.

– Ты спрашивала у него, когда у тебя могут появиться дети?

– Ну да.

– Зачем?

– Просто так.

– Но если ты уже знаешь, почему ты у меня спрашиваешь?

Эрин долго молчала. Когда она заговорила, то вновь напомнила робкого ребенка, которого я видел в комнате с Тельмой и Уэзли.

– Просто. . . как ты думаешь, у нас могут быть от него дети?

– Боже, да не спрашивай меня об этом.

– Мне кажется, так оно и будет. Понимаешь?

– А я вот убеждена, что ребенка можно заиметь, только когда тебе восемнадцать.

– Восемнадцать? Ты что, рехнулась? Да никакие не восемнадцать.

– Нет, восемнадцать.

– Спроси у Конни.

Конни! У меня чуть сердце не оборвалось.

– Нельзя. Ты шутишь? Не буду будить ее ради каких-то дурацких вопросов. Она прибьет меня.

– А вот и нет.

– Все равно не буду.

– Ну что ж, а мне вот совершенно точно известно, что для этого не обязательно, чтобы исполнилось восемнадцать лет. Ты просто должна быть достаточно взрослой, чтобы у тебя уже были месячные, это означает, что у тебя появились яйцеклетки. Как только это случается, ты можешь рожать детей, сколько тебе вздумается.

– Нет. Гм-м. Только после восемнадцати.

– Ты свихнулась.

– А вот и нет. Я где-то читала.

– Восемнадцать—это, наверное, совсем по другому поводу.

– Например?

– Почем мне знать? Это ведь не я читала. Просто мне кажется, что у всех нас скоро появятся дети, если мы и впредь будем позволять Уэзли трахать нас.

– А кто ему позволяет?

– Он все равно это делает, не так ли? Скажи, сколько раз ты его останавливала?

Алиса ничего не ответила.

Какое-то время обе молчали. Затем раздался голос Эрин:

– Интересно, сколько раз для этого надо?

– Для чего?

– Ну, ты знаешь. Для того, чтобы забеременеть.

– Это ты мне скажи. Ты ведь всезнайка.

– Этого я не знаю, – призналась Эрин. – Почему-то мне кажется, что это должно повториться, ну, скажем, раз двадцать, не меньше.

– Откуда мне знать. Тебе надо было спросить папу.

– Очень смешно. Но ты не думаешь, что, возможно, мы уже забеременели, если это случилось раз, или два, или чуть больше?

Алиса тяжело вздохнула.

– Думаю, что да.

– Но мы не беременны, верно? Он трахнул нас обеих в тот день, когда впервые появился. Затем он сделал это еще два раза, перед своим исчезновением. Это в сумме дает три, и все это было еще тогда.

– И меня дважды, – сказала Алиса.

– Но после этого у нас уже были месячные, значит, этого явно было недостаточно. Но сколько же тогда надо?

– А Бог его знает.

– По крайней мере, теперь, когда у него целый гарем, он хоть иногда оставляет нас в покое. Целый гарем! Больше хранить молчание я был не в силах.

– Прошу прощения, – произнес я. Обе девочки ойкнули.

– Все нормально, – поспешил успокоить их я. – Не пугайтесь, я друг. Я здесь, чтобы вас спасти.

– Руперт? – неуверенно выговорила мое имя Эрин.

Я не поверил своим ушам.

– Да, – изумленно произнес я. – Ты знаешь, кто я?

– Просто догадалась. Они рассказывали нам о тебе. Где ты? Я тебя не вижу.

Я подкрался ближе. Лунный свет совершенно не пробивался к клеткам, и мне ничего не было видно. Все равно, как если закрыли ночью в шкафу.

Вытянув руку, я дотронулся до прутьев.

– Я у клетки.

– Не вижу тебя, – промолвила Эрин.

– Я тоже тебя не вижу, – пожаловался я.

– Ты уверен? – спросила Алиса. – Неужели ты никого из нас не видишь?

– Если мы не видим друг друга и его, – заметила Эрин, – то почему он должен видеть нас?

– Это возможно. Зависит от обстоятельств.

– Просто Алиса волнуется из-за того, что мы совсем неодеты.

– Ничего, пусть не волнуется. Я ни черта не вижу.

– Между прочим, ее зовут Алиса. А меня Эрин. Мы Алиса и Эрин Шерман. Нам по четырнадцать лет и мы близнецы.

– Однойцевые? – поинтересовался я.

– Нет, – ответила Алиса.

– Да, – возразила Эрин.

– А вот и нет.

– В техническом смысле, да. Только на самом деле сходство не совсем полное, вот и все. Алиса считает, что она красивее меня.

– Врешь.

– Но на самом деле красивая я, – сказала Эрин, и я представил улыбку, с какой были произнесены эти слова.

– Ты просто лопаешься от зависти, – обиделась Алиса. – И ничего смешного ты не сказала.

Я пошел вбок вдоль прутьев. Не меньше дюйма толщиной, они были теплыми на ощупь. Расстояние между ними составляло примерно дюйм-

ма четыре.

— Что ты делаешь? — всполошилась Эрин. — Руперт?

— Я сейчас зайду между клеток, чтобы вам не надо было разговаривать так громко.

— Ты уже долго здесь? — спросила она. Я покраснел, но этого никто не мог видеть.

— Нет, — соврал я. — Только подошел.

— Все думают, что ты мертв.

— Слухи о моей смерти сильно преувеличены, — пояснил я. — Это еще Марк Твен сказал.

— Боже, как это здорово, — подала голос Эрин, — что ты жив.

— И не в клетке, — добавила Алиса.

Нащупав угол клетки Эрин, я завернул за него, и, чтобы убедиться, что я между клетками, вытянул руки. Обе они коснулись прутьев. Я сел и скрестил ноги.

— О'кей, — сказал я.

С обеих сторон началась тихая возня—шорохи, шарканье ног, вздохи, несколько сдержанных стонов—это девчонки подвигались ближе. Стоны донеслись справа, от Эрин. После тех

побоев, которые она перенесла в комнате, вероятно, ей было очень больно двигаться.

– Ты там? – спросила она.

Стараясь как можно меньше шуметь, я стал подвигаться ближе к клетке Эрин. Остановился, когда плечо коснулось прута.

– Ты можешь освободить нас отсюда? – поинтересовалась Алиса.

– Надеюсь, что смогу. Так или иначе. А можно ли открыть эти штуковины как-нибудь без ключа?

– Никак, – ответила Эрин. Судя по голосу, она была гораздо ближе ко мне, чем Алиса. Мне даже показалось, что я чувствовал ее дыхание на своей руке. Хотя ее совершенно не было видно, я представил, как она сидит, скрестив ноги, наклонившись вперед и поставив локти на бедра, кончики грудей почти касаются предплечий, а лицо всего в нескольких дюймах от прутьев.

Мне захотелось ее увидеть.

И я подумал о зажигалке.

Но в карман не полез. Лучше было оставаться невидимыми, по крайней мере, какое-то время.

– Нельзя ни войти, ни выйти, – продолжала Эрин. – Только если у тебя ключи. Это очень крепкие клетки.

– Они были сооружены для содержания горилл, – пояснила Алиса.

Обезьяньи дела

– Горилл? – изумился я.

– Когда-то это был обезьяний зверинец, – ответила Эрин.

– До того, как мы сюда переехали, – добавила её сестра.

– Да, еще задолго до нашего переезда. На этом острове мы всего пару лет.

– Два года будет в июне, – уточнила Алиса.

– Еще до того, как мы сюда попали, все гориллы были уже мертвые. Давно мертвые. А может быть, еще до того, как мы родились. Тот парень перерезал их всех. Как тебе это нравится? Тот самый парень, который привез их сюда.

– Чтобы спасти, – добавила Алиса.

– Ну да, – продолжала Эрин. – Где-то там в Африке было что-то вроде революции. В шестидесятых, что ли? И он испугался, что могут перебить всех горилл.

– Он был натуралистом, – пояснила Алиса.

– Ну, как та женщина в фильме "Гориллы в тумане", понимаешь? Сигурни Уивер?

– Дайэн Фосси, – уточнила Алиса.

– Вот-вот, – согласилась Эрин.

– Когда он не разъезжал по разным там Африкам, то жил здесь, в этом большом доме.

– Ну так вот, – рассказывала дальше Эрин, – наловил он с дюжину этих горилл и перевез сюда, на этот остров. А до этого распорядился построить для них специальные клетки. Устроил себе миленький частный зоопарчик.

– Ну, это был не настоящий зоопарк, – заметила Алиса.

– Это если смотреть на все с технической стороны, – возразила Эрин. – Конечно, это был не публичный зоопарк. Он держал обезьян для себя, как домашних животных. А потом однажды всех перерезал.

– Убил? – удивился я. – Зачем ему было это делать?

– Надоели, наверное, – предположила Алиса.

– Или он в ид ели его, – сказала Эрин, и я снова представил себе ее улыбку.

– Никто не знает почему, – подытожила Алиса. Но Эрин повела рассказ дальше.

– Наверное, рехнулся, или еще что. Порубил их всех в клетках мачете, а потом выстрелил се-

бе в голову. Вот каким образом здесь оказались клетки.

– Нам не разрешали в них играть, – сообщила Алиса.

– А теперь мы должны в них жить, – грустно произнесла Эрин.

– Кто здесь еще? – поинтересовался я.

– Ты имеешь в виду в клетках?

– Ну да.

– Конни со своей матерью и Кимберли.

Все здесь!

И я заплакал. Как я ни старался не выдать себя, несколько коротких тихих всхлипов удержать все же не удалось. Эрин и Алиса молчали. Словно специально для того, чтобы услышать мой плач.

Затем что-то коснулось моей головы.

Я вздрогнул.

– Это я, – шепнула Эрин.

Рука ее нежно погладила меня по голове, затем медленно скользнула по щеке. Она ласкала меня.

А расплакался я от облегчения, которое доставила мне новость о том, что мои женщины

здесь и все живы. Но когда Эрин ласкала мое лицо, я начал плакать из жалости к ней, вспоминая, что с ней сделали.

И от стыда за то, что позволил этому случиться.

А смотрел с удовольствием.

– Не надо, – тихо произнесла она. – С ними все в порядке.

– Нет, не в порядке, – возразила Алиса.

– Им ничуть не хуже, чем нам.

– И ты называешь это "в порядке"?

– Они действительно будут потрясены, – более тихим голосом сказала мне Эрин. – Тебя считают мертвым. Ты ведь, кажется, свалился с обрыва?

Я кивнул и попытался перестать плакать.

– Это было после того, как Тельма ударила его по голове, – напомнила ей Алиса.

– Ага, – сказала Эрин. – И они ужасно расстроились из-за твоей смерти. По их мнению, ты был самый храбрый.

– Я?

– Ну да. Они ошалеют, когда увидят тебя.

– Они... в... других клетках? – Хотя я уже начинал приходить в себя, слова у меня прорывались только между всхлипываниями.

– Конни сразу за моей, – сообщила Алиса. – За ней Кимберли. А Билли в следующей после клетки Кимберли. А дальше идут пустые.

– Может быть, мне лучше... пойти туда сейчас, и...

– Нет, – Рука Эрин упала на мое плечо и стиснула его. – Не уходи, пожалуйста. Тем более, что они наверняка все спят. Побудь здесь и поговори с нами еще немного. Ладно?

Собственно говоря, мне и самому не очень-то хотелось видиться со своими женщинами до тех пор, пока полностью не успокоюсь. Кроме того, я желал получше разведать обстановку.

– Ладно, я пока не уйду, – пообещал я.

– Спасибо, – поблагодарила Эрин.

– Сколько... когда они попали сюда?

– Конни и другие? Примерно неделю назад.

– Это их седьмая ночь, – уточнила Алиса.

– А вы двое? – осведомился я.

– Это двадцать четвертая ночь, – ответила

Алиса.

– Как? – удивился я.

– Да, – подтвердила Эрин. – Двадцать четвертая.

– Боже мой!

– Уэзли запер нас здесь в тот же день, когда здесь появился.

– В первой свой приход, – подчеркнула Алиса.

– Он знал о клетках, – добавила Эрин.

– Прочитал о них.

– Да. Статью в каком-то старом журнале "Нэйшнл Джиогрэфик". И он спросил, на месте ли они и можно ли на них посмотреть.

– Сказал, что, может быть, купит их, если они в хорошем состоянии.

Рука Эрин скользнула вниз по моей, нашла мою кисть и обхватила ее. Затем она продолжила свой рассказ.

– Впрочем, тогда мы с Алисой ходили купаться, так что нас не было дома, когда он объявился. Мама и папа рассказали нам обо всем потом. Как я понимаю, они показывали Уэзли клетки, когда он неожиданно схватил маму и приставил

ей к горлу бритву. А папа побоялся что-либо делать, потому что не хотел, чтобы маме перерезали горло. Уэзли заставил их обоих зайти в клетки и запер их. Затем вернулись мы с Алисой, и он посадил в клетки и нас.

– Мы могли бы убежать, – вмешалась Алиса.

– Да. Проще простого. Уэзли тогда еще был один. Да и пистолета или чего-нибудь такого у него тоже не было. Но он пригрозил убить маму и папу, если мы не будем подчиняться всем его приказам.

– И он приказал нам зайти в клетки.

– А их в конце концов он все равно убил— просто не сразу.

– А может быть, маму и не убил, – обиженно промолвила Алиса.

– Если не убил, тогда где же она? Ответ на этот вопрос, похоже, был мне известен, но я решил держать язык за зубами.

– Не знаю, – буркнула Алиса.

Специально для меня Эрин объяснила:

– Он держал маму в одной из клеток, так же, как нас. Папу тоже, но его они увели уже давно.

Ну а мама, она была здесь все время, пока не сбежала.

– Когда это было? – осведомился я.

– Несколько ночей назад.

– Четыре, – поправила ее Алиса. – Считая с сегодняшней.

Четыре. Получалась как раз та ночь, в которую я отправился вверх по ручью осматривать наше поле битвы и нашел на дне лагуны убитую женщину.

– Да, – согласилась Эрин. – Они вели маму назад в ее клетку. . . это была ее ночь для посещения дома. Раньше она ничего не пыталась. Из-за нас, понимаешь? Из-за того, что Уэзли обещал с нами сделать, если она когда-нибудь попытается убежать. Но она решила, что шанс на спасение у нас будет только в том случае, если ей удастся сбежать. Тогда она смогла бы прокрасться назад, понимаешь? И спасти нас. Так вот, она подождала, пока они попытаются затолкнуть ее в клетку, вырвалась и побежала. Они оба кинулись за ней вдогонку. И поймали.

– Может, поймали, а может, и нет, – возразила

Алиса.

– Поймали.

– Только потому, что они так говорят...

– Перестань, Алиса. Думаешь, они вели бы себя так, если бы не поймали маму? Ты не хуже меня знаешь.

Алиса молчала.

Я хотел было задать другие вопросы. Когда их мать совершила побег? Знают ли они о существовании лагуны? Как далеко отсюда до нее?

Но в этом не было необходимости.

Мертвая женщина, которую я нашел в воде, наверняка была их матерью.

А Мат, как я уже догадался, был их отцом.

Уэзли сделал этих детей сиротами.

Одно из его многочисленных преступлений, причем одно из самых тяжких.

– Ладно, – продолжала Эрин, – на чем я остановилась? На том дне, когда здесь появился Уэзли? Так вот, все мы оказались в клетках. Он задержался здесь на пару дней. Папу он не трогал, но... по очереди... издевался над остальными.

– Ему нравится делать людям больно, – про-

бормотала Алиса.

– Он выводил нас из клеток. По одной. И заставлял делать всякое.

– Ужасные вещи, – добавила Алиса.

– И если мы делали это как-то не так, как он хотел, он наказывал за это других. Как тогда, когда он захотел, чтобы я... кое-что ему сделала. А я отказалась. Тогда он посадил меня назад в клетку и вывел маму. Он отстегал ее плеткой прямо у нас на глазах, а затем заставил ее сделать то, чего не сделала я. Потому, что я сказала, что не буду этого делать.

Рука Эрин, лежавшая в моей, стала горячей и влажной. Я слегка пожал ее.

– Собственно говоря, – продолжала она, – Уэззли делал с нами такое с самого начала, еще когда появился здесь впервые. Но тогда он долго не задержался. Уходя, оставил нам в клетках немного еды и воды и сказал, что вернется.

– Но не сказал, когда, – добавила Алиса.

– Ага. Спустя какое-то время мы начали думать, что он вообще не собирался возвращаться. Пищи и воды у нас уже почти не оставалось. Но

до того, как их совершенно не стало, мы услышали страшный взрыв.

– Когда наша яхта взлетела в небо? – спросил я.

– Ну да. Не успели мы опомниться, как он вернулся. Вышел из джунглей такой веселый и радостный.

– В чем мать родила, – добавила Алиса.

– Это его любимый наряд, – сообщила Эрин. – Наверное, думает, что всем нравится все время видеть его штуковину.

– А это не так?

– Только не мне.

– А он не рассказывал, как взорвал яхту? – поинтересовался я.

– А как же, – сказала Эрин. – Часто хвастался, как легко ему это удалось. Он перерезал своей бритвой топливопровод. В моторном отсеке, да? Затем скрутил из простыни фитиль. Потом зажег его, прыгнул за борт и поплыл под водой.

– Он рассказывал это и смеялся, – подхватила Алиса. – Считал, что он такой хитрый.

– Он действительно нас перехитрил, – при-

знался я. — Мы все подумали, что он взорвал яхту случайно и сам погиб при этом.

— Он и хотел, чтобы вы так подумали, — подтвердила Эрин. — Но Билли говорит, что вы довольно быстро обо всем догадались.

— Ну, мы стали задумываться. Особенно после того, как начались убийства. Понятно, кто еще мог бы это делать? Насколько нам было известно, остров был необитаемым. Мы и не подозревали, что здесь целая семья... А другие здесь есть?

— Другие что? — переспросила Эрин.

— Люди. Семьи. Дома. Соседи у вас есть?

— Мы сами себе соседи.

— Кроме нас никого, — поправила ее Алиса.

— Мы были совершенно одни на всем острове. Как это было замечательно. До появления Уэзли.

— Мама и папа привезли нас сюда, чтобы мы были в безопасности, — сказала Алиса. — Как тебе это нравится, а?

— Мы жили в Лос-Анджелесе, — пояснила Эрин. — Переехали на остров, когда там произошли эти массовые беспорядки. Это было послед-

ней каплей, понимаешь? Родители боялись, что нас всех убьют. Хотели увезти нас в такое место, где не надо было беспокоиться о таких вещах, как преступность и наркотики.

– А посмотри, что получилось, – посетовала Алиса.

– Все знают, что получилось, – упрекнула ее Эрин. – Но до этого было здорово. – Затем, обращаясь ко мне, добавила:—Занимались мы дома. Никакой школы. Нас учили мама и папа. Мама когда-то была школьной учительницей, а папа был писателем. Это было классно, не надо было ходить в какую-нибудь ужасную школу с гадкими детьми. Почти каждый день мы плавали и ловили рыбу. Было так хорошо, пока не появился этот Уэзли и не испортил все.

– Я жалею, что мы не остались в Лос-Анджелесе, – призналась Алиса.

– Не ври.

– Мама и папа были бы тогда еще живы.

– Может быть. Никто этого не знает. Возможно, мы погибли бы при землетрясении.

– Все же лучше, чем такое.

– Нет не лучше.

– По мне лучше смерть, – выпалила Алиса. – Я охотнее умру, чем... Руперт, да ты не знаешь, что он с нами делает.

– Угу, – промямлил я.

Я не собирался признаваться в том, что видел, как поступили с ее сестрой Уэзли и Тельма. Это поставило бы их в очень неловкое положение. И близняшки наверняка подумали бы, что со мной что-то не так—если я мог наблюдать за тем, как издевались над Эрин, и даже не попытался вмешаться.

– Они играют с нами, – сказала Алиса. – То, что мы вынуждены сидеть в этих клетках, плохо уже само по себе, но еще хуже, когда они выводят нас. Они делают это для того, чтобы поиграть с нами. Они играют с нами в "маскарад", в "дом". Они заставляют нас есть с ними, танцевать для них, бороться с ними. Что бы им ни пришло на ум, они все заставляют нас делать И все кончается одним и тем же—нас избивают до потери пульса и трахают.

– Эй, – воскликнула Эрин. – Совсем обяза-

тельно употреблять такие гадкие слова.

– Да, это действительно гадкое слово. Все здесь гадко! Как я хочу умереть!

– Нет, ты...

– Эй! Прекратите! Господи Боже мой, середина ночи. А то, что кто-то здесь пытается уснуть, вас не интересует? Большое спасибо.

– Конни? – позвал я.

Тишина.

Затем она спросила:

– Кто это сказал?

– Я.

Снова тишина.

Потом послышалось:

– Руперт?

– Это мое имя, ты еще не забыла его?

– Мать честная! Руперт!

Все в сборе

– Руперт? – присоединилась теперь и Билли, очевидно, разбуженная взволнованным голосом Конни. – Это ты?

– Ага. Как ты поживаешь?

Но вместо ответа она дрожащим голосом воскликнула:

– О Боже мой!

– Давай сюда, чтобы нам не приходилось кричать, – поприветствовала меня Кимберли.

– Привет, Кимберли, – обрадовался я.

– Ты немножко припоздал, – сказала она, – но лучше поздно, чем никогда. Иди скорее сюда.

– Мне лучше пойти, – прошептал я. – Но не волнуйтесь, я обо всем позабочусь. – И я высвободил свою руку из руки Эрин.

– Ты ведь вытащишь нас отсюда, правда? – спросила Алиса.

– Да, что-нибудь придумаем.

– Только будь осторожен, – предупредила меня Эрин. – И заглядывай хоть иногда к нам, ладно?

– Конечно. Спасибо.

– Мы даже не знаем, как ты выглядишь, –

сказала она.

Я вспомнил о зажигалке в кармане. Эрин почти приглашала меня зажечь ее. Да и мне самому хотелось это сделать. Огонек позволил бы мне увидеть ее крупным планом, сидящей там, в клетке. Еще у меня появилась бы возможность взглянуть на ее сестру-близняшку.

И обе, вероятно, нагие.

Отличный способ выяснить, действительно ли они похожи как две капли воды.

Но с ними и без того очень плохо обращались, мягко выражаясь. И мне не хотелось усугублять их страдания и ставить их в неловкое положение, освещая их.

И зажигалка осталась в кармане. – Вы хотите знать, как я выгляжу? Так вот, я такой красавчик, что по сравнению со мной Том Круз просто заколдованный уродец.

Тихий смешок донесся со стороны Эрин.

– Правда? – удивилась Алиса. Откуда-то издали слышался голос Конни:

– Что там за лапшу ты вешаешь на уши этим девчонкам, Руп? Скажи им правду. Ты похож на

обрезанного шимпанзе! Шимпанзе-альбиноса, у которого повыпадали все волосы!

Она была явно в отличной форме.

– Это не совсем так, – сказал я Эрин. – У шимпанзе есть хвост.

– Тебе лучше пойти, – согласилась Эрин, – а то она сейчас разойдется, и ты услышишь настоящие гадости.

– Ладно. Увидимся. С тобой тоже, Алиса.

И я пополз на выход. Выбравшись из пространства между клетками, я поднялся на ноги. Скользя рукой по прутьям, чтобы не потерять ориентацию, я поспешил к клеткам, в которых меня ожидали мои женщины.

– Ты что, живучий, как кошка? – поинтересовалась Конни, когда я добрался до ее клетки.

– Просто повезло. – Я медленно продвигался дальше, не отрывая руки от прутьев. – Кое-что смягчило мое приземление.

– Ты наверняка получил повреждения, – сказала Кимберли. Судя по голосу, она была где-то впереди. – До дна там очень далеко.

– Прилично помялся. Поэтому я так долго сю-

да шёл. Пару деньков я вообще провалялся без сознания, а потом был в таком состоянии; что все равно не смог бы вам ничем помочь.

– Нам повезло, что ты вообще остался в живых, – промолвила Билли из своей клетки, которая была где-то за клеткой Кимберли.

– И повезло, что ты наконец нашел нас, – добавила Кимберли.

– Да, – с некоторым раздражением отозвалась Конни. – Лучше поздно, чем никогда.

Моя протянутая рука больше не обнаружила прутьев. По-видимому, я дошел до угла клетки Конни. Оставив ее позади, я пересек открытое пространство, и моя выставленная вперед рука вновь ударилась о металл.

И в этот момент кто-то схватил меня за запястье.

– Стой, – слышался голос Кимберли. Это она схватила меня за руку.

Ее рука была сильной и теплой, тепло от нее, поднявшись вверх, растеклось по всему моему телу.

– Ты должен вытащить нас отсюда, – сказала

она.

– Я сделаю это. С вами все в порядке?

– Да, как же, – вмешалась Конни. – Мы у них уже неделю. А они только тем и занимаются, что выискивают новые способы, чтобы затрахать нас до смерти.

Едва слышно Кимберли произнесла:

– Они всех нас изнасиловали.

– Даже тебя?

– Да, даже меня.

– Как?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты такая... сильная.

– Они умеют убеждать, – пробормотала она.

– Это моя вина, – сказала Конни. Тон ее голоса неожиданно изменился. Она говорила тихо и грустно. – Они используют меня. Если мама или Кимберли отказываются, все достается мне. А они не хотят, чтобы меня искалечили, и поэтому... все время уступают. Чего бы Уэзли ни захотелось.

– Ты должен украсть у него ключи, – сказала Кимберли. Ее рука сильнее сжалась вокруг моего

запастья.

– Я сделаю это, – пообещал я. – Но с вами все в порядке? То есть, я знаю, что не все в порядке, но...

– Нас затрахали, – огрызнулась Конни.

– Мы в порядке, – отозвалась Билли.

– Нет, не в порядке.

– Наши раны не слишком серьезные, – пояснила Кимберли. – Только поверхностные. Скорее всего, госпитализировать нас не придется.

– А я уже считал вас мертвыми, – признался я.

– Прости, что не оправдали надежд, – пробормотала Конни.

– Но я не смог отыскать ваши тела. Я пришел вновь на то место, где мы сражались. Подумал... что вы все еще там. Но, когда мне не удалось найти ваши тела...

– Мы сдались, – прервала меня Кимберли.

– Благодаря мне, – созналась Конни. – Вinovата и признаю свою вину.

– Уэзли завалил ее, – донесся из дальней клетки голос Билли. – К тому времени тебя уже

вывели из строя. Тельма ударила тебя камнем по голове. Ты даже не успел ни о чем догадаться. Не успела и я опомниться, как Конни уже лежала ничком на земле.

– А я все еще висела на веревке, – продолжила Кимберли. – Когда же я поднялась наверх, Уэзли поставил ей ногу на спину. Он был настроен зарубить ее мачете. Нам пришлось сдаться.

– Я рад, что вы это сделали.

– Ты бы так не радовался, – огрызнулась Конни, – если бы тебе самому пришлось попробовать этого дерьма.

– Руперт? – позвала Билли. – А ты помнишь наш разговор, тогда, в первые дни, о мотивах поведения Уэзли? Когда мы думали, что он хочет убить всех.

– Ну да, из-за денег.

– Мы заблуждались. К деньгам это не имеет ни малейшего отношения. Ему нужны были мы, трое. У него уже давно возникла маниакальная идея выманить всех в какое-нибудь отдаленное место, убить мужчин и сделать нас своими пленницами.

– Он признался?

– Да. Он открылся мне. Мы были одни, – Тельма куда-то отошла, – и я начала его расспрашивать. Так случилось, что у него было болтливое настроение. И он был очень доволен собой. Перед этим он только что закончил... ну, как говорится, мы хорошо провели время. Так что я многое выведала. Начиная с того, что, когда он впервые встретил Тельму, мы все были вместе. Поэтому он с самого начала знал, как мы выглядели. Я, Конни и Кимберли.

– Три красотульки, – пробормотала Конни. Билли проигнорировала выпад дочери.

– Он рассказал мне, что ни разу в жизни не имел успеха ни у кого, кроме шавок, и такие женщины, как мы, никогда бы даже и не подумали встречаться с ним.

– Потому что он гребаный неудачник, – встала Конни.

– И с того момента, – продолжала Билли, – в голове у него стали копошиться всяческие планы. Он начал с ухода за Тельмой. Она была легкой добычей.

– Такая же гребаная неудачница, – добавила Конни.

Я был почти уверен, что Кимберли выскажется в защиту своей сестры, но та молчала.

Билли продолжала дальше.

– Но Тельма и не догадывалась, что она была нужна ему лишь для того, чтобы добраться до нас остальных. Узли решил, что мы станем более доступны для него, если он женится на ней. Затем—приятный сюрприз—оказалось, что она такая же извращенка, как он.

– Брак, заключенный в Бедламе, – пробормотала Кимберли.

– Парочка гребаных садистов, – прошипела Конни.

– Тельма была в курсе? – поинтересовался я.

– Ну, она точно не знала, что ее любимый муженек положил глаз на всех женщин в ее родне, – ответила Билли. – Это он держал в секрете. Точно так же, как и свой генеральный план: взорвать яхту и изолировать нас на острове.

– Ему было известно об этих клетках, – заметила Кимберли.

– Да, подготовился он солидно, – пояснила Билли. – Боже правый, он еще даже не встречался по-настоящему с Тельмой, когда начал свои исследования, пытаясь отыскать самое подходящее место для своих небольших проказ. Он подумывал об уединенных домиках в горах, покинутых поселках, брошенных фабриках, складах, сараях—словом, о всех вообразимых и невообразимых местах, где ему никто бы не помешал. Где он мог бы держать нас, сколько ему хотелось, и делал бы с нами все, чтобы удовлетворить свои фантазии.

– Гребаный дегенерат, – вставила Конни. Билли проигнорировала и это замечание.

– Но очень скоро понял, что необитаемый остров подходит для этих целей просто идеально. Ты отрезан от всего мира, ты здесь полный хозяин, так что не надо прятать своих узниц. И некому услышать их крики. И трудно убежать.

– Трудно, это так, – тихо произнесла Кимберли. – Посмотри, что случилось с Дороти.

– С кем? – переспросил я.

– С их матерью, Дороти. Она попыталась сбе-

жать. Господи, это было всего несколько ночей назад, но они догнали ее и расправились с ней.

– Да, я слышал эту историю, – пробормотал я.

– Бедные дети, – очень тихо проговорила Билли, явно не желая, чтобы Алиса и Эрин ее услышали. – Им досталось больше, чем любой из нас. Они сидят в клетках уже почти месяц. Потеряли отца и мать. И... Уэзли и Тельма делают с ними такие ужасные вещи. А они еще совсем дети.

– Детки с сиськами и...

– Перестань, Конни, – резко оборвала ее Кимберли и уже спокойнее прибавила:—Билли, продолжай и закончи рассказ о том, как Уэзли искал остров. Руперт должен это услышать.

– Ага, – не унималась Конни. – Чтобы мог записать это в свой гребаный дневник.

– Ты еще ведешь его? – поинтересовалась Кимберли.

– Закончилась бумага.

– Ай-ай-ай, какая жалость, – притворно засо-
крушалась Конни.

– Закончишь его после того, как спасешь нас, – сказала мне Кимберли. – И опиши в нем, как Уэзли это спланировал, почему он выбрал именно этот остров и все остальное. Это поможет доказать предумышленность его действий.

– Как будто он когда-нибудь предстанет пред судом, – язвительно заметила Конни.

– Чем бы все это ни закончилось, – возразила Кимберли, – было бы совсем неплохо, если бы Руперт подробно описал ситуацию в целом. Возможно, только в таком случае кто-нибудь когда-нибудь узнает, что здесь произошло.

– Только если я умру, – пробурчала Конни, – мне будет на это глубоко начхать.

– Билли, ты все же Расскажи ему остальное.

– Ладно. Дай-ка вспомнить. – Помолчав несколько секунд, она продолжила:—Решив, что идеальным местом будет остров, Уэзли начал рассматривать возможные варианты. Вначале он подумывал об островах в Висконсине и на озере Мичиган. Ну, на реках и озерах. Он сконцентрировал внимание на Среднем Западе. Вероятно потому, что вырос в этой местности: Он родом из

окрестностей Чикаго. Но стоило ему взглянуть на все это немножечко пошире, он в тот же миг понял, что идеальным местом могут стать Багамы. Живописные тропические острова с прекрасной погодой. Удобно расположенные неподалеку от побережья Флориды. Регулярные авиарейсы. Но больше всего он обрадовался, когда узнал, что там сотни необитаемых островов.

– Он выбрал вовсе не из их числа, – возразил я.

– Это потому, что прочитал о клетках. Ему случайно попала на глаза статья в старом журнале...

– Эрин и Алиса рассказали мне об этом.

– Когда он увидел этот материал о клетках для горилл...

– То подумал, что представился и вознесся на небеса, – закончила за нее Кимберли.

– Если ты еще не успел заметить, – съязвила Конни, – мы на небесах боженьки Уэзли.

– И обстоятельства, похоже, ему во всем благоприятствовали, – продолжала Билли. – Просто невероятно. Сначала он находит абсолютно иде-

альное место для осуществления своих грязных планов. Пока что только на бумаге. Затем оказывается, что мы с Эндрю собираемся отметить двадцатую годовщину нашей свадьбы. — С притворным воодушевлением, окрашенным несвойственной ей горечью, она продекламировала:— Почему бы не зафрахтовать яхту, не отправиться на Багамы и не отпраздновать это событие всей семьей?

— Мысль была действительно превосходной, — признала Кимберли.

— Превосходной-то превосходной... пока... — Она осеклась, и я услышал, как Билли заплакала.

По Эндрю, своему мужу. Так я тогда подумал. Или, может быть, она горевала обо всем сразу. Ведь она не только стала вдовой в двадцатую годовщину своей свадьбы, но ее саму и ее дочь заперли в клетках и держали, как рабов, для удовлетворения прихотей пары сумасшедших извращенцев. Могла она плакать и по другим. Мужа Кимберли тоже убили, а сама Кимберли оказалась в клетке. По близнецам тоже—Эрин и Алисе.

Все пятеро потеряли тех, кого любили. Над всеми пятью измывались Уэзли и Тельма: избивали, хлестали, как скотину, насиловали, и одному Богу известно, что делали еще.

Удивительно, что они все не рыдали белугами.

Но так и слез не хватит. Сейчас, видно, пришла очередь Билли.

Кимберли все еще держала меня за руку.

– Отпусти, – шепнул я.

Ее пальцы разжались, я освободил руку и стал нащупывать дорогу вдоль передней стенки ее клетки. Миновав открытый участок, я подошел к клетке Билли. Она все еще плакала.

– Билли? – позвал я.

– Руперт?

Прижавшись телом к клетке, я просунул в нее вытянутые руки.

– Сюда.

Билли нащупала мои руки и вошла между ними. Мы обнялись, образовав бутерброд с начинкой из металлических прутьев. Билли беззвучно рыдала. От всхлипов и оханья тело ее вздрагива-

ло. Тогда я начал гладить ее по спине, но гладкая прежде кожа теперь топорщилась рубцами и струпьями—следами побоев. Когда я нечаянно прикоснулся к одному из них, она слегка вздрогнула.

– Прости, – шепнул я.

– Ничего, милый.

Тогда и я расплакался.

Боясь причинить боль, я перестал гладить ее по спине. Некогда я опустил руки, она сказала:

– Нет, обними меня. И не отводи руки.

Так что я снова завел их ей за спину, но очень нежно.

Ревнивые суки

– Чем это вы там занимаетесь, черт возьми? – выкрикнула Конни.

– Заткнись! – цыкнула на нее Кимберли.

– Ничего мы не делаем, – отозвался я. Что было сущей правдой. Мы только обнимались, а Билли продолжала плакать.

– Слава Богу, с тобой все в порядке, – прошептала Билли. Ее дыхание щекотало мои губы. Затем там оказались ее губы, влажные и приоткрытые—они прижались к моим. Это был поцелуй, но так меня в жизни никто не целовал. Когда мы целовались, она все еще плакала. Было немножко странновато, но жутко приятно.

До этого я упорно пытался проигнорировать то обстоятельство, что ее обнаженные груди прижимались ко мне. Не хочется замечать таких вещей, когда в твоих объятиях плачущая женщина. Но теперь, когда мы начали целоваться, вспомнить об этом мне показалось вполне естественным.

Они протиснулись между прутьями и так мягко и пружинисто касались моей груди.

Во время поцелуя я стал извиваться, чтобы

потереться о них. Мы оба взмокли от пота, и наша кожа стала скользкой, словно умащенная маслом. Ее набрякшие соски скользили по моей груди, словно маленькие язычки.

Я попытался немного отодвинуться, чтобы Билли не почувствовала мою эрекцию, но она крепко держала меня, и я не смог этого сделать.

Это был необыкновенно страстный поцелуй.

Когда он закончился, Билли, похоже, больше не плакала. Но мы оба запыхались. И она не отпускала меня. Ее руки были обвиты вокруг меня так же, как перед поцелуем. Мы оставались тесно прижатыми друг к другу.

– Спасибо, милый, – шепнула она.

– Не за что.

Билли тихонько хмыкнула, но ничего не сказала.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась Кимберли.

– Уже гораздо лучше, – ответила Билли.

– Еще бы, – отозвалась Конни.

– Почему ты вечно ворчишь? – эта реплика пришла от Эрин и была первой, которую кто-

либо из близняшек сделал с тех пор, как я отошел от их клетки. И я усмехнулся.

– Чтоб тебя в задницу! – огрызнулась Конни.

– Тебе того же и побольше. Тут уж не выдержала Алиса.

– Эрин! Тсс!

– Какая она стерва!

– Это ты дерьмоядка и шлюха! – закричала Конни.

– Дети, прекратите! – возмутилась Кимберли. – Давайте не ссориться между собой.

– Просрись! – кинула ей Конни.

Кимберли рассмеялась.

Билли, все еще находясь в моих объятиях, крикнула:

– Конни! Перестань! Что с тобой, черт побери, происходит?

– Ничего особенного. И с чего бы мне это? Моя голозадая мамуля в темноте тискается с моим парнем...

– Мы не тискаемся, – возразила Билли.

– С моим бывшим парнем. С получившим отставку размазней, гребаным неудачником и

слютяем. . . Едва слышно Билли шепнула мне:

– Подойди к ней и обними.

– Да ты шутишь!

– Нет, вполне серьезно. Ступай.

– Сомневаюсь, чтобы ей это понравилось.

– Да она только этого и хочет. Иди к ней, пусть она увидит, что ты к ней равнодушен.

– Я хочу остаться с тобой.

– Знаю.

– А ты разве не хочешь, чтобы я побыл здесь?

– Хочу, конечно. Но Конни. . . она так страдает. Иди к ней и будь с ней добрее.

– Она меня ненавидит.

– Нет, это не так. Когда она думала, что ты умер. . . она себе места не находила.

В это было довольно трудно поверить.

– Правда?

– Да, правда. Никогда не видела ее такой удрученной. А сейчас иди, пожалуйста, к ней. – И Билли еще раз поцеловала меня. Поцелуй был легким, типа "спасибо-за-все-а-теперь-прощай". Затем она убрала руки.

– Ладно, – нехотя согласился я, и меня чуть не

вывернуло от досады и разочарования. Но просьбу Билли надо было уважить. – А можно я еще вернусь, попозже? – шепнул я, скользя руками вниз по ее спине и стараясь не нажимать на ра-ны.

– Разумеется. Позднее. Но сначала помоги Конни.

Ниже пояса на ней ничего не было, и мои руки опустились ей на ягодицы. Билли не пыталась меня остановить.

Она лишь еще раз поцеловала меня и шепнула:

– Иди же.

Перестав ласкать ее, я вытащил руки из клетки. Отходя от нее, я довольно громко, так, чтобы все могли слышать и прекратили гадать, что происходило, произнес:

– Ну а как же Тельма? Разве она ничего не знала о планах Уэзли?

– Не имела ни малейшего представления, – ответила Билли с некоторым удивлением от внезапного возвращения к прежней теме. – Она и вправду верила, что он погиб при взрыве.

– Неужели он ей ничего не рассказал? Видимо, Билли недоумевала, почему я все еще стою у ее клетки, вместо того чтобы идти к Конни. По правде говоря, мне хотелось сделать еще что-нибудь приятное Билли, и я совсем не горел желанием встречаться лицом к лицу с ее дочерью.

Та была явно не в лучшем расположении духа.

– Его первоначальный план предусматривал и ее смерть, – сообщила Билли.

– Что?

– Сначала Уэзли намеревался убить Эндрю, Кита, тебя и Тельму. Так он мне сам сказал.

– Почему Тельму?

– А ты ее когда-нибудь видел? – выкрикнула Конни. – Ах да. Совсем забыла. Конечно же, видел. Но явно нашел ее столь привлекательной, что захотел даже побороться с нею голышом. Тебя тянет к женщинам в возрасте, правда? Тельма, моя мамуля, Кимберли. Уверена, ты не прочь побороться голышом и с...

– Перестань, – резко оборвала ее Кимберли.

– Уэзли ненавидел Тельму, – громко и решительно

тельно заявила Билли. — Ему не нравилось в ней все, но больше всего то, что она во многом была такая же, как он.

— Готов поспорить, тебе он этого не говорил, — сказал я.

— Ты прав. Это мое личное наблюдение. Но что он ненавидит ее—сказал. Назвал ее безобразной и отвратительной. И добавил, что всерьез намеревался убить ее после того, как прикончил бы всех мужчин. Потому что она ему надоела, и он не хотел, чтобы она путалась под ногами. Ему нужны были только мы. — Понизив голос, Билли прибавила:—И близнецы тоже. О них он не знал. Остров он выбрал из-за этих клеток, а близнецы стали чем-то вроде специальной премии. — Еще более тихим голосом она прошептала:—Иди к Конни. Не мешкай.

— Сейчас пойду, — шепнул я в ответ. Затем нормальным голосом спросил:—Почему же он передумал убивать Тельму?

— Потому что она спасла его задницу, — промолвила Кимберли.

— Когда мы устроили на него засаду на пля-

же? – переспросил я.

– Верно, – подтвердила Билли. – Все было почти так, как мы и предполагали: он был настолько серьезно ранен, что нуждался в помощи. После того как они выбрались из нашей засады, он разыграл перед ней спектакль: раскололся и исповедался. Уэзли признался ей почти во всем.

– За исключением того, что он ее ненавидит, – добавила Кимберли.

– Да, об этом он умолчал. Решил сохранить это в тайне. Утверждал, что любит ее. И сделал все это ради нее, потому что знал, как презирала она всех нас.

– За что же ей вас презирать? – изумился я.

– Хотя бы за то, что мы пытались убить ее мужа.

– Это ее сильно озлобило, – добавила Кимберли. – К тому же она просто в принципе не выносит нас.

– Потому что она ревнивая сука, – выкрикнула Конни.

– По-видимому, рядом с нами она чувствует себя уродиной. – В голосе Кимберли прозвучала

нотка мрачного юмора.

– Такой ни на что неспособной и никчемной дрянью, какой она является на самом деле, – вновь отозвалась Конни.

– И она мстит нам за это, – пояснила Кимберли. – Потешается над нами на славу.

– Она хуже Уэзли, – заявила Билли.

Конни неприятно хихикнула.

– По крайней мере, у Тельмы нет члена.

– Она с лихвой компенсирует этот недостаток, – заметила Билли.

– Они—прекрасная пара, – прибавила Кимберли.

Я это знал, но не стал ничего говорить. Никто не должен догадываться, что я видел их в действии, с Эрин.

– Будем считать, что тема исчерпана? – спросила Билли.

Я не понял, к кому обращен этот вопрос.

– Это самое существенное, – ответила Кимберли. – А все знать ему вовсе не обязательно.

– Могу поспорить, что он с удовольствием посмаковал бы все пикантные подробности, – вновь

донесся голос Конни. – Он мог бы перенести их в свой дневник. Так ведь, Руп?

– У меня закончилась...

– Ах да, я и забыла. Но ты все равно хотел бы их услышать, не так ли? Разве ты не сгораешь от любопытства и не хочешь, чтобы мы рассказали тебе, как он нас насиловал? Каким отверстиям отдает предпочтение Уэзли и как Тельма...

– Заткнись! – рявкнула на нее Кимберли.

– Конни? – всполошилась Билли. – Да что с тобой происходит? Прекрати немедленно!

– Иди сюда, Руперт, – не унималась Конни. – Я расскажу тебе такое, что у тебя слюнки потекут. Я поведаю тебе уйму интересного.

– Нет, спасибо, – запротестовал я. – Яне...

– Ты не хочешь узнать, что вчера Тельма сделала Кимберли палкой?

– Заткни свой поганный рот! – отозвалась Кимберли.

– Иди сюда, и я расскажу тебе о том, как моя мамочка отсасывала у Уэзли.

– Руперт, – обратилась ко мне Билли. Она явно была расстроена, но голос все еще звучал

довольно спокойно. И она больше не шептала. Видимо, считала, что Конни теперь лучше слышать то, что она говорила. – Иди Же к ней, – настаивала она. – побыстрее, ладно? У меня такое впечатление, что она... Не знаю, как это сказать. Я боюсь, что она теряет контроль над собой.

– Теряю? – взвилась Конни. – Ты боишься, что я потеряю контроль? Ха-ха-ха! Да он уже потерян!

И я заторопился в направлении ее клетки.

– Конни? – позвал я.

– Сюда, Руперт. Сюда, сюда. – От ее насмешливого задабривающего тона голоса у меня мурашки поползли по спине. – Я жду тебя с нетерпением.

– Эй, не надо так нервничать, – попытался я успокоить ее.

– Ты скучал по мне?

– А как же.

– Готова поручиться, по моей маме ты скучал больше.

”В самую точку”, – подумал я, но вслух сказал:

– Нет, что ты.

– Враки, враки, в трусах раки.

Судя по голосу, она находилась где-то прямо передо мной. Остановившись, я повернулся лицом к клетке и, вытянув вперед руку, стал водить ею из стороны в сторону.

Клетка была еще вне пределов досягаемости. Именно то, что надо было.

– А как насчет Киммммм-берли? – промычала она. – Неужто ты не тосковал по ней?

– Мне вас всех не хватало.

– Чушшшшь. Чушь, чушь, чушь! По ней ты скучал больше, чем по мне. По ним обоим ты скучал больше, чем по мне. Признайся. Тебе хочется их трахнуть, так ведь? Или, может, ты уже сделал это? Сделал? А? Ты уже трахнул мою мамочку, Рупи? Или сказочную Киммммм-берли? Трахнул? И как там они. Они были хороши и...?

– А ты еще называешь Тельму ревнивой сукой, – попрекнул я ее.

Что оказалось весьма некстати. Потому что Конни пронзительно завопила. Но это был не вопль страха, какой можно услышать в кино. Это

Погаси свет! Его могут увидеть из дома!

Большой палец оставался на месте, держа открытым газовый клапан, и огонек продолжал гореть.

Конни прекратила дергаться и трясти клетку. Вопить она тоже перестала. Но вниз не спускалась. Вися на прутьях, она переводила дыхание и ухмылялась.

Она забралась слишком высоко, чтобы я мог разглядеть старую рану на ее плече, оставшуюся еще с тех времен, когда Тельма сбросила на нее камень с водопада. Короткие белокурые волосы Конни были мокрыми и приклеились к голове, но на них я совсем не заметил крови.

И лицо было в порядке.

Если не обращать внимания на широко раскрытые безумные глаза и закушенные губы. Если не обращать внимания на ее звериный оскал.

А это означало, что ее лицо берегли.

Но от шеи и ниже ее голая кожа представляла собой настоящую карту синяков, свежих ссадин, струпьев, рубцов, царапин и порезов.

Почерк Уэзли и Тельмы.

Я застонал от увиденного.

– Боже мой, Конни, – пробормотал я.

– Красивая, как картинка, – пробормотала она, и, склонив голову набок, облизала губы. – Поцелуешь меня?

– Тебе лучше уносить отсюда ноги, Руп. Они могли услышать крики. Если они выглянут и увидят твою зажигалку. . .

– Иди сюда, – позвала Конни. – Иди, иди, иди. – Глядя на меня с вожделением, она прижалась к прутьям бедрами. Кто-то выбрил ей лобок, и вместо срамных волос блестела гладкая кожа. – Подойди и чмокни меня. Чмокни в губки.

И, словно в наказание за мое бесстыдство, за то, что я смотрел на то, на что смотреть мне не полагалось, зажигалка неожиданно погасла.

И на всех нас опустилась тьма.

Сняв палец с газового клапана, я приготовился было вновь зажечь зажигалку.

– Уходи! – воскликнула Кимберли. – Уходи скорее!

– Нет, нет, нет, – запротестовала Конни. – Иди сюда. Сюда, сюда, Рупи. У меня есть для тебя

кое-что.

– Руперт, – позвала Билли из своей дальней клетки. – Покинь нас. Немедленно. Беги. Если ты попадешь им в руки, мы пропали. И у нас не останется даже надежды.

Отвернувшись от клетки Конни, я бросил взгляд в темноту. В джунглях и вдоль дорожки кое-где виднелись пятна лунного света—и больше ничего, кроме черноты и смутных серых теней. Никаких признаков дома или людей.

Звуков было много, но все они были лесными.

Ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало приближение человека.

Но, если бы Уэзли и Тельма догадались о моем присутствии, они вряд ли кинулись на меня с криками и размахивая факелом. Они бы подкрались в темноте и тихо.

Возможно, мне уже поздно было спастись.

– У меня есть для тебя кое-что, Рули. Подойди чуточку ближе. Или ты испугался? Ты ведь не боишься меня, нет? Я тебе ничего не сделаю. Обещаю. Ты почувствуешь себя на небесах.

– Всем до свидания, – сказал я.

– О нет, ты не сделаешь этого! – закричала Конни.

А я уже спешил прочь от ее клетки. За моей спиной Конни пронзительно верещала, бесилась и обзывала меня ужасными словами.

На пути в логово

Пробираясь сквозь джунгли буквально на ощупь, я наконец добрался до границы участка, окружающего особняк, и, не выходя из зарослей, пригнулся пониже и выглянул.

После почти абсолютной темноты у клеток освещенные лунным светом лужайка и сам дом казались поразительно яркими.

Нигде ни следа Уэзли или Тельмы.

Последний раз я видел их входящими в дом. Были ли они все еще внутри?

Где-то там, за моей спиной, Конни продолжала выкрикивать что-то наподобие: "Ах ты, ублюдок, а ну вернись!" Билли и Кимберли что-то говорили, видимо, пытаясь вразумить ее. Их голоса и дикий визг Конни смешивались с обычными пронзительными криками и воплями обитателей джунглей.

Едва ли их можно было бы услышать из дома. Даже первый и самый громкий душераздирающий крик Конни вероятно остался незамеченным Уэзли и Тельмой. Они могли бы уловить какой-то шум, если бы стояли тихо и прислушивались возле открытого окна в одной из комнат, выхо-

дящих в сторону джунглей. Но это было маловероятно. В таком огромном доме скорее всего они находились в каком-либо другом месте.

И вряд ли они стояли тихо, напряженно прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам. Нет, наверняка они в это время чем-то занимались. Ходили по дому, разговаривали, спали или делали что-нибудь другое.

Так что едва ли они слышали Конни.

Больше шансов было на то, что они заметили огонек моей зажигалки. Для такого крохотного язычка пламени дырка, проколота им в темноте, была поразительно огромной. Клетки от лужайки отделяла довольно узкая полоска джунглей, так что, если кроны деревьев не слишком густые, свет зажигалки мог быть виден из дома.

Но его можно было бы заметить лишь в том случае, если бы Уэзли или Тельма смотрели в это время из выходящего на эту сторону окна.

Так что, спустя какое-то время, я пришел к заключению, что мы переоценили опасность, и мне можно было остаться с девочками.

Но береженного Бог бережет.

А я—их единственный шанс.

К тому же, может и к лучшему, что я ушел именно тогда. С Конни начало твориться что-то неладное, и неизвестно, чем все это могло кончиться.

После моего ухода ее состояние улучшилось, и вскоре она успокоилась. Через пятнадцать минут до меня уже не доносились ничьи голоса.

Кроме того, за это время стало ясно, что никто не появился, чтобы проверить пленниц.

И теперь я пытался решить, что же делать дальше?

Похоже, возможных вариантов было три:

1. Ничего не делать.
2. Незаметно прокрасться к клетке Билли.
3. Тайком забраться в дом.

Ничего

не делать—звучало неплохо. Этот вариант грозил мне минимальными неприятностями—в том числе и летальными. Пока бы я прятался в джунглях, шанс остаться в живых был бы довольно высок. Возможно, это была и самая разумная линия поведения, поскольку я не знал в точности,

где могли находиться Уэзли и Тельма.

Но искушение вернуться к клетке Билли было очень велико. Если бы мне удалось сделать это тайком и привлечь ее внимание так, чтобы другие ни о чем не догадались... Боже мой, даже подумать страшно, что могло произойти. От одних мыслей об этом я пришел в сильное возбуждение.

Но почему ограничивать себя одной Билли? Я мог бы подкрасться к любой из клеток. Разумеется, только не к Конни. А как насчет Кимберли? Вот было бы здорово! Нет. Эта вся в делах. Кимберли может схватить за руку, но баловством заниматься не захочет. А если нанести визит Эрин? Эрин мне понравилась. Похоже, и я ей тоже.

Слишком юная, возразил я самому себе. С ней ничего нельзя делать.

Кто это сказал? Она всего на четыре года моложе меня. Это не так много. Когда мне будет тридцать, ей будет двадцать шесть.

Но сейчас ей только четырнадцать. Ну и что? В некоторых странах в четырнадцать лет люди вступают в брак.

И я представил себя возле клетки Эрин. Как я прикасаюсь к ней в темноте, как мы исследуем друг друга через прутья клетки. Мысленно я почти начал ощущать гладкую теплоту ее небольших заостренных грудей.

Но чем больше я возбуждался, тем острее чувствовал свою вину.

Нельзя позволять себе возвращаться тайком к клеткам.

Если я пойду к Билли, то вполне могу потом оказаться и у Эрин.

А это будет очень скверный поступок, несмотря на все доводы, которые я приводил себе в его оправдание. Как я вообще мог подумать о том, чтобы попытаться соблазнить Эрин? Чем же я в таком случае лучше Уэзли?

Я был зол на себя.

Может быть, мне захотелось наказать себя за то великое искушение, которое я испытывал по отношению к Эрин. Или порочное побуждение воспользоваться ее беспомощным положением, словно лучом прожектора, указало на то, что было верным и что необходимо было сделать.

Да, я вернусь к клеткам. Но сделаю это тогда, когда в руке у меня будет связка ключей Уэзли. И не раньше.

Трех вариантов больше не существовало. Остался только один.

Номер третий: тайком проникнуть в дом.

Не выходя из темных джунглей, я пошел по периметру лужайки и дошел до участка, примыкающего к боковой стороне дома.

И стал вглядываться.

Прямо передо мной, на расстоянии небольшой пробежки, было окно, через которое я наблюдал за издевательствами над Эрин.

Окно было темным.

Впрочем, света не было нигде. Никаких признаков Уэзли или Тельмы я не заметил. Но они несомненно находились где-то в доме. Я ведь видел, как они входили, и не было никаких оснований думать, что они из него вышли.

Но они могли это сделать.

И могут быть где угодно.

Дождаться удобного случая, чтобы напасть на меня.

Выскочив из укрытия, я стремглав понесся по высокой траве. Испуг был настолько велик, что мое сознание расщепилось и я разделился на двое: одна моя половина совершала эту безумно-опасную пробежку, тогда как другая изумленно наблюдала за первой с расстояния, как бы насмехаясь над ее глупостью. "Так-так, сам лезешь на рожон", — подумал я. Но я все бежал и остановился только у боковой стены дома. Прислонившись к ней плечом, я стал судорожно глотать воздух. Дыхание, впрочем, восстановилось довольно быстро, только вот сердце упорно отказывалось притормозить и стучало, как бешеное. Потому что знало, что ожидает нас впереди.

Бросок через газон был самой безопасной частью операции.

Шагнув к окну, я прильнул лицом к сетке и заглянул вовнутрь.

И ничего не увидел.

Вернее, увидел многое. Это была совсем не та темнота, которая окружала клетки. Комнату заливала серая мгла—лунный свет, сочившийся через окно и растекавшийся вокруг.

Его было вполне достаточно, чтобы показать мне, что комната заполнена темнотой.

Темноты было предостаточно, чтобы спрятать двоих—или даже двадцатерых.

Ощупав низ сетки, я обнаружил пару прорезов, которые я сделал прошлый раз бритвой. А что, если и Тельма их нашла? И тут же пожалел, что подумал об этом. Если она или Уэзли заметили дело моих рук на сетке, они догадаются, что у них побывал незванный гость. И подготовятся к его встрече.

Но они, вероятно, ничего не заметили. Скорее всего они больше не заходили в эту комнату, после того как в ней побывала Тельма, чтобы собрать одежду, задуть свечи и все такое.

Просунув указательные пальцы в прорезы и согнув их вниз, я потянул сетку на себя.

Через несколько секунд я просунул внутрь голову. Без сетки видимость значительно улучшилась.

Темноту теперь я видел намного яснее.

Я стоял и разглядывал комнату, а сетка лежала у меня на затылке.

Вокруг одни черные пятна.

Но вроде ничего не двигалось.

В воздухе висел какой-то прогорклый и гадкий запах сигарет. И еще пахло свечами и кровью. Или мне это показалось—последние два запаха могли существовать лишь в моем воображении.

Я представил себе сидящих посреди комнаты на полу со скрещенными ногами Уэзли и Тельму. Как они улыбаются и терпеливо дожидаются, пока я войду в их логово.

С этой лунной подсветкой меня легко было разглядеть. Я был словно черный бюст Палласа, поставленный на подоконник.

И все же я взял да и полез в окно.

Другое Я, как мне показалось, осталось стоять в сторонке, неодобрительно покачивая головой и словно предостерегая: не сносить тебе головы.

Рюкзачок на спине создавал определенные трудности, и мне пришлось локтем немного отодвинуть сетку, чтобы он не зацепился. Но в конце концов я перелез через подоконник и опустился

в комнате.

И тут же шагнул в сторону от окна, чтобы за спиной оказалась стена.

Затем постоял неподвижно, прислушиваясь к звукам в доме. Единственные человеческие звуки исходили от меня: шум дыхания и биение сердца, да еще временами урчание в животе.

Слишком долго уже я не ел.

Еда была у меня с собой, но сейчас было не самое подходящее время для приема пищи.

Я запустил руку в правый передний карман шорт. Сначала извлек зажигалку. Переложив ее в левую руку, я снова полез в карман и на этот раз выудил из него опасную бритву.

Открывать ее я не стал.

Она должна быть готова к применению, но все же не настолько.

Затем я попытался заставить себя воспользоваться зажигалкой.

Она стала такая скользкая, да и большой палец почему-то не слушался.

Ну же, сделай это, понукал я себя. Что тебе терять? Если их нет в комнате, они все равно не

увидят. Если же они здесь, то ты уже покойник, только пока не знаешь этого.

И я чиркнул кремнем зажигалки. То же самое сделал и парень, стоявший слева от меня в углу комнаты.

Я подскочил с возгласом "Йа!" Затем до меня дошло, что этот парень—всего лишь мое отражение в зеркале. (Знаю, знаю, я—идиот.)

Погасив огонь, я долго стоял в темноте, ожидая, что кто-нибудь придет поинтересоваться, что это за такой странный вскрик. Но никто не появился.

И я снова включил зажигалку. На этот раз парень в зеркале меня не испугал. Напротив, я даже был ему благодарен—стало в два раза светлее.

Мы оба стояли неподвижно и внимательно оглядывали комнату.

Похоже, кроме нас, в ней никого не было. И я медленно пошел. Пошел и он со своим огоньком.

Когда внезапно моя нога наступила на что-то скользкое, я поскользнулся, но не упал.

Повернувшись, я нагнулся посмотреть, на что наступил. На полу было мокрое красноватое пят-

но. Это здесь Тельма и Уэзли закончили развлекаться с Эрин. Тельма возвращалась в комнату, чтобы подобрать одежду и задуть свечи, но не потрудилась потереть кровь, пот и все такое.

А теперь я вступил в кровь.

Шагнув назад, я обнаружил четкий отпечаток подошвы моей туфли.

Тогда я потушил огонек, опустил бритву в карман и, взяв зажигалку в зубы, снял с плеч рюкзачок и поставил его перед собой.

Внутри я отыскал жилетку, которую Конни сделала из полотенца, и, зажав ее между коленями, снова надел рюкзачок.

В абсолютной темноте я поднял ногу и вытер подошву туфли. Затем отступил назад, вытер другую подошву и повторил процесс. После этого я опустился на колени и включил зажигалку. Мое отражение и я поползли вперед, стирая наши следы. Остановились мы у края мокрого, измазанного кровью участка. Следы скольжения можно оставить—подошвы в них не отпечатались, а, значит, их могла оставить чья-то босая нога.

Мы поднялись и медленно пошли назад. Новых следов не появилось.

Оказавшись снова в темноте, я свернул жилетку и отправил ее назад в рюкзачок. Это заняло какое-то время. Кроме того, от жилетки руки стали мокрыми и липкими, и пришлось обтереть их о шорты.

Когда я включил зажигалку, мой двойник вновь появился. Но просуществовал недолго—только пока я подошел к дверному проему и снова погасил огонек.

Переложив зажигалку в левую руку, я достал бритву и шагнул из комнаты в коридор.

Не буди лиха

Комнату за комнатой, коридор за коридором, лестницу за лестницей обыскивал я огромный дом. Долгие и утомительные экскурсии по старинным особнякам рабовладельцев, выстроившимся вдоль Миссисипи, в которых я томился прошлым летом, оказались не напрасными: по общей планировке этот особняк был схож со многими из виденных мною. Мне даже казалось, что я здесь уже побывал, потому что почти всегда мог безошибочно предсказать, что будет дальше.

Хотя зажигалка постоянно была у меня в руке, я ее не использовал.

Я исследовал дом в темноте, крадучись и часто останавливаясь, чтобы прислушаться.

Спустя какое-то время я положил бритву назад в карман—мне нужна была свободная рука, чтобы нащупывать дорогу.

В доме стояла мертвая тишина.

Лишь его половицы без устали постанывали и поскрипывали под моими ногами.

От меня самого шуму было очень мало. Хотя мое дыхание и биение сердца так же, как участвовавшее урчание голодного желудка, казались

мне громкими, по сравнению с возмущенными жалобами дерева, попираемого моими ногами, они были тихими.

Казалось, пол в доме вошел в сговор с Уэзли и Тельмой. "Еще бы, – подумал я. – Ему нравится, что по нему катаются голые тела, он наслаждается ощущением голой кожи и обожает, когда его доски умащивают кровью, потом и спермой. А я явился, чтобы положить конец всему этому. Поэтому он и выкрикивает свои предупреждения..."

(Иногда в голову лезут такие странные мысли. Когда ты один в темноте и в любую минуту можно оступить и полететь вниз, или удариться о стену, или споткнуться о лампу, или наткнуться на того, кто желает перерезать тебе горло, трудно сохранить ясность ума.)

Чтобы описать каждый неловкий шаг и столкновение, страхи, которые я испытывал, обследуя особняк, и ложные тревоги—кошмарные сценарии, мелькавшие у меня в голове, – ужас, который охватывал меня всякий раз, когда я поворачивал за угол или входил в новую комнату,

понадобилось бы много часов.

Тогда мне показалось, что само обследование дома длилось бесконечно.

Я уже думал, что всходит солнце.

Но в реальности я, вероятнее всего, бродил по дому не более часа, прежде чем нашел Уэзли и Тельму.

Мне уже начинало казаться, что их все-таки нет в доме. Может быть, они ночевали на яхте. Но затем, когда я поднимался по лестнице на третий и последний этаж, то услышал тихий раскатистый звук. Остановившись, я прислушался. Звук замер, но затем послышался вновь. И опять наступила тишина. Затем резкое похрапывание.

Сопит какое-то животное?

Но, послушав подольше, я понял, что звуки эти издает спящий человек.

Спящий и храпящий.

Дальше я поднимался еще медленнее, осторожно ставя ноги на каждую ступеньку и плавно перенося на них вес. Но большинство из ступенек все равно скрипели. Всякий раз, когда это случилось, я съеживался, замирал на месте и прислу-

шивался, дожидаясь очередного храпа.

Наконец я добрался до верхней площадки лестницы.

И очутился посредине широкого коридора, окруженный стенами с открытыми дверями. Со своего места я мог видеть четыре залитые лунным светом комнаты—по одной возле каждого угла.

Звуки храпа, теперь более отчетливые, похоже, доносились из двери, находившейся передо мной и правее. Остановившись возле балясины перил, я обернулся лицом в направлении звуков.

В темноте вход в комнату выглядел смутно бледным.

Я с большой осторожностью стал к нему подкрадываться.

Так вот где устроились Уэзли и Тельма.

Имея в своем распоряжении весь дом, почему они предпочли спать в столь отдаленной комнате? Мне показалось это очень странным, особенно учитывая раны Уэзли. Зачем было взбираться на третий этаж, когда на первом было множество хороших и удобных комнат?

У входа я остановился и заглянул внутрь.

В глубине комнаты два ярких от лунного света окна.

Ах вот оно что!

Это комната с видом.

С такой высоты, вероятно, можно было видеть клетки поверх крон деревьев.

Наблюдать за женщинами.

Отсюда они вполне могли бы увидеть огонек моей зажигалки.

Если бы смотрели.

Однако, судя по всему, они не смотрели. Если бы они увидели этот огонек, то вряд ли просто так взяли бы да и завалились спать.

Кроме храпа, из комнаты доносилось глубокое ровное дыхание.

Они здесь и спят.

Видимо.

Отчасти я был рад, что нашел их. По крайней мере, была решена загадка их местонахождения.

Но другая часть меня не одобряла эту находку.

И что, черт побери, я должен был теперь де-

лать?

На ум пришло только два возможных варианта поведения:

1. Убираться к чертовой матери из дому.
2. Войти в комнату.

Если быть откровенным, мне жутко хотелось уйти. Я чувствовал, что если останусь, обязательно случится что-то нехорошее.

Я подумал, может, выбраться из дома и поджечь его. Это был бы сравнительно безопасный и эффективный способ покончить с Уэзли и Тельмой.

Не такая уж и плохая мысль.

Эта высота оказалась бы для них ловушкой, и шансы спастись практически равнялись нулю.

Только одно слабое место.

(Похоже, от них никогда нельзя избавиться.)

Уэзли, вероятно, взял с собой в комнату ключи от клеток. Если я сожгу дом, что станет с ключами? Начнем с того, что я, возможно, не смогу отыскать их среди пепелища. И потом, вдруг они расплавятся? Я ведь не специалист по температуре плавления ключей от клеток для содержа-

ния горилл. В горящем доме они вполне могут превратиться в лужицы металла или, по крайней мере, покорежиться и прийти в негодность.

И как я смогу тогда открыть клетки?

Значит, необходимо прокрасться в комнату и найти ключи. Взять ключи и только затем выбираться к черту из дома и поджигать его.

Мысль эта показалась мне просто замечательной.

В ней было только одно слабое место: чтобы заполучить эти ключи, придется войти в комнату и поискать.

А как можно было надеяться отыскать их в темноте?

В голове моей раздался голос, напоминавший голос Кимберли. И он говорил: "Выкинь из головы все это дерьмо и сделай то, что надо".

Она была права.

Или это я был прав, потому что на самом деле голос этот принадлежал не Кимберли, а был моим собственным.

Я не хотел делать это.

Но я нашел Уэзли и Тельму. И они спали. А

спящие они были беспомощны. И, значит, полностью в моей власти. Другого такого шанса мне, возможно, никогда не представится. Если я сейчас окажусь трусом, то возненавижу себя навсегда.

Если я упущу свой шанс, расплачиваться придется моим женщинам.

Перед тем как войти в комнату, я вынул из кармана бритву и большим пальцем открыл лезвие.

В этот миг я вновь превратился в шизика: от меня снова отделился критичный и обеспокоенный наблюдатель.

Ты, должно быть, лишился своего драгоценного рассудка, говорил он мне.

Я перешагнул порог.

Пол закрипел.

Один из спящих захрапел. (Думаю, Уэзли.) Дыхание другого оставалось глубоким и ровным.

Они спят мертвым сном, убеждал я себя.

Если только не притворяются.

И тогда я подумал: "Ты должен немедленно перерезать им глотки".

Но я понимал, что не смогу это сделать. Чтобы убивать спящих, надо быть чертовски хладнокровным. И даже если бы мне удалось заставить себя разделаться подобным образом с Уэзли, с Тельмой все обстояло иначе.

Тельма была женщиной.

А как бы я смог перерезать горло женщине?

Не смог бы, вот как.

(Но я смог бы сжечь ее, подпалив дом? Видимо, да. Даже считая предосудительной саму идею перерезания горла, я был решительно настроен на то, чтобы сжечь живьем этих двух чудовищ вместе с домом. И рука не дрогнула бы.)

Остановившись у входа, я увидел, что Уэзли и Тельма спали в одной кровати. По крайней мере, я предположил, что это они.

Потому что мне не очень хорошо было их видно.

По обе стороны двойной кровати стояли ночные столики. Столики и кровать стояли у стены между окнами, поэтому лунный свет на них почти не падал.

Уэзли и Тельма (в то время я мог только

предположить, что это были они) лежали бок о бок—расплывчатые темные фигуры на белой простыне.

Тело на левой половине двойной кровати выглядело крупнее, чем лежавшее справа. Храп доносился оттуда. Кроме того, на этом теле была белая заплата, очень напоминавшая грудную повязку Уэзли.

Значит, он лежал слева, а Тельма справа.

И я направился к той стороне кровати, которую занимал Уэзли. Потому что ключи были у него. На его месте я бы положил их на ночной столик, чтобы до них можно было легко дотянуться.

Мне нужна была свободная рука. Но я не хотел остаться без бритвы, так что в карман ушла зажигалка.

Пока я подходил все ближе и ближе к ночному столику Уэзли, спящие продолжали издавать свои обычные звуки.

Когда я добрался туда, я развернулся боком, чтобы не терять их из виду.

Но, если пристально смотреть на людей, они,

кажется, чувствуют это.

Кто-нибудь из них обязательно проснется, это точно.

Так что вместо этого я посмотрел в сторону выхода, когда осторожно похлопывал по столику.

Да только недостаточно осторожно.

Шаря вслепую, я слегка толкнул пальцами кольцо с ключами. Оно сдвинулось с места, ца-рапнув по дереву. И несколько ключей ударились друг о друга. И тихо звякнули.

Уэзли продолжал храпеть.

Тельма резко вскочила на кровати.

Я окаменел.

Она сидела на матрасе по другую сторону Уэзли, не шевелясь и не произнося ни слова.

В какую сторону была повернута ее голова, определить я не мог.

Но она должна была смотреть на меня.

Видела ли она меня?

Я не двигался и старался не дышать.

Может быть, пронесет.

Если она меня не видела, и я не издам ни единого звука, возможно, через какое-то время

она успокоится, ляжет и снова уснет.

Довольно скоро мне понадобилось вдохнуть воздух. Я сделал это медленно. Вероятно, она не услышала меня за громким храпом Уэзли. Но она еще сидела.

Мною стала овладевать паника. Я почувствовал, что задыхаюсь, сердце бешено заколотилось, а все тело дрожало, в том числе и руки.

Связку ключей я прижимал к столу кончиками пальцев. Если дрожь усилится, я не смогу контролировать пальцы и ключи вновь зазвенят. Я подумал было поднять руку. Но, когда я буду убирать руку, ключи могут зазвенеть.

Может быть, мне надо схватить их и дать деру? Нет, нет, нет, нет!

"Наберись терпения и жди!"—приказывал я себе. Уже недолго. Еще секунда, и она ляжет. Пройдет еще немного времени, и она уснет крепким сном. — Иди сюда, Руперт, — шепнула она. Вздрагнув, я тихо ахнул и машинально схватил ключи. Они звенели целое мгновение, пока я не стиснул их в руке, заставив замолчать. Раздался kloкочущий храп Уэзли, и он со стоном перевер-

нулся на бок. Теперь он лежал ко мне спиной и лицом к Тельме. Та молчала. Спустя несколько секунд, которые показались мне вечностью, Уэз-ли вновь захрапел.

Я стоял у кровати с ключами в одной руке и бритвой—в другой.

И пристально смотрел на Тельму. Хотя я не мог видеть ее глаза—или даже в какую сторону повернута ее голова, — я знал, что она наблюдает за мной.

И я начал медленно, не отрывая подошвы от пола, перемещаться в ноги кровати.

Пусть думает, что я иду к ней, говорил я себе. До самого момента, когда я рванусь к двери.

Однако, оказавшись в ногах кровати, я никуда не рванул.

Один шаг в неверном направлении, и Тельма обязательно закричит. Я знал это. На этот счет у меня не было ни малейшего сомнения. От ее крика проснется Уэзли, и они вдвоем бросятся на меня.

Разделайся с ней, пока она одна, или тебе придется иметь дело с ними обоими сразу.

Кроме того, мне было любопытно. Странно, почему она прошептала: "Иди сюда, Руперт". Почему она сделала это вместо того, чтобы закричать?

Она продолжала сидеть ровно, пока я на цыпочках обходил вокруг кровати. Уэзли продолжал храпеть.

Когда я обогнул угол, Тельма медленно повернулась в сторону и опустила на пол ноги. Она сидела на краю матраца и ждала меня.

Шагах в двух от нее я остановился.

Тельма схватила рукой мой ремень. Не сопротивляясь, я позволил ей притянуть себя ближе. Теперь я стоял прямо перед ней. Но она потянула меня ещё ближе, и я оказался у нее между коленями. Её ноги касались моих. Не отпуская ремень, она прошептала:

– Отдай мне ключи.

На этот раз ее шепот, похоже, не потревожил мужа: тот продолжал храпеть и не двигался. А видел я его теперь прекрасно, поскольку высунулся над Тельмой. Только невозможно было определить, открыты его глаза или нет.

– У меня нет ключей, – тихо промолвил я.

– Уэзли? – Это уже был не шепот. Хотя произнесено было и не слишком громко, но этого оказалось достаточно, чтобы тот что-то буркнул и как-то вопросительно простонал.

В одной руке у меня были ключи, в другой— бритва.

Один взмах бритвой и...

Даже если она заслуживала такого конца, – а она его заслуживала, – рука у меня не поднималась. Только не таким способом—застав ее врасплох среди ночи. Во-первых, она была женщиной. Во-вторых, обойтись с нею так жестоко я мог бы только в единственном случае—в качестве крайней меры, спасая свою жизнь.

Храп Уэзли прекратился.

Вместо того чтобы перерезать Тельме горло, я поднес к ней левый кулак. Он встретился с теплой податливой кожей. Когда рука Тельмы нащупала мои пальцы, я разжал кулак, и она взяла ключи. Те звякнули несколько раз, но затем стало тихо.

– Ммммм? – промычал Уэзли.

– Ничего, милый.

– Ммм.

Через несколько секунд он снова захрапел.

Послышалось тихое "дзинь-дзинь"—это Тельма положила куда-то ключи. Может быть, за спину на матрац.

Придерживая одной рукой меня за ремень, другой она провела по шортам спереди. Затем медленно расстегнула "змейку" и запустила руку внутрь.

В других обстоятельствах нечто подобное вызвало бы моментальную эрекцию. Но слишком велик был страх, да и Тельма была не совсем в моем вкусе, не то что другие ее родственницы. Практически она возбуждала меня ровно столько, сколько и Уэзли, окажись он на ее месте, поэтому член мой настолько съежился, что я просто диву даюсь, как смогла она найти то, что искала.

Но нашла.

И принялась за работу.

Вспомнились наше общение у костра и ее попытка прикончить меня бритвой.

Та же самая бритва была сейчас у меня в руке, в то время как Тельма сжимала, гладила и оттягивала мой член.

На этот раз оружия у нее не было, это я знал. Во всяком случае—в руках.

Потому что одной рукой Тельма держалась за мой пояс, а другой—за мой член.

Протянув левую руку, я положил ладонь ей на голову, провел по коротким влажным волосам, погрузил в них пальцы и оставил их там. Затем скользнул по боковой поверхности ее головы запястьем правой руки, нашел ухо и приставил к нему лезвие бритвы—во впадинку между верхней частью уха и поверхностью головы.

Рука Тельмы перестала двигаться.

Теперь она крепко держала мой член.

– Отпусти, или я отрежу тебе ухо, – шепнул я.

– А я оторву тебе хрен.

– Отдай мне ключи, и я уйду отсюда.

– И не мечтай, засранец. Уэзли все еще храпел.

– Я тебе ничего не сделаю, – шепнул я. – Я

просто уйду.

– Трахни меня, – шепнула она. – Трахни и, как знать, может быть, я отдам их тебе.

”Да ты не в своем уме”, – подумал я.

– Прямо сейчас. – Она слегка дернула за член.

– Не могу. В его присутствии у меня ничего не получится.

– Хочешь, чтобы я его разбудила?

– Он все равно проснется, если я... сделаю по-твоему.

– Как знать. Давай посмотрим.

– А если где-нибудь в другом месте? – предложил я. – Давай пойдем в другую комнату...

– Здесь, рядом с ним.

– Отпусти меня и отдай ключи. Пожалуйста.

– Это моя бритва? – поинтересовалась она.

– Ага.

– Хочешь меня побрить?

– Нет.

– Уверен? А я уже начала забывать, что такое быть хорошо и гладко выбритой, с тех пор, как потеряла ее.

– С тех пор, как ты покушалась на мою жизнь.

– Если ты не собираешься меня брить, почему бы не отложить ее в сторону.

– Потому что я отрежу тебе ухо, если ты не отдашь мне ключи.

Послышался тихий смешок.

– Тогда валяй.

Как только я начал раздумывать над этим, она прибавила:

– Если бы у тебя хватило духу резать людей, то мы с Уэзли давно бы валялись с перерезанными глотками. Слишком ты паинька для таких гадких вещей.

– Ты так думаешь, да?

– Я знаю. И все же... – Она стиснула в кулаке мои яйца. Не сильно, но достаточно для того, чтобы я вздрогнул и почувствовал дурноту. – Я держу тебя за яйца, парень. И ты будешь делать то, что я тебе говорю. Так что убери бритву от моего уха, или получишь гоголь-моголь.

Я был в нерешительности.

Она сжала сильнее.

Возможно, мне все-таки надо было отрезать ей ухо, когда она это сделала. Но вместо этого

я застонал от боли и слегка согнулся в попытке облегчить ее.

– Ладно, – прошептал я. И убрал лезвие от ее уха.

Тельма отпустила мой пояс, и ее рука коснулась моего живота.

– Давай, – потребовала Тельма.

– Что?

– Бритву.

– А где гарантия, что ты не отрежешь мне член?

Она тихонько рассмеялась.

– Без него какой мне от тебя прок.

– Ладно, – прошептал я.

Просто удивительно, что Уэзли до сих пор не проснулся. Но удача моя не могла продолжаться вечно.

Я попытался сосредоточиться и придумать что-нибудь.

– Бритву, – повторила Тельма.

– Отпусти меня и я отдам ее тебе.

– Считаешь меня идиоткой?

– Это будет честная сделка, – шепнул я.

– Пока я держу тебя, ты будешь делать все, что я скажу.

– Лучше отпусти, – сказал я.

– Отдай бритву.

И я отдал. Удерживал я гораздо больше, чем бритву. И, как мне показалось, там было не меньше галлона. И все это я выпустил на нее.

Пару секунд она еще держала мой член в руке. Вероятно, никак не могла взять в толк, что происходит—что за горячая жидкость брызнула струей ей на руку. Затем, должно быть, догадалась.

– Фуууууу! – воскликнула она и отдернула руку. – Ублюдок!

Скорее всего я попал ей в грудь, так что опустил руку и немного приподнял свою лейку.

– Уэзли!

Она все-таки успела произнести его имя. Через мгновение она начала покашливать и отплевываться, потому что я уже поливал ее лицо.

Я быстро отступил назад.

Уэзли поднялся на кровати.

– Что?..

– Хватай его! – заверещала Тельма, словно ужаленная. – Убей этого говнюка!

У меня уже не было времени закончить начатое. Но и остановиться я не мог. Так что я повернулся на каблуках и побежал к двери, поливая пол.

Погоня

За спиной слышались глухие стуки и голоса.

– Кто?! – вскрикнул до смерти перепуганный Уэзли. – Кто это был?

– Руперт!

– Да он же мертв!

– Как бы не так!

Не успел я выскочить за дверь, как поскользнулся на мокром полу. Только охнул и взмахнул руками. Ноги разъехались в стороны, и я шлепнулся на задницу.

Позади все еще бубнила Тельма.

– Прокрался прямо сюда. У него моя бритва. Собирался перерезать нам глотки!

– Ты ничего не путаешь?

– Нет! Он на меня помочился, гадкий вафлер!

А из меня все еще бежало. Шорты—хоть выкручивай.

Ноги торчали вверх. Я толкнул себя вперед, ноги опустились, и подошвы коснулись плоской и скользкой деревянной поверхности, которую я принял за вторую лестницу с верхнего этажа.

– Ключи! – гаркнул Уэзли. – Он унес ключи!

– Они у меня, – успокоила его Тельма.

– Ты уверена?

Переложив бритву в левую руку, я поднял вверх правую, схватился за перила и подтянулся.

– Они у меня в руке, – повторила Тельма. – Были у него, но я отобрала.

Поднявшись на ноги, я обернулся к двери их комнаты. Слава Богу, Уэзли и Тельма решили устроить небольшую дискуссию, а не бросились сразу же в погоню.

– Вот и славно, – с облегчением вздохнул Уэзли. – Давай их сюда.

Судя по топанию ног, сопровождавшему их разговор, я понял, что они собирают вещи. Не ключи ведь. Скорее всего, оружие.

А что, если у них есть фонари?

Едва я шагнул вниз, нога вновь соскользнула со ступеньки. Если бы не так крепко держался за перила, наверняка снова упал бы. А из меня все текло и текло. Совсем не просто сразу же закрыть кран, если долго терпел, особенно когда так напуган. Да и сколько там я отливал, на-

верное, полминуты, не больше, хотя казалось—целую вечность.

– Быстрее, быстрее, – подгонял Тельму Уэзли где-то там, за моей спиной.

– Ты готов?

– Да. Вот, возьми эти.

Я скакал вниз по скользким ступенькам, скрипя подошвами.

Сверху слышался глухой топот.

Я прибавил хода.

Как же мне хотелось увидеть, куда я неся.

И вдруг я увидел.

Они включили свет!

Особняк все же электрифицирован.

Мне сразу стало не хватать темноты. Она показалась мне старым другом, который прятал меня под своим плащом.

А теперь как в чистом поле.

Но, по крайней мере, я был не слеп и мог двигаться быстрее.

До низа оставалось три ступеньки, и я прыгнул. При этом от моей спины оторвался рюкзачок. Через мгновение после приземления он рез-

ко опустился вниз и подтолкнул меня. Я пошатнулся, и в этот момент мимо меня пролетело копье. (Особое рыболовное копье Конни с вырезанными шипами.) Всего в нескольких дюймах. Оно с грохотом упало на деревянный пол, проползло по нему несколько метров и покатилося по коридору.

У меня мелькнула мысль поднять его.

Но тогда пришлось бы уйти в сторону от лестницы.

И это означало поединок, а не бегство.

Двое против одного.

Копье того не стоило.

Судя по приближающимся звукам, Уэзли и Тельма уже сбегали по лестнице.

Не отважившись поднять голову и взглянуть на них, я сделал поворот кругом и бросился к следующей лестнице. Перед самым спуском я услышал крик: "Йиии!", за которым последовал оглушительный грохот.

Я обернулся.

И увидел Уэзли, стоявшего на голове посередине лестницы. Босого, с голым задом. Впрочем,

на нем вообще ничего не было, не считая грязных белых заплат на груди и заднице да ремня на поясе.

Еще я успел заметить пустые кожаные ножны у бедра, прежде чем ноги и зад рухнули вниз. Охотничий нож был у него в руке. Он не выпускал его из рук, пока кубарем катился по лестнице.

Когда Уэзли наконец остановился, то лежал на спине, раскинув руки и ноги, как потерявший сознание или мертвый.

Должно быть, где-то на верхних ступеньках поскользнулся на оставленной мною луже.

И теперь выбыл из игры.

Оставалась только Тельма.

Может быть, она тоже упадет.

Но она уже съезжала по перилам, как бесшабашный сорвиголова—да так, что перила визжали под ягодицами. Ноги—в стороны, на лице—дикий и жуткий оскал, в каждой руке—по мачете.

Казалось, ее совсем не беспокоил деревянный шар на верхушке балясины в конце перил.

Меня так и подмывало задержаться и посмотреть, но я не решился.

Повернувшись, я поскакал вниз по лестнице на первый этаж особняка.

Каким-то образом Тельма справилась с шаром. Глухие стуки, но без криков боли. Когда через несколько секунд я обернулся, она уже спускалась с моей лестницы. Но катания на перилах больше не было.

Тельма тяжело топала ногами посередине лестницы, размахивая над головой мачете. Пот, а может быть, и моя моча слетали брызгами с ее волос и кожи, подбородок, руки и бедра дрожали, огромные груди подпрыгивали вверх-вниз, хлеща из стороны в сторону.

Каждый ее шаг звучал, словно удар паровым молотом, направленный на разрушение лестницы. Сбегая по ступеням, я ногами чувствовал, как дрожит лестница. Еще я почувствовал сквозняк в ширинке и понял, что наконец-то все вытекло.

Последние четыре ступеньки я преодолел прыжком.

Приземлился на обе ноги. Рюкзачок хлопнул меня по спине. Я метну лея через прихожую к

входной двери, но меня так раскачивало, что бегом это назвать было трудно. От бритвы будет мало толку—с мачете Тельмы ей не сравниться. И, боясь пораниться, я сложил ее на пути к двери.

Я стал тормозить, подошвы заскользили по полу. Видя, что не успеваю остановиться вовремя, я развернулся боком и врезался в дверь плечом. Потянувшись к ручке, я оглянулся назад.

Пыхтевшей как паровоз Тельме оставалось всего три ступеньки.

Я резко толкнул дверь спиной, и она распахнулась.

Веранда была ярко освещена парой установленных на лужайке прожекторов, что меня неприятно удивило. Лучше бы они не горели. Видимо, Уэзли и Тельма каким-то образом включили их, чтобы легче было меня догнать.

Но нет худа без добра. И мне тоже стало лучше видно.

Когда я выскакивал из двери, что-то ударило мне в спину. Словно кулаком по рюкзачку. Чувствительно, но не больно.

Едва выскочив наружу, я резко взял вправо, и, пробегая по веранде, мельком оглянулся через плечо.

Тельме не удалось вовремя притормозить. Выскочив на веранду, она по инерции полетела дальше и с криком "Ааааа!" врезалась в колонну. И замерла на месте. При этом сиськи ее так качнуло, что я подумал: сейчас отлетят в сторону и упадут на газон. Но они не оторвались, а накатили назад на Тельму. В этот момент она уже отваливалась от колонны, но устоять после этого на ногах не смогла, а с грохотом повалилась на пол веранды, жестко ударившись боком.

Когда ее тащило по полу и потом, когда она переворачивалась на спину, я уже не бежал. Однако к тому времени я находился в конце веранды, перед ограждением. Прекрасное расстояние, чтобы убежать, но плохое, чтобы вернуться и напасть на Тельму—у нее будет слишком много времени, чтобы очухаться и встать.

Еще пока я смотрел на нее, она перекатилась на живот, подняла голову и посмотрела на меня.

В левой руке у нее было мачете. Правая была

пуста.

Тельма начала подниматься.

Вдруг я заметил ее второе мачете. Оно лежало на полу веранды на полпути между нами.

Как оно туда попало?

И я вспомнил удар в спину.

Но это случилось, еще когда я был в дверях.

Моя догадка (впоследствии подтвержденная разрезом в рюкзаке и прорезанным дневником) заключалась в том, что Тельма метнула в меня мачете. Оно воткнулось в рюкзак и, вероятно, застряло в нем на несколько секунд, пока я бежал по веранде. Затем, расшатавшись, выпало на пол.

Тельма перехватила мой взгляд на мачете и сама посмотрела на него. Затем мы посмотрели друг на Друга.

Внезапно я почувствовал себя главным героем фильма Серджио Леоне: мы просто ждали, когда доиграет музыка. Это будет сигналом. На финальной ноте оба метнемся к мачете как безумные—в замедленном действии.

Но никакой музыки не было.

Потому что это было не кино.

И никто из нас не ждал.

Не было и замедленного действия, но я могу мысленно воспроизвести происходившее в таком виде.

Но, когда это случилось, все совершалось невероятно быстро.

Я метнулся к оружию, а Тельма, поднявшись на четвереньки, вскочила на ноги. Мачете у нее уже было. И она высоко подняла его над головой, приготовившись порубить меня на куски.

Но как-никак я был быстрее, и у меня было больше шансов первым добраться до мачете.

На полсекунды, быть может.

Затем мне пришлось бы наклониться и поднять мачете с пола, и сделать это до того, как Тельма снесет мне голову.

Расстояние между нами стремительно сокращалось.

Тельма, казалось, даже не замечала это проклятое мачете.

Глаза ее были устремлены на меня.

Она знала, что уделает меня, и я это знал.

Это ведь был всего лишь я, Руперт Конуэй. Не Клинт Иствуд, Брюс Уиллис, Арнольд Шварценеггер или Мэл Гибсон. И это была реальная жизнь, а не сцена из боевика. И мачете были настоящие.

И я бежал навстречу своей смерти.

Тельма, каждый громopodobный шаг которой, казалось, вот-вот проломит пол веранды, вопила: "Даааа!"

С криком "Нет!" я увернулся от лобового тарана и кувыркнулся через окрашенное в белый цвет ограждение. И с хрустом рухнул в кусты. Хотя и оцарапался, зато приземление было довольно мягким.

Тельма не прыгнула следом за мной. Видимо, она все-таки подобрала второе мачете и побежала назад, к крыльцу.

Что дало мне небольшую фору.

За это время я запихнул бритву в карман, сбросил с плеч рюкзак и сунул его в кусты, вскочил на ноги и пустился во весь дух к углу здания.

Когда оглянулся, Тельма слетала с крыльца. Повернувшись в мою сторону, она резко рванула

с места и понеслась, отмахивая руками.

Теперь, когда мы оказались на открытой местности, я уже не боялся: у нее не было ни малейшего шанса поймать меня.

Разве что я упаду и сломаю ногу или что-нибудь в этом роде.

Ни разу в жизни я не ломал ноги, так что вряд ли это могло случиться сейчас.

Завернув за угол, я немного замедлил бег. Не было никакого смысла изматывать себя. К тому же надо было шевелить мозгами.

Совсем недавно само мое выживание было под большим вопросом.

Теперь, когда я выбрался из особняка живым, надо было решать, что делать дальше.

Мне нужны были ключи от горилловых клеток.

Скорее всего они до сих пор находились в доме.

Но пока Тельма висела у меня на хвосте, вернуться за ними я не мог.

Бездеятельное состояние Уэзли не могло длиться долго. Хотя падение, похоже, было до-

вольно серьезным и могло вывести его из строя на часы, дни или даже навсегда.

Так что моей главной проблемой стала Тельма. Конечно, я мог бы убежать от нее. Мог спрятаться или водить ее кругами. Но поединка с ней я не хотел. По крайней мере, пока у нее в руках были мачете.

Это была настоящая проблема для меня.

Тельму надо было разоружить.

Ба, да ведь не сможет она с ними плыть, подумал я.

В голове мелькнула мысль о лагуне, но я отбросил ее. Во-первых, как туда добраться? Во-вторых, прямо впереди океан.

Поплыву к яхте, решил я.

Вспомнились две моторки, привязанные у причала.

Нельзя оставлять их за собой.

Но придется повозиться с ними, и это займет какое-то время.

Внезапно я пожалел, что притормозил, и с удвоенной силой понесся на всех парах к берегу.

Чем закончилась погоня

Если бы у меня было еще секунд десять, возможно, я и успел бы перерезать швартовочный канат второй моторки. Но получилось так, что обрезал я только одну лодку.

Мой план, возникший, пока я бежал к бухте, состоял в том, чтобы обрезать обе, запрыгнуть в одну из них и отбуксировать другую от причала. Тельме пришлось бы тогда плыть за мной, оставив мачете на берегу.

Возможно, это был не такой уж роскошный план.

Но мне даже не представилась возможность проверить его, потому что Тельма с грохотом выскочила на причал еще до того, как я начал резать второй канат.

Отбросив в сторону веревку первой лодки, я вскочил на ноги и побежал как ошпаренный к концу причала.

Мои прорезинки шлепали по настилу. Босая Тельма тяжело топала за мной, громко и с присвистом сопя.

И снова ей не светило меня поймать.

На бегу я сложил бритву и бросил ее в кар-

ман.

Добежав до края, я прыгнул в воду.

Прыжок получился слишком горизонтальным, и я плюхнулся плашмя, что было довольно больно. Затем вода сомкнулась надо мной. Под водой я стал энергично работать ногами, стараясь набрать скорость.

Шумного всплеска позади все не слышалось. Но я не терял надежды услышать его, так как вперед вырвался совсем ненамного, а значит, Тельма уже должна была добежать до конца причала.

Очевидно, она решила не прыгать.

Как бы там ни было, но мне нужен был воздух, и я вынырнул, и, наполняя легкие, оглянулся.

К причалу я был ближе, чем ожидал или надеялся. Вероятно, придержали туфли, да и огромные мешковатые шорты тянули вниз. Но, так или иначе, надо было отрываться от Тельмы, и я начал яростно загребать.

Туфли превратили это в адский труд, но сбрасывать и терять их я не собирался. Работая но-

гами, как велогонщик, я едва умудрялся держать голову над водой.

Бледная от лунного света Тельма, широко расставив для равновесия руки, сходила с причала в первую моторку. Серебром отливали мачете, словно продолжение ее рук.

Сложив оружие на дно лодки, Тельма согнулась над подвесным мотором.

Несколько секунд было видно только ее зад и бедра. Затем лодку немного снесло течением, и мне открылся вид сбоку. Одна рука Тельмы лежала на капоте, другой она дергала шнур пускателя. Грудь ее болталась с бешеной скоростью. Мотор пару раз чихнул, но не завелся. Тогда она дернула шнур еще раз. На этот раз мотор фыркнул и заработал.

Не успел я опомниться, как Тельма уже разворачивала лодку в моем направлении.

И я как ужаленный поплыл к яхте.

Но в этой гонке у Тельмы было преимущество. Хотя моторка и не была сверхскоростной, двигалась она все же быстрее, чем плыл я.

Фора у меня была довольно приличная.

Но не настолько. С такими темпами Тельма догонит меня задолго до того, как я доплыву до яхты.

Я поплыл еще быстрее и не оборачивался—растущий шум мотора делал это излишним.

Судя по звуку, Тельма была уже за спиной и не думала сворачивать, вероятно, намереваясь переехать меня и порубить винтами.

Глубоко вдохнув, я нырнул.

Лодка проплыла надо мной с ворчливым металлическим жужжанием. Затем тон звука резко понизился. Видно, Тельма сбавила газ.

Шум мотора стал убывать, затем вновь нарастать.

Это Тельма развернулась.

Я понял, что она никуда отсюда не уплывет. Будет кружить и дожидаться. Знает, что я не смогу находиться под водой вечно. Когда всплыву за воздухом, тут она меня и прикончит.

Перевернувшись на спину, я взглянул вверх на залитую лунным светом поверхность. Еще я там увидел тенью скользившее темное днище лодки.

Так увидела бы лодку акула.

В ушах зазвучала музыкальная тема из фильма "Челюсти".

Будь я гигантской белой акулой из фильма, мне бы ничего не стоило совершить бросок вверх и так боднуть лодку, чтобы она перевернулась. А в воде Тельма была бы в моей власти.

Но я был щуплым парнем, да и отталкиваться было не от чего, так что вряд ли моя лобовая атака увенчалась бы успехом. Если, подражая акуле, я вздумал бы провернуть такой трюк, самое большее, что мне удалось бы, так это слегка качнуть лодку. Но, вероятнее всего, я бы просто отлетел вниз от ее корпуса.

Пока я размышлял об этом, моторка медленно кружилась надо мной. И от слишком продолжительной задержки дыхания в груди пылал адский огонь.

Набрать немного свежего воздуха дело пустячное. Можно было бы вынырнуть на поверхность на безопасном расстоянии от лодки, быстро глотнуть воздуха и успеть погрузиться, ускользнув от Тельмы. Надо было лишь выбрать подходящий момент и сделать все очень быстро.

Но глоток свежего воздуха давал мне лишь отсрочку, не решая основной проблемы.

Другое дело, если бы я смог все время всплывать за воздухом...

Возможно, таким образом мне удалось бы доплыть до яхты или назад, к причалу.

Но что это даст? Тельма будет уже там и ничто ей не помешает зарубить меня.

Рано или поздно у нее кончится бензин. Вначале мысль эта привела меня в восторг. Нет бензина—сдох мотор. А без него лодка станет неуправляемой и может лишь дрейфовать по течению. И Тельме придется либо ждать у моря погоды, либо прыгать в воду. Превосходно!

Но у меня не было ни малейшего представления о том, насколько полон бак. Возможно, бензина могло хватить еще на целый час.

И целый час через минуту или две выныривать на поверхность? Немыслимое дело. Раза три или четыре еще получилось бы, но потом она наверняка догадается, в чем дело. И через десять минут мне будет крышка.

Разве что мотор уже работает на последних

каплях.

Но на это надежды мало.

Вот если бы придумать способ заглушить мотор. Сделать что-нибудь такое, что не предусматривало бы бесконечное ожидание.

Пока в голове роились все эти мысли, боль в легких настолько усилилась, что я не мог больше нормально соображать. И я начал судорожно искать глазами лодку.

Черт побери!

Моторка только что достигла дальнего конца своего круга—и вряд ли поплыла бы дальше. Теперь каждое мгновение приближало ее ко мне.

Энергично загребая над головой руками и изо всех сил отталкиваясь ногами, я ринулся к поверхности. Подъем был настолько стремительным, что я чуть не потерял шорты: чувствовал, как они сползают, но не рискнул подхватить их.

Когда они спустились на бедра, я вспомнил о бритве в кармане.

Потерять шорты означало распрощаться с бритвой.

Поэтому я опустил руку, поймал их за пояс

и придержал. Через мгновение голова моя пробкой выскочила из воды. Ловя ртом воздух, я уже обеими руками подтянул шорты.

Тельма неожиданно повернула голову в мою сторону и, заметив меня, переложила руль. Нос лодки круто повернулся и нацелился прямо на меня. Взревел мотор.

Я нырнул.

Едва успел. По спине прокатилась закрученная винтом кильватерная струя.

Вот один из способов остановить мотор, подумал я. Подлезть под винт.

Это почти наверняка остановит его. Но цена показалась мне слишком высокой.

В детстве, отдыхая с родителями на водоемах, я достаточно часто плавал на моторных лодках с подвесным мотором. И мотор у меня несколько раз глох. И не всегда это было связано с топливными проблемами. Если под винт попадает большой камень... или он запутывается в водорослях.

Да!

Стараясь держаться на максимальной глу-

бине, я запустил руку в карман, выудил оттуда бритву и всунул ее в правый носок. Затем спустил шорты и стянул их.

Упустив шанс изрубить меня винтом, Тельма сбавила скорость и возобновила круговое патрулирование.

Скомкав шорты, я поплыл к поверхности, держа их обеими руками.

Возможно, лишусь нескольких пальцев, подумал я.

Если сработает, тогда не напрасно.

Черное брюхо лодки скользило мне навстречу.

Я замедлил подъем. Посмотрел еще раз, подождал. Затем почувствовал легкий толчок воды от проплывшего над головой носа лодки.

И резко выбросил руки вверх, набрасывая шорты на винт. Мгновенный рывок—и я резко отдернул пустые руки.

Пальцы и кисти остались целыми и невредимыми.

Надо мной нутужно взвыл, зачихал и заглох мотор.

Есть!

С неработающим мотором лодка поплыла дальше по инерции. Я поплыл за ней следом под водой.

Через несколько секунд мне вновь удалось заплывать под нее.

Еще через несколько секунд лодка качнулась. Затем подводная часть мотора поднялась вверх из воды—вместе с остатками моих шортов.

Эти подвесные моторы можно поднимать на шарнирах, когда возникает необходимость добраться к винтам. Я и сам так делал несколько раз. Так что знал, что Тельма обязательно будет находиться на корме. Она наклонится над мотором, и обе ее руки будут заняты.

Замечательно неустойчивая поза.

И я ринулся к поверхности, высоко подняв руки.

Как только лицо мое показалось над водой, я обеими руками схватился за борт лодки и дернул его вниз, словно отчаянно пытаюсь влезть на борт.

Моя сторона резко накренилась.

Другая сторона подскочила вверх.

Возвышавшаяся надо мной Тельма склонилась над поднятым мотором, как я и надеялся. Обе ее руки были на нем. В тот момент, когда я ее увидел, она уже повернула голову, чтобы посмотреть, что случилось.

И потеряла последний шанс остаться на ногах.

В страхе вскрикнув, Тельма взмахнула руками и покачнулась, выставив вперед плечо. На какое-то мгновение она замерла на правой ноге, приподняв левую, словно кобель, собирающийся пометить дерево. Но левая нога продолжала подниматься. Затем Тельма полетела вниз через борт лодки. Лодка вырвалась у меня из рук и отплыла в сторону. Я начал усиленно работать ногами, чтобы удержать голову над водой.

Тельма вошла в воду правым плечом.

Затем последовало сотрясение, всколыхнувшее и откинувшее меня в сторону. В лицо плеснула волна.

Ослепнув от воды, я поплыл за лодкой.

Моей целью было догнать ее, влезть в нее и овладеть мачете. Как только они окажутся у

меня в руках, Тельма ко мне больше не полезет.

Мне нечего будет больше бояться ни ее, ни Уэзли.

Плывя, я смахнул воду с глаз ресницами. До лодки было футов двадцать.

Сушная ерунда.

Я оглянулся. Тельмы нигде не было видно. Она еще не всплыла. Хотя меня радовало, что наконец удалось от нее оторваться, я был слегка обеспокоен.

А что, если она утонула?

Я даже подумал о том, чтобы вернуться и проверить, не нуждалась ли она в помощи. Ненормальный, да? Почему-то я решил, что она будет мне благодарна, возможно, даже присмирет и перестанет быть по отношению ко мне такой агрессивной. А может, мы даже объединимся, станем одной командой. . .

Она схватила меня за левую лодыжку.

Резко остановила и дернула вниз.

Когда другая ее рука вцепилась мне в щиколотку, захват пришелся выше носка—и, слава Богу, выше бритвы.

Я почувствовал, что меня тянут на дно.

Одна рука на миг отпустила меня, но тут же перехватила повыше.

Зная Тельму, я понял, что она добирается до моих яиц. Судорожно сжал ноги, чтобы не дать ей забраться мне между ними. И вовремя.

Тельма начала протискивать руку между моими бедрами. Когда она с силой нажала, пытаюсь раздвинуть мне ноги, я резко крутнулся. Одна ее рука осталась зажатой у меня между ног, другая отпустила мою лодыжку. Повернувшись, я кувыркнулся и лягнул Тельму двумя ногами. И через пару секунд был уже свободен.

Я выкарабкался на поверхность и, судорожно ловя ртом воздух, повернулся на месте. В этот момент из воды выскочила голова Тельмы. Когда она шумно потянула в себя воздух, я налег на ее плечи обеими руками и толкнул ее вниз.

Но она не погрузилась, а завалилась на спину, и я оказался поверх нее.

Тельма начала отчаянно отбиваться. Когда мои руки соскользнули с ее мокрых плеч, она обвила руками мое туловище и так стиснула в объ-

ятиях, словно намеревалась раздавить мне грудную клетку. Руки у меня были свободны, так что я схватил ее одной рукой за волосы, а другой за ухо, и стал сворачивать ей шею.

Мы брыкались и извивались.

Очень скоро я уже не знал, кто из нас был наверху, и даже где был этот верх. Но мы оба оставались под водой, и никто из нас не мог дышать.

Но никто и не отпускал.

Мы оставались в клинче, как будто каждый из нас считал, что имеет перевес над противником.

Мне показалось, что мы целую вечность боролись под водой, вцепившись друг в друга мертвой хваткой. Но скорее всего это длилось не более минуты.

Наконец Тельма, видимо, выдохлась. Колотить ногами, извиваться и лягаться она стала менее энергично, руки уже не так сильно сжимали мою грудную клетку. Вскоре она и вовсе прекратила борьбу. Ее объятия разжались, и руки соскользнули с моей спины.

Я отпустил ее ухо. Рукой, державшей за во-

лосы, я отодвинул ее от себя.

Она вся словно обмякла.

Без сознания, а может, и мертвая.

Или прикидывалась.

Не выпуская из рук ее волосы, я поднялся на поверхность и вдохнул, но ее голову держал под водой—на расстоянии вытянутой руки на тот случай, если она притворялась.

Мне приходилось яростно работать ногами, чтобы удержать свою собственную голову над водой. Так интенсивно двигаясь, я мог и не заметить движений Тель-мы. Пока не стало бы слишком поздно.

Неприятное ощущение.

Я чувствовал себя одновременно и убийцей, и подсадной уткой.

Становилось все труднее удерживать ее под водой. Я подумал, а вдруг она уже мертва. И одновременно почти приготовился к тому, что вот-вот почувствую, как она внезапно выдергивает из моего носка бритву. Испугавшись вдвойне, я погрузил ее голову глубже и отпустил.

Через несколько секунд ее голова вновь пока-

залась над водой. В лунном свете я успел мельком разглядеть ее лицо—глаза навывкате, плотно сомкнутые губы. Во всяком случае жива, теперь я был в этом почти уверен. Но она не хватала ртом воздух и не захлебывалась. В полной тишине, если не считать тихих хлюпающих звуков воды, ее голова запрокинулась назад, и на поверхность выскользнуло остальное тело.

Не успел я опомниться, как она уже плыла на спине. Бесстыдно распластавшись, она лежала на воде, раскинув в стороны руки и широко раздвинув ноги. Такое впечатление, будто просто расслабилась и задремала, плавая на спине в бассейне.

Вид у нее определенно был не мертвый.

А жуткий.

У меня руки и ноги затряслись.

Меся ногами воду, я старался разглядеть в ней какие-нибудь признаки жизни.

Но она лениво дрейфовала: волнение воды время от времени немного приподымало ее и разворачивало.

Неотрывно наблюдая за ней какое-то время,

я заметил, что расстояние между нами увеличилось.

Я не хотел, чтобы она уплывала.

По крайней мере, пока что.

Но и плыть за нею не собирался. Так что развернулся и поплыл к моторке.

Возле кормы я остановился и, подняв над водой руку, за пару минут смотал шорты с винта. Как же они изорвались. Все же я швырнул их в лодку. Затем мне удалось самому забраться в лодку, не перевернув ее.

Надевая превратившиеся в лохмотья шорты, я поглядывал на Тельму. Теперь она была уже довольно далеко, но все еще лежала на спине, точно в таком же положении, как прежде.

Что-то здесь было не то.

Если бы я ее утолил, она пошла бы ко дну. Если же не утопил, она должна была либо куда-нибудь плыть, либо барахтаться в воде, задыхаясь и откашливаясь.

Просто не укладывалось в голове, как могла она вот так лежать на спине, словно спящая.

Опустив подвесной мотор в воду, я запустил

его, сбросил на малые обороты, повернул моторку в сторону Тельмы и медленно повел ее к ней.

Нос лодки был направлен между ее ногами.

Повернул лодку я чуть раньше, чем это было необходимо. Чтобы не поддаться соблазну.

И полностью избежать столкновения с ней.

Но правый борт моторки все же слегка толкнул ее левую ногу. Тельма даже не вздрогнула. Оставшись лежать на спине, она просто начала поворачиваться против часовой стрелки.

Чем-то она напомнила мне ассистентку метателя ножей в цирковом номере. Смазливая бабенка в едва прикрывающем ее прелести костюме, которую привязывают к колесу и раскручивают, и которая балдеет от того, что ее выбрали мишенью.

Только красивой Тельму не назовешь, да и откровенного наряда на ней не было. Она была просто голой. Ее огромные груди, блестящие и молочно-белые в лунном свете, свисали с грудной клетки, словно пара страдающих морской болезнью путешественников, готовящихся блевануть за борт.

Толчок лодки заставил ее повернуться на пол-оборота.

Когда я начал кружить вокруг нее на лодке, она вроде как возобновила вращение.

От возникающих за кормой волн Тельма покачивалась и подергивалась.

Казалось, ничего этого она не замечала.

Опустив руку между коленями, я схватил одно мачете, поднял его и взмахнул им над головой.

– Эй! – крикнул я. – Тельма! Взгляни, что у меня!

Но она лежала себе в центре создаваемых мотторкой концентрических волн.

И тогда я бросил в нее мачете.

Скорее, что-то вроде подачи. Легкий бросок снизу—как бросают мяч маленькому ребенку.

С намерением испугать ее, заставить вздрогнуть или попытаться увернуться.

В действительности я вовсе не хотел попасть в нее.

Но по каким-то причинам такая подача не получилась. Сам не знаю почему, я размахнулся сильнее, чем планировал. И вместо настильной

траектории, пролетев которую, мачете довольно безвредно упало бы на Тельму или возле нее, оно взлетело высоко вверх.

Может быть, не все фрейдовские "ошибочные действия, оговорки" имеют словесную форму.

Может быть, это была "обмашка" руки.

Кто знает? Возможно, дело вовсе не в бессознательном намерении, а произошло это просто потому, что у меня нарушилась координация движений после этой беготни и нырянии.

Как бы там ни было, но я был удивлен и потрясен, когда увидел, что слабый бросок не получился.

Мачете летело почти вертикально вверх, вращаясь на лету.

— О блин! — ругнулся я.

Пока мачете летело вверх, я понятия не имел, куда оно могло упасть. Не исключено, что даже в меня самого.

Эта штукавина—огромный нож, предназначенный для рубки сахарного тростника или прокладывания дороги в джунглях. На конце лезвие не особенно острое, но оно фута два в длину, к

тому же широкое и тяжелое.

Так вот, кувыркаясь, оно взлетало все выше и выше.

На высоту не менее тридцати футов.

А в верхней точке совершило крутой разворот и полетело вниз, все еще вращаясь.

Тут уж я понял, что мне больше не грозит возможность оказаться на линии огня.

Опасность грозила Тельме.

– Тельма! – крикнул я. – Берегись!

Но она не реагировала—просто лежала, как распятая, на спине, подобно голой и безобразной ассистентке метателя ножей.

Она мертва, успокаивал я себя. Не беспокойся.

Но я все равно еще раз крикнул:

– Тельма!

И смотрел, как кувыркалось в небе мачете, стремительно падая.

Может быть, все-таки не попадет в нее. Или попадет рукояткой, а не лезвием.

Но попало лезвием. Воткнулось чуть ниже пупка и вошло почти по рукоятку.

Тельма заверещала.

Но удар погрузил ее в воду, и ее крик захлебнулся и смолк.

Тельма исчезла. Ее поглотила черная пучина.

Мой собственный крик смолк, когда я выдохся. Судорожно всхлипывая, я дал полный газ и понесся прочь на максимальной скорости, которая показалась мне слишком медленной.

Когда я оглянулся назад, Тельмы нигде не было видно.

После этого я уже не оборачивался. Я боялся того, что мог увидеть.

Почему-то мне казалось, что она плывет за мной вдогонку.

Следующий на очереди

Прихватив второе мачете, я вылез на причал и привязал моторку. Страх все еще разбирал меня, так что, пробегая по причалу, я не отважился обернуться и посмотреть на бухту. Не посмел этого сделать и когда торопливо семенил по густой траве к задней части особняка.

Как-то чересчур странно все это произошло, черт возьми!

Да и убивать никогда прежде мне не приходилось.

Смерть Тельмы вызвала у меня противоречивые чувства.

То, что я оборвал человеческую жизнь, уже само по себе было достаточно плохо. Вдобавок еще и жизнь женщины. Не пристало обижать женщин, тем более убивать их. К тому же она была сестрой Кимберли, и это меня еще больше смущало.

С другой стороны, разве Тельма не получила по заслугам? Примкнула к Уэзли, который убил ее собственного отца и мужа сестры, вместе с ним мерзко и гнусно надругалась над Билли, Конни и Кимберли. А еще и над этими детьми—

Эрин и Алисой. Не говоря уже о том, что помогла Уэззли замордовать их родителей.

Если и этого мало, так она и меня несколько раз пыталась убить—включая покушение у лагуны, которое едва не закончилось трагически для Конни. Мне чертовски повезло, что я до сих пор жив.

К тому же это ведь не было преднамеренным убийством. Наш поединок в бухте с моей стороны был самообороной—я только защищал свою жизнь.

И финальный акт этой драмы был вроде как несчастным случаем. Этого наверняка не произошло бы, если бы она не прикидывалась мертвой, или что там ей еще взбрело в голову.

Ей некого винить, кроме самой себя.

Где-то я даже был зол на Тельму за то, что она вы нудила меня убить себя.

Но с другой стороны...

Наверное, мне лучше не писать об этом.

Хотя почему бы и нет, черт возьми? Почему я дол жен на кого-то оглядываться? Моя цель—описать все, как было. Точно, без притворства...

Нельзя сказать, чтобы мне совсем не было гадко на душе из-за убийства Тельмы. В определенном смысле я испытывал угрызения совести, особенно потому, что она была сестрой Кимберли, а меня ужасала сама мысль о том, что я мог причинить последней дополнительные страдания.

Но не стану кривить душой.

Какая то частица моего Я просто ликовала от радости.

Мы сошлись с ней один на один, она и я, и это был поединок не на жизнь, а на смерть, и я прикончил ее.

Конечно, я чувствовал омерзение, отвращение, вину, страх и крайнюю усталость—но, чего греха таить, возбуждение было настолько сильным, что я весь трепетал внутри. И, пересекая нестриженный газон по пути к дому, я несколько раз вскинул вверх руку с мачете и сквозь зубы прошипел:

– Да! Да! Да!

Уноси готовенького, кто на новенького?

Немного везения, и этот "новенький", возмож-

но, уже сошел со сцены. Ведь Уэзли так сильно грохнулся с лестницы. Самое меньшее, получил столь серьезные повреждения, что Тельма пустилась за мной в погоню без него. Может быть, он сломал ногу. А то и шею свернул.

Где-то в глубине души я надеялся, что падение не стало причиной его смерти.

А просто вывело из строя, да так, чтобы я смог легко с ним справиться.

Уже с заднего двора можно было увидеть свет в нескольких окнах особняка. Видимо, Уэзли или Тельма включили кое-где свет, чтобы легче было словить меня. Судя по всему, никто еще не удосужился погасить свет в этих комнатах.

Хороший признак.

Это могло означать, что Уэзли, по меньшей мере, покалечился.

Намереваясь войти через парадный вход, я прошел через двор вдоль дома, мимо окна, в которое наблюдал за тем, как Уэзли и Тельма издевались над Эрин, и дальше, мимо угла веранды. Площадка перед домом все еще была ярко освещена прожекторами.

По пути к крыльцу веранды я заметил под кустом свей рюкзачок. Он лежал там, куда был положен, и я решил оставить его здесь до тех пор, пока не покончу с Уззли.

Еще мне удалось мельком взглянуть на себя. Подвесной мотор настолько изуродовал мои шорты, что на них больше не было карманов. Я потерял зажигалку Эндрю, лосьон Билли и пакетик с копченой рыбой, до которого так и не дошли руки. Хорошо еще, что я переложил опасную бритву в носок. Бритва была на месте.

Собственно говоря, от моих шорт после их схватки с винтом осталось так мало, что их можно было бы уже и не надевать. Уцелел только ремень Эндрю, на котором появилось несколько порезов. Однако ниже пояса в основном либо вообще ничего не осталось, либо висели какие-то искромсанные лохмотья. Так, несколько висячих лоскутов, и больше почти ничего: бахрома, дыры и голая кожа.

Но мне это даже нравилось.

В таком виде я, наверное, не рискнул бы прогуляться по Бродвею, но, черт возьми, это ведь

тропический остров. Дикое место. И здесь никого, кроме меня и моих женщин.

И Уэзли.

Нельзя забывать об Уэзли.

Во всяком случае, не сейчас.

С мачете в руке и бритвой в носке я поднялся по ступенькам на веранду. Входная дверь все еще была нараспашку. В таком виде ее оставила Тельма? Разумеется. Она точно не останавливалась, чтобы прикрыть дверь после своего безумного рывка на веранду.

Я переступил через порог и быстро оглянулся по сторонам, на случай неожиданного нападения.

Затем переключил свое внимание на лестницу. Она была видна до самого верха. Но того места, где приземлился Уэзли, скатившись с верхнего этажа, я видеть не мог.

Я очень надеялся, что он все еще лежит там.

Очень медленно я подошел к основанию лестницы.

Остановился и прислушался. Сердце колотилось ужасно громко и быстро. Вот, пожалуй, и все, что я услышал, помимо доносив-

шихся снаружи звуков обычного лесного гама— пронзительных криков, уханья, щебетания и тому подобного.

Ничего изнутри дома.

Ничего, что могло бы исходить от Уэзли.

Я переложил мачете в левую руку, чтобы правой держаться за перила. Затем начал подниматься по лестнице. На каждую ступеньку я ступал с большой осторожностью, тихо. Но все же время от времени лестница поскрипывала под моим весом. Всякий раз, когда это случалось, я останавливался, ждал и прислушивался.

Ни звука от Уэзли.

”Может быть, он мертв”, подумал я.

Или просто спит.

Нет, не спит. По крайней мере, не там, где я в последний раз его видел. Иначе я услышал бы его храп.

Что оставляло три возможности:

1. Он лежал мертвый на том месте, куда упал.

2. Он слишком поранился, чтобы двигаться, и поэтому лежал тихо и смирно, почувствовав мое приближение.

3. Он ушел.

Первый вариант меня бы полностью устроил, но я больше склонялся ко второму. Будучи все еще на подъеме после встречи с Тельмой, я с нетерпением ждал возможности расправиться с ним.

Третьего я не хотел.

Но именно это и получил.

Медленно крадучись вверх по лестнице, я наконец взобрался достаточно высоко, чтобы увидеть следующий этаж. Я хотел—ожидал—даже был уверен, что найду там лежащее на деревянном полу голое тело Уззли.

Покалеченное, но живое.

Или мертвое, что было бы очень неплохо, и даже превосходно.

Но только не это.

Со стоном я стиснул рукой перила. По спине поползли мурашки.

Он мог быть где угодно.

Развернувшись, я посмотрел вниз на лестницу.

Слава Богу, за мною никто не крался.

Полагая, что ему, возможно, удалось немного отползти от места своего падения, я преодолел последние шесть или семь ступенек.

Уэзли нигде не было видно.

Он мог забраться в одну из комнат здесь по коридору, или там, наверху, или внизу... в общем, куда угодно.

"И что теперь?"—спрашивал я себя.

Спокойнее. Я найду его. Или он меня.

Я подумал о том, чтобы обыскать комнату за комнатой. Но сразу же отказался от этой мысли. Страшновато, опасно и займет уйму времени. И, возможно, впустую.

В доме его могло даже и не быть.

Он вполне мог пойти к клеткам.

Что, если он сейчас с женщинами? Издеваются над ними?

Но чем бы он ни занимался, непосредственной опасности в этот момент он для меня не представлял. Его не было рядом, и я был избавлен от необходимости вступать с ним в борьбу. Мне надо было решить, что делать дальше.

Пойти к клеткам?

Нет, нет, нет! Надо найти ключи и только затем отправляться туда.

Вроде бы у Уззли не было с собой ключей, когда он падал с лестницы. Это значило, что они до сих пор находились в комнате наверху, если только он не вернулся за ними.

И я бросился вверх по лестнице. Большинство ступенек были довольно мокрыми, поэтому я придерживался рукой за перила, готовый в любой момент ухватиться за них, если доведется поскользнуться. Но до верха я добрался без приключений.

Хотя коридор был освещен, в комнате было темно. Вскочив в нее, я стал шарить рукой по стене возле двери. Наконец нащупал выключатель и зажег верхний свет.

На смятых простынях ключей не было. Я поднял подушки. И там никаких ключей. Не смог отыскать их ни на полу, ни на ночном или туалетном столиках. Пробежавшись по комнате, я даже опустился на колени и заглянул под кровать.

Слишком поверхностный обыск.

Не повезло. К тому времени, однако, я уже и

не ожидал найти их. Уэзли возвращался в комнату, это ясно. Он либо спрятал где-то связку с ключами, либо забрал их с собой.

Взял ключи к клеткам?

Я подбежал к одному из окон.

Не видя почти ничего в верхнем стекле, кроме своего отражения, я пригнулся и прильнул к сетке.

Там, вдали, за залитой бледным лунным светом лужайкой, в джунглях тускло мерцал желтовато-оранжевый свет костра.

У меня все внутри опустилось.

– О Боже, – пробормотал я.

И выбежал из комнаты.

Возвращение к клеткам

По пути назад я сделал небольшой крюк и подобрал рыболовное копьё Конни.

С копьём в одной руке, мачете в другой и бритвой в носке я быстро сбежал вниз по лестницам, выскочил из особняка и, спрыгнув с крыльца веранды, понёсся через лужайку, оставляя дом позади.

С уровня земли свет костра не был виден. Слишком густые заросли на пути. Но я был убеждён, что свет шел от зверинца.

”А что, если это ловушка?”—подумал я.

Кажется, Уэзли большой мастер устраивать их.

Может, решил перестраховаться на случай моей победы над Тельмой. Или даже наблюдал за нами и знал, что я с ней разделался.

И догадался, кто на очереди.

Это как раз его стиль—он мог разжечь костер для приманки. Но сам будет не у костра, а где-то поблизости, в засаде.

Под влиянием этих мыслей я изменил курс и вместо того, чтобы бежать напрямик к клеткам, отклонился влево и метнулся в дальний конец лу-

жайки, где и вошел в джунгли. Забредя довольно глубоко, я повернул вправо и пошел в обратном направлении.

Времени было в обрез. Если Уэзли пошел к клеткам не для того, чтобы устроить мне засаду, его нужно было остановить, и не мешкая. Да и особой нужды в тишине не было. На фоне всех этих обычных лесных шумов он вряд ли услышал бы, как я продираюсь через кусты. По крайней мере, не до того момента, когда я подберусь к нему достаточно близко.

На некотором расстоянии и чуть вправо показался свет, и я стал двигаться немного медленнее. Он мерцал на какой-то странной высоте, высвечивая листья и ветви на уровне примерно десяти или пятнадцати футов над землей.

Я не мог припомнить никаких холмов вблизи зверинца. Неужели Уэзли влез на дерево и закрепил в ветвях пылающий факел?

Напомнив себе, что, вероятнее всего, возле факела его не было, я пригнулся пониже и стал подкрадываться. Все это время я прислушивался в надежде услышать чей-либо голос, но не услы-

шал.

Мне казалось, что в любой момент на меня набросится Уэзли.

Последний раз, когда я его видел, в руках у него был один нож, а на поясе—ремень с пустыми ножнами. Вероятно, на другом бедре у него были другие ножны с еще одним ножом.

Так что я должен рассчитывать на то, что он вооружен двумя охотничьими ножами.

По меньшей мере. Невозможно было предугадать, что еще он мог прихватить с собой, отправляясь к клеткам.

Лишь бы не топор, заклинал я.

Топор я не видел уже со времен нашего "последнего сражения", когда мы цепляли за него веревку. И армейский складной нож не попадался мне на глаза с тех же пор.

Видимо, Уэзли или Тельма подобрали их.

Армейский нож не очень меня пугал. Хотя он и был "зловеще острым, моя бритва была куда острее. И по своим размерам нож не шел ни в какое сравнение с моим мачете.

Другое дело топор.

Если бы Уэзли подкрался ко мне с топором. . . или каким-нибудь грозным оружием, о котором я даже не подозревал, таким как бензопила, или даже пистолет. . .

Нет у него пистолета, успокаивал я себя. Если бы он нашел какое-нибудь огнестрельное оружие, то давно бы уже пользовался им.

Вероятно.

Но одному Богу известно, какое еще оружие он мог найти, если заглянул в те сараи за домом. . . Семья, которая держит механическую газонокосилку, вполне могла иметь в широком ассортименте опасные инструменты: бензопилу, косу, секатор, кирку, молот.

Впрочем, большинство из них вряд ли были хуже топора. А топор не мог пропасть бесследно. Оставалось лишь надеяться, что он не в руках Уэзли.

Я хорошо разглядел, во что он превратил голову Эндрю.

В общем, топор пугал меня по-настоящему.

Он страшил меня до оторопи вплоть до того самого момента, когда я обнаружил, что было у

Уэзли на самом деле.

И тогда я пожелал, чтобы вместо этого у него оказался топор.

* * *

Стоп, стоп. Минутный перерыв. Я забежал вперед. А опережать события—это последнее, чего бы я хотел. Это означало бы приблизить момент, когда мне нужно будет писать о том, что, на мой взгляд, произошло слишком рано.

Как бы мне хотелось просто пропустить все это. Но до этого места я дошел. И я уже написал о всяком дерьме, о котором больно писать, потому что это так омерзительно, ужасно и показывает меня в столь непривлекательном свете. Но впереди нечто еще более отвратительное. С какой радостью я бы поставил на этом точку, чтобы не писать об остальном.

Но это было бы проявлением трусости.

Нельзя сказать, чтобы я не знал, что произошло дальше. Чем все это обернулось в ту ночь в зверинце, мне было давно известно—это слу-

чилось за несколько дней до того, как я впервые сел писать "Окончание рассказа". И я понимал, как мучительно будет писать об этом. И теперь, подойдя к этим событиям вплотную, я не могу просто дать отбой. Даже невзирая на то, что мне именно это и хочется сделать.

Оно и понятно, это ведь конец истории. Я исписал несколько шариковых ручек, всю свою тетрадь и большую часть тетради потоньше, которую я обнаружил в спальне Эрин, и все только для того, чтобы запечатлеть все события с того момента, как по воле Уэзли мы оказались на этом острове. Наверное, в общей сложности потратил на это от семидесяти до восьмидесяти часов. И совсем не для того пошел на все это, чтобы просто струсить и ретироваться, так и не поведав конца истории.

Так вот, слушайте.

* * *

Крадясь на огонек, я оказался в кустах позади одной из семи обезьяньих клеток. Отсюда она на-

поминала бесформенную черную массу и на вид казалась пустой, хотя абсолютной уверенности в этом у меня не было. До костра оставалось еще приличное расстояние.

Не выпуская копья и мачете из рук, я пролез между кустами и быстро побежал через прогалину к задней стенке клетки. Перед тем как мое копье могло коснуться прутьев, я повернул вправо, добежал до дальнего угла клетки и свернул за угол. Медленно ступая вдоль клетки, я заглядывал сквозь прутья.

Свет от костра шел с противоположного направления. Его источник был высоко и далеко, словно Уэзли забросил пылающий факел на крышу одной из клеток. В отблесках этого огня я увидел, что клетка рядом со мной пуста. Никого не было и в соседней клетке. Факел, видимо, находился над третьей клеткой.

Это было намного дальше, чем можно было подумать.

Каждая клетка была прямоугольной формы, в высоту примерно двенадцать футов, в ширину—пятнадцать и в длину—где-то двадцать

пять. Размещены они были на расстоянии около пяти футов одна от другой. Так что до факела было не менее семидесяти—восемидесяти футов.

Из-за столь значительного расстояния, неудачного ракурса и всех этих прутьев мне не было видно, находится ли кто-нибудь наверху клетки с факелом.

Но женщину в клетке я увидел. Лицо ее невозможно было разглядеть, но, несмотря на расстояние, прутья и рассеянный свет, фигуру я опознал. Она стояла посередине клетки, почти прямо под факелом. Хотя тело ее было наполовину в тени, у меня не возникло ни малейших сомнений в том, что это Билли.

Она не сходила с места, и лишь медленно поворачивалась вокруг, словно высматривая кого-то. Наверное, меня.

Когда она повернулась в мою сторону, мне показалось, что я заметил ее пристальный взгляд, обращенный на меня. Но скорее всего она не могла меня видеть в густом мраке, окутавшем тот конец клетки, рядом с которым я находился.

"Ну и где же Уэзли?"—спрашивал я себя.

Вверху. На клетке Билли с факелом или засел в джунглях и выжидает момент, чтобы наброситься на меня?

Мне нужно было посмотреть на крышу ее клетки. Если бы я смог взобраться на эту клетку... Нет. Может, у меня и хватило бы сил, чтобы подтянуться по прутьям, но я наверняка не смог бы это сделать с копьем и мачете в руках.

А я вовсе не собирался выпускать их из рук. По крайней мере, до тех пор, пока я не буду уверен в том, что Уэзли не нападет на меня.

Сохранив таким образом оружие, я вернулся по своим следам назад в джунгли. Не теряя из вида огонь факела в просветах деревьев и кустарника, я пошел параллельно клеткам, стараясь при этом держаться достаточно далеко, так, чтобы не видно было ни клеток, ни пламени факела.

На первых порах я намеревался подкрасться поближе к клетке Билли и попытаться рассмотреть, наверху ли Уэзли.

Но если я смог бы его увидеть, то и он бы заметил меня.

Мне пришла в голову мысль получше.

Не высматривай его, а спроси.

Не меняя маршрута, я пошел дальше по джунглям. Мимо факела. Шел и шел, оставляя свет все дальше и дальше за спиной.

Когда, по моим оценкам, было пройдено достаточное расстояние, я свернул вправо.

Мне показалось, что я прошел мимо клетки Эрин, и придется возвращаться и разыскивать ее. Но на этот раз мне повезло. Из джунглей я вышел как раз напротив середины ее клетки.

Быстро оглянувшись по сторонам, я пополз через полосу открытого пространства.

Похоже, Эрин не заметила моего приближения. Она стояла у двери клетки. Хотя я видел лишь неясный контур, мне стало понятно, что она обращена ко мне спиной. Руки ее были подняты примерно на уровень головы и, видимо, обхватывали прутья двери.

Остановившись, я посмотрел направо и увидел клетку Алисы. Девчонка сидела, сжавшись в комок, – как будто чего-то сильно испугалась или пыталась от кого-то спрятаться, – в дальнем

углу, ближайшем к клетке Эрин.

В клетке Конни я никого не разглядел. Хотя ее клетка была ближе к факелу, но на приличном от меня расстоянии. Где же ей быть, решил я, просто не видно. Вероятно, лежит.

Следующей была клетка Кимберли. Там, по-дальше, освещение было более ярким. Больше трепещущего света, чем темноты. При таких расстояниях и с такого ракурса я не мог точно определить, где заканчивалась клетка Конни, начиналась или заканчивалась клетка Кимберли или начиналась клетка Билли.

Похоже, там, за переплетением прутьев, кто-то расхаживал взад-вперед. Я мог только гадать, что это была Кимберли, но уверенности не было.

Я попытался увидеть факел.

Но не смог. Видно было лишь его свечение, но не сам факел.

С той стороны зверинца я был к нему намного ближе. Оттуда, где я теперь находился, можно было подумать, что яркий ореол факела поднимается от клетки Кимберли. Но я решил, что скорее всего факел все еще над клеткой Билли.

Как бы там ни было, но я перестал осматриваться и пополз дальше. Почти у самой клетки Эрин развернулся в сторону.

Я лежал ничком, приминая высокую траву вдоль прутьев. Трава была не менее шести футов высотой, что делало меня почти незаметным. Она была прохладной и мокрой. Положив копье и мачете по бокам, я приподнялся на локтях.

Эрин все еще стояла возле дверей клетки.

Я позвал ее. Очень тихо. Она не отреагировала, и я прошептал ее имя чуть погромче. Бледное пятно ее головы дернулось, руки отцепились от прутьев. Ширина ее тела уменьшилась, затем опять увеличилась—она развернулась.

– Эрин, – шепнул я еще раз.

Она пошла в мою сторону слегка прихрамывающей походкой.

Это неожиданно навело меня на неприятные воспоминания: я ведь видел, что с нею делали Уэзли и Тельма. В комнате на первом этаже. Как завели в нее Эрин, одетую в белую блузку, симпатичную клетчатую юбку и гетры. Как раздели ее, а потом грубо и жестоко с ней обращались,

совершали такие ужасные, мерзкие гадости... А я все это время наблюдал, чувствуя себя виноватым и испытывая возбуждение. Воспоминания об этом вызвали у меня странные ощущения. Я даже немного скорчился в росистой траве.

– Руперт? – прошептала она.

– Да.

Остановившись у прутьев, она легла на пол, повторяя мое положение. Голова ее была приподнята, а лицо очень близко от моего.

– Как ты? – поинтересовалась она.

– Нормально. Что здесь происходит?

– Приперся Уэзли.

– Где он?

– На крыше клеток. Во всяком случае, мне так кажется. Довольно трудно все время за ним следить.

– С вами все в порядке?

– Руперт? – раздался громкий шепот Алисы.

Повернув голову, я увидел ее. Она все еще находилась в углу клетки, но уже не сидела сгорбившись, а стояла на четвереньках, как собака, повернув лицо к прутьям.

– Почему ты меня игнорируешь, – обиженно произнесла она.

– Ты ведь, кажется, спала, – сказала ей сестра.

– Вовсе нет.

– Нам лучше не повышать голоса, – заметил я. – За мной, – скомандовал я Эрин, поднимая с земли свое оружие. Затем мы вместе поползли, бок о бок, разделенные лишь прутьями клетки.

Жаль, что так мало света. Мне хотелось видеть ее и Алису. Но теперь было лучше, чем в прошлый раз, когда тьма была почти кромешной. Сейчас, по крайней мере, я мог разглядеть их контуры—едва-едва. В сущности, они были не более чем бледными пятнами без четких очертаний.

В углу своей клетки Эрин остановилась. Я заполз за угол, развернулся лицом к задней стенке, положил в траву копье и мачете и сел между клеток.

Алиса теперь была слева, а Эрин—справа. Как в старые добрые времена, только на этот раз мы собрались в конце прохода между клетками,

а не в начале.

– Мне казалось, ты спишь, – обратился я к Алисе. – Вот почему я...

– Все нормально, – перебила она меня. Я так рада, что ты вернулся.

– С вами все в порядке? – повторил я свой вопрос.

– Как сказать, – промолвила Алиса. – Что ты?..

– Мы в порядке, – не дала договорить ей Эрин. – Да ты сам все знаешь. Не то, чтобы жизнь была так уж прекрасна, но с нами ничего больше не случилось.

– Он нас не трогал, – уточнила Алиса.

– Где ты был?

– Ну, сначала в доме. Ходил искать ключи, чтобы вернуться и выпустить вас.

– Нашел? – поинтересовалась Эрин.

– А разве они не у Уэзли?

– Не думаю.

– А я знаю, что у него их нет, – вставила Алиса.

– Во всяком случае, он не отпирал ни одной

клетки.

– Просто продефилировал мимо. Так что можно было заметить, что у него было, а чего нет. Ключей не было. Если только он не спрятал их у себя в заднице.

– Они бы не влезли ему в очко, – заметила Эрин несколько раздраженно. – То огромное бронзовое кольцо? Это невозможно.

– Дурочка, это я фигурально.

– Впрочем, думаю, она права. Мы бы увидели ключи, если бы они у него были.

– А что у него было?

– Хрен моржовый, – сообщила Алиса.

– Очень красиво, – пожурела ее сестра.

– А что, разве я не права?

– Думаешь, это интересно Руперту?

Краска залила мне лицо, но темнота скрывала это.

– Какое у него было оружие? – спросил я.

– Два ножа, – ответила Эрин. – А факел считается?

– Думаю, да.

– Ну, тогда еще и факел. И канистра горюче-

го.

– Что?

– Канистра бензина.

– У нас тут тонны этого добра. Мы используем его для генератора, – пояснила Алиса.

– И не только, – добавила Эрин.

– Но главным образом все же для генератора.

– У Уззли примерно галлона два, – сообщила Эрин. – Канистру он поднял с собой наверх.

– Грозился сжечь нас, – прибавила Алиса.

Я и близняшки

– Он не сделает этого, – возразила Эрин. – Это только угроза. Если он нас сожжет, то больше не сможет нас трахать, а этого он не переживет.

– Да? Ну а, предположим, он сожжет только некоторых из нас?

Готового ответа у Эрин на это не нашлось.

– Он уже облил бензином Билли, – добавила Алиса.

У меня все опустилось внутри и съежилось.

– Ты уверена?

– Это первое, что он сделал, – пояснила Эрин. – Он объявился здесь, не скажу точно, но, кажется, где-то около часа назад, после твоего ухода. С факелом и бензином.

– И без штанов, как обычно, – добавила Алиса с явным отвращением.

– Так вот, он с важным видом расхаживал перед нашими клетками и объявил нам, что мы все будем помогать ему готовить тебе сюрприз.

– Он обозвал тебя куриным дерьмом, говноедом и засранцем, – прибавила Алиса.

– Очень мило, – возмутилась Эрин. – Совсем

необязательно обо всем рассказывать.

– Это не существенно, – оборвал я ее. – Что за сюрприз такой?

– Уззли сказал, что ты нанес ему визит в дом и что убежал, но Тельма побежала за тобой вдогонку. Он сказал, что Тельма наверняка убьет тебя.

– Оторвет твою никчемную жалкую задницу, дополнила Алиса.

– Но на тот случай, если у нее не получится, он хотел приготовить тебе сюрприз. Сказал, что ты, скорее всего, сначала придешь сюда, к клеткам. Так что нам надо подготовиться к встрече и ни в коем случае не пытаться предупредить тебя криком.

– Сказал, что поджарит наши письки.

– Алиса! Прекрати!

– Я только передаю его слова.

– И напрасно. Ради Бога. Совсем необязательно быть такой вульгарной.

– Ты сама выражаешься не лучше. Правда, когда нет поблизости Руперта.

– Эй, девчонки. Перестаньте.

– Она от тебя кипятком писает, Руперт.

– А вот и нет.

– А то ты бы ему призналась. Но это так, Руперт. Поверь мне. Она сама мне говорила.

– Врешь.

– Сама врешь.

– Я никогда не говорила, что кипятком писаю.

– Может, слова ты использовала и другие, но...

– Нельзя поговорить об этом в другой раз? – предложил я. – Поймите, если я не позабочусь об Уэзли... Сюда, к вам, он наведывается?

– Пока нет, – ответила Эрин. – Ближе, чем клетка Кимберли, еще не подходил и на крышу клетки Конни или наших не перебирался.

– Это не значит, что он не может этого сделать, заметила Алиса.

– Да, смог бы, если бы захотел. Даже если поленился передвинуть лестницу, может просто взять и перепрыгнуть. Между клетками не такое уж и большое расстояние...

– Что за лестница? – поинтересовался я.

– Наша лестница, – ответила Алиса.

– Уэзли взял ее у нас дома, – пояснила Эрин. – Как почти все остальное. С тех пор как засадил нас в клетки, он все время держит ее под рукой. Она стала одной из его любимых вещей. Он взбирается на крышу клеток и... балдеет. Ну, знаешь, смотрит на нас, дразнит. Там у него коробка со всякой всячиной. С предметами, которыми он забрасывает нас, когда ему вздумается поиграть в бомбардира.

– В основном это книги, – сообщила Алиса.

– Он бросает в вас книги?

– Ну да, – ответила Алиса, – и бывает очень больно. Даже от книги в бумажном переплете, если попадет корешком.

– Особенно уголком корешка, – добавила Эрин. – Дело в том, что Уэзли не хочет бомбить нас ничем таким, что мы могли бы использовать против него. Полагает, что книгой мы не сможем причинить ему большого вреда.

– Иногда он сбрасывает на нас страницы, – сказала Алиса. – Вырывает страницу, сминает в комок, поджигает и бросает сквозь прутья.

– Обычно нам удается увернуться, – продол-

жала Эрин. – Ему просто нравится, когда мы визжим.

– И смотреть, как мы пытаемся убежать. Приходит в восторг, когда мы мечемся по клетке. Это потому, что мы совсем голые, понимаешь?

– И еще льет на нас ведрами воду оттуда, сверху.

– Чего он только ни выдумывает, – добавила Алиса.

– Чтобы перечислить все, что на нас сыплется и льется, понадобилась бы целая ночь, – промолвила Эрин. – А что ему делать, как ни измываться над нами, времени у него полно.

– А любимое развлечение: ложится на крыше и просовывает свой член между прутьями. А потом...

– Господи, Алиса! Это не...

– Я просто пытаюсь рассказать, как он себя ведет.

– Руперту не обязательно об этом слушать. Понимаешь? Тьфу ты!

Я решил, что самое время вернуться к основной теме.

– Значит, Уэзли притащил сюда сегодня эту лестницу и влез по ней на крышу клетки Билли?

– Верно, – подтвердила Эрин.

– И что потом?

– Потом он втащил ее за собой наверх и положил между клетками Билли и Кимберли, чтобы можно было легко ходить туда-сюда. Теперь он может использовать лестницу как мостик, понимаешь? Чтобы не прыгать.

– Поэтому его здесь еще не было, – заключила Алиса.

– Не думаю, чтобы ему сильно хотелось прыгать. Это довольно рискованно. Ведь наверху только металлические прутья.

– И лестница, – добавила Алиса.

– У него довольно неплохо получается ходить по прутьям. Большая практика.

– Он сам, как горилла, – заключила Алиса.

– Считает себя Кинг Конгом, – заметила Эрин.

– Скорее, Кинг Членгом.

– Прошу извинить мою сестру, – промолвила Эрин. – Обычно она не такая.

– Все нормально, – успокоил их я.

– Видишь? – оживилась Алиса. – Я же говорила, что Руперт—не зануда.

– Это он просто из вежливости. Я промолчал, не желая ввязываться в их перебранку. Дело в том, что меня вовсе не шокировали слова Алисы. Трудно обижаться на подобное, когда рядом такой тип, как Уэзли. Трудно вообще чувствовать что-нибудь, кроме страха. Но время от времени меня это все же несколько забавляло. И иногда даже приводило в смущение.

И возбуждало. А что, вообразите, сижу на земле между Эрин и Алисой. Они—в чем мать родила. Учитывая состояние моих шорт, я тоже практически нагой.

И хотя мне почти не было их видно, как выглядят они, я вроде бы знал. В конце концов, у меня было достаточно времени, чтобы изучить каждый дюйм тела Эрин, когда она была в комнате с Уэзли и Тельмой. А они с Алисой—близнецы. И что невозможно было разглядеть из-за темноты, легко дорисовывало мое воображение.

В довершение всего употребление Алисой таких слов, как "писька", "член" и так далее, только усугубляло ситуацию—или совсем наоборот, если взглянуть на эти вещи по-иному.

Потом у меня никак не шло из головы, что Эрин "кипятком писала" по мне. Понятно, это было высказано другими словами, но, как бы это ни прозвучало, она наверняка дала ясно понять Алисе, что я ей нравлюсь.

Интересная новость. Невероятная и даже удивительная.

Плохо только, что случилось это, когда мы все были в такой опасности, что, казалось, не переживем эту ночь.

Но как бы там ни было, это дает представление о том, что со мной происходило, и почему я не чувствовал никакой неловкости от выражений Алисы. Вежливость тут была ни при чем, я говорил правду.

Решив вернуть разговор в деловое русло, я спросил:

— Значит, по-вашему, Уэзли не станет прыгать с клетки на клетку?

– Да он такого и днем никогда не делал, – ответила Эрин.

– Это не означает, что он не смог бы, – возразила Алиса.

– Если он захочет добраться до нас, – заметила Эрин, – не сойти мне с этого места, он воспользуется лестницей. Будет перекладывать ее с клетки на клетку. В таком случае мы это услышим.

– Лестница алюминиевая, – пояснила Алиса.

– Незаметно подкрасться он не сможет, об этом можно не беспокоиться, – заключила Эрин.

– Если только он все же не решится прыгать. Когда он приземлится на нашей клетке, мы-то услышим, но...

– Он не такой дурак, чтобы прыгать.

– Или если он спустится вниз, – предположил я. – Тогда он сможет подкрасться к нам по земле...

– Кимберли предупредит нас, если Уэзли спустится.

– Должна предупредить, – уточнила Алиса.

– Да. Мы придумали свои небольшие хитро-

сти. Если Уэзли сделает что-нибудь такое, о чем нам не помешало бы знать, Кимберли передаст Конни, а та скажет Алисе.

– Да только Конни спит, – буркнула Алиса.

– Может, спит, а может, и нет, – возразила Эрин. – Впрочем, Уэзли и не собирается слезать. Он именно там, где хотел быть, вверху, где его не достать.

– У меня есть копье.

Пару минут обе девчонки молчали. Затем Эрин спросила:

– А ты смог бы попасть в него?

– Не знаю.

– Тогда лучше и не пытаться, – заключила Алиса. – Ведь даже если ты попадешь в него, он все еще будет в состоянии поджечь Билли. Ему достаточно лишь бросить факел.

– А что, если подождать, пока факел догорит? Снова на пару секунд наступила тишина. Затем заговорила Алиса:

– Не знаю.

– Ждать придется очень долго, – заметила Эрин. – И даже когда факел догорит, Уэзли про-

сто окунет его в бензин и снова зажжет.

– Чем?

– А?

– Чем он снова зажжет его?

– А, у него есть папины зажигалки. Держит их в коробке там, наверху, для поджигания комков бумаги.

– И сигарет, – добавила Алиса. – Эта гадина дымит как паровоз. Это еще одно, чем он нас изводит. Окурки. Ему доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие швырять их в нас.

– Для этого ему вовсе необязательно влезать наверх, – пояснила Эрин. – Чаще всего он делает это с земли. Подходит к стенке клетки и с воплем "На подходе!" выстреливает окурком сквозь прутья. Увернуться от них труднее, чем от скомканных страниц.

– И они так обжигают, – прибавила Алиса.

– Какой ужас! – возмутился я.

– Да это что по сравнению с некоторыми другими вещами, которые он делает с нами.

– Руперт не хочет слушать об этом.

– А Тельма, та даже хуже Уэзли, – продол-

жала Алиса. — Иногда она заходит прямо к нам в клетки и...

— Прекрати, — оборвала ее Эрин. — Я вполне серьезно.

— Мне кажется, она не иначе как лесбиянка...

— Они оба—парочка больных психов, — перебила ее сестра. — Но давай оставим эту тему, ладно? К чему эти разговоры? Ты ведь не собираешься рассказывать Руперту обо всех гадостях, которые они вытворяют с нами?

— А Руперт не возражает. Так ведь, Руперт?

— Ну...

— Зато я возражаю, — отрезала Эрин. — Так что просто придержи язык, ради Бога. Это меня смущает. Руперту вовсе не обязательно слышать обо всех мерзких подробностях.

— Пусть сам за себя скажет. Ты хочешь услышать о любимых занятиях Тельмы, Руперт?

Надо было искать какой-нибудь выход, и я нашел его.

— Между прочим, она мертва.

— Что? — воскликнула Эрин.

— Я ее убил. Там, в бухте.

– Вот те на!

– Фантастика! – поддержала ее Алиса.

– Молодец, – похвалила меня Эрин. Внезапно что-то коснулось моего бедра, и я вздрогнул. Затем до меня дошло, что это рука Эрин. Она нежно стиснула мою ногу. – Как тебе это удалось? – спросила она.

– Одним из тех мачете.

– Ну и ну!

– Фантастика, – повторила Алиса.

Рука Эрин скользнула под изорванную штанину.

– Так что, – продолжал я, – Уэзли теперь единственный больной псих, который должен нас беспокоить.

Ее крохотная теплая ручка заскользила вверх по моему бедру, дойдя почти до паха, прежде чем повернуть назад. Я невольно изогнулся.

– А как насчет ведра? – спросил я. – Вы говорили, что Уэзли нравилось взбираться с ним на крыши клеток и обливать вас водой.

– Ну и что? – удивилась Алиса.

– Если бы я достал где-нибудь ведро воды, то,

возможно, смог бы помочь Билли, когда Уэзли попытается поджечь ее.

Эрин еще раз стиснула мою ногу.

– Да! – шепнула она. – Мысль замечательная.

– Где я мог бы его найти?

– Не знаю.

– Мне не хотелось бы вновь вгонять тебя в краску, Эрин, – отозвалась Алиса.

– Вот и не надо.

– Дело в том, Руперт, что у каждого из нас в клетке есть ведро. Ну, сам знаешь для чего.

Я был удивлен. Это несомненно было в порядке вещей, но я никогда об этом прежде не задумывался. К тому же никаких ведер я не видел.

Оглянувшись через плечо, я попытался отыскать глазами ведро в клетке Эрин. Но было слишком темно.

– Очень мило, – пожурела она свою сестру. Когда Эрин произносила эти слова, рука ее продолжала подниматься по моему бедру.

– А ты думаешь, Руперт не ходит в туалет? – спросила у нее Алиса. – Справляют нужду все.

Просто так случилось, что мы делаем это над ведром.

– Этими ведрами Руперт никак не сможет воспользоваться, потому что мы просто не сумеем отдать их ему. – И более приятным голосом прибавила:—Моя глупенькая сестричка, похоже, забыла, что ведра не пролезут между прутьями. Тельме приходится... раньше она входила в клетки и выносила их.

– А может быть мы сможем сделать так, чтобы одно пролезло? – предположила Алиса.

– Они металлические, или даже стальные, или...

– Это еще не значит, что их нельзя согнуть.

Рука Эрин замерла.

– Нам надо будет согнуть его вдвое, чтобы просунуть сквозь прутья. Для этого пришлось бы, наверное, прыгать на нем. А мы босые. К тому же если бы мы и попытались его сплющить, мы подняли бы такой шум, что Уэзли точно бы нас услышал.

– А как насчет ведра Уэзли? – спросил я. – Где то, которым он пользуется?

– А кто его знает? – ответила Алиса. Рука Эрин вновь начала ласкать мое бедро.

– Оно может быть где угодно, – промолвила она. – Даже в доме. Если бы ты захотел вернуться в дом, то наверняка нашел бы что-нибудь подходящее.

Кухонные кастрюли, которые можно было бы наполнить водой. Кувшины, мусорные ведра...

– А огнетушитель? – поинтересовался я.

– Есть один на яхте, – сообщила Эрин.

– А в доме разве нет?

– Мы сидим в этих клетках уже почти месяц, – напомнила Алиса. – Кто знает, где теперь что?

– Но я уверен, что в доме можно было бы найти что-нибудь подходящее.

– И тебе лучше не мешкать, – сказала Алиса. – Я хочу сказать, что Билли сгорит дотла, если ты не придумаешь что-нибудь, чтобы сбить с нее огонь. Она вся в бензине и вспыхнет как спичка.

– Наверное, мне лучше так и сделать, – согласился я.

Внезапно я понял, где найти ведро. Там, воз-

ле особняка, у крыльца веранды. Я видел раньше, как Тельма гасила в нем свой факел.

Но мне очень не хотелось уходить. Здесь, спрятавшись между клетками, окруженный с обеих сторон девчонками, я чувствовал себя в безопасности.

И рука Эрин гладила мою ногу.

Ее рука была нашим секретом. Иногда рука поднималась довольно-таки высоко.

И начинала потихоньку сводить меня с ума.

Так или иначе, я не мог просто подняться и уйти.

– Что еще принести? – спросил я, лишь бы оттянуть время.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Алиса.

А что, если я протяну руку между прутьями и прикоснусь к Эрин?

– Ну там, в доме, – ответил я. – Есть там что-нибудь еще? Такое, что могло бы понадобиться?

– Как что? – спросила Эрин.

Если я сделаю сейчас какую-нибудь глупость, она, чего доброго, перестанет. Не надо ее трогать. Пусть делает, что хочет.

Так о чем я говорил?

– Есть в доме какое-нибудь огнестрельное оружие? – осведомился я.

– Ну что ты? – изумилась Эрин.

– Это была одна из причин, заставивших нас покинуть Лос-Анджелес, – сообщила Алиса. – Чтобы уехать подальше от таких штук, как пистолеты.

– А мне бы сейчас не помешал один, – заметил я. – А как насчет лука и стрел?

– Нет.

– Принеси хотя бы воды, – попросила Алиса. – И лучше поторапливайся. Понимаешь, он совершенно непредсказуем. Может взять да и поджечь ее просто ради удовольствия.

Рука Эрин забралась еще выше. Я вздрогнул, и у меня перехватило дыхание. Ее рука отлетела, как испуганная птица. И ударилась о прут клетки с тихим глухим звоном. Эрин вскрикнула.

– Боже, прости, – шепнул я. – Ты не ушиблась?

– Рука.

– Мне очень жаль.

– Что случилось? – поинтересовалась Алиса.

– Ничего, – ответила ей Эрин. – Просто ударились о прутья.

– А что ты делала?

– Ничего.

– Мы держались за руки, – объяснил я. Что, как мне казалось, звучало лучше, чем правда.

– Лучше не бери ее за руку, – сказала Алиса. – Ты же не знаешь, куда она ее совала.

– Очень смешно, – обиделась Эрин.

– Я лучше пойду, – произнес я.

– *Куда это ты разогнался, Рупи? Иди-ка сюда.*

Огненный шквал

– *Рупи? Иди сюдаааа.*

От звука этого голоса я весь съежился. Во-первых, слишком громко. Во-вторых, он принадлежал Конни, душевное состояние которой, похоже, не сильно изменилось к лучшему после нашей последней встречи.

– Боже мой, – пробормотал я.

Алиса уже мчалась на другой конец клетки, видимо, надеясь образумить ее.

Поднявшись на колени, я схватил копье и мачете.

– Куда ты собрался? – шепотом спросила Эрин.

– Не знаю. Попробую ее успокоить.

– *Я знаю, что ты там, Рупи! А сейчас давай, вынимай свой член из той сучки и иди сюда. Я тебя ждала!*

Выбравшись из межклеточного пространства, я встал на ноги и, пригибаясь к земле, бросился бежать по траве вдоль задней стенки клетки Алисы.

– Что с тобой, приятель?

– Тише! – шикнула на нее Алиса.

– *Когда ты не трахаешь зрелых дам, то трахаешь детей.*

– Заткнись! – умоляюще произнесла Алиса. Ее голос донесся слева и чуть спереди. Я притормозил.

– Почему не меня? Ты что, гребаный извращенец?

– Потише, Конни! – рявкнул я.

– РУПЕРТ! МОИ ПРИВЕТСТВИЯ!

Этот возглас Уэзли пронзил меня насквозь, парализовав дыхание и пригвоздив к месту.

Он донесся издалека.

Видимо, оттуда, где он все еще стоял на крыше клетки Билли.

Конни радостно пропела:

– Гляди, кого сейчас будут трахать.

– Прежде чем ты совершишь какой-нибудь опрометчивый поступок, – выкрикнул Уэзли, – хочу поставить тебя в известность, что жизнь дам в твоих руках. И у меня самые серьезные намерения уничтожить их всех, Руперт, если я не встречу у тебя полного понимания.

Меня мутило и качало в стороны. Похоже,

дрожь охватила все тело, а сердце билось сильно и неимоверно быстро.

– Ты меня слышишь? – крикнул Уэзли.

Я промолчал.

– В таком случае не хочешь попрощаться с Билли? Я не поленился облить ее бензином. Шикарный получится факел. Тебе понадобятся защитные очки, дружок. Так что лучше надевай их!

– Что ты хочешь? – выкрикнул я.

– Выйди вперед и встань перед клетками, – скомандовал Уэзли.

– Ладно.

Протянув руку, я отыскал прутья задней стенки клетки Алисы, и, ведя по ним левой рукой, завернул за угол и быстро пошел между клетками. Сбоку донесся голос Алисы:

– Будь осторожнее.

По другую руку параллельно мне семенила Конни. Факел Уэзли теперь был ближе, и света здесь стало чуть больше. Вполне можно было разглядеть контуры Конни. Глаза, рот, соски и то, что я принял за раны, выглядели, как дыры или прорези на бледном холсте ее кожи. Похоже,

она старалась не отставать от меня.

На скаку она приговаривала:

– Видишь, что получил? Ага? Вот как бывает, Рупи. То и получил. Ты был мой. Мой! Ты облажался. Облажался по-крупному, парнишка. А сейчас поплатишься. Тебя сейчас вздрючат. И здорово вздрючат. Уэзли порвет тебе...

И тут у нее кончилась клетка. Мгновение назад она еще прыгала сбоку, в следующее мгновение ее уже не было. От удара зазвенели прутья. А Конни удивленно и обиженно хрюкнула.

Оглянувшись, я увидел, как отлетает она от прутьев, словно отброшенная огромной, невидимой пружиной. Затем Конни рухнула на пол клетки.

Словно шлепнули на разделочный стол кусок мяса для отбивной.

Тогда я понял, что в клетке бетонный пол. До этого момента над этим вопросом я и не задумывался, полагая, что под ногами у женщин земля и прутья.

Да и едва ли это имело большое значение.

Вероятно, убирать бетонный пол легче. Зато

падать на него больше.

Насколько мне было видно, Конни растянулась на спине и даже не пыталась подняться.

Потеряла сознание?

Впрочем, меня это мало заботило, разве что немного обрадовало. По крайней мере, какое-то время она не сможет доставлять мне неприятности.

Бог свидетель, она причинила мне их вполне достаточно.

После ее столкновения с клеткой я пошел чуть медленнее, но не останавливался. На несколько секунд я даже забыл об Уэзли.

Затем раздался его крик:

– А, вот мы где!

Я повернулся на звук его голоса.

И он предстал перед моими глазами. Широко расставив ноги, Уэзли стоял на крыше клетки Билли. В поднятой правой руке он держал пылающий факел, а левую упер в бок. В свете пламени его тело отливало золотом. словно золотая статуя одряхлевшего Геркулеса.

Грудную

повязку он где-то потерял—возможно, при падении с лестницы. Видимо, и рана открылась тогда же. Борозда на левой груди напоминала скривившийся в зловещей улыбке рот—с кровоточащими и припухшими губами, словно незадолго до этого разбитыми кулаком. От нее по грудной клетке и животу до самого ремня спускались тонкие темные ленточки. Несколько кровяных шнурочков добрались даже до левого бедра.

Видимо, рана его особенно не волновала. Не беспокоило его и мое присутствие. Ему все было в кайф. Об этом свидетельствовали две вещи: его ухмылка и его эрекция.

– Шагай прямо сюда, дружок! – крикнул он мне.

Направляясь к Уэзли, я обратил внимание на то, что Конни все еще лежала без движения на полу клетки. Без сознания или притворяется? *Чтоб она себе голову пробила*, подумал я. В следующей по ходу клетке, прислонившись к прутьям, стояла Кимберли и провожала меня взглядом. Ее поднятые руки обхватили прутья по обе стороны от головы. Она и не пыталась прикры-

ваться. Может, думала, что я не смогу разглядеть ее. Но я смог. Она была намного ближе к факелу, чем Конни, и воздух вокруг нее, казалось, отсвечивал тусклым и дымчатым светом. Контуры Кимберли были почти четкими, только слегка завуалированными. Словно на нее была накинута тончайшая черная ткань, которая ничего не скрывала, но в то же время обволакивала ее темнотой.

Даже черты ее лица были различимы, не говоря уже о передней части тела, которую я видел полностью—грудную клетку и груди, темные монетки сосков, изящную покатость от пуговки пупка, ложбинки, опускающиеся вниз и внутрь от бедер к гладкому бугорку в паху, и затем ноги, раздвинутые, изящные и мускулистые. Все было видно, но словно за темной вуалью.

И все израненное. Несмотря на мглистый свет, я видел темные пятна на ее прекрасной коже. Различаясь размерами, они оттеняли рисунки из узких полосок и отметин.

От жалости к ней комок подступил к горлу и закололо в глазах. Но в то же время бросило в

жар. Стыдно, но я ничего не мог с собой поделаться.

– Не давайся ему в руки, – обратилась ко мне Кимберли, когда я проходил мимо, глаза на нее. – Если он тебя захватит...

– Эй, там внизу, заткнись! – крикнул Уэзли.

– ... если он тебя захватит—мы все пропали.

– Эй!

– Убей его, Руперт.

– Попробую.

– Еще слово, и наша мамуля вспыхнет ярким пламенем!

Правая рука Кимберли скользнула в сторону между прутьями и поднялась с двумя оттопыренными пальцами.

Не думаю, что она подразумевала знак мира времен хиппи.

Мне кажется, Кимберли имела в виду латинскую букву "V" Уинстона Черчилля.

Да, я уверен, черт побери, что именно так и было. Дочь военного моряка, потомок воинственных сиу, сильная духом и гордая.

"V"—означало победу.

– Не останавливайся! – приказал Уэзли.

Понимаяще кивнув Кимберли, я миновал конец ее клетки. Вверху открытое пространство между клетками перекрывала лестница. Как мне и говорили близняшки.

Сама лестница была длиной футов пятнадцать, пять или шесть футов ее середины приходилось на промежутки между клетками, остальное лежало на крышах клеток. Возле ног Уэзли я увидел канистру и кар тонкую коробку.

Коробку, в которой он хранил свои "бомбочки".

– Ладно, – произнес Уэзли. – Останавливайся там.

Я остановился.

Билли стояла почти прямо под ним и была хорошо освещена факелом. Свет играл и дрожал на ее теле, словно она находилась под водой. Кожа, отливающая медью в скачущих ярко-красных бликах, блестела, словно облитая водой.

Бензин.

Тугие золотистые завитки ее коротких мокрых волос прилипли к голове.

Снова бензин.

И тот же бензин сделал темным бетон под ее босыми ногами. Разлившись вокруг, он образовал мелкую кособокую лужу посередине клетки.

Когда я поднял глаза с лужи на нее, Билли смущенно пожала плечами.

Словно маленькая девочка, написавшая на пол. Смущенная и в то же время смирившаяся, беспомощная.

Почему она стоит в луже?

Приказ Уэзли, надо полагать.

Наверное, он приказал ей стоять смирно, пока сливал на голову бензин, пока тот стекал по ее телу и образовывал на полу лужу. Затем приказал ей не сходить с места.

Только шелохнись, и я превращу тебя в живой факел!

А у меня нет для нее даже ведра воды. И все из-за того, что я слишком долго сидел с Эрин и Алисой, из-за того, что Эрин положила мне на ногу руку.

Из-за бурной ревности Конни.

Лучше бы я сбегал за водой для Билли.

Ее перевернутое туалетное ведро валялось в дальнем углу клетки. Очевидно, использовалось в качестве стула. И, разумеется, было пустым.

Она сгорит!

Я видел только один способ спасти ее: помешать Уэзли поджечь бензин.

— Вы только посмотрите на него, — оживился Уэзли. — Ну чем не туземец?

— Чего ты хочешь?

— Первый вопрос на повестке дня—нейтрализовать тебя, ты так не находишь?

— Я сделаю все, что ты скажешь, — ответил я.

— Превосходно. Бросай оружие.

— Не надо, — твердым и чистым голосом произнесла Билли. — Ты наш единственный шанс.

— Заткнись, дорогуша Билли.

— Он сожжет тебя, — сказал я.

— Ну и пусть.

— Нет, я не допущу этого.

Наклонившись, Уэзли сунул в картонную коробку левую руку и вынул книжку в бумажном переплете. Когда он поднял ее за уголок обложки,

книжка развернулась. Затем он опустил факел и поднес его под страницы.

– Нет! – закричал я.

Книжка вспыхнула.

– Не делай этого.

И я бросил на землю копье и мачете. Уэзли отшвырнул книгу в сторону. Пылая, она полетела в темноту и упала в траву у моих ног.

– Она была уже на волосок от смерти, – объявил он.

– Гребаный ублюдок, – выругался я, затапываю огонь.

– О, какие выражения! Это ты у Конни переменял. Эта девчонка на тебя дурно влияет.

– Чего ты хочешь? – повторил я свой вопрос.

– Дай подумать. Чего я хочу? Я хочу, чтобы ты вошел в свою новую квартиру, вон там. – Взмахнув факелом, он указал на пустую клетку по соседству с Билли. – Зайди и закрой за собой дверь.

Едва я успел сделать шаг в указанном направлении, как Билли воскликнула:

– Нет, Руперт, ты не можешь так поступить.

Если он тебя запрёт...

– Я не могу позволить ему сжечь тебя.

– Очень мудро, дружок.

– Тебе придется снять его с крыши, – сказала

Билли.

– А ну прекрати эти разговоры, сучка! А то я сейчас подсмалю твою п!..

Не обращая внимания на его угрозы и глядя мне прямо в глаза, Билли промолвила:

– Убей Уэзли. По крайней мере, постарайся это сделать. Тебе удастся спасти остальных. Пусть сжигает меня, но убей его.

– Сама напросилась! – взвизгнул Уэзли. Наклонившись, он вновь полез в картонный ящик.

– погоди! – выпалил я. – погоди минутку.

Он посмотрел на меня.

Если ты ее сожжешь, ты не сможешь с ней больше баловаться.

– Скажи, какую он мне новость открыл, – ухмыльнулся Уэзли.

Тебя ведь заводит ее боль, правда? А если она будет мертва, то даже не почувствует, что ты ей делаешь. Никогда больше не вздрогнет, не

вскрикнет, не прольет и капли крови, ничего. И не будет иметь значения, как сильно ты ее стегаешь, или...

– Да кому она нужна? – скривился Уэзли. Но еще произнося эти слова, он вытащил из коробки руку и встал. Книжки в руке не было. – У меня будут остальные. И их станет еще больше, как только они начнут рожать мне детей. – Ухмыляясь, он покачал головой. – Милая старушка Тельма, она всегда хотела детей. Храни нас Бог. Ты можешь себе представить такое? Что, если они будут на нее похожи? Кому они такие нужны? Куда они такие безобразные сгодятся?

– У Билли будут красивые дети, – заметил я. – Да ты взгляни на Конни. Вот оно доказательство того, как будут выглядеть ее дети. И ты хочешь ее сжечь? Чокнутый?

– Тут ты прав, дружок. И знаешь что? Ступай-ка ты в клетку, и, возможно, мы предоставим ей отсрочку казни.

– Ладно.

– погоди, – отозвалась Кимберли. – Что случилось с Тельмой? Где она?

Уэзли грубо рассмеялся.

– Ба! Забыл спросить! Как же там моя Тельма? Надеюсь, ты не обидел мою любимую женушку?

Я повернулся к Кимберли. Она стояла в ближайшем углу клетки лицом ко мне.

– Мне очень жаль, – ответил я. – Она пыталась убить меня, и я... Я почти уверен, что она мертва. Она пошла на дно.

Помолчав несколько секунд, Кимберли тихо произнесла:

– Это хорошо. Я хочу сказать...

– Хорошо? – выпалил Уэзли. – Да лучше и быть не могло, вашу мать! Огромное тебе спасибо, что избавил меня от этой уродливой коровы! Иногда и от нее была польза, но... Да я просто убежден, что без нее всем нам будет гораздо лучше. Господи, какая это была свинья! Низкий тебе поклон. Да здравствует Руперт! Гип-гип-ура! – На слове "ура!" он вскинул факел вверх. – Гип-гип... ура! – И снова факел взмыл ввысь. – Гип-гип... ура! – Уэзли вновь замахал факелом над головой.

Затем, громко смеясь, он исполнил небольшой странный танец на крыше клетки Билли: притопывая ногами по прутьям, размахивая факелом, вертясь и дергаясь, вихляя бедрами и вскидывая тазом. Если бы не страх оступиться, вероятно были бы и прыжки, и вращение волчком.

Я так надеялся, что он поскользнется и упадет. Мне даже пришла в голову мысль схватить копье и метнуть в него, пока он танцует. Но, случись что-нибудь такое, что заставит его уронить факел, Билли сгорит.

От его дикого кругового вращения выступивший на теле обильный пот брызгами разлетался в стороны с волос и кожи.

– Прощай, Тельма! – голосил он. – Приятно было познакомиться! Приятно, как же! Ха-ха-ха!

Билли, наблюдавшая за ним подняв голову, неожиданно заморгала, быстро наклонила голову и стала тереть руками лицо.

Затем пустилась в танец и она.

В тишине она начала покачиваться и поворачиваться в стороны и подергивать плечами, пе-

реминаясь с ноги на ногу.

Заметив это, Уэзли прекратил свой танец, нагнулся и, тяжело дыша, посмотрел вниз на Билли.

– Что это ты надумала?

– Танцую.

– Перестань.

Билли не останавливалась. Оставаясь в центре клетки, словно прикованная угрозами Уэзли, она скакала с ноги на ногу, взмахивала руками, делала наклоны, вертелась, тряслась и прыгала.

– У тебя нет причин для танца, – заметил Уэзли.

– А вот и есть, – крикнула она в ответ.

– Прекрати.

– Это мой танец дождя! – закричала она. – Я вызываю грозу!

И ее танец неожиданно превратился в дикую, безумную пляску. Такого я отродясь не видывал. Билли прыгала и корчилась так, словно в голове у нее отбивали сумасшедший ритм тамтамы.

Вместо того чтобы приказать ей остановиться, Уэзли таращился на нее, очарованный зрели-

щем.

Оно увлекло и меня.

От подобного невозможно отвернуть глаза.
Особенно, если ты мужчина.

О Боже, это было все равно, что наблюдать какой-нибудь ритуал дикарей: то, как она выделяла курбеты при свете факела, нагая, наклоняясь и распрямляясь, вращаясь волчком, похныкивая и постанывая от напряжения, шлепая босыми ногами в луже бензина. Как изгибались ее лоснящиеся бедра, как вздрагивали, покачивались и подскакивали ее глянцевые груди, как блестело, излучая свет, ее словно облитое маслом лицо, как слетал капельками расплавленного золота с ее волос, носа, подбородка, сосков и кончиков пальцев пот. Пот этот ручьями катился по шее, грудной клетке и грудям, по спине и животу, по ягодицам, лобку и ногам, словно потоки золотого ливня.

Настоящий ливень.

Шквал.

Это мой танец дождя! Я вызываю грозу!

Сказано для Уэзли.

Предназначалось для меня.

Присев на корточки, я выхватил из травы копье. Узли все еще стоял на крыше клетки, наклонившись и наблюдая за Билли.

Он даже не взглянул на меня, когда я выпрямился, занес над головой копье и метнул в него.

Последний бой Уэзли

Когда копье ударило его, голова Уэзли все еще была внизу. Оно попало в верхнюю часть левого плеча, прокололо кожу, но не воткнулось, отскочив от кости и вырвавшись из тонкого слоя плоти. Другой конец его взметнулся вверх, словно от плеча отталкивался прыгун с шестом.

Уэзли взревел.

Копье отлетело в темноту за его спиной.

Он поднял лоснящееся, покрытое испариной лицо с выпученными глазами и оскалился.

Билли прекратила танец. Запрокинув назад голову, она стояла в луже бензина прямо под ним, посредине клетки. Ее мокрое тело блестело, словно она только что вышла из бассейна. Дышала она тяжело и с присвистом.

– Ах ты грязный сучонок! – заорал на меня Уэзли. И, просунув факел между прутьями под ногами, отпустил его.

– Нет! – вскрикнул я.

Факел упал.

Через мгновение он коснулся бензина. Бензин вспыхнул с тяжелым "ПУХ!", словно хлопнул наполнившийся ветром грот. Неожиданно яркий

свет резанул по глазам. Когда я зажмурился, меня окатила волна горячего воздуха.

Насчет темных защитных очков Уэзли был прав.

Впечатление было такое, словно посредине клетки из бетонного пола вырвался столб огня.

В клетке я увидел Билли, вернее, ее спину, озаренную ярким пламенем и блестящую.

Вот она бежит, вскакивает на свое перевернутое кверху дном ведро, которое использует как ступеньку для следующего прыжка. Прыжок этот переносит ее высоко вверх в дальний угол клетки, где она цепляется за прутья и, подтянув к груди колени, сворачивается в комок.

Само существование Билли теперь зависит от пота, рожденного ее безумным танцем, пота, который должен был смыть бензин с ее кожи и оросить ее спасительной влагой.

У меня не было уверенности, что это сработает.

В страхе увидеть ее горящей я перевел взгляд на крышу клетки.

Где на Уэзли прыгали языки пламени.

Они уже обхватили огненным кольцом его "бомбардирскую" картонную коробку, лизали бока канистры.

Вскрикнув от страха, Уэзли отшвырнул ее ногой, и канистра полетела в сторону, за дальнюю стенку клетки Билли, выплескивая бензин из горлышка. Там она с громыханием ударилась о пустую клетку, которая должна была стать моей камерой.

Когда я оглянулся на Уэзли, он, выделявая балетные па, скакал по прутьям, убегая от взбешенного по его ногам пламени. В этот момент он потерял равновесие и плюхнулся животом на лестницу. Та подскочила и содрогнулась под ним, поднимая ужасный грохот.

Еще до того как лестница легла на прежнее место, Уэзли вскочил на четвереньки и быстро пополз по ней.

Прочь от сотворенного им самим пожара.

Огня, который уже успел наполовину уменьшиться.

Но Уэзли этого не знал. Потому что не оборачивался. Если бы он увидел, что огонь так резко

пошел на убыль, вероятно, бегство его не было бы столь стремительным.

Билли все еще висела на прутьях в дальнем углу своей клетки.

И волосы ее были целы.

От плеч до ягодиц кожа ее покраснела и лоснилась мокрым блеском, но не обуглилась.

Получилось!

Теперь предстояло убить Уэзли.

Схватив мачете, я бросился за ним.

Когда Уэзли заметил мое приближение, он был уже на полпути между клетками. Взвизгнув, он пополз еще быстрее по шатавшейся и дребезжавшей под ним лестнице.

Я на полной скорости влетел на площадку между клетками. И стал подпрыгивать, изо всех сил вытягивая вверх руку и пытаясь достать мачете Уэзли, который уже почти доползал до другой стороны по нависшей над моей головой лестнице.

Но я не попал ни в Уэзли, ни по лестнице.

Дело в том, что я невысокого роста, и чтобы достать до лестницы, мне не хватало целого

фута.

Но зато я здорово напугал Уэзли. Он пронзительно визжал всякий раз, когда я взмахивал под ним мачете, а когда я отказался от дальнейших попыток, лестница загрохотала так, словно по ней спасался бегством обезумевший слон.

Внезапно шум лестницы стих.

Я повернулся, и в этот момент поднимающийся Уэзли оглянулся на меня через плечо.

А ему лучше бы посмотреть под ноги.

Потому что его правая нога ступила мимо прута и резко провалилась вниз. С возгласом "Йааа!" Уэзли всплеснул руками. Тем временем другая нога согнулась в колене и выскочила из-под него. В следующий момент Уэзли шлепнулся на прутья голым задом.

Теперь он сидел, свесивши правую ногу в клетку Кимберли.

И испуганно хныкал.

Прежде чем он начал подниматься, прыгнула Кимберли.

Боже, что это был за прыжок!

– Есть! – раздался чей-то крик.

Билли.

Она стояла с пылающим факелом Уэзли в поднятой руке у боковой стенки своей клетки. За спиной у нее трепетали низкие языки догорающего пламени.

А под Уэзли раскачивалась Кимберли, вцепившись обеими руками в его правую лодыжку.

Золотистая от света факела, она настолько вытянулась, что груди ее стали почти плоскими—длинные, покатые низкие бугорки, увенчанные набрякшими и торчащими сосками. Все ее тело натянулось и истончилось, словно его растягивали с обеих сторон.

Уэзли попытался стряхнуть ее.

Но ему едва удалось пошевелить ногой. Кимберли лишь качнулась, медленно и плавно.

— Отпусти! — крикнул он.

Кимберли ничего не ответила. Но и ноги не отпустила.

Уэзли достал из ножен на ремне нож. Дотянуться до нее он не сможет. Зато может бросить.

— Берегись! — вскрикнул я и побежал между клеток.

– У него нож! Берегись! – закричала Билли.

Я бросил из-под руки мачете в сторону клетки Билли. Оно ударилось о прутья, но упало достаточно близко, чтобы та могла дотянуться до него. Когда я оказался возле клетки Кимберли, Уэзли вскрикнул от боли.

Потому что Кимберли начала раскачиваться. Повиснув на его лодыжке, она вскидывала ноги вперед и вверх.

Как ребенок на качелях, пытающийся посильнее раскачаться.

– Остановись! – взвыл Уэзли. – Остановись, твою мать!

Подпрыгнув, я поднял повыше руки, схватился за прутья, и, прижимая их коленями, начал карабкаться на верх клетки Кимберли. Медленно и неуклюже, но я все же продвигался.

Я подтягивался и перебирал ногами, а в ушах звенел голос Уэзли:

– Моя нога! Отпусти! Блин! Ты же ее оторвешь! Мать твою! Отпусти! Ааааа!

Кимберли больше не вела себя, как ребенок на качелях. Мерных и грациозных раскачивании

больше не было. В нее словно вселились бесы: она взбрыкивала и выламывалась, резко вскидывая ноги к прутьям потолка.

Из левого бедра ее торчал нож.

Я не видел, когда он попал в нее. Наверное, Уэзли метнул его между прутьями, пока я смотрел в другую сторону.

Неудивительно, что она взбеленилась.

Кимберли раскачивалась, как взбесившийся Тарзан, как безумная нагая Джейн, пытающаяся долететь на своей лиане до Луны.

Сквозь крики и вопли Уэзли я услышал звук рвущихся хрящей.

Это бедренная кость Уэзли выскочила из сустава.

От его крика у меня поползли мурашки по телу.

– Не убивай его! – донесся чей-то крик. Откуда-то издалека. Голос девочки. Эрин.

– Не убивай Уэзли! – кричала она. – Он должен сказать, где ключи.

В этот момент моя левая рука ухватилась за поперечный брус на крыше клетки. Подняв вверх

правую руку, я сделал захват и подтянулся.

Когда я переваливался через край, Уэзли не сводил с меня глаз. И вот я наконец взгромоздился на крышу клетки Кимберли. Я стоял на четвереньках на прутьях крыши, а Уэзли сидел на некотором расстоянии вправо у самого конца лестницы. . .

Хотя одна его нога лежала поверх прутьев, он корчился и мерно покачивался из стороны в сторону—подобно одной из тех надувных игрушек для битья, которые раскачиваются туда-сюда от удара, но непременно возвращаются в вертикальное положение.

— Помоги! — взревел он. По его перекосившемуся от боли лицу метались блики света от факела и тени, ручьями катились пот и слезы. — Пожалуйста! — молил он. — Вели ей остановиться! Пожалуйста!

Но, моля о пощаде, он тем не менее уже занес над головой свой второй нож, держа его за лезвие большим и указательными пальцами.

— Положи нож! — крикнул я.

Похоже, он никак не мог решить, бросать ли

его в меня или в Кимберли.

Взглянув вниз, я увидел, что она взбирается ко мне по его ноге. Мне показалось, что она смотрела прямо на меня. В следующее мгновение она уже растянулась подо мной, слово подставляла свое тело для любовных ласк. На какое-то мгновение она зависла в таком положении, под самыми прутьями, вся в тени и вся как на ладони.

Пронзительно вскрикнув, Уэзли резко одернул руку с ножом к уху.

Выбор был сделан.

Кимберли.

Его мучительница, и такая легкая цель всего в нескольких дюймах под прутьями, неподвижно застывшая на мгновение перед началом своего движения вниз.

Я закричал и прыгнул.

Бросился—не столько на Уэзли, сколько между ним и Кимберли.

И слышал глухой стук.

И стон.

Я упал плашмя на жесткие прутья, и боль-

но ударился. Прутья зазвенели. Какое-то время я еще скользил по ним.

Лицо Кимберли было под моим лицом.

Глаза прикрыты до узких щелочек, открытый рот и обнаженные зубы.

Ее огромное прекрасное лицо перекосилось от боли.

Затем оно начало стремительно уменьшаться.

Вначале я не понял почему.

Но по мере того как лицо становилось все меньше, стали появляться другие части тела Кимберли.

Шея и плечи. Поднятые кверху руки, словно у сдающегося в плен. Грудная клетка. Рукоятка ножа, торчащая между грудей. Живот, пах, бедра. Рукоятка ножа, торчащая из левого бедра. Длинные раздвинутые ноги.

Все уменьшалось.

Затем уменьшение прекратилось. Кимберли встряхнуло, словно на нее неожиданно налетел ураган. Он накатил на всю переднюю часть ее тела—разгладил лицо, расплющил груди, на

мгновение изломал ее всю—затем улетел прочь.

Я не сразу услышал крики.

Кричала Билли.

Кричал и я сам.

Каким-то образом я не услышал, как тело Кимберли шлепнулось на бетон. Должно быть, звук утонул в наших криках ужаса и отчаяния.

Не помню, сколько я лежал, распластавшись на брусках и глаза на нее.

Я не мог поверить, что это произошло.

Мне хотелось, чтобы это был сон.

Или пробный дубль. Я хотел получить еще один шанс, чтобы попытаться сделать все по-другому.

Чтобы спасти ее.

— Сучка собиралась оторвать мне ногу, — раздался голос Уэзли. — Не мог же я позволить ей оторвать себе ногу?

Я поднял голову.

— Эй! — воскликнул он. — Эй, послушай. Да успокойся ты. Это был несчастный случай, о'кей? От несчастных случаев никто не застрахован.

В стране боли

Когда взошло солнце, Кимберли все еще лежала на полу своей клетки. Вокруг нее растеклась лужа крови, почти такая же, какой была лужа бензина на полу клетки Билли, но темнее.

Билли и Конни стояли в передних углах своих клеток лицом ко мне.

Я стоял лицом к Уэзли.

Алиса и Эрин наблюдали за всем из своих дальних клеток.

Четыре зрителя, четыре свидетеля.

Один палач.

И один гребаный сукин сын, которого ждет мучительная смерть.

* * *

Еще ночью я спустил Уэзли вниз. Вместе с Билли мы привязали его за горло ремнем к одному из прутьев ее клетки. Никто из нас не разговаривал с ним. Он плакал, молил, извинялся и нес прочую чушь. Но мы даже не слушали.

Когда мы спросили его о ключах от клеток, он ответил:

– Не скажу. Если расскажу, вы меня убьете. А эти клеточки дай Боже. Никто из них не выберется, никогда. Только если есть ключи.

Билли осталась охранять его с мачете, а я отошел.

По пути я коротко переговорил с Конни, которая уже пришла в себя, но, видимо, потеряла ориентацию во времени и пространстве. Все это время она лежала без сознания и поэтому не имела понятия о том, что Кимберли убита. Когда я сообщил ей об этом, она вся вдруг съежилась и, опустившись на пол в углу клетки, закрыла лицо руками.

Затем я подошел к Алисе и Эрин и объяснил им, что случилось, а после этого вернулся в особняк.

В поисках ключей я обыскал весь дом. По ходу дела я наткнулся на несколько кусков веревки, те, которые, по-видимому, принадлежали прежде нам и были подобраны на поле нашей великой битвы у пропасти.

Еще я обнаружил армейский складной нож Кимберли.

Я тут же перепрятал его. Мне не хотелось использовать его на Уэзли, осквернять нож его кровью. Он нужен мне был как сувенир, в память о Кимберли, как источник будущих приятных воспоминаний.

На первом этаже я собрал немного еды для своих женщин и набрал для них воды.

Затем я вернулся к клеткам и, распределив провизию, занялся Уэзли. Тот не доставил Билли никаких хлопот. Она отдала ремень мне, и я поволок его за шею. Уэзли попытался ползти, но это было нелегко из-за вывихнутой ноги. Он сильно кричал и давился от кашля.

С большим трудом мне наконец удалось поднять его на ноги и привязать к двери клетки Кимберли. Стоять он мог только на одной ноге, потому что другая не функционировала. Чтобы удержать его в вертикальном положении, я перекинул две веревки через верхнюю поперечную планку двери и привязал его под мышки. Затем развел его руки в стороны и прикрутил их веревками к вертикальным прутьям. Скинув с его шеи ремень, я снял с ремня пустые ножны и с его помощью

притянул здоровую ногу Уэзли к прутьям.

К этому времени факел в руках Билли догорел.

Мне нужен был свет для работы.

Поэтому я отступил на несколько шагов от Уэзли и прилег на землю. Билли пару раз окликнула меня. Но я не отозвался. Не хотелось к ней идти. Она повиснет у меня на шее, мы будем плакать. Это будет так успокаивающе приятно. Вероятно, закончится тем, что у меня возникнет эрекция.

Ничего этого я не хотел.

Не нужно мне было никакой нежности, секса или любви.

Это помешает мне сделать то, что я должен был сделать.

Поэтому я лежал на спине, почти в таком же положении, что и Кимберли. Лежал и представлял, как это могло выглядеть с высоты: Кимберли и я, как расправленные крылья. Крылья аэроплана. Крылья ангела. Крылья орла.

И Уэзли между нами, как тело между нашими крыльями. И во что это нас превращает? Во что

это превращает его?

Я начинаю молоть вздор.

Нет, хватит.

Так я и пролежал на спине, не смыкая глаз, до самого рассвета. Затем поднялся и пошел к Уэзли.

Билли, Конни, Алиса и Эрин уже были на ногах и внимательно следили за мной. Словно встали ни свет ни заря, чтобы не проспать и не пропустить такое зрелище.

Уэзли тоже наблюдал за моим приближением.

Я еще и не начинал, а на него уже жалко было смотреть. Помимо вывихнутой, распухшей ноги, у него было три раны от копья—старые: на груди и ягодице, плюс та, на плече, которую я нанес ему ночью. Еще он сильно пострадал от падения с лестницы.

Судя по выражению его лица, Уэзли, видимо, понял, что худшее для него еще впереди.

Затем он увидел, как я достаю из носка бритву.

Когда я выкинул лезвие, Уэзли разрыдался.

– Эй, послушай, – сквозь всхлипы произнес он. – Не надо. Не делай мне больно.

– Говори, где ключи, Уэзли, – крикнула ему из своего угла Билли.

Не сводя испуганных глаз с бритвы, Уэзли облизал растрескавшиеся губы.

– Я скажу. Ладно? Спрячь это. Спрячь и я скажу.

Подвинувшись к нему вплотную, я опустил левую руку и схватил его за яйца. У него глаза на лоб полезли.

– Ну и где же твой каменный член, половой гигант?

– Пожалуйста, – захныкал Уэзли.

– Отрежь ему хрен! – взвизгнула Конни. – Пусть он сожрет его!

– Тебе повезло, что она заперта, – заметил я.

Уэзли энергично закивал головой. С его лица капали пот и слезы.

– Не... делай этого, – взмолился он. – Пожалуйста. Умоляю тебя. Я скажу, где ключи. Пожалуйста.

– Ладно. – И я отпустил его мужское досто-

ИНСТВО.

– Спасибо, – зашмыгал носом он. – Спасибо.

– Пожалуйста, – ответил я и отрезал кусок внутренней части его левой руки от запястья к локтю. И сунул ему в открытый от крика рот.

– Скушай это, – сказал я. – Тебе надо подкрепиться. Этого хватит на какое-то время.

Но он не стал есть. Задыхаясь и захлебываясь, он все же сумел выплюнуть его.

– Ключи! – заверещал он.

Справа поодаль рвало Конни. Согнувшись в три погибели, она вжала лицо между прутьев, чтобы как можно больше блевотины выплеснулось за клетку.

Я посмотрел на Билли. Она стояла с поднятыми руками, вцепившись в прутья. И я увидел метки на ее теле, оставленные Уэзли или Тельмой, или обоими, и свирепый огонь в ее глазах.

– Это не только за Кимберли, – сказал я ей.

– Я знаю, милый. Я повернулся лицом к Уэзли.

– Так ты скажешь, где ключи? – спросил я.

– В спальне, – выпалил он. – Наверху.

– Где в спальне?

– Под матрацем.

– Лжешь. – И я полоснул его по левому глазу.

Лезвие прорезало прикрытое веко, рассекло глазное яблоко и чиркнуло по переносице.

Крики его не затихали очень долго.

Отступив назад, я ждал. Для большей части моей аудитории это было уже слишком. Без лишних жалоб они просто повернулись и разошлись по дальним углам своих клеток. Только Билли осталась смотреть.

Когда наши глаза встретились, она кивнула головой.

– Я же сказал тебе, где ключи! – завопил Уэз-ли, когда к нему, наконец, вернулся дар речи.

– Этого недостаточно.

– Чего ты хочешь? Я все сделаю!

– Извинись перед Билли.

– Извини! – закричал он. – Извини, Билли!

Прости меня!

Я отрезал ему ухо. Когда Уэзли снова мог говорить, он прохныкал:

– Я же сделал, что ты хотел!

– Этого недостаточно.

– *Что?*

– Ты не извинился перед Конни.

– Но... но...

Я вставил бритву в рваную рану на его левой груди, нанесенную давным-давно копьем Кимберли и разошедшуюся прошлой ночью, и медленно провел по ней, глубоко погружая лезвие.

Когда Уэзли снова смог говорить, он закричал:

– Прости, Конни! Прости, Алиса! Прости, Эрин! Годится, да?

– Ты забыл кое-кого, – заметил я, отрезая ему правый сосок.

После этого пришлось подождать. Затем слышалось:

– Кого? Кого?

– Постарайся вспомнить.

И я вновь заставил его кричать. Опять пришлось ждать. Затем он закричал:

– Прости, Эндрю! Прости, Кит! Прости, Дороти! Прости, Джеймс!

– Закончил?

– Нет? – удивился он.

– Тогда кого? – спросил я.

– Не знаю! Тебя? Прости, Руперт!

Я снова сделал ему больно. Пришлось подождать. Затем донеслось:

– Кого? Скажи, пожалуйста! Кого?

– Извинись перед своей женой. Разве ты не считаешь, что Тельма заслуживает твоих извинений?

– Да! Прости, Тельма! – выкрикнул он.

Отрезав приличный кусок от передней части его левого бедра, я отхлестал его по щекам этим огрызком. Пришлось подождать. Затем раздавалось:

– *Что? Что? Кто?*

– Ты забыл о Кимберли.

– Кимберли? Нет, я... Да! Прости, Кимберли! Прости, Кимберли! Простите *все! Все!*

– Очень хорошо.

Узлы обвис на прутьях двери клетки, весь в крови. Неистово рыдая, он промямлил:

– Спасибо. Спасибо.

Наивный. Он думал, что я закончил.

– Еще одно, – вспомнил я.

Он задрожал.

– *Да! Да! Все что угодно! Пожалуйста! Все что скажешь! Все!*

– Оживи Кимберли.

– Что? Нет! Я не могу! Я бы сделал это, но не могу! Пожалуйста! Я не могу этого! Она мертва! Я не могу ее воскресить.

– Как я об этом не подумал, – сказал я ему. И вот тогда я и сделал то, что предложила еще в самом начале Конни. Забив ему рот, я зажал его ладонью и держал так, пока Уэзли не умер.

Затем подошел к клетке Билли.

Она отдала мне мачете, не дожидаясь моей просьбы.

Я вернулся к Уэзли.

– Это тоже за Кимберли, – произнес я.

И одним ударом снес ему голову. Она с глухим стуком упала на землю и покатилась. Остановилась лицом вверх—изо рта, как любознательный турист, выглядывала головка пениса Уэзли.

Затем я отрубил ему руки и ноги.

Отыскав в одном из сараев на заднем дворе

особняка тачку, я прикатил ее к клеткам, взвалил на нее куски Уэзли, вывез его в джунгли и вывалил в какие-то кусты.

Достаточно далеко, чтобы до нас не доносилась вонь его разлагающегося тела.

Повелитель острова

Почти три недели прошло с того утра.

Мои женщины все еще в клетках.

В том числе и Кимберли. Избавившись от тела Уэзли, я сделал то, что было необходимо. Сначала попытался взломать замок. Но это не удалось. Значит, ей придется остаться там.

В том сарае, где я нашел тачку, были мешки с цементом.

Раствор я размешивал прямо в тачке. Затем носил его ведром по лестнице на крышу клетки и сбрасывал вниз сквозь прутья. Густая серая масса падала на Кимберли, бомбила ее, забрызгивала тело и растекалась по нему, стекала вниз, как лава: языки ее сползали по бокам на бетонный пол.

Не хочу говорить о том, что я при этом чувствовал. Или о том, какие части тела Кимберли я залил первыми. Или какие последними.

Понадобилось немало ходок вверх по лестнице с ведром из-под краски, чтобы Кимберли исчезла навсегда.

Два ножа Уэзли, один в бедре, другой—в груди, торчали из серого монолита подобно миниа-

тюрным Эскалибурам. Но герой, способный выдернуть их силой или волшебством, так и не появился.

Я подождал, пока бетон схватится, затем сделал новый замес в тачке, поднял раствор наверх и вылил его. Ножи вытащить я не мог, зато мог похоронить их.

Когда я, наконец, закончил, могила Кимберли приняла вид продолговатого низкого бетонного холмика на полу клетки.

Билли наблюдала за всем этим из своей клетки. Время от времени она давала мне дельные советы. Говорила она тихо и грустно. Хорошо, что она была рядом. Для Конни, Алисы и Эрин я, по-видимому, превратился в прокаженного. Но меня это мало волновало. Потому что в душе у меня была пустота.

Над могилой Кимберли не было произнесено никаких речей.

Может быть, каждый сделал это про себя. По крайней мере, те из нас, кто любил ее.

Среди которых, по всей вероятности, никого, кроме меня и Билли, не было, если уж на то

пошло.

Я хотел было спеть для нее "Парень по имени Дэнни". Но не смог. Может быть, когда-нибудь позже.

Почистив инструменты, я вернулся в особняк и долго стоял под горячим душем. После этого я остался в доме. Сначала отыскал нож Кимберли. С ножом в руке пошел искать хорошую спальню. Выбор пал на спальню Эрин на втором этаже. Там я сразу же плюхнулся на кровать.

Водя по щеке гладкой пластиковой рукояткой, я вспоминал Кимберли, и сам не заметил, как расплакался. Так безудержно я никогда еще не ревел. И, в конце концов, уснул.

Приснилась мне бегущая по берегу Кимберли. Это был наш пляж у бухты. Она бежала навстречу мне и улыбалась. На ней было белое бикини и цветастая гавайская рубашка. По обыкновению рубашка была незастегнута и развевалась по ветру. Так же, как ее длинные черные волосы. Загорелая и холеная, она была просто великолепной. Даже глазам не верилось. Должно быть, произошла какая-то ошибка с ее смертью. Может быть,

мне это только приснилось, что ее убили.

Она кинулась ко мне в объятия, нежно обняла и поцеловала в губы.

После поцелуя я пробормотал:

– А я думал, что ты мертва.

– Ты слишком много думаешь, Руперт.

– А ты разве нет?

Ее улыбка. Ее сказочная улыбка.

– Конечно, нет. Разве я выгляжу мертвой? Ты держишь в руках мертвую женщину?

Да, она права. На вид и на ощупь она была удивительно живой и восхитительной. Мотая головой, я расплакался во сне. Она стала осушать мои слезы поцелуями.

– Ты меня любишь? – шепотом спросила она.

– Да.

– Ты хотел бы на мне жениться, Руперт?

– Да! – не задумываясь выпалил я. – Да! –

Но неожиданно я понял, что не смогу жениться на ней, как бы мне этого ни хотелось.

От нее не ускользнула перемена во мне.

– В чем дело? – всполошилась она.

– Я не могу. Я люблю Билли. Я люблю вас

обеих.

Лицо Кимберли засияло в улыбке.

– Тогда женись на нас обеих, – предложила она. – А почему нет? Ты повелитель острова и можешь делать все, что тебе заблагорассудится.

– Тогда хорошо. Так мы и сделаем.

– А тебе не кажется, что не мешало бы спросить сначала Билли?

– Ах да! Хорошая мысль.

– Я скоро вернусь, – сказала Кимберли. Поцеловав меня, она развернулась и побежала прочь по пляжу.

– погоди! – закричал я вдогонку. – Не убегай! Вернись!

Должно быть, я кричал во сне. Думаю, что и проснулся я от звука собственного голоса.

В комнате было темно.

Выбравшись на ощупь из дома, я вышел во двор и пошел по лужайке. Мне было грустно от того, что сон солгал мне, и Кимберли уже не было в живых, но я не чувствовал себя таким несчастным, как прежде. Куда бы ни отправилась ее душа, ее дом—во мне, внутри меня.

Она всегда будет жить в моем сердце.

Вместе с Билли.

Хотя я подошел тихо и незаметно в полной темноте, Билли первой прикоснулась ко мне, когда я пытался отыскать прутья ее клетки. Она взяла меня за руки и притянула к себе. Мы обнялись. Жесткие прутья впивались в нас, но не могли помешать нам, потому что мы заполнили промежутки между ними своими теплыми голыми телами.

Словно Билли все это время ждала меня, испытывала во мне потребность.

Мы ничего не говорили. Только страстно обнимались и целовались. Это началось как дружеский порыв двух чудом уцелевших жертв, нашедших друг друга после длительных и одиноких скитаний. Здесь были и радость, и облегчение, и ужасная печаль о всех потерях.

Затем все переменялось, трансформировавшись в любовную страсть. С бешено колотящимися сердцами мы исследовали друг друга руками и губами. Лаская, тиская, глядя и глубоко проникая друг в друга пальцами и языком. Мы

лизали друг друга, сосали и пробовали на вкус. Учащенно дыша, со стонами и вздохами. Шепталишь "да", "о, там" и "Боже".

Даже и пытаться не буду описывать все, что мы делали.

Мы были вместе долгие часы. Иногда мы просто сидели в обнимку и тихонько беседовали. Затем все повторялось.

В конце концов, Билли удалось изогнуться так, что мы смогли заняться любовью между прутьями. Это было чертовски сложно и потребовало с ее стороны невероятных усилий. И она не могла долго оставаться в такой позе.

Я чуть не свихнулся, когда вошел в нее тогда. Ничего подобного я никогда не испытывал. Она была такая мягкая, теплая, облегающая и скользкая. И какое-то время я чувствовал, что мы стали с ней одним целым.

С тех пор мы делали это много раз. Я научился помогать ей, поддерживая ее руками. Теперь ей не приходилось так напрягаться, чтобы удерживать позу.

Это было просто удивительно.

Бетонная могила Кимберли наводит нас на печальные мысли, но также напоминает о том, что жизнь—это дар Божий, и нужно наслаждаться каждым отведенным нам мгновением.

* * *

Хотя после смерти Уэзли, Тельмы и Кимберли мои женщины сидят в клетках уже три недели, все четыре чувствуют себя прекрасно. Я снабдил их одеждой, одеялами и подушками, у них в изобилии еда и питье. Я регулярно их мою, сливая на них воду с крыши. У них есть мыло, полотенца, питьевые чашки, зубные щетки. Они развесили одеяла, образовав что-то вроде кабинок, где можно уединиться.

Поскольку туалетные ведра выносить теперь нет возможности, мы придумали для них полиэтиленовые вкладыши. Использованные пакеты мне передают через зазоры между прутьями, а я их потом выбрасываю.

Я даю своим женщинам все, что они просят: расчески, щетки, зеркальца, гигиенические

салфетки, книги, журналы—даже портативный радиоприемник и электронные игрушки, которые работают на батарейках. Я научился довольно сносно готовить. В особняке съестных запасов столько, что мы сможем протянуть на них несколько месяцев, так что голод нам не грозит. Я даже не собираюсь вводить никаких ограничений в еде.

Мои женщины почти ничего не хотят, кроме свободы.

После многочисленных попыток, предпринятых в первые же дни, стало очевидно, что их клетки неприступны. Я не смог ни подобрать ключи, ни сорвать двери с петель. У меня нет ни пилки, ни напильника, которыми можно было бы перепилить такие прутья. Билли попробовала было продолбить киркой пол—но наткнулась на замурованные в бетоне железные прутья.

Больше никто не обращается со мной, как с прокаженным. Конни и близняшки быстро оправились от шока, полученного в день, когда я казнил Уэзли. Должно быть, решили, что не такой уж я страшный, если так добр к ним. К тому же

они прекрасно понимают, что Уэзли все это заслужил.

Близняшки просто чудо. Они часто ссорятся между собой, но мы с ними стали большими друзьями. Эрин, похоже, безумно влюблена в меня, что кажется Алисе смешным. Они быстро поправляются (как, впрочем, Билли и Конни). Обе невероятно красивые и продолжают расхаживать в своих клетках почти или совсем голышом.

На что я не могу не обращать внимания. Но я с ними не балуюсь. Они еще слишком молоды для такого. К тому же я так люблю Билли, что, кажется, ни Алиса, ни Эрин не смогли бы меня особенно возбудить.

Что касается Конни, то она ходила мрачная и дулась примерно с неделю. Видимо, сознает свою, по крайней мере, частичную вину за смерть Кимберли. К тому же она довольно скоро узнала, что мы с ее матерью любовники. Как же она честила нас тогда своим острым, как бритва, язычком.

Но, похоже, все это уже позади. Мне кажется, она поняла, как глупо ревновать того, кого,

если разобраться, никогда и не любила. Я был ее парнем по расчету, случайно вошедшим в ее жизнь благодаря алфавиту. Я не завидный жених и никогда им не был. Так что, думаю, она без сожаления уступила меня своей матери.

По крайней мере, так я себе это представляю. Потому что на самом деле этот вопрос мы с нею не обсуждали.

Трудно понять ее истинные чувства. Но в последние дни она стала менее вредной, чем обычно. Со временем мы даже можем стать друзьями. Кто знает?

Я мог бы еще многое написать о Конни, Алисе и Эрин. И особенно о нас с Билли. Мог бы в красочных деталях описать все то, что мы делали, что говорили, как выглядели. Но настоящая история все же закончилась со смертью Уэзли.

К тому же я и так провел слишком много времени вдали от своих женщин, уединяясь на несколько часов ежедневно в комнате Эрин.

Теперь, когда отставание в записях наверстано, я смогу проводить больше времени в их обществе.

Ведь когда-нибудь мне удастся их освободить.

Ключи от клеток обязательно найдутся.

Может быть, они даже там, под матрацем, как сказал Уэзли.

А пока—привет!

PDF Generation

Generated on *26 марта 2010 г.* by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>